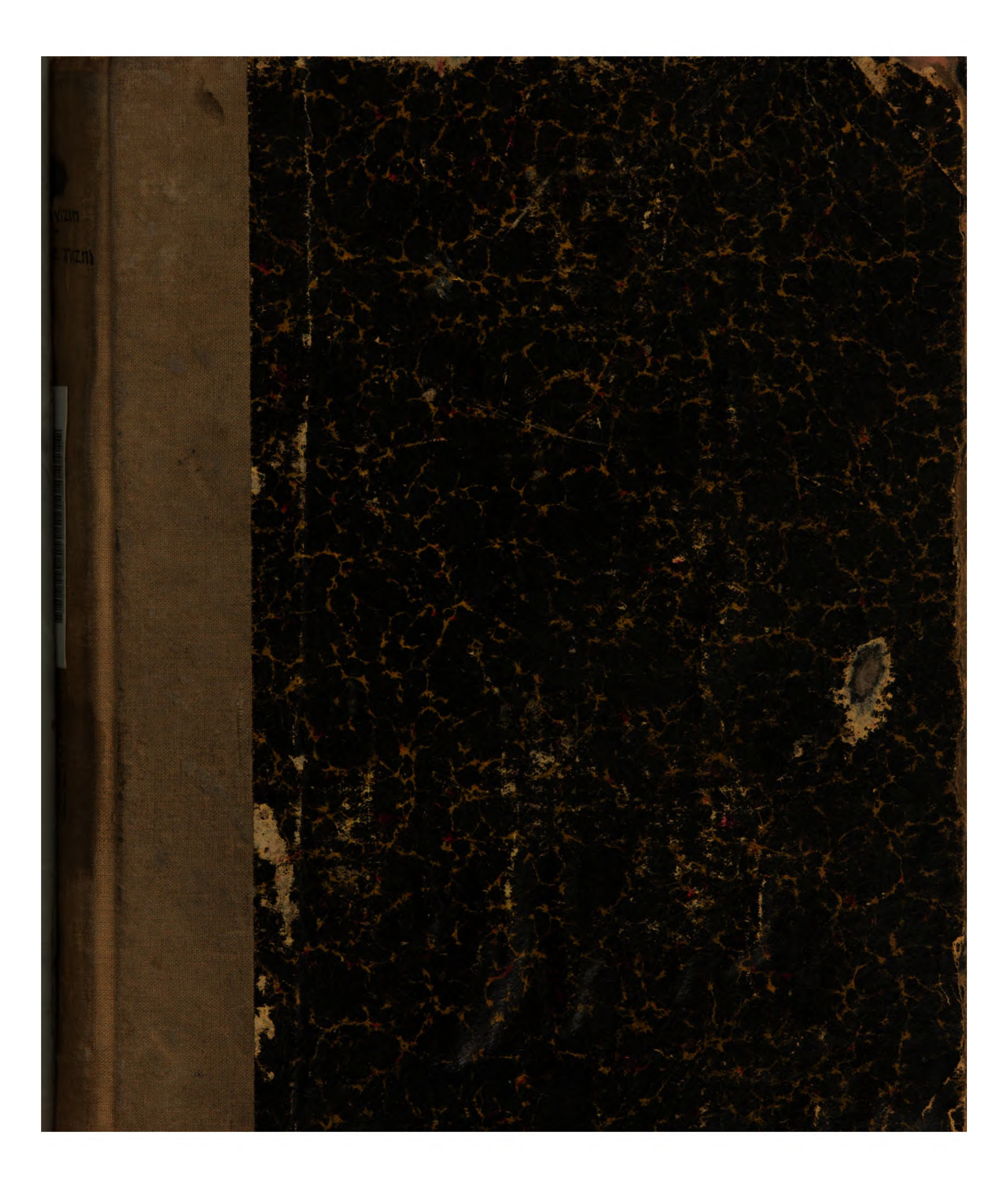

SEAL OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

С. ФОНВИЗИНЪ.

ДВѢ ЖИЗНИ

(Молодость Муханова).

РОМАНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Типо-литографія «Энергія». Спб., Загородный, 17.

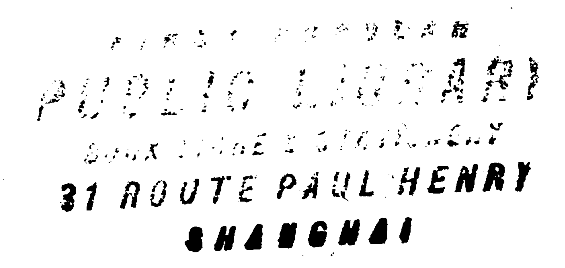
ОТЪ АВТОРА.

„Двѣ жизни“ написаны давно.

Въ редакціи либеральнаго журнала мнѣ сказали: „Второй частью романа воспользовались бы съ удовольствіемъ, но первая—идеализація должности земскаго начальника—помилуйте!..“ Въ редакціи консервативнаго журнала я услышалъ обратное: „Первая часть—недурно, но вторая—критическое отношеніе къ военному сословію—несвоевременно“. Между тѣмъ, я описывалъ среду и дѣятельность, хорошо мнѣ знакомыя по личнымъ переживаніямъ и опыту и, заботясь исключительно о правдѣ, былъ такъ же далекъ отъ мысли идеализировать, какъ и отъ желанія критиковать.

И еще долженъ сказать: въ настоящее время, послѣ илюминацій и фейерверковъ освободительнаго движенія, такое культурное гнѣздо, какъ Нагорное Галицкаго, является своего рода анахронизмомъ; равнымъ образомъ, полагаю, немного уже осталось земскихъ начальниковъ „перваго призыва“, смотрѣвшихъ, подобно Погорѣлову, на свою дѣятельность, какъ на служеніе народу не за страхъ, а за совѣсть; наконецъ, не мало измѣнились и нравы привилегированной военной молодежи. Такимъ образомъ, къ заглавію „Двѣ жизни“ слѣдовало бы прибавить: „Изъ прошлаго“.

С. Ф

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По тому, какъ человѣкъ просыпается утромъ, можно судить объ основной чертѣ его характера. Оптимистъ просыпается съ улыбкою, пессимистъ—съ гримасою. Первый, открывая глаза, готовъ воскрикнуть: „жизнь прекрасна!“ второй—„жизнь отвратительна!“ Конечно, жизнь тутъ не при чемъ. Одинъ обладаетъ хорошимъ самочувствіемъ, другой—сквернымъ. Въ этомъ все дѣло.

Галицкій проснулся въ 6 часовъ. Онъ открылъ глаза, заложилъ руки за голову и сладко потянулся. Потомъ, приподнявшись на локтѣ, взглянулъ на бронзовые часики, стоявшіе на ночномъ столѣ. Словно въ отвѣтъ на его взглядъ, часики быстро и мягко пробили 6 разъ. Галицкій улыбнулся и, легкимъ движеніемъ приподнявъ крупное тѣло, свѣсилъ съ постели ноги. Онъ улыбнулся, думая о томъ, что, въ которомъ бы часу ни легъ, какъ бы поздно ни заснулъ, онъ обязательно и безъ всякихъ будильниковъ просыпался въ обычный часъ; улыбался тому, что чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ; улыбался хорошему, пригожему дню, ясному небу, солнцу и свѣту, свободно вливавшемуся черезъ ничѣмъ не завѣшанныя окна его рабочаго кабинета, гдѣ съ ранней весны и до поздней осени онъ спалъ отдѣльно отъ жены, не желая ее безпокоить раннимъ вставаньемъ. Теперь, сидя на постели, онъ соображалъ,

какъ и всегда, прежде чѣмъ начать одѣваться,—что ему сегодня предстояло дѣлать. Прежде всего — посмотрѣть на работу вчера исправленной молотилки. „Молодецъ Ермилъ! сказалъ, что исправитъ и исправилъ... А Федоръ Карпычъ хотѣлъ уже посылать въ городъ за мастеромъ". Потомъ надо будетъ провѣрить книги, присланныя въ народную читальню; потомъ побывать въ училищѣ и сговориться насчетъ завтрашняго чтенія; зайти на стройку и посидѣть тамъ, да посидѣть подольше: даже странно, насколько работа идетъ скорѣе и успѣшнѣе, когда сидишь и смотришь... Да, не забыть заглянуть въ молочную, убѣдиться—исполнено ли приказаніе, чтобы днемъ всѣ окна были открыты. Онъ уже два раза замѣтилъ Евгеніи Николаевнѣ, что воздухъ въ молочной тяжелъ и нельзя такъ закупориваться; но она упряма и увѣряетъ, что слишкомъ много налетаетъ мухъ. „Ставьте тогда кисейныя рамы. Гдѣ онѣ?" А она даже не знаетъ, гдѣ онѣ. Вообще, порядокъ у нея хромаетъ. Придется какъ-нибудь выбрать свободный денекъ и произвести подробную ревизію всей фермы... Ну, что еще? Съѣздить въ лѣсъ и осмотрѣть участокъ, который будетъ сводиться на нужды экономіи. Но это ужъ подъ вечеръ, чтобы не отрывать Федора Карпыча отъ дѣла—благо участокъ недалеко. Вотъ и все, кажется. Немного, сейчасъ видно, что рабочая пора на исходѣ. Но какая чудная осень, давно такой не было. Конецъ сентября, а дни стоятъ совсѣмъ лѣтніе. Славно... А какъ будто что-то еще надо было сегодня сдѣлать и что-то несовсѣмъ пріятное... Нѣтъ, забылъ... Ну, да все равно, потомъ вспомню.

Вытянувъ ноги, онъ сразу, привычнымъ движеньемъ, попалъ въ туфли, прошелъ въ уборную, гдѣ принялъ

душъ и сталъ одѣваться. Надѣвъ черные суконные шаровары и высокіе сапоги, онъ взглянулъ на градусникъ. „12. Можно теперь же надѣть полотняную рубашку“. Вложивъ въ кармашекъ широкаго кожанаго пояса часы и прицѣпивъ къ его кольцу связку ключей, онъ прошелъ назадъ въ кабинетъ.

— Входи! - крикнулъ онъ въ отвѣтъ на стукъ въ противоположную дверь.

Въ комнату вошелъ, одѣтый деньщикомъ, камердинеръ Федосюкъ, здоровенный малый, почти одного роста съ Галицкимъ, съ типичною бритою физіономіей хохла. Онъ поставилъ на столъ серебряный подносъ со стаканомъ чая и двумя яйцами и, отойдя въ сторону, вытянулся, оскаливъ весело зубы.

— Здорово, Федосюкъ!—сказалъ Галицкій, садясь за столъ. Какова погода, а?

— Здравія желаю в-му с-ву!—отвѣтилъ, еще шире улыбаясь Федосюкъ.—А погодка, одно слово, знатная.

Онъ, какъ истый хохолъ, говорилъ на о и г не выговаривалъ. Когда Галицкій выходилъ изъ полка, Федосюкъ, состоявшій при немъ въ деньщикахъ и которому тогда кончался срокъ службы, заявилъ, что ему дома, на родинѣ, дѣлать нечего, такъ какъ у него тамъ нѣтъ ни кола, ни двора и просилъ Галицкаго оставить его при себѣ. Галицкій отправилъ его въ Нагорное, въ качествѣ помощника управляющаго. Потомъ, когда Галицкій, возвратившись изъ-за границы, окончательно поселился въ деревнѣ, Федосюкъ вернулся къ прежнимъ обязанностямъ камердинера.

— Тебѣ что?—спросилъ Галицкій, принимаясь за яйца и замѣтивъ, что Федосюкъ продолжаетъ стоять въ выжидательной позѣ.

— Осмѣлюсь доложить, господинъ ротмистръ приказали узнать, въ которомъ часу в-е с-о поѣдутъ въ лѣсъ. Если рано, приказали себя будить.

„А, вотъ оно то непріятное, о чемъ онъ забылъ. Господинъ ротмистръ Брянскій, братъ его жены, желаетъ ѣхать съ нимъ въ лѣсъ... надѣясь, вѣроятно, что лѣсной воздухъ сдѣлаетъ его краснорѣчивѣе и ему удастся убѣдить его, Галицкаго, совершить величайшую глупость, даже не глупость, а... и названія-то этому не подберешь... Какой-то невмѣняемый младенецъ, право“.

Кивнувъ Федосюку, чтобы тотъ принялъ тарелку, онъ придвинулъ стаканъ и сталъ разсѣянно мѣшать въ немъ ложечкой.

„Но все-таки непріятно... Живетъ вторую недѣлю, скучаетъ, видимо, до одури, а Лиду только путаетъ... Изнервничалась вконецъ, стала донельзя раздражительна... Ну, да Богъ съ нимъ! Когда-нибудь уѣдетъ же“.

— Можешь не будить,—сказалъ онъ.—Если поѣду, то подъ вечеръ.

Онъ допилъ чай, надѣлъ военную фуражку, которую, по старой привычкѣ, всегда носилъ въ деревнѣ, спустился въ садъ, обошелъ кругомъ дома и вышелъ на обширный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ хозяйственными постройками. У задняго крыльца на скамейкѣ сидѣлъ высокій, худой мужикъ, съ блѣднымъ испитымъ лицомъ и бѣльмомъ на правомъ глазу. Увидавъ Галицкаго, мужикъ всталъ и снялъ шапку.

— Здравствуй, Шляковъ. Что скажешь?—спросилъ Галицкій.—Надѣнь шапку.

Шляковъ медленнымъ движеніемъ, встряхнувъ волосами, надѣлъ шапку и, слащаво улыбаясь, произнесъ:

— Къ в-му с-у, деньжонокъ не одолжите ли?

— Почему же ты просишь у меня, а не у Федора Карпыча? Порядокъ вѣдь знаешь?

— Федоръ Карпычъ не даетъ.

— Почему?

Мужикъ замялся, потомъ глядя въ сторону, промямлилъ:

— Старый должокъ есть... Федоръ Карпычъ гритъ: „Сначала старый отдай, а потомъ и проси, а такъ-то, гритъ, на васъ денегъ не напасешься“.

И, продолжая глядѣть въ сторону, онъ какъ-то криво усмѣхнулся.

— И правильно говоритъ, — сказалъ Галицкій. — Для тебя порядковъ своихъ мѣнять не станемъ. Прощай.

— Да стараго-то совсѣмъ малость осталась,—поспѣшно выговорилъ мужикъ.

— Сколько?

— Три съ четвертью.

— А сколько бралъ?

— Сорокъ.

Галицкій, собиравшійся было уходить, повернулся и внимательно оглядѣлъ мужика.

— На что просишь?

— Съ плотниками разсчитаться не хватаетъ. Избу, небось, видѣли, такъ вотъ...

— Сколько просишь?

Мужикъ быстро скосилъ здоровый глазъ на Галицкаго и тотчасъ же снова потупился.

— Да рубликовъ пятьдесятъ, коли-бъ милость ваша была.

— Ну, пойдемъ къ Федору Карпычу. Узнаю, почему онъ тебѣ не даетъ.

Галицкій направился къ боковымъ воротамъ, а мужикъ остался на мѣстѣ, нерѣшительно переступая ногами.

— Плотники-то ждутъ .. — протянулъ онъ, снимая опять шапку.

Галицкій остановился.

— Ты, что-же это, думалъ, что я тебѣ такъ сейчасъ денежки и выложу... Что-то ты, братецъ мой, виляешь. А не хочешь идти, какъ знаешь, твое дѣло.

Мужикъ сумрачно поглядѣлъ ему вслѣдъ, потоптался еще на мѣстѣ; но потомъ, рѣшительно нахлобучивъ шапку, вяло поплелся сзади.

Галицкій охотно ссужалъ деньгами нуждающихся крестьянъ. Отдавали, когда хотѣли, и кто чѣмъ хотѣлъ: деньгами же, овсомъ, работой. Но соблюдалось правило: пока не уплаченъ старый долгъ, вновь не давать. И при такомъ порядкѣ случалось, что долгъ не возвращался, и деньги пропадали. Но Галицкій съ этимъ мирился. Сознаніе приносимой пользы было такъ очевидно, что вознаграждало вполнѣ за тѣ нѣсколько сотенъ рублей, которыя были потеряны за всѣ 6 лѣтъ его хозяйственной дѣятельности. Вѣдь приходилось же ему прежде—да и теперь приходится жертвовать и не такія суммы на разныя филантропическія затѣи, въ большинствѣ всегда безцѣльныя. А тутъ польза явная, очевидная: въ его мѣстности не осталось теперь ни одного кулака.

„А Шляковъ навѣрное вретъ“, думалъ онъ, направляясь къ молотильному сараю, расположенному за усадьбой, въ полѣ. „Не можетъ быть, чтобы Федоръ Карпычъ, зная, какъ я этого не люблю, отказалъ своему, сельскому, изъ-за какихъ-то недоплаченныхъ трехъ рублей. Что-нибудь да не то. Хотя, по правдѣ, Шля-

кову и совсѣмъ помогать не слѣдовало бы. Дрянь мужикъ. Пьяница, нахалъ, фальшивый, и злоба какая-то при этомъ особая... Всегда противъ всѣхъ его, Галицкаго, начинаній, всегда путаетъ и смущаетъ остальныхъ. Даже послѣдній разъ, на первомъ сходѣ, собранномъ для отвода земли подъ потребительную лавку, такъ запуталъ мужиковъ разнымъ вздоромъ, что они всѣ между собой переругались и разошлись, ничего не сдѣлавъ. Еще тогда Федоръ Карпычъ вернулся совсѣмъ возмущенный. Не вслѣдствіе ли этого не хочетъ давать ему теперь денегъ? Впрочемъ, врядъ-ли... Зато на второмъ сходѣ, когда пришелъ онъ самъ и заявилъ, что если земля не будетъ отведена тотчасъ-же, онъ это дѣло броситъ и выстроитъ лавку, но уже свою, на собственной землѣ, они Шлякова, продолжавшаго нести какую-то околесицу, чуть не избили. Да, вотъ ужъ типичный „глотъ“. И вся семья такая. Отецъ—въ Сибири, сосланъ за то, что по злобѣ поджегъ сосѣдскій амбаръ, мать — 60-лѣтняя старуха—пьяница и развратница, а старшій братъ—слѣпой—такой сквернословъ, что прославился на всю округу, и за нимъ присылаютъ пьяныя компаніи, заставляютъ его ругаться и платятъ за это деньги. Говорятъ, онъ и ослѣпъ во время одного изъ такихъ представленій. Божья кара!—толковали тогда... но и она, очевидно, не подѣйствовала. Впрочемъ, и этому грозитъ, кажется, та же участь: глазомъ, на которомъ бѣльмо, онъ уже и теперь ничего не видитъ.

Шумъ отъ молотилки доносился все явственнѣе. Видно было, какъ около сараевъ суетился народъ. Изъ самаго большого, средняго вышелъ управляющій, Федоръ Карпычъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ съ круглымъ лицомъ и такими красными щеками, что, казалось, стоитъ до нихъ дотронуться, и брызнетъ кровь.

Отъ всей его плотной, коренастой фигуры вѣяло несокрушимымъ здоровьемъ и силой. Немного переваливаясь, но быстрымъ, легкимъ шагомъ, онъ направился навстрѣчу Галицкому.

— Здравствуйте, Федоръ Карпычъ,—сказалъ Галицкій, не останавливаясь.—Вотъ я вамъ человѣчка привелъ. Говоритъ, что просилъ у васъ денегъ, а вы не дали.

На кругломъ лицѣ Федора Карпыча выразилось удивленіе.

— Кто-же это такой?—спросилъ онъ.

— Да, вотъ, Шляковъ.

Галицкій, продолжая итти, махнулъ рукой назадъ.

— Да гдѣ-же онъ, в-е с-о? съ еще большимъ недоумѣніемъ произнесъ Федоръ Карпычъ, растерянно повертываясь во всѣ стороны.—Съ вами никого нѣтъ.

— Какъ никого?

Галицкій остановился и оглянулся.

— Ха-ха-ха! Вотъ мошенникъ!—разсмѣялся онъ.—Удралъ. А я и не замѣтилъ, думалъ, онъ идетъ за мной... Поймалъ меня, когда я выходилъ, и проситъ 50 руб.,—нечѣмъ, молъ разсчитаться съ плотниками.— „Почему у меня просишь, а не у Федора Карпыча?“ „Просилъ“, говоритъ, „не даетъ, старый долгъ за мной есть“. „Сколько?“ „Три съ четвертью“. Неужели, думаю, вы изъ-за этого отказали. „Ну, пойдемъ“, говорю, „къ Федору Карпычу, узнаю, въ чемъ дѣло“. Сначала, какъбудто замялся, а потомъ, вижу, идетъ за мной. Ну, а въ концѣ концовъ удралъ-таки. Въ чемъ дѣло? Былъ онъ у васъ?

Федоръ Карпычъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, самъ онъ у меня не былъ. Была его жена и, дѣйствительно, просила денегъ на плотниковъ, но не 50, а 25 руб.; но я отказалъ.

— Почему?

— Порубку онъ у насъ сдѣлалъ,—выговорилъ Федоръ Карпычъ медленно.—Въ Заповѣдникѣ восьмивершковую ель срубилъ. По таксѣ 6 руб. стоитъ, а такъ и всѣ 9 заплатишь; да здѣсь такой и не купишь, нѣту лѣса такого. Ну, назначилъ я ему, по расчету, отработать; зову разъ, другой, а онъ хоть бы что... Дѣвчонку, впрочемъ, свою прислалъ... полоть. „Да скажи", говоритъ, „чтобъ меня и не звали. Приду, когда захочу, а нѣтъ—такъ и вовсе не приду". Я и то хотѣлъ доложить в-у с-у. Это такой нахалъ, какихъ другихъ нѣтъ. Такому спускать—только хуже дѣлать.

Галицкій нахмурился. Онъ любилъ и берегъ лѣсъ, держалъ образцовую лѣсную стражу, а потому порубокъ, и вообще, было очень мало; но чтобы порубку совершилъ свой же, сельскій, да еще въ Заповѣдникѣ, въ полуверстѣ всего отъ усадьбы—такого случая онъ не запомнитъ.

— Пошлите ему сказать, что если онъ завтра же не явится и не отработаетъ всего того, что вы ему назначили, вы подадите жалобу земскому начальнику. Ну, а со сторожемъ что вы сдѣлали?

— Сторожъ не виноватъ, в-е с-о.

— Т. е., какъ это?—выговорилъ Галицкій рѣзко.—Сторожъ, подъ охраной котораго всего-на всего 46 десятинъ, не виноватъ, когда у него подъ носомъ рубятъ лѣсъ. Да онъ, лежа у себя на печкѣ и то долженъ слышать каждый ударъ топора.

— Совершенно вѣрно. Но тутъ вышло особое обстоятельство... Изволите помнить бурю 20-го августа?

„Помнитъ ли онъ эту бурю? Еще бы. Это было что-то невиданное. Онъ возвращался подъ вечеръ изъ города верхомъ и на большомъ Теряевскомъ мосту его поры-

вомъ вѣтра чуть не снесло въ воду. Хорошо, что это случилось въ самомъ концѣ моста, и онъ успѣлъ пришпорить лошадь... А сколько бѣдъ натворила эта буря въ лѣсу. Въ одномъ Заповѣдникѣ 97 деревъ повалила".

— Да, помню. Ну-съ?

— Шляковъ дерево срубилъ какъ разъ въ эту ночь. Гдѣ ужъ тутъ сторожу было укараулить. Выйти изъ дома—и то опасно было. Но нашелъ онъ порубку тотчасъ же, на слѣдующее утро, а въ десять часовъ былъ у меня и доложилъ, что дерево у Шлякова. Я—туда; а оно у него ужъ—у воротъ, въ дыбахъ.

Галицкій молча двинулся дальше.

— Работаетъ, кажется, исправно?—спросилъ онъ наконецъ, прислушиваясь къ ходу молотилки.

— Пока идетъ. Что дальше будетъ?—отвѣтилъ Федоръ Карпычъ, усмѣхаясь.

— Золото, не человѣкъ — этотъ Ермилъ... На всѣ руки. Другого такого не найдешь.

Федоръ Карпычъ сосредоточенно уставился на свои пыльные сапоги.

— Вы развѣ не согласны?—спросилъ Галицкій удивленно.—А я думалъ, что вы имъ очень дорожите.

— Конечно, дорожу, на дѣло онъ золото—это вѣрно. Одно только нехорошо... — Федоръ Карпычъ нерѣшительно смолкъ:—Ужъ очень онъ жену бьетъ,—закончилъ онъ тише.

— Какъ, опять?

— Да онъ и не переставалъ, в-е с-о. Какъ напьется въ праздникъ, такъ и бьетъ. Только прежде билъ полегче, съ оглядкою, а теперь совсѣмъ по звѣрски... И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Послѣдній разъ я съ двумя рабочими насилу ее отбилъ. Совсѣмъ извелъ бабу, такъ изъ синяковъ и не выходитъ, а только одно

и тянетъ: „Не докладывайте князю“. А какъ не доложить? Онъ ее такимъ манеромъ когда-нибудь и совсѣмъ ухлопаетъ.

Послѣднія слова Федоръ Карпычъ проговорилъ совсѣмъ тихо. Они уже подходили къ молотильному сараю. У его воротъ стоялъ тотъ, о которомъ говорили,—худощавый, средняго роста человѣкъ, одѣтый въ сѣрую рабочую куртку и шаровары на выпускъ. Онъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ смотрѣлъ на приближавшихся и неторопливымъ, увѣреннымъ движеніемъ снялъ фуражку.

— Здравствуй, Ермилъ,—сказалъ Галицкій.—Пришелъ на свою работу полюбоваться?

— По приказанію Федора Карпыча,—отвѣтилъ Ермилъ, чуть усмѣхаясь тонкими губами.—Они сомнѣваются—говорятъ, недолго проработаетъ, опять чинить придется... А я хоть за годъ ручаюсь.

Молотилка работала во-всю... Сквозь густое облако пыли неясно виднѣлись движущіяся очертанія людей. Въ обширномъ помѣщеніи стоялъ гулъ отъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ. Рѣзкой, крикливой нотой выдѣлялись окрики главнаго подавальщика. По временамъ раздавался визгливый бабій голосъ, почти всегда сопровождаемый раскатистымъ мужицкимъ хохотомъ. Когда Галицкій остановился у воротъ, гулъ стихъ. За то вздохи машины стали, казалось, еще тяжелѣе,—еще громче и отчетливѣе застучалъ барабанъ.

Постоявъ и посмотрѣвъ, Галицкій отошелъ и сѣлъ на кучу свѣжей, только что вымолоченной соломы.

„Что это?“—думалъ онъ, глядя на блѣдное, умное лицо Ермила, который оживленно, широко размахивая руками, что-то доказывалъ Федору Карпычу.—„Что это такое? Особая ли впечатлительность, тонкость ощуще-

ній, или, наоборотъ, грубость чувства? Ревность, происходящая отъ избытка любви, или же оскорбленное самолюбіе, месть за нарушенное, такъ сказать, право собственности? И почему это обнаруживается лишь въ ненормальномъ, пьяномъ состояніи? In vino veritas?"...

Ермилъ женился на дѣвушкѣ, у которой въ прошломъ былъ „грѣхъ". Объ этомъ онъ зналъ и это его не остановило. Очевидно, любя Машу,—такъ звали его жену — онъ простилъ ее. Первые три года они жили душа въ душу, о прошломъ не было и помину. У нихъ родилась дочь. Потомъ Маша опять забеременѣла, и Ермилъ страстно ожидалъ мальчика; но родилась опять дѣвочка. И вотъ, словно между рожденіемъ дѣвочки, а не мальчика, и прошлымъ Маши была какая-то, ему одному понятная, связь,—въ обращеніи Ермила съ женой произошла крутая перемѣна. Началось съ того, что Ермилъ, не бравшій до того времени вина въ ротъ, однажды вечеромъ въ праздничный день вернулся домой пьянымъ и, ни съ того, ни съ сего, обозвавъ Машу нехорошимъ словомъ, сталъ корить ее прошлымъ. Маша—въ слезы. Тогда онъ еще разъ выругался, легъ и заснулъ. Всю слѣдующую недѣлю онъ имѣлъ виноватый видъ и очень передъ женой лебезилъ. Но черезъ мѣсяцъ опять напился и, не ограничиваясь уже одними словами, далъ Машѣ нѣсколько оплеухъ. Дальше—больше, и скоро онъ сталъ напиваться каждый праздникъ. Въ будни—трезвый—онъ ласковъ, даже нѣженъ съ женой; въ праздникъ у нихъ—адъ. Однажды вечеромъ—это было въ прошломъ году—Галицкій, проходя мимо прачешной, гдѣ они помѣщались — Маша служила прачкой,—услышалъ чрезъ открытое окно тихіе стоны. Онъ вошелъ. Маша была одна — Ермилъ

только что ее избилъ и ушелъ—и, находясь еще подъ впечатлѣніемъ того, что произошло,—все ему разсказала. Галицкій на слѣдующій день позвалъ Ермила, долго съ нимъ говорилъ, и тотъ обѣщалъ ему больше не пить и не мучить жену. И вотъ теперь, оказывается, что онъ не только не сдержалъ обѣщанія, а напротивъ: Федоръ Карпычъ опасается, какъ бы онъ съ нею не покончилъ совсѣмъ; а онъ ни говорить зря, ни преувеличивать не любитъ. Какъ теперь быть? Что съ нимъ дѣлать?"

— Ну, я пойду, Федоръ Карпычъ,—донесся до Галицкаго голосъ Ермила.—Чего здѣсь зря время терять. Прощайте.

— Ермилъ,—поманилъ его пальцемъ Галицкій.—Ермилъ, ты не только не сдержалъ своего обѣщанія не мучить Машу, но, оказывается, обращаешься съ нею все хуже и хуже. Чѣмъ же это, наконецъ, кончится?

Ермилъ вспыхнулъ, потомъ опять поблѣднѣлъ и молча уставился въ землю.

— Федоръ Карпычъ говоритъ,—продолжалъ немного выждавъ Галицкій;—что ты теперь ее бьешь уже каждый праздникъ и бьешь такъ звѣрски, что, того и гляди, забьешь ее на смерть.

Онъ опять остановился, ожидая отвѣта. Но Ермилъ продолжалъ молчать, нервнымъ движеніемъ комкая въ рукахъ фуражку.

— Ты, я думаю, самъ можешь понять, что допускать у себя такихъ вещей я не могу, а потому—одно изъ двухъ: или обращайся съ женой по-человѣчески, или же мнѣ придется васъ уволить.

Ермилъ быстро вскинулъ глазами и опять потупился, а фуражка еще быстрѣе заходила въ его рукахъ. Наконецъ, онъ выговорилъ глухо:

— Меня увольте, в-е с-о. Меня одного увольте, а ее оставьте. Уволите обоихъ—грѣхъ случится.

— Какой грѣхъ?—не сразу понялъ Галицкій.

— Забью я ее, это вѣрно, на смерть забью. Здѣсь Федоръ Карпычъ, спасибо ему, смотритъ, не допущаетъ, ну, а въ другомъ мѣстѣ...

И онъ съ мрачнымъ видомъ махнулъ рукой.

— Да что ты, Ермилъ? Побойся Бога, что ты говоришь?—выговорилъ съ недоумѣніемъ Галицкій.—За что же ты убивать ее собираешься? Чѣмъ она не жена тебѣ? Тихая, смирная, работящая... И за побои-то, кажется, никогда тебя не коритъ. Неужели же ты до сихъ поръ не можешь забыть про ея тотъ, старый грѣхъ? Но вѣдь она и тогда честно съ тобой поступила, не скрыла, не обманула... А потомъ, почему же ты цѣлыхъ три года жилъ съ нею хорошо, мирно? Нѣтъ, воля твоя, не пойму я тебя.

Ермилъ криво усмѣхнулся.

— Гдѣ же понять, коли я самъ себя не пойму... Ужъ чего, кажись, честнѣе: „Вотъ я какая, хошь бери, хошь нѣтъ—твое дѣло“. И три года это, дѣйствительно, жили хорошо... что и говорить—душа въ душу жили... И еще: пока тверезый—ничего, а выпью и готово. А не пить долго, тоже не могу: зачнетъ тутъ сосать,—онъ взялся за грудь,—и сосетъ, и сосетъ... хошь руки на себя накладай... Вотъ поди-жъ ты.

Онъ развелъ руками и замолчалъ, глядя прямо передъ собой и, какъ будто, что-то соображая.

— Не любитъ она меня, вотъ что,—выговорилъ онъ вдругъ совсѣмъ тихо.—Того, прежняго своего любитъ.

Галицкій насторожился.

— Того, прежняго любитъ?—переспросилъ онъ медленно.—Да вѣдь онъ, кажется, давно уже умеръ?

— Умеръ, это вѣрно.

— Такъ какъ же? Почему же ты думаешь, что она его любитъ? Мертваго любитъ?

— Чего думать? Знаю. Развѣ стала бы она такъ сносить побои? Другой разъ такъ бью, что вотъ-вотъ изувѣчу, а она стоитъ, что твоя корова, мычитъ только отъ боли. Знаетъ, небось, паскуда, что за дѣло бью.

Онъ стиснулъ зубы и лицо его приняло звѣрское выраженіе.

— За какое дѣло?—вырвалось у Галицкаго.—Да ты просто не въ своемъ разумѣ, Ермилъ. Терпитъ она потому, что кротка да потому, что любитъ тебя. А по твоему разсужденію—все шиворотъ на выворотъ выходитъ. Ну, а если ей когда и вспомнится прошлое, то и не мудрено, и въ этомъ, братецъ мой, опять-таки одинъ ты виноватъ: при такой жизни невольно и о покойникѣ вспомнишь, въ особенности, если онъ обращался съ нею хорошо, не по твоему...

— Ну, вотъ, вотъ,—словно обрадовавшись, быстро перебилъ Ермилъ;—а я то что говорю. „Не любишь“, говорю, „о томъ вспоминаешь. Тотъ, небось, нѣжилъ и ласкалъ, а я, вишь, тираню; съ тѣмъ, небось, тѣльце отъ поцѣлуевъ горѣло, а со мной отъ синяковъ ноетъ... Ну, и вспоминай, подлая! А я—не будь я—коли тебя къ нему не отправлю!

Теперь онъ уже весь дрожалъ. Но, встрѣтясь вдругъ глазами съ Галицкимъ, сразу опомнился и лицо его страдальчески сморщилось.

— В-е с-о! Увольте вы меня, Христомъ Богомъ прошу, увольте,—выговорилъ онъ прерывающимся голосомъ.—Давно самъ уйти пытался, да силъ нѣтъ... Опостылѣла она мнѣ, а уйти отъ нея не могу.

Онъ смотрѣлъ на Галицкаго жалкими глазами, въ которыхъ стояли слезы.

— Вотъ что, — сказалъ Галицкій, подумавъ. — Уволить тебя я не уволю, а переведу въ Богучарово. Работы тамъ, правда, будетъ побольше, да вѣдь ты, я знаю, работы не боишься. Ну, и жалованье зато больше. На-дняхъ туда ѣдетъ Игнатій Степанычъ — докторъ — вотъ съ нимъ и доѣдешь. Согласенъ?

Ермилъ широко открытыми глазами, словно не понимая, смотрѣлъ на Галицкаго, и вдругъ со всего размаха бухнулся ему въ ноги.

— В-е с-о! Отецъ родной! Вѣкъ за васъ буду Бога молить,—выговорилъ онъ захлебывающимся голосомъ.

— Встань!—строго окликнулъ его Галицкій, досадливо морщась.—Ты знаешь, я этого не люблю... Одного я боюсь,—продолжалъ онъ мягче;—ты тамъ одинъ не сопьешься?

— Совсѣмъ пить брошу. Ей-богу, брошу!—выговорилъ Ермилъ оживленно.—Эхъ, радость-то какая! Все вѣдь у васъ служить буду... И она у васъ, и я у васъ... Прикажите ей только,—онъ довѣрчиво наклонился къ Галицкому и понизилъ голосъ;—чтобы писала, да почаще. Она можетъ, грамотница вѣдь она у меня.—Ну, а звать назадъ не велите. Самъ пойму, когда можно будетъ, тогда и проситься стану.... Тогда не оставьте, верните.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ улыбаясь Галицкій.— Когда попросишься, тогда и верну... Ну, а теперь ступай. Заболтался я тутъ съ тобой.

Ермилъ весело тряхнулъ головой, расправилъ скомканную фуражку и быстро пошелъ по дорогѣ въ усадьбу.

„Что это такое?“ думалъ Галицкій, смотря ему вслѣдъ. „Любовь?!“

II.

Черезъ два часа Галицкій сидѣлъ передъ строившимся каменнымъ зданіемъ — лавкой потребительнаго товарищества, къ участію въ которомъ ему удалось привлечь не только крестьянъ своего села, но и многихъ окрестныхъ деревень. Вчернѣ зданіе было готово и теперь работа шла внутри. Плотники настилали балки, срубали окна и двери; каменьщики клали печи и готовили черный полъ подъ бетонъ. Устройство потребительной лавки было давнишней мечтою Галицкаго и глядя теперь, какъ быстро подвигается работа, онъ съ удовольствіемъ соображалъ что, пожалуй, на Рождествѣ можно будетъ назначить и открытіе. Ну, а потомъ что? Пріютъ, богадѣльня... И онъ невольно усмѣхнулся, вспомнивъ, какъ кто-то выразился, что въ него вселился демонъ стройки. Вотъ уже шесть лѣтъ—онъ только и дѣлаетъ, что строитъ. Кончитъ одно, сейчасъ же принимается за другое. А въ нынѣшнемъ году у него цѣлыхъ двѣ стройки сразу: вотъ эта да еще школа. Хотя послѣ лавки на очереди стоялъ пріютъ, но обстоятельства неожиданно сложились такимъ образомъ, что пришлось, не дожидаясь даже окончанія лавки, приняться за школу. Случилось это такъ. На послѣднемъ земскомъ собраніи онъ внесъ предложеніе, чтобы земство, не ограничиваясь завершеніемъ сѣти начальныхъ народныхъ училищъ, приступило теперь уже къ устройству школъ высшаго типа—типа 5-ти классныхъ министерскихъ, но только безъ низшихъ трехъ классовъ, соотвѣтствующихъ тремъ отдѣленіямъ существующей школы, и въ которыхъ поэтому надобности не было. Хотя большинство собранія отнеслось сочувственно къ этому предложенію, а одинъ изъ гласныхъ очень удачно на-

звалъ проектируемую школу „мостикомъ“ къ дальнѣйшему „свѣту“, тѣмъ не менѣе дѣло не обошлось безъ протестовъ. Нашлись двое гласныхъ, усумнившихся въ пользѣ подобныхъ школъ, и пренія грозили перейти въ принципіальный споръ о пользѣ и вредѣ образованія вообще. Тогда Галицкій еще разъ попросилъ слова и заявилъ, что такъ какъ большинству присутствующихъ еще въ малолѣтствѣ приходилось выводить прописью: „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“, то касаться этой стороны вопроса онъ не намѣренъ; а затѣмъ, дѣло стоитъ очень просто: слѣдуетъ лишь выяснить, народилась ли потребность въ проектируемомъ „мостикѣ“. Если да — обязанность земства пойти на встрѣчу этой потребности, нѣтъ—съ этимъ дѣломъ слѣдуетъ обождать. Лично онъ убѣжденъ, что такая потребность есть. Это видно изъ того, что существующая въ уѣздѣ министерская школа всегда переполнена. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, отказываютъ ежегодно въ пріемѣ очень многимъ. Но съ другой стороны, если собраніе и приметъ его предложеніе, то осуществитъ его удастся еще очень не скоро. Строить и содержать подобныя школы исключительно на свои средства уѣздъ, очевидно, не можетъ. Придется обратиться за содѣйствіемъ къ губернскому земству. А тамъ вопросъ этотъ, какъ совершенно новый, притомъ имѣющій значеніе не для одного уѣзда, а для всей губерніи, будетъ навѣрное переданъ въ особую коммиссію, и, такимъ образомъ, дѣло затянется надолго. Поэтому онъ проситъ собраніе высказаться теперь лишь принципіально о желательности такихъ школъ вообще и возбудить соотвѣтствующее ходатайство предъ губернскимъ земствомъ; онъ же тѣмъ временемъ устроитъ подобную школу у себя въ имѣніи и, такимъ образомъ, вопросъ о томъ — суще-

ствуетъ ли въ нихъ потребность выяснится еще болѣе. Протестанты пытались-было и теперь возражать, причемъ одинъ изъ нихъ очень ядовито намекнулъ, что за шальными деньгами, молъ, не угонишься; но предложеніе конечно было принято.

„За шальными деньгами не угонишься". Даже теперь, при воспоминаніи объ этихъ словахъ, Галицкій поморщился. И невѣрно и неумно. А сказалъ ихъ не сѣрый человѣкъ толпы, а бывшій професоръ, человѣкъ несомнѣнно развитой, но котораго фанатическое преклоненіе предъ крестьянской общиной довело до принципіальнаго отрицанія всего того, что можетъ отдалить мужика отъ земли, въ томъ числѣ и образованія. Лично его, Галицкаго, такое замѣчаніе затронуть, конечно, не могло. Его дѣятельность не есть плодъ разсудочныхъ соображеній или случайныхъ обстоятельствъ, нѣтъ— она часть его самого, въ ней — смыслъ его жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сознательно сталъ къ себѣ относиться, онъ всегда зналъ, что будетъ жить именно такъ, какъ живетъ теперь, другой жизни лично для себя не понимаетъ и былъ бы счастливъ вполнѣ, если бы только...

— Кажись, Василій Степанычъ, господинъ ахитехтуръ ѣдутъ.

Галицкій вздрогнулъ и повернулъ голову. Около него стоялъ подрядчикъ Панкратій Егорычъ и, прищуривъ маленькіе глазки, пристально всматривался въ даль сельской улицы, по которой, быстро приближаясь, двигалось густое облако пыли.

— Фу, Панкратій Егорычъ, — сказалъ Галицкій, вставая,—вы такъ подкрались, что даже меня испугали.

— Виноватъ, в-е с-о, больно задуматься изволили.

— Но почему вы знаете, что это Василій Степанычъ? Пока только пыль видна, да и день не его.

— Не извольте сумлѣваться, они-съ,—увѣренно сказалъ Панкратій Егорычъ. — Подрядчикъ ахитехтура за двѣ версты узнать можетъ.

— Такъ... Ну, а хозяина?—спросилъ Галицкій, улыбаясь.

— Что хозяинъ? Хозяина и на стройку безъ себя пущать можно.

— Тонкій вы, я вижу, политикъ.

— Что же, в-е с-о, — осклабился Панкратій Егоровичъ:—хоша на мѣдныя деньги учены...

— А свое понятіе имѣть можемъ, — докончилъ Галицкій любимую поговорку подрядчика, которою тотъ, кстати и некстати, имѣлъ обыкновеніе пересыпать свою рѣчь.—Вотъ, я на васъ Василію Степанычу пожалуюсь.

— А имъ только лестно будетъ.

И, перемѣнивъ тонъ, онъ зычнымъ голосомъ крикнулъ:—Эй, вы тамъ, молодчики, подтянитесь! Господинъ ахитехтуръ прибыть изволили.

— Ай да, Панкратій Егорычъ. Каковъ голосина. Тебѣ бы, братецъ, не подрядчикомъ быть, а полкомъ командовать. А что начальство встрѣчать умѣешь, это хорошо... В-му с-у нижайшее, — громко и весело говорилъ архитекторъ Эразмовъ, вылѣзая изъ тарантаса. Широко улыбаясь и стаскивая на ходу темно-красную перчатку, онъ быстро засѣменилъ коротенькими ножками къ Галицкому. Лицо его — полное, розовое, безусое — казалось совсѣмъ юнымъ, и лишь очень порядочное брюшко, по которому грузно колотился на короткой цѣпочкѣ какой-то массивный, золотой съ вензелемъ жетонъ, да сильно порѣдѣвшіе, предательски просвѣчивавшіе волосы на головѣ, выдавали его болѣе,

чѣмъ сорокалѣтній возрастъ. Одѣтъ онъ былъ франтомъ, въ свѣтлую пару, сѣрое пальто, такого же цвѣта мягкую шляпу и лакированные башмаки, съ которыхъ, поздоровавшись съ Галицкимъ и отойдя немного въ сторону, онъ сталъ тщательно сбивать пыль носовымъ платкомъ. При этомъ въ воздухѣ распространился запахъ какихъ-то крѣпкихъ духовъ.

— Спасибо, что насъ не забываете и сюда заглядываете,—продолжалъ онъ, помахивая платкомъ. — А то съ этимъ народцемъ,—онъ кивнулъ на Панкратія Егоровича,—надо держать ухо востро.

— А вотъ мнѣ онъ только-что объявилъ, что ему рѣшительно все равно, тутъ я, или нѣтъ. Вы—другое дѣло, а меня онъ и въ грошъ не ставитъ.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся архитекторъ.—И плутъ же ты, я погляжу. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла... Ну, пойдемъ „хоша на мѣдныя деньги учены", показывай на много ли за эту недѣлю намошенничалъ.

И онъ дружески потрепалъ Панкратія Егоровича по плечу.

Но тотъ поджалъ губы и недовольно отвернулся. Онъ считалъ себя первымъ подрядчикомъ въ уѣздѣ, ворочалъ тысячами и зналъ себѣ цѣну, а потому его всегда коробило отъ рѣзкихъ выходокъ архитектора. Отъ другого онъ и половины не стерпѣлъ бы, но Эразмова побаивался. Онъ зналъ, что послѣдній, знатокъ своего дѣла, до копѣйки учитываетъ про себя его подрядческіе барыши; лишиться же постоянной работы у Галицкаго было крайне невыгодно.

— Ну чего рожу-то ворочаешь? Обидчивый какой,—продолжалъ насмѣшливо Эразмовъ.—А не желаешь,—перемѣнилъ онъ вдругъ тонъ на сухой и рѣзкій—я и одинъ пойду.

И онъ быстро направился къ стройкѣ.

— Господь съ вами, Василій Степанычъ! Какъ это возможно, чтобы не желать,—суетливо выговорилъ подрядчикъ, поспѣшно, бочкомъ слѣдуя за архитекторомъ.— Хоша мы и на мѣдныя деньги...

— А понятія не имѣемъ никакого,—отрѣзалъ Эразмовъ. И чего ты со мной фордыбачишься?

— Василій Степановичъ. — крикнулъ Галицкій, съ улыбкой наблюдавшій эту сцену. — Потомъ ко мнѣ обѣдать, да?

— Нѣтъ, князь, на этотъ разъ уже извините, никакъ не могу. Вѣдь сегодня Игнатій Ивановичъ имениникъ. Надо зайти еще въ школу, а оттуда прямо на пирогъ.

— Да, да, вѣрно; я и забылъ. Ну, коли такъ, до свиданья.

Эразмовъ легко вбѣжалъ по наклонной доскѣ, чрезъ окно, внутрь зданія, и вскорѣ затѣмъ послышался оттуда его голосъ:

— Это еще что за „понятіе"? Панкратій Егоровичъ, тебя спрашиваю, что это за понятіе?

— Это не понятіе, Василій Степанычъ, а рама-съ,— послѣдовалъ нерѣшительно-мямлющій отвѣтъ.

— Рама? Это по твоему рама, а по моему — это, съ позволенья сказать, шершавая...

И Эразмовъ загнулъ такое словечко. что Панкратій Егоровичъ сконфуженно потупилъ глаза, а рабочіе громко прыснули.

Но до Галицкаго этотъ взрывъ хохота донесся лишь смутно. Онъ опять ушелъ въ свои мысли и задумчиво смотрѣлъ вдоль широкой улицы села, полого спускавшейся къ большому пруду. Прудъ этотъ дѣлилъ село на двѣ почти равныя части, и съ того мѣста, гдѣ стоялъ Галицкій, крайніе, дальніе дома второй поло-

вины еле виднѣлись. Какъ ширина улицы, такъ въ особенности ея длина—болѣе двухъ верстъ—несоотвѣтствующая числу домовъ, являлись для этой мѣстности совсѣмъ необычными. Происходило же это, вслѣдствіе очень широкихъ разрывовъ между отдѣльными дворами. Лѣтъ 30 назадъ Нагорное сплошь выгорѣло. Покойный отецъ Галицкаго отвелъ погорѣльцамъ лѣсъ на стройку, поставивъ условіемъ, чтобы они раздались, какъ въ ширину, такъ и въ длину и засадили образовавшіеся пролеты деревьями. Теперь деревья разрослись, и улица Нагорнаго совсѣмъ не имѣла вида обычной сельской улицы, гдѣ дома лѣпятся одинъ на другомъ, какъ мухи, а походила скорѣе на отдѣльные вытянутые въ двѣ линіи и утопавшіе въ зелени хутора. Съ того времени, хотя на селѣ и случались пожары, но сгорало всегда не болѣе одного дома.

Мѣсто, гдѣ строилась потребительная лавка, было расположено на берегу другого, верхняго пруда, принадлежащаго уже Галицкому. По одной его сторонѣ вытянулись чистенькіе дома церковнаго причта, а на другомъ берегу, какъ разъ противъ лавки высилась большая каменная церковь, построенная на мѣстѣ прежней деревянной—дѣдомъ Галицкаго. Слѣва—тамъ, гдѣ проходила дорога—земля Галицкаго вдавалась довольно далеко по улицѣ въ крестьянскую землю. Прежде тутъ была сплошная березовая роща, отдѣлявшая крестьянскія усадьбы отъ хозяйственныхъ построекъ экономіи, но теперь это мѣсто было застроено, и деревья сохранились лишь въ промежуткахъ между зданіями. Изъ послѣднихъ—крайнимъ къ селу было зданіе чайной лавки. На ней Галицкій убѣдился по опыту, какъ малооснователььны оказались надежды, что чайная лавка можетъ замѣнить народу, хотя отчасти, прежній кабакъ.

Въ ихъ мѣстности чайныхъ лавокъ было много, но въ каждой изъ нихъ безъ исключеній производилась тайная продажа вина. Содержатели лавокъ, съ которыми Галицкому приходилось говорить, утверждали единогласно, что на одномъ чаѣ не расторгуешься и что безъ продажи водки не сведешь концы съ концами. И открывъ свою чайную, Галицкій убѣдился, что они были правы. Несмотря на разныя удобства, на возможность имѣть и горячую пищу и холодную закуску, чайная посѣщалась мало и приносила ежегодно порядочный убытокъ.

За чайной высилось грандіозное зданіе больницы на 60 кроватей, съ нѣсколькими добавочными постройками позади и отдѣльнымъ заразнымъ баракомъ въ глубинѣ. Два года назадъ, во время холеры, баракъ этотъ принесъ большую пользу. Болѣзнь быстро была локализирована и продолжалась сравнительно недолго.

Далѣе — народная библіотека - читальня,— длинное, высокое, въ два свѣта зданіе.

И дѣятельностью библіотеки Галицкій былъ доволенъ. Впрочемъ, собственно читальней пользовались мало, но на домъ книги разбирали охотно; по воскресеньямъ же и праздничнымъ днямъ въ ней происходили чтенія съ туманными картинами, пользовавшіяся большимъ успѣхомъ. На нихъ собирались не только мѣстные жители, но и изъ дальнихъ деревень. Однако и тутъ выяснилась вполнѣ очевидно несостоятельность ходячаго мнѣнія, будто бы чтенія, какъ и другія увеселенія, являются средствомъ отвлекающимъ народъ отъ пьянства. Положимъ, на чтенія въ Нагорномъ народъ валилъ валомъ, но такимъ же валомъ онъ валилъ послѣ чтенія въ осинковскій трактиръ, въ двухъ верстахъ отъ села. Положимъ, въ дни чтеній и чайная

торговала лучше, но во всякомъ случаѣ—много хуже трактира, что явствуетъ хотя бы изъ того факта, что въ прошломъ году, на Рождествѣ, осинковскій кабатчикъ, Переметовъ, пожертвовалъ въ нагорновскую библіотеку цѣлый ящикъ картинъ для фонаря. Когда же Галицкій, проѣзжая Осинками, нарочно зашелъ къ Переметову, чтобы его поблагодарить, послѣдній, зная Галицкаго, какъ заклятаго врага кабака, отвѣтилъ ему не безъ ироніи:

— Помилуйте, в-е с-о, не вамъ насъ благодарить, а мы вами очень благодарны: какъ у васъ картинки—у насъ на 50 рубликовъ въ карманѣ больше. Истинная-съ поддержка коммерціи, в-е с-о. Хе-хе-хе!

Послѣднимъ въ ряду зданій по лѣвой сторонѣ, было зданіе земскаго училища, перенесенное Галицкимъ съ другого конца села, гдѣ оно находилось прежде. За училищемъ начинались хозяйственныя постройки имѣнія, потомъ—большой старый паркъ, окружавшій домъ и уже за паркомъ, на вновь отведенномъ мѣстѣ, строилась новая школа.

„Да“, думалъ Галицкій, разсѣянно глядя на приближавшагося мужика, съ какой-то бумагой въ рукѣ: „Да, кое-что уже сдѣлано, а сколько еще впереди—на всю жизнь хватитъ“. Онъ даже зажмурился отъ мгновенно охватившаго его представленія о громадности предстоящей работы. „Ахъ, какъ много, много. А онъ одинъ, за нимъ же—и совсѣмъ никого. Нѣтъ у него продолжателей, нѣтъ и не предвидится. Положимъ, все-то, что онъ успѣетъ сдѣлать, не пропадетъ—онъ уже теперь принялъ къ тому мѣры—но все-таки, какъ грустно, что у него нѣтъ дѣтей... Онъ убѣжденъ, что сумѣлъ бы воспитать ихъ такъ, что они явились бы продолжателями его дѣла, сознавали бы такъ же ясно,

какъ и онъ самъ, что настоящая работа здѣсь, въ деревнѣ, а не въ столичныхъ канцеляріяхъ и полкахъ... Да... Но что дѣлать? Значитъ—не судьба"...

— Къ вашей милости,—сказалъ подошедшій тѣмъ временемъ мужикъ, протягивая бумагу. — Не ты ли будешь баринъ, что прошенія пишетъ? Сказываютъ, князь что-ли у васъ тутъ есть такой.

— Да ты откуда?—спросилъ Галицкій, беря бумагу.

— Я-то? Я—дальній. Кондратьевской волости, деревни Вагиной. Можетъ слышали... Верстъ двадцать отсель... Не откажите, взойдите въ защиту... Совсѣмъ понапрасну страдать долженъ.

И мужикъ низко, разъ-за-разомъ, сталъ кланяться.

— Хорошо, хорошо. Постой, успѣешь еще накланяться,—сказалъ Галицкій возвращая бумагу, оказавшуюся копіей съ рѣшенія волостного суда. — А пока дойди вотъ до того угла и скажи парню—видишь, листъ гребетъ — чтобы показалъ тебѣ, гдѣ контора. Ступай туда и жди.

— А какъ же, значитъ, на счетъ прошенія?—спросилъ мужикъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Тамъ на счетъ прошенія и потолкуемъ. Теперь мнѣ некогда. Понялъ? Чего же ты ждешь? Ступай.

— Ну, благодаримъ,—сказалъ мужикъ и, почесывая затылокъ, нерѣшительно двинулся по указанному направленію.

Галицкій видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ парню—помощнику садовника—и сталъ ему что-то объяснять. Парень, отставивъ грабли, слушалъ съ видимымъ интересомъ, сочувственно покачивая головой, и потомъ, взявъ его за рукавъ, скрылся вмѣстѣ съ нимъ за поворотомъ.

Галицкій еще разъ оглянулся на стройку, откуда

въ это время опять донесся негодующій возгласъ архитектора: „А это что? Опять его работа? Нѣтъ ужъ, Панкратій Егоровичъ, какъ хочешь, а ты мнѣ этого подлеца, хоть онъ тебѣ и крестникъ, убери, чтобъ я больше его тутъ не видѣлъ“, перешелъ улицу наискосокъ и вошелъ въ читальню. Очень большая, высокая, въ два свѣта, комната, раздѣлялась рѣшеткой на двѣ неравныя части: меньшую—собственно библіотеку съ книжными шкапами по стѣнамъ и большую, уставленную черными столами разныхъ размѣровъ, съ врѣзанными чернильницами и принадлежностями для письма. По срединѣ стоялъ круглый столъ побольше, на немъ — разныя періодическія изданія и брошюры для народа: Сельскій Вѣстникъ, Воскресенье, Досугъ и Дѣло, Читальня народной школы и пр. Мебель была простая, деревянная. По стѣнамъ тянулись длинныя скамейки, а сами стѣны были увѣшаны картинами и рисунками самаго разнообразнаго содержанія: географическими, историческими, зоологическими, анатомическими и др. Въ углу стояла большая рама съ натянутымъ холстомъ для туманныхъ картинъ. Съ потолка на длинныхъ цѣпочкахъ спускались къ столамъ металлическія лампы съ широкими зелеными абажурами, а подъ верхними окнами вокругъ всей комнаты были устроены хоры, на которыхъ во время чтеній помѣщался волшебный фонарь.

Около одного изъ столовъ, у окна, нѣсколько мальчиковъ, сбившись въ кучку, смотрѣли на рисунокъ, по которому высокая молодая дѣвушка водила карандашомъ, что-то объясняя. При входѣ Галицкаго, мальчики вскочили и громко и весело крикнули: „Здравствуйте!“

— Здравствуйте, дѣти. Здравствуйте, Вѣра,—ска-

залъ Галицкій, пожимая дѣвушкѣ руку.—У васъ урокъ? Ну, я мѣшать не буду. Гдѣ Анна Ивановна?

— Нѣтъ, мы уже кончили. Я имъ показывала рисунокъ Усова. Его первый опытъ съ натуры. Взгляните.

— Очень, очень недурно,—сказалъ Галицкій, разсматривая рисунокъ, на которомъ былъ изображенъ крестьянскій мальчикъ, поившій лошадь въ пруду.— Онъ сколько лѣтъ занимается?

— Второй годъ всего.

— Въ такомъ случаѣ у него прямо талантъ. Надо будетъ имъ заняться... Молодецъ, Гриша. Хочешь быть художникомъ?

Мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ блѣднымъ, тонкимъ лицомъ и большими карими глазами, весь вспыхнулъ и, опустивъ глаза, теребилъ пальцами край рубашки.

— Отвѣчай, Гриша, И чего ты волнуешься? Оставь въ покоѣ рубашку.—Дѣвушка приподняла мальчику голову.—Отвѣчай же.

— Хочу,—чуть слышно выговорилъ мальчикъ.

— А какъ онъ насчетъ здоровья? Видъ у него нехорошій.

— Да, здоровьемъ мы похвастаться не можемъ,— сказала дѣвушка, ласково гладя мальчика по головѣ.— Вотъ послѣ скарлатины, быть можетъ, окрѣпнетъ... Вѣдь онъ только что недавно сталъ выходить... Ну, дѣти, теперь ступайте. Не забудьте, въ среду въ это же время.

— Не забудемъ, не забудемъ. Прощайте, Вѣра Александровна. Прощайте, в-е с-о.

— Не знаете, гдѣ Анна Ивановна?—опять спросилъ Галицкій.

— Прихорашивается,—отвѣтила Вѣра, улыбаясь.—

Вѣдь сегодня у Игнатія Ивановича пирогъ... А вамъ она нужна? Я сейчасъ ее позову.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте, пусть прихорашивается. Я хотѣлъ было разобрать ящикъ съ новыми книгами, но успѣется и потомъ.

Онъ сѣлъ къ окну и закурилъ папиросу.

— А у меня къ вамъ просьба,—сказала дѣвушка, убирая въ шкапъ дѣтскіе рисунки.

— Просьба? Отлично. Только скажите мнѣ раньше, гдѣ это вы, сударыня, все это время пропадали? Вѣдь вы чуть ли ни цѣлую недѣлю у насъ не были.

Стоя у шкапа, дѣвушка не оборачиваясь отвѣтила тихо:

— Вы знаете, что я не люблю у васъ бывать, когда у васъ посторонніе.

— Это вы про Брянскаго? Да чѣмъ онъ вамъ мѣшаетъ? Бѣдный Брянскій,—продолжалъ онъ шутливо.— Послѣ того обѣда,—помните?—въ воскресенье, онъ весь слѣдующій день только о васъ и говорилъ. „Никакъ не ожидалъ“, говоритъ, „встрѣтить въ этой глуши такую красавицу“. Онъ вами совсѣмъ очарованъ, а вы..

Дѣвушка быстро обернулась. Ея матовое лицо окрасилось румянцемъ, а глаза—черные съ синеватымъ отливомъ—загорѣлись.

— Вотъ, вотъ! А я этихъ „очарованій“ какъ разъ и не переношу.

Галицкій усмѣхнулся.

— Не слишкомъ ли строго? Чувство красоты свойственно человѣку. Бываютъ, конечно, исключенія, но цѣна такимъ людямъ, такимъ исключеніямъ, говоря вообще, небольшая. Разъ вы сознаете, что вы красивы — а не сознавать этого вы, не лицемѣря, не можете,—я не понимаю, какъ можетъ вамъ быть непріятно, когда

вами любуются. И я вами любуюсь и мнѣ доставляетъ удовольствіе на васъ смотрѣть.

— Это совсѣмъ не то. Когда вы на меня смотрите,— она мягко улыбнулась и опять чуть-чуть покраснѣла,— я рада, что я красива. Но я вѣдь знаю, что вы цѣните во мнѣ не одну красоту, а, главнымъ образомъ, человѣка,—что, превратись я завтра въ урода, и вы ни на каплю ко мнѣ не измѣнитесь. Вы—дѣло другое. А я говорю про людей, которые смотрятъ на женщинъ совсѣмъ иначе. И вотъ, когда я вижу и чувствую, что мною любуются исключительно, какъ красивымъ животнымъ, забывая совсѣмъ человѣка, мнѣ становится и, какъ будто, обидно, а, главное, противно.

— И опять вы не совсѣмъ правы,—сказалъ Галицкій.—Вы забываете, что внѣшность производитъ впечатлѣніе сразу, а, чтобы узнать человѣка, надо время. А потомъ Брянскій совсѣмъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыхъ вы намекаете, другихъ же... желалъ бы я знать, гдѣ вы встрѣчали такихъ другихъ людей? Вы, кажется, голубушка, начинаете заимствовать свои мысли изъ книжекъ.

— Развѣ? Ха-ха-ха!—весело разсмѣялась Вѣра.— Про Петербургъ вы забыли? Мало ли какихъ я тамъ видѣла. Впрочемъ, относительно вашего шурина, я вамъ готова уступить—я его совсѣмъ не знаю; но такъ какъ и онъ меня, какъ человѣка, узнать не успѣетъ, то вѣдь это все равно. Ну, а насчетъ другихъ, и здѣсь такіе найдутся, вотъ вамъ хотя бы...

— Хотя бы—я,—раздался вдругъ веселый возгласъ, и въ окнѣ показалось улыбающееся лицо архитектора.

Галицкій недовольно поморщился, а Вѣра—вся какъто сжалась, и лицо ея сдѣлалось строгимъ, а взглядъ холоднымъ. Немного выждавъ, она спокойно отвѣтила:

— Вѣрно, хотя бы вы.

— И за что, ради Бога—за что?—произнесъ, всплеснувъ руками и съ ужимкою, Эразмовъ.—За что такая несправедливость? Я къ вамъ всѣмъ сердцемъ и душой... Ну, не буду, не буду, не сердитесь,—перемѣнилъ онъ тонъ, увидѣвъ, что Вѣра нахмурила брови и отвернулась.—Объясню только свое неожиданное и, такъ сказать, нескромное вторженіе въ поучительную бесѣду... Иду это я въ блаженномъ предвкушеніи имениннаго пирога и вдругъ слышу голосъ столь-же красивой, сколь строгой барышни... Ну, вотъ опять. Хоть рта не разѣвай, право... Думаю, зайду-ка „поздоровкаться“ да, кстати, можетъ, вмѣстѣ и къ имениннику направимся. Подхожу—и слышу, что разговоръ не безъ интереса и, конечно, начинаю подслушивать, ибо на что же человѣку и уши даны... И вдругъ,—чортъ возьми!—да вѣдь это про мою собственную, такъ сказать, персону. Вотъ—такъ фунтъ! Признаться, хотѣлось и дольше соблюсти инкогнито, но потомъ боязно стало; а ну какъ вдругъ такъ разнесутъ, что и косточекъ не соберешь... Нѣтъ, ужъ лучше объявиться... Ха-ха-ха!

— Напрасно безпокоились,—сказала Вѣра.—Я не имѣю обыкновенія говорить про человѣка за глаза того, чего не сказала бы ему прямо въ лицо.

— Не сомнѣваюсь, не сомнѣваюсь... А, все-таки, знаете, какъ-будто поспокойнѣе... Ну-съ, а къ имениннику не собираетесь? Пошагали бы вмѣстѣ.

— Благодарю, я пойду попозже съ Анной Ивановной.

— И опять неудача. И такъ всегда. О, сколь я несчастенъ. И почто подъ столь жгучей внѣшностью сокрыта столь ледяная внутренность?... Нечего дѣлать придется итти отверженнымъ солистомъ... До увиданья, паненочка, какъ говорятъ поляки.

Онъ высоко взмахнулъ сѣрой шляпой и повернулся, чтобы уходить.

— Постойте,—остановила его дѣвушка.—Я чувствую, что когда вы уйдете, у меня вырвется о васъ слово, которое поэтому я предпочитаю сказать вамъ прямо.

— Ой, ой, боюсь. Пожалѣйте, хоть немножко.

— Вы—шутъ.

Она, улыбаясь, смотрѣла ему прямо въ глаза, и онъ на секунду, какъ—будто, растерялся. Но потомъ громко и весело захохоталъ.

— Вѣрно, вѣрно. Ха-ха-ха! Всегда говорилъ: столь-же умна, сколь красива... Шутомъ родился, шутъ—есмь, шутомъ и буду. И не стыжусь сего, ибо помню изреченіе великаго поэта, что „жизнь есть пустая и глупая шутка" и думаю, что разумнѣе ее прошутить, чѣмъ... чѣмъ... Впрочемъ, честь имѣю...

И онъ быстрыми мелкими шажками двинулся прочь.

— Зачѣмъ это, Вѣра? Зачѣмъ напрасно обижать человѣка?—сказалъ съ упрекомъ Галицкій.

— Вы думаете, онъ обидѣлся?—спокойно возразила дѣвушка.—Ничуть. Вы его мало знаете. Онъ будетъ дѣлать видъ, что обиженъ,—вѣрно. Въ сущности же это такое самомнѣніе, которое ничѣмъ не прошибешь. А если хочешь его держать въ должномъ разстояніи, то иначе и нельзя. Вѣдь мнѣ предстоитъ провести съ нимъ почти цѣлый день. Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ сочтетъ себя обязаннымъ дуться, а то все время приставалъ бы. И безъ того мнѣ въ послѣднее время отъ него прохода нѣтъ... Такъ надоѣлъ, что и сказать не могу.

— Влюбленъ, бѣдный... А предложенія не дѣлалъ?

— Не позволяю,—усмѣхнулась Вѣра.—А то, конечно, уже давно излился бы.

Галицкій всталъ.

— Мнѣ пора,—сказалъ онъ.—До свиданья. Скажите, пожалуйста, Аннѣ Ивановнѣ, что я завтра зайду насчетъ книгъ.

— А моя просьба?

— Ахъ, да... Ну-съ?

— Сегодня ко мнѣ зашла Аннушка Богатова. Она несчастная, совсѣмъ въ безвыходномъ положеніи. Отъ мужа она ушла—вы вѣдь это знаете—къ матери. Сначала жила себѣ ничего; но потомъ мужъ подъѣхалъ къ ея брату Ивану и сталъ его каждый день поить, убѣждая не держать сестру. Ну, вамъ извѣстно, какъ Иванъ слабъ на вино: за полбутылки на все готовъ. Началъ съ попрековъ, что Аннушка живетъ на его хлѣбахъ, а потомъ и къ побоямъ перешелъ. Старуха Аксинья хоть и жалѣла ее, да вѣдь она сама на ладанъ дышетъ... Ну, терпѣла она, пока могла; наконецъ, видитъ, что Иванъ чистымъ звѣремъ сталъ, что больше у матери жить нельзя, а тутъ, кстати, у пѣнскаго священника мѣсто кухарки освободилось—она къ нему и нанялась. „Наконецъ-то вздохнула свободно“, говоритъ: „Матушка ласковая такая, жалѣетъ меня, батюшка тоже“. Не тутъ-то было. Черезъ недѣлю является ея муженекъ, начинаетъ ее требовать, кричитъ, ругается, должно быть для храбрости подвыпилъ; когда отецъ Василій сталъ его уговаривать—надерзилъ ему: „Высшему начальству на тебя жаловаться стану, что женъ съ мужьями разлучаешь“. Ну, потомъ ей отецъ Василій и говоритъ: „Радъ бы душой тебя держать, Аннушка, да сама видишь, нельзя. Вѣдь онъ мнѣ теперь покоя не дастъ, твой муженекъ; съ него все станетъ, спалитъ еще, чего добраго. Уйди ты, сдѣлай милость, отъ грѣха“. Сегодня пришла ко мнѣ. „Что же мнѣ теперь дѣлать?“ спра-

шиваетъ. „Вернуться къ мужу—лучше руки на себя наложить, итти къ матери—Иванъ заколотитъ, наняться куда подальше—паспортъ нуженъ, безъ паспорта не возьмутъ, а по близости—опять тоже будетъ—придетъ онъ, наскандалитъ—ну и откажутъ... Одна надежда на князя“,—говоритъ: „Не найдется ли у него мѣстечка? Попросите его. А откажетъ—въ прудъ брошусь, все едино разъ помирать“.

— Боже, какъ драматично,—усмѣхнулся Галицкій.

— А вы не вѣрите?.—быстро выговорила дѣвушка, покраснѣвъ. — Очень жаль, что она, въ такомъ случаѣ, не пришла сама къ вамъ. Вы убѣдились бы тогда, въ какомъ она состояніи.

— Вѣрю, вѣрю, — сказалъ Галицкіи, продолжая улыбаться. — Я думаю только, что это уже нумеръ восьмой, и что, вообще, этому конца не предвидится. И то мнѣ губернаторъ послѣдній разъ говоритъ: „Что это вы, князь, ужъ не пріютъ ли для бѣглыхъ женъ у себя открыли? Что ни прошеніе объ отдѣльномъ видѣ — адресъ все тотъ же: С. Нагорное, въ имѣнье князя Галицкаго“.

— Ну и что же?

— Да ничего. Говорю, потому что къ слову пришлось. А вы, милая, не волнуйтесь, — онъ взялъ ее за руку:—Аннушкѣ я, конечно, не откажу. Надо только переговорить съ Федоромъ Карповичемъ. Пожалуй, новую должность для нея выдумать придется.

— Я уже съ нимъ говорила...

— И?

— Сказалъ, что мѣсто найдется, лишь бы князь разрѣшилъ,

— Вы, значитъ, и его обворожить сумѣли. Обыкновенно онъ въ этихъ случаяхъ всегда протестуетъ. И

знаете, почему? Какъ отецъ Василій, мщенія боится. „Хорошо еще, что у насъ все въ настоящей цѣнѣ страхуется“, говоритъ. А вѣдь онъ, вообще, не изъ трусливыхъ.

— Онъ сказалъ, что у васъ какъ разъ освободилось мѣсто скотницы. Оказывается, какой-то изъ вашихъ „бѣглыхъ“ отказано въ выдачѣ отдѣльнаго паспорта и ее требуютъ къ мужу.

— Неужели? — съ удивленіемъ проговорилъ Галицкій. — А кому именно, вы не знаете?.

— Не успѣла спросить. Федоръ Карповичъ очень торопился куда-то.

— Ну, значитъ, можете сказать Аннушкѣ, чтобы приходила.

Онъ вынулъ часы.

— Однако я съ вами заболтался. Скоро — обѣдъ, а мнѣ еще надо въ контору, принять просителей. До свиданья, сегодня увидимся. Къ Игнатію Ивановичу я загляну передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ лѣсъ, такъ часа въ три, должно быть.

— До свиданья, — нерѣшительно протянула дѣвушка. — Вы навѣрное тамъ будете?

— Конечно. А что? Еще что-нибудь есть?

— Нѣтъ, нѣтъ... Т. е. хотя есть, но только скажу не теперь, а потомъ, когда-нибудь послѣ.

— Кстати, что бабушка?

— Ничего. Все съ ней воюю.

— Воюете?

— Да. Какъ разъ по поводу того, о чемъ и съ вами говорить буду.

— Но только „потомъ, послѣ“, — улыбнулся Галицкій. И хорошо, что потомъ и что я не любопытенъ... Да и вамъ пора, а то пирогъ простынетъ.

Онъ крѣпко пожалъ ей руку и быстро направился къ дому.

III.

Передъ конторой, на площадкѣ, усыпанной пескомъ, ждало нѣсколько человѣкъ. На одной скамейкѣ сидѣли два мужика и тихо переговаривались; на другой—молодцеватый съ виду урядникъ, съ длинными, опущенными книзу усами, и рядомъ съ нимъ баба, лѣтъ подъ сорокъ, съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ и большими ввалившимися глазами. По временамъ баба поднимала къ носу фартукъ и тихонько всхлипывала. Урядникъ сосредоточенно чертилъ по песку небольшой вѣткой, мурлыкая сквозь зубы какой-то тягучій мотивъ. Когда баба всхлипывала погромче, урядникъ переставалъ мурлыкать, оглядывался на нее и презрительно цѣдилъ: „Дура, баба. Ну, чего ревешь? Говорю, дура баба“. Тогда женщина испуганно вскидывала на него глазами и на время замолкала.

При видѣ Галицкаго, урядникъ вскочилъ и поспѣшно направился къ нему навстрѣчу.

— Здравія желаемъ в-у-с-у! — громко выговорилъ онъ, держа руку у козырька.

— Здравствуйте, Бабинъ. Что скажете?

— По дѣлу Князьковой-съ. Предписано объявить ей, что въ просьбѣ объ отдѣльномъ видѣ отказано. Такъ вотъ не хочетъ давать подписки. „Ничего“, говоритъ, „я не знаю. Какъ князь прикажетъ“. Извѣстно — баба, безъ всякихъ понятіевъ.

Онъ снисходительно усмѣхнулся и погладилъ свои длинные усы.

Выждавъ приближенія Галицкаго, Князькова, сто-

явшая у скамейки, закрывъ лицо руками, вдругъ заголосила и повалилась въ ноги.

— Не пойду я къ нему, не пойду! Что хотите со мной дѣлайте—не пойду! Жисти рѣшусь, а не пойду!

— Встань, Марья! — строгимъ голосомъ окрикнулъ ее Галицкій. — Слезами, да крикомъ не поможешь. Встань, говорю.

— Изсушилъ онъ меня, истиранилъ, силушки моей больше нѣтъ! — продолжала голосить баба, съ трудомъ поднимаясь съ колѣнъ.

— Вамъ что-же предписано? Объявить ей въ отказѣ, только? — обратился Галицкій къ уряднику.

— Такъ точно... И чтобы шла, значитъ, къ мужу.

— Да какъ она пойдетъ? Вѣдь онъ ее зарѣжетъ. Вѣдь онъ уже разъ на нее съ ножомъ бросился.

Урядникъ съ недоумѣніемъ развелъ руками...

— Предписаніе высшаго начальства.

— И на дознаніи, насколько мнѣ помнится, его жестокое обращеніе подтвердилось вполнѣ?

— Такъ точно-съ. Истинный звѣрь. Вся округа скажетъ, что звѣрь.

— Ну, вотъ видите... Почему же ей отказано?

— Не могу знать.

И опять на лицѣ урядника выразилось огорченное недоумѣніе.

Галицкій перевелъ взглядъ на Марью. Она стояла, опустивъ голову. Слезы, не переставая, текли по ея блѣднымъ впалымъ щекамъ. Почувствовавъ на себѣ взглядъ Галицкаго, она подняла голову. Губы ея задрожали, во взглядѣ выразилась мольба.

— В-е с-о, не оставьте! — стономъ вырвалось у нея и она сдѣлала движенье, чтобы опять броситься въ ноги.

— Да перестань ты, ради Бога! — раздражительно крикнулъ Галицкій.

Онъ не зналъ, что дѣлать, и это его злило. Обыкновенно, разъ дознаніемъ обвиненіе мужа въ жестокомъ обращеніи было доказано, ходатайство о выдачѣ отдѣльнаго паспорта удовлетворялось; удовлетворялось даже въ дѣлахъ гораздо менѣе серьезныхъ, чѣмъ это. А тутъ вдругъ — отказъ. И какъ теперь быть? Съ одной стороны заставить ее вернуться къ мужу — безчеловѣчно, съ другой — онъ, Галицкій, не можетъ итти противъ закона, ставить препятствія его исполненію. Остается одно — посовѣтоваться съ Погорѣловымъ. Придется завтра къ нему съѣздить. Долженъ-же быть какой-нибудь выходъ изъ такого положенія.

— Вотъ что, — сказалъ онъ, обращаясь къ уряднику. — Подписку она вамъ сейчасъ дастъ, насчетъ же возвращенія къ мужу — вы обождите. Я посовѣтуюсь съ земскимъ начальникомъ. Можетъ быть и удастся что-нибудь для нея сдѣлать.

— Слушаюсь. Это возможно-съ, — весело проговорилъ урядникъ. И ему, видимо, было пріятно оттянуть исполненіе тяжелой обязанности водворенія Марьи къ мужу.

— Казелинъ! — крикнулъ Галицкій.

Изъ конторы выбѣжалъ молодой парень, съ коротко остриженной головой и быстрыми смышленными глазами, одѣтый въ русскую шитую рубашку и шаровары на выпускъ.

— Вѣдь ты неграмотная? Подпишитесь за нее, Казелинъ. И можешь теперь итти. Пока тебя тревожить не станутъ, а тамъ видно будетъ... И не благодари, не благодари... Можетъ быть, ничего не выйдетъ... Ну-съ, а вамъ что? — спросилъ онъ, подходя къ двумъ мужикамъ, стоявшимъ въ сторонѣ. — вы вмѣстѣ?.

— Нѣ... врозь... Взойдите въ защиту. Совсѣмъ понапрасну терплю, — заговорилъ тотъ изъ мужиковъ, который уже обращался къ Галицкому на стройкѣ, протягивая бумагу.— Она же меня всячески изругала, и меня же подъ арестъ... Взойдите въ защиту.

— Постой, — сказалъ Галицкій, просмотрѣвъ бумагу.— Тутъ сказано вотъ что: у тебя съ сосѣдкой Агафьей Сидорочкиной произошла ссора, вы поругались, а потомъ ты на нее набросился и сталъ бить. Такъ это было?

— И ни-ни. Ни въ жисть я ее не билъ. И зачѣмъ бить, несогласенъ я бить? А дѣло вотъ какъ было. Какъ зачала она, старая вѣдьма, насѣдать на меня съ кулаками, я ее отъ себя и пхнулъ, легонько пхнулъ,—только всего и было.

Галицкій усмѣхнулся,

— Свидѣтели показываютъ, что ты сшибъ ее съ ногъ, а ты говоришь: „легонько пхнулъ?"

— Чтобъ мнѣ пусто было, коли я вру... Отсохни языкъ. Только и всего что пхнулъ.

— А она всетаки свалилась?

Мужикъ сконфужено завертѣлъ шапкой.

— Это—точно, кувырнулась она.—И вдругъ быстро:— А вины моей тутъ нѣтъ, на то она и баба. Какой у нея духъ? Легкій... Еле пальцемъ дотронулся, а она и кувырнись... А вины моей нѣтъ.

— Нѣтъ, есть. За то тебя и посадили, — сказалъ Галицкій, отдавая бумагу.—Другой разъ рукамъ воли не давай, въ особенности противъ бабы. По моему, рѣшеніе суда правильно и писать на него жалобу я не буду. Возьми и ступай съ Богомъ.

— Это что-же такіе за порядки? Куда же я теперь пойду? — сердито выговорилъ мужикъ, неохотно беря бумагу.

— Куда хочешь. Писать жалобы я не обязанъ, хочу пишу, хочу нѣтъ, — спокойно возразилъ Галицкій. Онъ давно привыкъ къ подобнымъ протестамъ. Хотя жалобы писались даромъ, тѣмъ не менѣе просители были почему-то убѣждены, что онъ обязанъ ихъ писать, а потому и не стѣснялись высказывать, въ случаѣ отказа, свое неудовольствіе.

Другой проситель былъ совсѣмъ ветхій старикъ, съ шамкающимъ ртомъ и выцвѣтшими глазами. Онъ былъ приговоренъ на полтора мѣсяца въ тюрьму за кражу трехъ полѣнъ дровъ изъ рощи купца Синицына. Тряся головой и шамкая, старикъ клялся и божился, что онъ дрова нашелъ на дорогѣ и принесъ домой. Тамъ при обыскѣ ихъ и нашли. Другихъ уликъ противъ него не было, и Галицкій приказалъ тутъ же стоявшему Казелину написать жалобу.

— А я, миленькій, насчетъ письмеца, — заявила маленькая, со сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ, старуха, ласково глядя на Галицкаго слезящимися глазами.

— Кому?

— Внучку, миленькій, внучку... Въ солдатикахъ онъ у меня, въ Аршавѣ, въ солдатахъ... Ужъ ты, миленькій, вели написать... Бобылка я, сиротинушка. Одна, какъ перстъ, вся тутъ.

— Хорошо. Обожди немножко... Напишутъ.

Въ это время громко и звучно раздались два удара колокола. Галицкій повернулся и пошелъ къ дому. По дорогѣ его нагналъ Казелинъ съ запиской отъ Федора Карповича, который просилъ отложить поѣздку въ лѣсъ, такъ какъ по случаю завтрашней возки дровъ ему не успѣть съ расчетомъ подводъ и людей.

IV.

Въ Нагорномъ обѣдали въ часъ. Когда Галицкій, съ третьимъ ударомъ колокола вошелъ въ столовую, тамъ никого не было. Въ отвѣтъ на его вопросительный взглядъ, одинъ изъ лакеевъ доложилъ:

— Ея с-о не изволили еще выходить, а господинъ ротмистръ на верандѣ.

Галицкій прошелъ на большую, крытую, стеклянную веранду, уставленную цвѣтами и растеніями. Настежь открытая дверь выходила на широкую пологую каменную лѣстницу, спускавшуюся въ паркъ. На зиму дверь задѣлывалась, и веранда превращалась въ зимній садъ.

Брянскій лежалъ на плетеной качалкѣ и, мурлыкая что-то, просматривалъ газету. Красивый, средняго роста и плотнаго сложенія брюнетъ, съ большими голубыми ласковыми глазами и открытымъ выраженіемъ румянаго лица, онъ сразу и выгодно располагалъ въ свою пользу, производя впечатлѣніе добраго, душевнаго малаго, какимъ и былъ въ дѣйствительности. Въ полку его очень любили и цѣнили за добродушіе, ровный, веселый характеръ и всегдашнюю готовность оказать услугу, выручить изъ бѣды. Въ свою очередь и Брянскій жилъ исключительно полковыми интересами, другой жизни не понималъ и не признавалъ и, гостя теперь въ Нагорномъ, куда пріѣхалъ по вызову сестры, вторую недѣлю, скучалъ адски. Но ему было жаль сестры и не хотѣлось уѣзжать, не попытавъ еще разъ — прежнія попытки не привели ни къ чему — убѣдить Галицкаго сдѣлать то, что, по мнѣнію его, Брянскаго, было разумно и необходимо, по мнѣнію же Галицкаго — величайшей глупостью.

— Здравствуй. Что новаго? — сказалъ Галицкій, беря газету.

— Какъ голодъ?

— Охъ, надоѣлъ. Не читаю, — махнулъ рукой Брянскій. Сладко потянувшись, онъ зѣвнулъ во весь ротъ, но тотчасъ же, словно что-то вспомнивъ, съ озабоченнымъ видомъ расправилъ длинные выхоленные усы и, кинувъ боковой взглядъ на Галицкаго, ни то въ видѣ замѣчанія, ни то въ видѣ вопроса, проговорилъ:

— А поѣздка въ лѣсъ, значитъ, не состоялась? Я, признаться, велѣлъ даже себя разбудить.

— Не состоялась, — медленно отвѣтилъ Галицкій, не отрывая глазъ отъ газеты. — И вечеромъ также не состоится. Федору Карповичу некогда.

— Такъ какъ-же, Борисъ... — Брянскій замялся. — Я сегодня вечеромъ думаю ѣхать, а передъ отъѣздомъ мнѣ необходимо еще разъ съ тобой поговорить.

Галицкій вскинулъ на него глазами.

— Все о томъ же?

— Да, все о томъ же.

— И ты думаешь, что это необходимо?

— Совершенно необходимо, — съ глубокимъ убѣжденіемъ выговорилъ Брянскій. — Вчера вечеромъ, послѣ того какъ ты ушелъ, мы еще долго сидѣли съ Лидой и...

— Вотъ это ужъ напрасно! — горячо вырвалось у Галицкаго, но онъ сразу оборвалъ и продолжалъ уже спокойно:

— Что-жъ, если по твоему необходимо — поговоримъ хоть сейчасъ послѣ обѣда... я свободенъ.

Онъ положилъ газету и вынулъ часы.

— Что это Лида не идетъ? Неужели еще одѣвается... Ты ее не видѣлъ?

Брянскій не успѣлъ отвѣтить. Раздалось легкое шуршанье платья и въ дверяхъ показалась Лидія Петровна.

— Извините, господа, — сказала она, подходя къ мужу и подставляя лобъ: — Опоздала немного. Такая лѣнь была вставать. Здравствуй, Алеша.

Она была очень похожа на брата. Тѣ-же голубые, подъ тонкими, хорошо очерченными, темными бровями, длинные глаза, та-же мягкая складка небольшого рта, тотъ-же породистый, съ маленькой горбинкой и тонкими ноздрями носъ. Но этимъ сходство и ограничивалось, такъ какъ, насколько отъ брата вѣяло полнотой жизни и здоровьемъ, настолько и то и другое отсутствовало въ сестрѣ. Всѣ ея движенія были медлительны и лѣнивы, а почти прозрачная блѣдность кожи — прямо болѣзненна. Казалось, она и говорила, и двигалась чрезъ силу, только по крайней необходимости.

Съѣвъ двѣ ложки супа, она съ усталымъ видомъ откинулась на спинку стула.

— Поздно встала, потому и не ѣшь, — наставительно замѣтилъ Брянскій. — И какая ты деревенская жительница? Что у васъ здѣсь хорошо — это погода... Какое чудное сегодня утро было. А ты и этимъ не пользуешся.

— И не жалѣю, — лѣниво усмѣхнулась Лидія Петровна. — И безъ того день великъ.

— И напрасно, и напрасно, — продолжалъ Брянскій, прожевывая большой кусокъ пирога. — Замѣчательно у васъ дѣлаютъ эти пироги, — повернулся онъ къ Галицкому. Ты знаешь, пирогъ съ грибами — это камень преткновенія для самаго лучшаго повара. Пирогъ не долженъ быть мокрымъ — и въ этомъ вся трудность...

Нѣтъ, нѣтъ, никакихъ мадеръ,— продолжалъ онъ, отклоняя бутылку, изъ которой лакей хотѣлъ налить ему вина: — А вотъ — du petit bleu de chez Raoul... И что вы тамъ ни говорите il n'y a que Raoul pour les vins de table... Конечно, наше полковое, которое мы выписываемъ бочками, почище будетъ... но я говорю про покупное.

И онъ жевалъ и говорилъ, говорилъ и жевалъ, принадлежа къ числу тѣхъ, вообще неболтливыхъ людей, у которыхъ во время ѣды, словно открывается какой-то клапанъ въ горлѣ, и они начинаютъ болтать, не переставая. Впрочемъ, Брянскій очень серьезно увѣрялъ, что когда онъ во время ѣды молчитъ, его пищевареніе страдаетъ отъ этого, а потому въ одиночествѣ — и какъ бы голоденъ онъ ни былъ — онъ ѣсть совершенно не можетъ.

Галицкій больше молчалъ и ѣлъ съ апетитомъ, а Лидія Петровна, ковырнувъ въ блюдѣ съ почками и не притронувшись ни до чего остального, продолжала сидѣть въ той же усталой позѣ, уставившись безучастнымъ взглядомъ въ пространство.

Вдругъ она зашевелила губами и, будто только сейчасъ замѣтила это, лѣниво выронила:

— А мы сегодня въ одиночествѣ. Ни Игнатія Ивановича, ни Вѣры... И почему это Вѣра перестала ходить? Ты ее давно не видѣлъ?

— Вѣру я видѣлъ утромъ,—отвѣтилъ Галицкій.— Сегодня Игнатій Ивановичъ именинникъ, и они всѣ у него на пирогѣ... Кстати, я часа въ три собираюсь зайти его поздравить, не хочешь ли со мной. Все-таки маленькое развлеченіе.

Лидія Петровна подняла на него глаза.

— Развлеченіе...—протянула она.—По моему, двойная скука.

Брянскій насторожился и повернулся къ Галицкому, но, видя, что тотъ молчитъ, выпилъ залпомъ остатокъ вина, тщательно вытеръ усы, вытянулъ манжеты и сказалъ съ удареніемъ:

— Я вполнѣ согласенъ съ Лидой. Какое развлеченіе могутъ ей доставить Игнатій Ивановичъ и его гости? Что у ней общаго съ ними?

Галицкій не отвѣчая пожалъ плечами. Лидія Петровна окинула его долгимъ взглядомъ и блѣдное лицо ея чуть-чуть окрасилось.

— Я убѣждена, — сказала она: — что всѣ они прекрасные люди, а нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, даже идеальные, — она усмѣхнулась. — Но что-же мнѣ дѣлать, если ихъ интересы мнѣ непонятны, разговоры скучны и въ ихъ обществѣ я чувствую себѣ еще тоскливѣе, чѣмъ здѣсь въ одиночествѣ.

— Ихъ интересы — интересы общечеловѣческіе, а потому очень жаль, если они тебѣ непонятны,—спокойно возразилъ Галицкій.

— Жаль?.. Ты находишь? Но... но развѣ я въ этомъ виновата?

Уже совсѣмъ ясная нотка раздраженія прозвучала въ ея голосѣ, и Галицкій, взглянувъ на нее, примирительно замѣтилъ:

— Конечно, нѣтъ. Я тебя и не виню. — И тотчасъ же, чтобы перемѣнить разговоръ, обратился съ улыбкой къ Брянскому:

— А ты знаешь, что Вѣра перестала сюду ходить изъ-за тебя?

Вотъ какъ!—И лицо ротмистра расплылось въ самодовольную улыбку, а рука невольно потянулась къ усамъ. Онъ повертѣлъ шеей и вытянулъ манжеты:

— Что-жъ? Ею стоитъ заняться.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся Галицкій. — Ты, кажется, ошибаешься. Она сказала, что не выноситъ мужчинъ, которые, подобно тебѣ, смотрятъ на женщину, какъ на красивое животное.

— Что?.. Красивое животное? — даже не сразу понялъ Брянскій. — Ахъ, она недотрога этакая. А ты ей скажи отъ меня, что и я въ свою очередь терпѣть не могу синихъ чулокъ.

— Ну, нѣтъ,—возразилъ Галицкій:—она далеко не синій чулокъ. Эта—дѣвушка съ большимъ характеромъ и съ собственнымъ, самостоятельно выработаннымъ взглядомъ на жизнь и людей... Но у ней прекрасное сердце, и она очень женственна.

— А все потому,—не слушая его, продолжалъ горячиться ротмистръ; — что живетъ она тутъ, въ вашей дырѣ и никого не видитъ. Попади она къ намъ въ Петербургъ, черезъ годъ не узнаешь, вся дурь изъ головы вылетитъ.

— Ты думаешь? Врядъ-ли. Вѣдь она была въ Петербургѣ. А главное, что ни только года, но и мѣсяца она теперь тамъ не выживетъ, сбѣжитъ навѣрное.

— Это почему же?

И глаза ротмистра сдѣлались совсѣмъ круглыми отъ удивленья.

— А потому... „La femme est un animal qui s'habille, babille et se déshabille“, и если подъ этимъ опредѣленіемъ подписать: свѣтская женщина нашего круга, то прибавить къ нему рѣшительно нечего. Ну, а Вѣра совсѣмъ изъ другого тѣста, она...

И онъ остановился и съ удивленіемъ взглянулъ на Лидію Петровну. Съ неменьшимъ удивленіемъ глядѣлъ

на нее и Брянскій, до того необычайно рѣзко и натянуто прозвучалъ ея голосъ.

— Я только удивляюсь одному, какъ это ты, имѣя всего въ двухъ верстахъ отъ себя такое сокровище, вмѣсто меня не женился на ней. Воображаю, какъ ты теперь въ этомъ раскаиваешься.—И она смотрѣла на мужа раздраженными, расширенными глазами.

Галицкій покраснѣлъ и потупился. Онъ молча, нервнымъ движеніемъ сталъ свертывать салфетку, сунулъ ее въ кольцо и почувствовавъ, наконецъ, что совладалъ съ собою, тихо и медленно проговорилъ.

— А я удивляюсь, какъ могла такая мысль придти тебѣ въ голову. Кажется, я никогда не давалъ тебѣ повода думать, что жалѣю о своемъ выборѣ.

— Ну еще бы! Такой во всѣхъ отношеніяхъ идеальный человѣкъ и мужъ, какъ ты...

Теперь ужѣ рыданія слышались въ ея голосѣ. Вдругъ она подняла руку къ лѣвому виску и лицо ея болѣзненно сморщилось.

— Ахъ, какъ больно! Опять начинается мигрень... Извините...

Она встала и быстро вышла изъ комнаты.

Безсознательно покачивая головой, Галицкій смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— И что это съ ней?—произнесъ онъ съ недоумѣніемъ.—Никогда ничего подобнаго не бывало.

— Погоди, и не того еще дождешься,—проворчалъ Брянскій.—Я тебѣ говорилъ...

Онъ замолчалъ, увидѣвъ входившаго лакея.

— Подайте кофе на веранду,—распорядился Галицкій, вставая. — Ну, говори, — продолжалъ онъ, когда лакей, подавъ кофе, удалился. — Во всякомъ случаѣ,

4*

долженъ признать, что то, что сейчасъ произошло, большой козырь въ твоей игрѣ.

— Ахъ, Борисъ, ты шутишь, а вѣдь дѣло совсѣмъ нешуточное...

Онъ закурилъ сигару и нѣкоторое время молчалъ, видимо собираясь съ мыслями.

— Вообще мнѣ кажется, ты какъ-то легко, несерьезно относишься къ этому. Быть можетъ, отчасти потому, что ты видишь Лиду постоянно и тебѣ не такъ замѣтно; но я, который не видѣлъ ее два года, я былъ прямо пораженъ происшедшей въ ней перемѣной. Положимъ, особой живостью характера она никогда не отличалась, была всегда, какъ говорится, съ лѣнцой, но... Это что такое?—оборвалъ онъ на полусловѣ.

Изъ сада донесся, быстро приближаясь и усиливаясь, звукъ колокольчика и бубенцовъ, потомъ сразу смолкъ, а черезъ минуту появился Федосюкъ и громогласно доложилъ:

— Ихъ пре-о, господинъ предводитель дворянства, и ихъ в-е, господинъ предсѣдатель управы и господинъ земскій начальникъ.

— Сборъ всѣхъ частей... И гдѣ это они сошлись?—усмѣхнулся Галицкій.—А не везетъ тебѣ съ объясненіемъ,—повернулся онъ къ Брянскому.—На этотъ разъ, впрочемъ, ты самъ видишь, я не виноватъ,—закончилъ онъ, поднимаясь навстрѣчу гостямъ.

— Что-же это вы, господа, не къ обѣду? Мы только что кончили. Не хотите ли закусить?

— Нѣтъ, нѣтъ, мы только-что завтракали,—отвѣтилъ за всѣхъ предводитель, небольшого роста господинъ, лѣтъ подъ сорокъ, но съ моложавымъ круглымъ лицомъ, на которомъ еле пробивались маленькіе бѣлокурые усики. Звали его Николаемъ Николаевичемъ

Подрѣзовымъ. Онъ недавно былъ избранъ на второе трехлѣтіе, но больше занимался лошадьми, чѣмъ службой, пользуясь въ спортивныхъ кружкахъ обѣихъ столицъ репутаціей искуснаго скакуна.

— Въ такомъ случаѣ, кофе, чаю? — предложилъ Галицкій.

— Мнѣ бы, князь, холодненькаго кваску, — заявилъ густымъ басомъ предсѣдатель управы, Иванъ Петровичъ Буйловъ, крупный мужчина, съ краснымъ одутловатымъ лицомъ и маленькими заплывшими глазками. Оно видимо осовѣлъ послѣ предводительскаго завтрака и, грузно опустившись въ плетеное кресло, громко сопѣлъ, почмокивая толстыми губами.

Третій гость былъ земскій начальникъ, Петръ Ильичъ Погорѣловъ. Средняго роста, худощавый, съ некрасивымъ, но выразительнымъ лицомъ и спокойнымъ, увѣреннымъ выраженіемъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ, онъ для многихъ представлялъ загадку. Очень богатый человѣкъ, владѣлецъ огромнаго имѣнія, въ нѣсколько тысячъ десятинъ, онъ жилъ въ своемъ роскошномъ домѣ въ полномъ одиночествѣ, ни къ кому почти не ѣздилъ и никого не принималъ. Въ хозяйство онъ не вмѣшивался, предоставляя все дѣло управляющему, и всецѣло посвятилъ себя службѣ. Понятно, что такой образъ жизни человѣка съ большими средствами возбуждалъ общее удивленіе. Наконецъ, верхомъ загадочности являлись его ежегодныя мѣсячныя отлучки... неизвѣстно куда. Каждое первое августа онъ исчезалъ, и какъ ни старались любопытные разузнать, въ чемъ тутъ дѣло, и гдѣ онъ проводилъ этотъ мѣсяцъ, — всѣ ихъ старанія оставались безъ результата. На Галицкаго онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, пережившаго въ молодости какую-то тяжелую душевную

драму, отразившуюся на всей его послѣдующей жизни.

Сближеніе его съ Галицкимъ произошло не сразу и при довольно исключительныхъ обстоятельствахъ.

V.

Въ числѣ тѣхъ лицъ, которымъ Галицкій, поселившись въ Нагорномъ, нанесъ визитъ, былъ и Погорѣловъ. Послѣдній отдалъ визитъ тотчасъ-же, но сидѣлъ не болѣе получаса, держалъ себя очень сдержанно, даже сухо и произвелъ на Галицкаго впечатлѣніе скорѣй неблагопріятное. На этомъ ихъ знакомство и кончилось. Но вотъ, по прошествіи года съ небольшимъ, Галицкій получаетъ отъ Погорѣлова записку, въ которой тотъ проситъ назначить ему день и часъ для свиданія по дѣлу. Явившись въ назначенное время, онъ вынулъ записную книжку и, справляясь по ней, началъ такъ:

— Прежде всего, князь, позвольте немного статистики. За послѣдній годъ до вашего пріѣзда сюда число дѣлъ, рѣшенныхъ волостнымъ судомъ здѣшней волости, равнялось—248. Изъ этого числа было обжаловано 46 дѣлъ; 16 жалобъ подлежали моему единоличному разсмотрѣнію, а 30 поступили въ Съѣздъ; изъ нихъ Съѣздомъ отмѣнено 8. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что какъ общее количество дѣлъ, такъ и число рѣшеній, обжалованныхъ, а также отмѣненныхъ Съѣздомъ, по отдѣльнымъ годамъ, величины довольно постоянныя, подверженныя лишь незначительнымъ колебаніямъ, съ ясно, впрочемъ, выраженнымъ стремленіемъ къ пониженію вообще. И такъ было до послѣдняго года, т. е. до вашего пріѣзда въ Нагорное. Но за послѣдній годъ

положеніе рѣзко мѣняется. Общее количество дѣлъ хотя увеличивается не особенно много—вмѣсто 248—262, зато число обжалованій достигаетъ цыфры прямо невѣроятной: вмѣсто 46—221. Далѣе,—прошу васъ обратить особенное вниманіе на послѣдующія цыфры,—изъ этихъ 221 дѣла въ Съѣздъ поступило 120—въ позапрошломъ году, какъ указано, 30,—отмѣнено же Съѣздомъ 7—на одно меньше, чѣмъ въ позапрошломъ году. И вотъ послѣдняя цыфра очень краснорѣчива. Она доказываетъ ясно, что этотъ потокъ жалобъ, неожиданно наводнившихъ Съѣздъ, состоялъ изъ жалобъ вполнѣ неосновательныхъ, единственнымъ результатомъ которыхъ явилась пустая и безполезная трата времени, какъ Волостного Правленія—выдача копій—такъ моего и Съѣзда. А кто создатель этого потока? Вы—князь, такъ какъ изъ числа 221 жалобы—196 писаны одной и той-же рукой,—рукой вашего конторщика Казелина.

Онъ замолчалъ, положилъ записную книжу въ карманъ и, спокойно улыбаясь, смотрѣлъ на покраснѣвшаго Галицкаго.

— Я никакъ этого не ожидалъ,—сказалъ наконецъ тотъ, разводя руками.—Я думалъ придти населенію на помощь, избавить его отъ необходимости платить тѣ полтинники и рубли, которые съ него берутъ за писаніе жалобъ. Я никакъ не думалъ, что даровое ихъ писаніе можетъ такъ увеличить число обжалованій.

Погорѣловъ кивнулъ головой.

— Я понимаю, князь. Но это еще не все. Можете себѣ представить, что у меня лично въ прошломъ году оказалось изъ-за васъ болѣе, чѣмъ на сто дѣлъ лишнихъ. И очень просто почему. Дѣло въ томъ, что, сплошь и рядомъ, жалуются лишь потому, что не знаютъ закона. Для ясности приведу вамъ хотя слѣ-

дующій примѣръ. Приходитъ мужикъ и объясняетъ, что онъ сдалъ свой земельный надѣлъ въ арендное содержаніе сосѣду, между тѣмъ подати за этотъ надѣлъ требуютъ съ него. Находитъ это, само собой, несправедливымъ и проситъ освободить его отъ уплаты. Казалось бы, просьба основательная: кто пользуется землею, тотъ за нее и плати. Но существуетъ прямое указаніе закона, что въ такихъ случаяхъ обязанность платить за землю остается на собственикѣ земли. Ну, и объяснишь это мужику, и онъ уходитъ, хотя, быть можетъ, въ душѣ и недовольный, но понимающій, что съ закономъ спорить не приходится. И такихъ случаевъ, т. е. жалобъ, возбуждаемыхъ исключительно по недоразумѣнію, масса. Да, вотъ какъ: изъ десяти—восемь навѣрное такихъ. Но такъ какъ всѣ онѣ кончаются словеснымъ разъясненіемъ, то дѣлъ по нимъ, очевидно, не заводится. Такъ шло до вашего пріѣзда. Теперь же происходитъ вотъ что. Приходитъ ко мнѣ мужикъ съ жалобой. Я разъясняю ему ея неосновательность. Онъ уходитъ какъ будто успокоенный, но черезъ недѣлю я получаю отъ него прошеніе, писанное въ вашей конторѣ, съ изложеніемъ той же жалобы. И приходится мнѣ заводить по ней дѣло, писать постановленіе, выдавать съ него копію, а такъ какъ это постановленіе есть ничто иное, какъ письменное изложеніе уже сдѣланнаго мною словеснаго разъясненія, довѣрія къ которому у мужика уже нѣтъ, мужикъ жалуется въ Съѣздъ, гдѣ, такимъ образомъ, также прибавляется лишнее дѣло. Иногда же, вѣроятно въ тѣхъ случаяхъ, когда жалобщикъ заявляетъ вамъ, что онъ у меня уже былъ и я въ просьбѣ ему отказалъ,—жалоба адресуется прямо къ губернатору, который требуетъ отъ меня объясненій, а потомъ передаетъ ее на мое же распоряженіе для соста-

вленія постановленія и т. д. Въ результатѣ—появленіе за послѣдній отчетный годъ въ моемъ производствѣ болѣе ста лишнихъ, пустыхъ дѣлъ по жалобамъ, оканчивавшимся прежде простымъ словеснымъ разъясненіемъ ихъ неосновательности.

Погорѣловъ помолчалъ, поглядѣлъ на Галицкаго, который сидѣлъ уже совсѣмъ растерянный, и потомъ продолжалъ все тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— И тѣмъ не менѣе, князь, если бы вопросъ шелъ исключительно объ увеличеніи числа дѣлъ, я къ вамъ не явился бы. Мы для того и поставлены, чтобы работать, и жаловаться на количество работы намъ не подобаетъ. Но тутъ главное—нравственная сторона вопроса. Вѣдь нѣтъ никакого сомнѣнія, что даровое писаніе жалобъ такимъ лицомъ какъ вы, пользующимся у крестьянъ широкой популярностью, вселяетъ въ нихъ недовѣріе къ дѣйствіямъ какъ волостного Суда, такъ и къ моимъ. Когда мужику пишетъ жалобу какой-нибудь писака, мужикъ отлично понимаетъ, что писакѣ рѣшительно все равно, правильно его дѣло или нѣтъ, что онъ хлопочетъ ради полтинника или рубля. Ну, а вы, во имя чего хлопочете? Разъ не изъ-за денегъ,—очевидно—во имя справедливости, въ убѣжденіи, что рѣшеніе или суда, или мое неправильно. Вѣдь мужикъ ни за что не повѣритъ, что вы и сами, приказывая писать жалобу, не знаете, правильно его дѣло, или нѣтъ. Мужикъ разсуждаетъ такъ: разъ князь за меня хлопочетъ, пишетъ для меня жалобу, очевидно дѣло мое правое, а земскій начальникъ меня обманулъ. И такое разсужденіе вполнѣ логично. И все же, несмотря даже на эту сторону вопроса,—повторяю гораздо болѣе важную, чѣмъ увеличеніе числа дѣлъ,—я колебался

объясняться ли съ вами. У каждаго свой взглядъ. Вы не считаете возможнымъ отказать мужику въ помощи, разъ онъ къ вамъ обращается и хотя не знаете, насколько основательна его жалоба, полагаете, что если изъ трехсотъ написанныхъ вами жалобъ, хотя одна достигнетъ цѣли—и то хорошо. А до земскаго начальника или волостного суда вамъ нѣтъ никакого дѣла. Вотъ что, или приблизительно что, вы могли мнѣ сказать, и возражать на такую постановку вопроса я не нашелъ бы возможнымъ. Но на-дняхъ произошелъ случай, въ которомъ вы, желая оказать помощь, принесли безспорный вредъ, и я, войдя въ свою роль попечителя и защитника крестьянъ... въ данномъ случаѣ, противъ васъ,—улыбнулся онъ,—рѣшилъ съ вами переговорить. А дѣло было такое. У вашего,—впрочемъ, и моего также—сосѣда, купца Пузанова, вашъ же крестьянинъ Курочкинъ,—препочтенный, кстати, старикъ—укралъ изъ рощи нѣсколько полѣнъ дровъ. Проѣзжалъ по большой дорогѣ мимо развалившейся полѣнницы, изъ которой, кажется, только лѣнивый не таскалъ, захватилъ нѣсколько полѣнъ, понесъ на телѣгу... и былъ накрытъ съ поличнымъ лѣснымъ сторожемъ, котораго Пузановъ только что наканунѣ пробралъ за постоянную пропажу дровъ и который поэтому рѣшилъ во чтобы то ни стало поймать кого-либо изъ похитителей, для чего и схоронился тутъ же, за одной изъ цѣльныхъ полѣнницъ. Ну, Пузановъ ко мнѣ. „Надоѣли". говоритъ, „всѣ дрова растаскали. Прошу наказать", „Такъ-то такъ", отвѣчаю: „Наказать, конечно, слѣдуетъ, но примите во вниманіе слѣдующее. Дѣло это подсудно не волостному суду, а мнѣ лично, а минимумъ наказанія, которое я могу назначить—шесть недѣль тюрьмы. Согласитесь, что за нѣсколько полѣнъ это жестоко. Не

достаточно ли будетъ, если я его посажу дней на семь подъ арестъ. Но сдѣлать такъ я могу лишь въ томъ случаѣ, если вы останетесь моимъ приговоромъ довольны и его не обжалуете. И Пузановъ былъ настолько милъ, что согласился. Такъ я и сдѣлалъ. Разобравъ дѣло, призналъ проступокъ Курочкина не кражей, а подвелъ его — несовсѣмъ правильно, конечно — подъ другую статью и присудилъ на 7 дней подъ арестъ. При этомъ предупредилъ его, чтобы онъ не жаловался. „Зачѣмъ жаловаться? Много довольны вашей милостью". Прекрасно. Только дня черезъ два приходитъ за копіей, „Не дури, старикъ. Хуже будетъ, въ тюрьму попадешь", опять убѣждаю я его. „Да я что, да я ничего, не сумлѣвайтесь. Я только такъ, посовѣтоваться". „Какъ знаешь. Смотри только потомъ на меня не пенять. Помни, что я тебя предупреждалъ". Ну, а черезъ недѣлю я получаю по почтѣ жалобу, написанную, само собой, у васъ...

Онъ остановился и вопросительно взглянулъ на Галицкаго.

— Да, да, я помню, — хмуро выговорилъ тотъ. — Помню, что меня возмутила строгость наказанія... 7 дней за нѣсколько полѣнъ дровъ. Я и просилъ въ жалобѣ о смягченіи наказанія.

— Такъ. Вы были возмущены несоотвѣтствіемъ вины и взысканія и, несмотря на то, что Курочкинъ вамъ говорилъ, что я не совѣтовалъ ему жаловаться, убѣдили его просить о смягченіи наказанія; а, въ результатѣ, Съѣздъ отмѣнилъ мой приговоръ и закатилъ несчастнаго старика на шесть недѣль въ тюрьму. Надняхъ онъ былъ у меня, плакалъ и валялся въ ногахъ, думая что я и теперь могу ему помочь и... простите меня, князь, мнѣ не разъ пришлось его останавливать,

когда рѣчь заходила о васъ и о той услугѣ, которую вы ему оказали...

Наступило молчаніе, Галицкій, весь красный, нервно постукивалъ ногой по полу. Чтобы дать ему оправиться, Погорѣловъ отошелъ къ письменному столу и сталъ закуривать папиросу. Наконецъ Галицкій всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и выговорилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Вы не можете себѣ представить, какъ я пораженъ тѣмъ, что отъ васъ услышалъ. Еще разъ повторяю, я никакъ не ожидалъ, что мое писаніе жалобъ можетъ имѣть такія послѣдствія и, само собой разумѣется, съ сегодняшняго дня прекращу его совсѣмъ. Больше вы моей жалобы не увидите.

— И совсѣмъ напрасно, князь,—возразилъ улыбаясь Погорѣловъ.—Зачѣмъ такая радикальная мѣра? Нужно не это, а совсѣмъ другое... Вы позволите говорить откровенно съ вами?

— Пожалуйста, пожалуйста... Вы меня извините, я еще не совсѣмъ пришелъ въ себя отъ всего того, что слышалъ.

Погорѣловъ сѣлъ на прежнее мѣсто, положилъ ногу на ногу и, обхвативъ руками колѣнку, заговорилъ, покачиваясь въ тактъ словамъ, медленно и отчетливо:

— Съ той минуты, какъ вы здѣсь поселились, я пристально слѣдилъ за вашей дѣятельностью. Признаюсь откровенно, вначалѣ я относился къ ней недовѣрчиво. Я думалъ: „Балуетъ человѣкъ отъ нечего дѣлать; побалуетъ, надоѣстъ и броситъ“. Но потомъ ваши обширныя и основательныя начинанія, отчасти взгляды, высказанные вами на послѣднемъ земскомъ собраніи, заставили меня перемѣнить мнѣніе. Я понялъ, что имѣю передъ собою человѣка, который заботится о народѣ

не отъ нечего дѣлать, не ради скоропроходящей забавы, а вполнѣ искренно желая ему добра и скорбя объ его темнотѣ и безпомощности. Очень понятно, что такой человѣкъ не можетъ относиться равнодушно ни къ одной изъ сторонъ народной жизни. Онъ не можетъ себѣ сказать: „Я строю больницы, школы, пріюты, а до мужика, приходящаго ко мнѣ за совѣтомъ, по своей личной нуждѣ, мнѣ дѣла нѣтъ, и я слушать его не хочу и не стану. Конечно, такъ думать и поступать вы не можете и вотъ—ваша контора пишетъ жалобы, а вы даете совѣты. Но чтобы и на этой почвѣ приносить дѣйствительную пользу, вамъ необходимо обладать тѣмъ, чего у васъ въ настоящее время нѣтъ,—вамъ необходимо знаніе, и знаніе, если хотите, всеобъемлющее,—такъ какъ съ чѣмъ только не приходитъ за совѣтомъ мужикъ,—главнымъ же образомъ, знаніе крестьянскихъ законовъ, самоуправленія, суда, ибо по всему этому обращаются къ вамъ чаще всего. Лишь обладая этимъ знаніемъ, вы дѣйствительно сохраните въ карманѣ мужика дорогой ему полтинникъ, не размножая въ то же время кляузничества, лишь при немъ не рискуете оказывать медвѣжьи услуги, какъ въ дѣлѣ Курочкина, лишь при немъ вамъ—развѣ въ видѣ исключенія—не придется переживать непріятныя минуты,—минуты, переживаемыя теперь, я убѣжденъ, сплошь и рядомъ,—когда вамъ приходится отвѣчать человѣку, пришедшему къ вамъ съ вѣрой и упованіемъ: „Извини, голубчикъ, не знаю я этого, обратись къ кому-нибудь другому“. Но сверхъ того, такое знаніе вамъ необходимо, какъ деревенскому дѣятелю вообще. Вы гласный земскаго собранія, членъ разныхъ совѣтовъ и комиссій, вамъ на каждомъ шагу приходится имѣть дѣло съ оффиціальной стороной крестьянской жизни, а твер-

дой почвы подъ вами нѣтъ и вы всегда рискуете впасть въ ошибку, поставить себя въ смѣшное положеніе. И вотъ, князь, я вамъ теперь и предлагаю... Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, который даетъ вамъ себя чувствовать на каждомъ шагу, тормозитъ вашу безспорно полезную дѣятельность я отдаю себя въ ваше распоряженіе, предлагаю подѣлиться съ вами тѣмъ, что знаю самъ. Пріѣзжайте ко мнѣ, поживите, поучитесь, и въ какой-нибудь мѣсяцъ вы усвоите себѣ самое главное, необходимое... ну, а разныя тамъ тонкости придутъ потомъ. Для блага того народа, которому мы оба служимъ, безусловно необходимо, чтобы мы шли съ вами рука объ руку, отнюдь другъ другу не мѣшая... До сей же минуты, князь,—говорю прямо, вы только и дѣлали, что мнѣ мѣшали.

Онъ смѣющимися глазами посмотрѣлъ на Галицкаго, который развелъ руками и хотѣлъ что-то сказать, но не далъ ему заговорить и быстро продолжалъ:

— Простите, одну минуточку, сейчасъ кончу... Открою послѣднія карты—и конецъ. Дѣлая вамъ это предложеніе, я преслѣдую и еще одну цѣль. Съ перваго же съ вами знакомства, да и потомъ, я не могъ не замѣтить, что вы относитесь къ нашему брату, земскимъ начальникамъ, не особенно дружелюбно, т. е. вѣрнѣе къ нашей дѣятельности и съ точки зрѣнія принципіальной, конечно,—такъ какъ противъ насъ, какъ людей, вы, само собой, ничего имѣть не можете... О, не протестуйте,—улыбнулся онъ, замѣтивъ, что Галицкій намѣренъ возражать:—Я очень хорошо это понимаю и говорю вамъ совсѣмъ не въ упрекъ. Что-же дѣлать, если слово „свобода", даже невѣрно понимаемое, обладаетъ такой притягательной силой. Ну, а объ отношеніи къ намъ людей либеральнаго направленія распро-

страняться, я думаю, нечего. Дѣло, однако, въ томъ, что по крестьянскому вопросу въ частности въ основѣ этого направленія лежитъ крупное недоразумѣніе, плодъ глубокого незнанія народной жизни вообще и нашей дѣятельности въ частности. Доказывать это было бы слишкомъ долго, да въ данномъ случаѣ и не нужно, такъ какъ я твердо убѣжденъ, что, познакомившись съ тѣмъ, что представляло изъ себя крестьянское самоуправленіе со времени освобожденія крестьянъ и до введенія Положенія о земскихъ начальникахъ, какія измѣненія внесло въ него это Положеніе и что такое дѣятельность земскаго начальника, искренно и сердечно относящагося къ дѣлу—вашъ взглядъ на эту должность радикально измѣнится, а статьи и обозрѣнія печати извѣстнаго направленія, трактующія крестьянскіе вопросы, будутъ производить на васъ сплошь и рядомъ впечатлѣніе разсужденій цѣликомъ взятыхъ изъ „Стрекозы“ или „Будильника“. Вотъ, князь, все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Простите, что такъ долго злоупотреблялъ вашимъ вниманіемъ, но, кажется, трудно было высказаться короче. Мнѣ хотѣлось, чтобы между нами не осталось ничего недоговореннаго.

И Галицкій послушался. Онъ часто сталъ ѣздить къ Погорѣлову, проводя у него каждый разъ нѣсколько дней. Погорѣловъ познакомилъ его сначала съ литературой предмета, а потомъ сталъ возить по волостнымъ правленіямъ, на засѣданія волостныхъ судовъ, на сельскіе сходы, заставлялъ его присутствовать на своихъ личныхъ пріемахъ и разбирательствахъ. Галицкій продѣлывалъ все это съ большимъ удовольствіемъ, чувствуя какъ съ пріобрѣтеніемъ знаній расширяется мало-по-малу его кругозоръ. Сверхъ того и самъ Погорѣловъ пересталъ для него представлять загадку.

Онъ понялъ, что Погорѣловъ просто на просто человѣкъ, желающій приносить пользу и убѣжденный, что ни одна дѣятельность не даетъ къ этому столько возможности, какъ дѣятельность земскаго начальника. По этому поводу между ними однажды произошелъ разговоръ, начатый Погорѣловымъ.

— Если бы я еще сомнѣвался въ искренности вашей дѣятельности, то знаете-ли, князь, какое обстоятельство явилось бы для меня лучшимъ ея доказательствомъ? А вотъ какое, — и онъ усмѣхнулся: — То, что вы не удивляетесь моей дѣятельности. Вы — единственный изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ ни разу меня не спросившій, какъ это я, при моихъ средствахъ, связахъ и т. д. и т. д., служу земскимъ начальникомъ. Не спрашивали, очевидно, потому, что не находили въ этомъ ничего страннаго, такъ какъ сами, въ свою очередь, при подобныхъ-же, но еще большихъ данныхъ „похоронили“ себя, какъ это принято говорить, въ деревнѣ. Не знаю, что вы отвѣчаете, когда васъ спрашиваютъ, какъ могли вы себя „похоронить“, — я-же, признаться, давно пересталъ отвѣчать серьезно. Вѣдь отвѣтъ одинъ: „Потому что желаю приносить пользу народу и думаю, что нигдѣ ея столько не принесу, какъ на мѣстѣ земскаго начальника“. Но въ отвѣтъ на это, казалось бы, столь простое и понятное объясненіе, мнѣ такъ часто случалось замѣчать въ глазахъ вопрошающаго явное недовѣріе, мысль: „И зачѣмъ ты врешь? Такъ я тебѣ и повѣрилъ!“ что теперь я только отшучиваюсь... чтобы лишній разъ не краснѣть... не за себя, конечно. Да, вѣрить такому объясненію лишь тотъ, который самъ такъ-же чувствуетъ... а много ли такихъ?

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Галицкій. — Но у меня положеніе нѣсколько иное, и я отвѣчаю еще

проще: Живу такъ, потому что иначе жить не могу... Но вотъ, что вы мнѣ скажите... онъ замялся: — Для меня ясно, что вамъ довелось перенести въ жизни тяжкое испытаніе... О, пожалуйста, не думайте, что я желаю заглянуть въ ваше прошлое, — добавилъ онъ поспѣшно, замѣтивъ, что Погорѣловъ нахмурился. — Я хотѣлъ васъ спросить только слѣдующее: Еслибъ съ вами не было того, что случилось, была бы ваша дѣятельность той же, что теперь? Спрашиваю объ этомъ опять таки не ради любопытства, а... Видите ли, я уже давно работаю надъ сочиненіемъ, озаглавленнымъ: „Что такое русское дворянство, и чѣмъ должно оно быть“. Пишу, конечно, исключительно для себя, для лучшаго уясненія своего собственнаго міровоззрѣнія, и вашъ отвѣтъ дастъ мнѣ, какъ я надѣюсь, лишнее доказательство справедливости одной изъ главныхъ развиваемыхъ мною мыслей.

Погорѣловъ нѣкоторое время молчалъ, а потомъ, пожавъ плечами, выговорилъ медленно:

— Отвѣтить на вашъ вопросъ довольно трудно. Вѣрнѣйшій отвѣтъ будетъ: не знаю; можетъ-быть — да, можетъ-быть — нѣтъ.

— Значитъ, особаго стремленія жить именно въ деревнѣ, служить именно народу вы въ себѣ не чувствовали?

— Особаго — нѣтъ. Да и откуда было ему взяться? Развѣ насъ такъ воспитываютъ, къ тому готовятъ?

— Ну-да, ну-да, — радостно закивалъ головой Галицкій. — Именно это я и надѣялся отъ васъ услышать.

VI.

Познакомившись ближе съ Погорѣловымъ, Галицкій сталъ его очень уважать и какъ дѣятеля и какъ че-

ловѣка. И теперь онъ привѣтствовалъ его съ особеннымъ дружелюбіемъ.

— Какъ я радъ, что вы заѣхали, — сказалъ онъ, беря его подъ руку. — Вы знаете, я самъ собирался къ вамъ завтра. У меня до васъ дѣло.

— И не застали бы, у насъ завтра Съѣздъ, — отвѣтилъ Погорѣловъ. — Но вѣдь и мы къ вамъ по дѣлу.

— Прекрасно. Весь къ вашимъ услугамъ, господа. Что прикажете?

— Это пусть вамъ объяснитъ Николай Николаевичъ. Мы при немъ въ качествѣ, такъ сказать, ассистентовъ.

— Дѣло въ томъ, князь, — сказалъ предводитель, — что я на-дняхъ буду назначенъ вице-губернаторомъ въ К., а потому возникаетъ вопросъ о моемъ замѣстителѣ.

Первую часть фразы Подрѣзовъ выговорилъ вскользь, какъ будто мимоходомъ, оттѣнивъ вторую удареніемъ на словѣ „замѣстителѣ“. И, тѣмъ не менѣе, все въ немъ говорило о чувствѣ самодовольства, о сознаніи того впечатлѣнія, какое должно произвести на слушателя извѣстіе о его новомъ назначеніи, а его правая рука какъ-то невольно дернулась къ Галицкому, въ ожиданіи поздравительнаго рукопожатія.

Но послѣдній отвелъ глаза и чуть-чуть улыбнулся, — улыбнулся тому, какъ вѣрно оказалось мнѣніе, составленное имъ о Подрѣзовѣ. Онъ его не долюбливалъ, считалъ за карьериста, который, по примѣру многихъ, смотритъ на предводительское мѣсто, какъ на удобнѣйшую ступень для полученія вице-губернаторства и дальнѣйшей карьеры. До нуждъ уѣзда такимъ господамъ нѣтъ никакого дѣла, относятся они къ своимъ обязанностямъ совершенно формально, исполняя ихъ лишь настолько, чтобы нельзя было сказать, что они рѣшительно ничего не дѣлаютъ.

„Скатертью дорога, голубчикъ. Пустого мѣста не оставишь“, думалъ Галицкій и вдругъ поймалъ на себѣ взглядъ Буйлова. Маленькіе глаза послѣдняго весело смѣялись, подмигивая на Подрѣзова. И такъ мало соотвѣтствовала эта игра глазъ выраженію остального лица, продолжавшаго оставаться соннымъ и неподвижнымъ, что Галицкій чуть не расхохотался.

— Въ этихъ случаяхъ принято, кажется, поздравлять, — сказалъ онъ наконецъ. — Но извините меня, если я отъ этого обычая уклонюсь. Я ставлю предводительскую должность очень высоко и меня всегда удивляетъ, когда ее мѣняютъ на другую. Предводитель въ уѣздѣ — все, а...

— Я совершенно, совершенно съ вами согласенъ, князь, — перебилъ весь вспыхнувъ Подрѣзовъ. — И я не намѣревался вовсе уходить. Это случилось такъ неожиданно, помимо меня, я и не просилъ, не хлопоталъ. Вдругъ — предложеніе... Ну, какъ отказаться? Вѣдь отказъ могъ повліять на дальнѣйшую службу, на всю, такъ сказать, карьеру...

И онъ растерянно замолчалъ, чувствуя, что запутывается, что объясняетъ совсѣмъ не въ томъ духѣ, въ какомъ слѣдуетъ и въ какомъ началъ.

А тутъ еще Буйловъ, многозначительно крякнувъ, съ самымъ спокойнымъ видомъ, но уже совсѣмъ прыгающимъ отъ насмѣшки глазами, провозгласилъ своимъ басомъ: — Н-да, положеніе затруднительное.

— Да зачѣмъ вамъ карьера, — усмѣхнулся Галицкій, — разъ вы имѣете достаточно средствъ, чтобы служить предводителемъ? Должность и почетная, и вліятельная, при полной возможности приносить пользу... Впрочемъ, простите, это мой личный взглядъ, отнюдь, конечно, для другихъ необязательный... Вопросъ, стало-

быть, теперь въ замѣстителѣ. Ну, кого же вы, господа, намѣтили?

— Кого же, какъ ни васъ, князь,—отвѣтилъ Подрѣзовъ, кисло улыбаясь.—И мы вполнѣ убѣждены, что послѣ только что выраженнаго вами, такъ сказать, восторженнаго отношенія къ предводительской должности, вы намъ не откажете.

— И ошибаетесь. Несмотря на „восторженное" — онъ подчеркнулъ — отношеніе, я отказываюсь самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Но почему же, князь, почему?—И Подрѣзовъ развелъ руками.

— Да потому, что у меня другая линія, другая работа, которая меня беретъ всего; потому что предводитель у васъ и безъ меня найдется, — ну, а кто бы могъ замѣнить въ моей дѣятельности меня, такого человѣка я не вижу. А потомъ, господа, если не ошибаюсь, я уже имѣлъ случай подробно развить передъ вами свой взглядъ на этотъ предметъ четыре года тому назадъ, когда вы, въ числѣ прочихъ господъ дворянъ, оказали мнѣ честь такимъ же предложеніемъ. Съ того времени положеніе не измѣнилось. Какъ тогда я отказался, такъ отказываюсь и теперь.

— Одно слово, князь, — вмѣшался Погорѣловъ. — Вы полагаете, что предводительство будетъ мѣшать вашей теперешней дѣятельности. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Неужели нельзя совмѣстить и то и другое?

— Никоимъ образомъ. Я знаю—и знаю главнымъ образомъ, благодаря вамъ—улыбнулся онъ Погорѣлову,—въ чемъ заключаются предводительскія обязанности. Ихъ— безъ конца, и онѣ — многосложны. Знаю также и себя. Быть предводителемъ лишь номинально, только для

представительства, ничего не дѣлая — я не хочу, относится же къ дѣлу, спустя рукава, или даже отдаваясь ему на половину — не могу, а на два дѣла меня не хватитъ. Выбирать же не приходится потому, что, какъ я уже говорилъ, предводитель у васъ найдется... Да и искать не приходится, онъ тутъ на лицо... Чѣмъ Петръ Ильичъ не предводитель... Если только онъ согласится, — закончилъ Галицкій полувопросительно.

— Мы такъ и порѣшили, — заявилъ Подрѣзовъ. — И Петръ Ильичъ уже и согласіе свое далъ, обусловивъ его, конечно, вашимъ отказомъ.

— Вотъ какъ? — чуть-чуть удивленно выговорилъ Галицкій.—Ну, что-жъ, я очень, очень радъ. Лучшаго предводителя я себѣ и представить не могу.

— Очень вамъ благодаренъ за лестное мнѣніе, — сказалъ Погорѣловъ, усмѣхаясь. — А все-таки вы удивлены, и я знаю почему. И вы правы, такъ какъ, если я и согласился, то скрѣпя сердце и лишь придя къ убѣжденію, что въ недалекомъ будущемъ все равно пришлось бы оставить свою теперешнюю дѣятельность.

— Это почему же? — на этотъ разъ уже совсѣмъ удивленно спросилъ Галицкій.

— А потому,—отвѣтилъ Погорѣловъ,—что еще дватри штриха въ томъ же направленіи—и порядочному человѣку нельзя будетъ служить земскимъ начальникомъ. О томъ, что намъ хотѣли воспретить присутствовать на крестьянскихъ сходахъ, вы знаете; теперь же дѣлаютъ изъ насъ сборщиковъ податей.

— Вы это про новый податной законъ?—спросилъ Подрѣзовъ.

— Да. Это васъ удивляетъ?

— Еще бы. Какъ, вы находите, что изъятіе этого дѣла изъ рукъ полиціи, передача его податной инспек-

ціи и земскимъ начальникамъ, не является большимъ шагомъ впередъ? Но вѣдь это должно повести къ безспорному упорядоченію дѣла. Мы всѣ прекрасно знаемъ...

— Какъ взыскиваетъ подати полиція, — перебилъ Погорѣловъ.—Какъ она ихъ „выколачиваетъ" и т. д. и т. д. И все слова, слова, слова. Удивляюсь, какъ можете ихъ повторять вы, предсѣдатель Съѣзда, которому, кажется, слѣдовало-бы знать истинное положеніе дѣла. Неужели вамъ неизвѣстно, что полиція безъ разрѣшенія Съѣзда, не можетъ отобрать у мужика даже самовара, что если „выколачиваніе" гдѣ либо и практикуется, то по винѣ самого Съѣзда, забывающаго, что онъ является въ этомъ дѣлѣ защитникомъ не податныхъ, а крестьянскихъ интересовъ, и разрѣшающаго это „выколачиваніе". Теперь Съѣздъ представляетъ собою узду, наложенную на чрезмѣрную ретивость полиціи въ ея стремленіи выслужиться передъ начальствомъ успѣшнымъ сборомъ,—ну, а когда это дѣло перейдетъ непосредственно въ руки земскихъ начальниковъ и Съѣзда, при чемъ дѣятельность первыхъ будетъ оцѣниваться по прежней полицейской мѣркѣ: чѣмъ успѣшнѣе сборъ, тѣмъ и земскій начальникъ лучше,—какая на нихъ будетъ узда? И вы это называете „упорядоченіемъ?". Да, если упорядоченіемъ называть болѣе успѣшный сборъ, то это—несомнѣнно—упорядоченіе; но какъ отразится оно на крестьянскомъ благосостояніи — вотъ въ чемъ вопросъ... Для меня, впрочемъ, и не вопросъ,—закончилъ онъ хмуро.

— Хотя бы сборы поступали успѣшнѣе — и то хлѣбъ,—вмѣшался Буйловъ.—Земство и за то спасибо скажетъ. Трещатъ земскіе финансы, — ухъ! — трещатъ. Да чего вамъ лучше: я самъ, сирѣчь предсѣдатель,

вотъ ужъ второй мѣсяцъ сижу безъ жалованья, ей-ей, не вру—нѣту денегъ да и все тутъ. А въ недоимкѣ—сорокъ тысячъ... Это при стотысячномъ бюджетѣ — не угодно ли.

— Да что вы, Иванъ Петровичъ, Христосъ съ вами!—опять заговорилъ Погорѣловъ.—Вы кому же это очки втирать желаете? Ужъ не мнѣ-ли? Вы, кажется, голубчикъ, забыли, что я состою у васъ членомъ ревизіонной комиссіи. Вы говорите—сорокъ тысячъ недоимки, а за кѣмъ она, развѣ за крестьянами? Вѣдь за крестьянами самые пустяки—тысячъ шесть, кажется, да и то прежнихъ лѣтъ, неизвѣстно когда и при какихъ условіяхъ образовавшаяся и которую всего справедливѣе было бы сложить со счетовъ, какъ я и предлагалъ... А окладъ съ крестьянъ поступаетъ за послѣдніе годы безнедоимочно. Вся же остальная недоимка—на частныхъ владѣльцахъ и что вы думаете, князь? Чѣмъ крупнѣе владѣлецъ, тѣмъ больше за нимъ недоимки. Право. Это у насъ уже порядокъ такой. За однимъ Сильвановымъ около пятнадцати тысячъ. А примѣръ подаетъ никто иной, какъ самъ почтеннѣйшій предсѣдатель... Теперь уже сколько за вами? А? Признавайтесь-ка.

— Хо-хо-хо! — громко разсмѣялся Буйловъ. — Три года не платилъ, рублей съ девятьсотъ наберется.

— Вотъ видите. Ну, что вы не платите—это еще не бѣда. Зато, я вѣдь знаю, вы за нѣсколько мѣсяцевъ и жалованья своего не берете, оно на одно и сойдетъ. А вотъ зачѣмъ вы мирволите такимъ господамъ, какъ Сильвановъ и комп.—этого я никакъ не пойму. У человѣка десять тысячъ десятинъ, разные тамъ заводы да охоты, а онъ себѣ въ усъ не дуетъ, какъ будто и платить не обязанъ... земская же касса пустуетъ, задерживается жалованье учителямъ и т. д.

— Такъ что-же съ нимъ подѣлаешь? Не продавать же у него въ самомъ дѣлѣ?—развелъ руками Буйловъ.

— А почему-бы и нѣтъ? Вотъ по новому податному закону за недоборъ въ каждый частный срокъ,—а такихъ сроковъ можетъ быть нѣсколько — за недоборъ какого-нибудь рубля у мужика будетъ производиться продажа послѣдняго имущества, а г. Сильванова нельзя тронуть и за недоимку въ пятнадцать тысячъ. Да почему, почему такая несправедливость, я васъ спрашиваю? А по моему, воля ваша, все это ничто иное, какъ халатное отношеніе къ дѣлу, нравственная распущенность, кумовство, боязнь сдѣлать непріятное нужному человѣку,—однимъ словомъ то, отъ чего мы, дѣятели деревни, должны быть совершенно чисты, ибо все это, въ концѣ концовъ, отзывается на крестьянскихъ горбахъ и безъ того многострадальныхъ. И добро бы еще, вамъ были благодарны за такую деликатность. Какъ бы не такъ. Я самъ слышалъ, какъ этотъ господинъ разсуждалъ; „Ну, что-жъ, что касса пуста—дольше прослужитъ; а мнѣ теперь платить неудобно—свѣтящійся фонтанъ въ саду устраиваю, шесть тысячъ выложить на него придется“. Эхъ, будь я на вашемъ мѣстѣ, показалъ бы ему „свѣтящійся фонтанъ“.

— Охо-хо! Грѣхи тяжкіе! — протяжно вздохнулъ Буйловъ.—Слышите, князь, какъ насъ, стариковъ, молодежь-то отдѣлываетъ,—добродушно выговорилъ онъ, кивая на Погорѣлова. — И справедливо, по дѣломъ, Излѣнились мы, распустились... Въ ножки вамъ поклонюсь, Петръ Ильичъ, коли, будучи предводителемъ, насъ подтянете..., а главное меня... Старъ сталъ, самъ знаю, что слѣдовало-бы уйти, дать мѣсто новымъ силамъ... Только гдѣ они, эти новыя-то? Укажите, ей-ей, сейчасъ же уйду, съ удовольствіемъ уступлю мѣсто.

— Да Богъ съ вами!—махнулъ рукой Погорѣловъ.— Развѣ я въ этомъ смыслѣ говорилъ. Вы прекрасно знаете, что вы совершенно на своемъ мѣстѣ и что о замѣнѣ васъ кѣмъ-либо не можетъ быть и рѣчи. Но вѣдь и на солнцѣ бываютъ пятна. Ваше пятно—не въ мѣру снисходительное отношеніе къ Сильвановымъ и комп., вотъ и все.

— Кстати о Сильвановѣ, — сказалъ Подрѣзовъ:— вѣдь онъ обязательно выставитъ свою кандидатуру въ предводители, не гласно, конечно, а интригами,—помните, какъ тогда, когда меня выбирали... Ужъ вы, князь, насъ поддержите.

— Ну, ужъ это дудки! — выговорилъ горячо Буйловъ, и его маленькіе глазки даже заблестѣли.—Имѣть предводителемъ господина, который во всеуслышаніе заявляетъ на земскомъ собраніи, что онъ противъ распространенія крестьянскаго травосѣянія потому, что оно принесетъ ущербъ интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ,—человѣка, пользующагося своей громадной земельной силой, чтобы держать сосѣднихъ крестьянъ чуть ни въ крѣпостной зависимости, а чуть что не по немъ—въ зубы. Нѣтъ, ужъ извините. Помирволить ему съ недоимкой—особая статья, а на это мы несогласны.

— Неужели такъ-таки—въ зубы? И часто?—выговорилъ съ недоумѣніемъ Галицкій.

— Говорятъ—часто... не знаю,—уклончиво отвѣтилъ Подрѣзовъ.—До Съѣзда, кажется, только разъ доходило. — И онъ вопросительно взглянулъ на Погорѣлова.

— Каждый разъ платитъ, потому и не доходитъ,— сказалъ Буйловъ. А что дерется, и часто, это я знаю достовѣрно.

Галицкій покачалъ головой.

— Да, имѣть такого предводителемъ не особенно

интересно,—сказалъ онъ.—Но вы говорите: „поддержите“... Я готовъ, всею душой готовъ, но чѣмъ и какъ?

— Да ужъ какъ всегда, князь, — усмѣхнулся Подрѣзовъ.—Другого способа не выдумать.

— То-есть пригласить господъ дворянъ откушать и...

— И сказать нѣсколько прочувственныхъ словъ въ пользу Петра Ильича,—докончилъ Подрѣзовъ.—Больше ничего и не требуется.

— Отлично. Это я сдѣлаю съ удовольствіемъ. Не забудьте только меня предупредить, когда придетъ время.

— Забудемъ, всенепремѣнно забудемъ. Хо-хо-хо!—разсмѣялся Буйловъ.—Вотъ ужъ о чемъ безпокоиться нечего. На что другое, а ужъ насчетъ boir и manger память у насъ удивительная.

Подрѣзовъ сдѣлалъ брезгливую гримасу и взглянулъ на часы.

— А теперь намъ пора,—сказалъ онъ.—Четвертый часъ, а въ пять у насъ комиссія по выбору присяжныхъ засѣдателей.

— Въ такомъ случаѣ не смѣю удерживать,—сказалъ Галицкій. — Позвольте мнѣ только сказать нѣсколько словъ Петру Ильичу.

— Мы не помѣшаемъ?

— О, нисколько. Секретовъ нѣтъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Живетъ у меня въ скотницахъ одна женщина, ушедшая отъ мужа, вслѣдствіе жестокаго его обращенія. Подала она прошеніе объ отдѣльномъ паспортѣ, и вотъ, несмотря на то, что дознаніемъ жалоба ея подтвердилась вполнѣ...

— Ей отказали,— перебилъ, улыбаясь, Погорѣловъ.

— А вы почему знаете? Развѣ эти дѣла черезъ васъ идутъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. А знаю потому, что теперь такая линія пошла, всѣмъ отказываютъ. Вѣдь и мнѣ приходится писать такихъ прошеній не мало. Прежде— отказъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ, а теперь наоборотъ, что ни прошеніе, то отказъ, при чемъ для него и новая форма придумана... такъ сказать, въ утѣшеніе: „А такому то, т. е. мужу, объявить, что если онъ еще разъ позволитъ себѣ подобное обращеніе, то ходатайство о выдачѣ отдѣльнаго вида будетъ удовлетворено“. Иногда это „еще разъ“ выходитъ прелестно. Напримѣръ, не такъ давно у меня былъ такой случай. Завелъ мужичекъ супругу свою въ сарай, привязалъ ее къ телѣгѣ и сталъ бить стягомъ, сломалъ ей два ребра и, вѣроятно, прикончилъ бы ее совсѣмъ, не выручи прибѣжавшіе на крикъ сосѣди. Свезли ее въ больницу, провалялась она тамъ два мѣсяца — насилу отходили — и ко мнѣ. Я посовѣтовалъ ей подать жалобу на истязаніе, но она — ни за что. „Богъ съ нимъ. Не хочу судиться. Только бы паспортъ выхлопотать“. Ну, написалъ я ей прошеніе, а на-дняхъ— отказъ: „А такому то объявить и т. д.“. И выходитъ, значитъ, что двухъ сломанныхъ реберъ мало, пусть сломаетъ еще два, тогда и паспортъ выдадутъ·

— Хо-хо-хо! Это ужъ прямо курьезъ! — расхохотался Буйловъ.

— Да и съ моей кліенткой въ родѣ этого. Терпѣла она много лѣтъ и убѣжала лишь послѣ того, какъ мужъ бросился на нее съ ножомъ. А сегодня приходитъ урядникъ, объявляетъ объ отказѣ и требуетъ, чтобы она шла къ мужу. Но какъ она пойдетъ? Вѣдь она рискуетъ быть зарѣзанной. Неужели нѣтъ выхода изъ такого положенія?

— Да она откуда? — спросилъ Погорѣловъ.

— Ивлевская. Рядомъ совсѣмъ.

— И живетъ у васъ?.. Такъ вы ее успокойте. До тѣхъ поръ, пока вы ее не прогоните, никто ее тронуть не смѣетъ. Дѣла о водвореніи женъ вѣдаются Окружнымъ судомъ, полиція-же можетъ водворять лишь на основаніи паспортнаго устава, т. е. не потому, что жена ушла отъ мужа, а потому, что она живетъ безъ паспорта. Постигаете разницу? Всѣ безпаспортные подлежатъ водворенію на родину, — само собой, и жены не составляютъ исключенія. Но разъ ваша кліентка изъ Ивлева и живетъ у васъ, т. е. на такомъ разстояніи отъ мѣста приписки, при которомъ паспортъ не требуется, ее полиція трогать не имѣетъ права.

— Но какъ-же урядникъ говоритъ...

— Ахъ, Богъ мой! Развѣ можно требовать отъ урядника, чтобы онъ зналъ эти тонкости. Да вы не безпокойтесь. Я сегодня увижу въ комиссіи исправника и скажу ему. Какъ ее звать, женщину-то?

Онъ вынулъ книжку и записалъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ Галицкій.— Извините, что задержалъ.

Подрѣзовъ всталъ и началъ прощаться. За нимъ поднялись и остальные.

VII.

Проводивъ гостей, Галицкій направился въ кабинетъ за фуражкой и палкой, намѣреваясь пройти въ больницу, но, отворивъ дверь, невольно поморщился: за большимъ, круглымъ столомъ, заваленнымъ газетами, журналами и разными брошюрами сидѣлъ Брянскій и просматривалъ „Graphic". Тѣмъ не менѣе, взявъ палку и фуражку, Галицкій, дѣлая видъ, что не замѣ-

чаетъ вопросительнаго взгляда шурина, направился обратно къ двери, но былъ остановленъ жалобнымъ возгласомъ:

— Ты куда-же? А нашъ разговоръ?

— Я ненадолго. Поздравлю только Игнатія Ивановича и вернусь, — отвѣтилъ Галицкій.

— Нѣтъ, Борисъ, пожалуйста, нельзя ли сейчасъ,— взмолился Брянскій. — Вѣдь я сегодня хочу ѣхать, а ты, по обыкновенію, въ больницѣ пропадешь. Отпусти меня раньше, а потомъ и ступай.

Галицкій стоялъ въ нерѣшительности. „Пожалуй, оттуда дѣйствительно скоро не выберешься“, думалъ онъ. Необходимо окончательно рѣшить вопросъ о Богучаровѣ, потолковать съ замѣстителемъ Игнатія Ивановича, навѣрное и еще дѣла найдутся... А потомъ,— пусть его скорѣе уѣзжаетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ, ему, Галицкому, все время не по себѣ, словно гнетъ на немъ какой-то. Покончить сейчасъ — и баста. Пусть уѣзжаетъ“.

— Изволь, — сказалъ онъ наконецъ. — Отдаю себя въ твое распоряженіе на цѣлыхъ полчаса. Надѣюсь, этого будетъ достаточно? — добавилъ онъ съ улыбкой.

— Я уже тебѣ говорилъ, — началъ тотчасъ же Брянскій, морща лобъ, — что вчера мнѣ наконецъ удалось поговорить съ Лидой по душѣ, добиться отъ нея такихъ откровенныхъ признаній, послѣ которыхъ для меня стало вполнѣ очевиднымъ то, о чемъ я могъ лишь догадываться. До вчерашняго вечера она больше отмалчивалась, уклонялась, но вчера — вѣрно уже стихъ такой нашелъ — выложила все безъ утайки. И теперь для меня совсѣмъ ясно, что такъ продолжаться не можетъ и что, если условія ея жизни не измѣнятся, она не вынесетъ... и зачахнетъ совсѣмъ, — докончилъ онъ со вздохомъ.

— Это отъ скуки-то? — усмѣхнулся Галицкій. —Не пугай, пожалуйста... Интересно знать, какіе такіе ужасы она тебѣ наговорила?

Брянскій укоризненно покачалъ головой.

— Право, можно подумать, что у тебя нѣтъ сердца,— хмуро замѣтилъ онъ. — А вѣдь, я знаю, что есть, но только... Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Насчетъ же ужасовъ — ты правъ: то, что я слышалъ ужасно. Говорила она много — очевидно ей трудно было только начать — я же передамъ тебѣ, конечно, лишь самую суть, главное, такъ сказать — экстрактъ ея душевнаго состоянія... Что она скучаетъ это и для тебя ясно, но до чего доходитъ эта скука — ты не знаешь. Нѣтъ минуты, когда бы она ее не испытывала. Просыпаясь, она съ ужасомъ думаетъ о томъ, что надо вставать, что передъ нею опять цѣлый длинный, тоскливый день такой-же, какъ вчера и—что еще хуже,—такой-же, какъ завтра. Все окружающее ей противно: комнаты, мебель, люди. Она доходитъ почти до галлюцинацій, такъ какъ домъ ей кажется тюрьмой, а паркъ гигантской могилой. И что всего ужаснѣе, она чувствуетъ, что выхода нѣтъ такъ какъ измѣнить себя она не въ состояніи. А въ довершеніи всего, ненавидя уже все то, что ее окружаетъ, она боится, что начинаетъ и къ тебѣ относиться не такъ, какъ слѣдуетъ.

— О-о-о!—протянулъ Галицкій.—Она такъ тебѣ прямо все это и сказала?

Брянскій кивнули головой.

— Многое я еще смягчилъ,—выговорилъ онъ тихо.— Она...—Но замолчалъ и поспѣшно отвелъ глаза отъ поблѣднѣвшаго, страннаго лица Галицкаго.

А у того захватило дыханіе и онъ еле удержалъ просившійся изъ груди стонъ. Онъ съ ужасающей яс-

ностью почувствовалъ—не сообразилъ, а именно, почувствовалъ—что эта минута произвела рѣшительный переворотъ въ его жизни, и сердце его ныло тупой мучительной болью.

— Тюрьма, — выговорилъ онъ наконецъ совсѣмъ тихо, будто про себя.—Тюрьма... стало быть, я тюремщикъ? А развѣ я виноватъ? Боже мой! Я выше всего ставилъ всегда и во всемъ личную свободу... Сколько разъ я уговаривалъ ее съѣздить въ Петербургъ, пожить тамъ, развлечься... И какъ это удобно: тамъ у нея мать, ты...

— Еще бы! Мама только объ этомъ и мечтаетъ,— перебилъ Брянскій.

— Ну, вотъ... Предлагалъ ей ѣхать за-границу... случаи также были... Хотя бы прошлой весной, когда. Илимова звала ее съ собой, какъ я уговаривалъ ее тогда ѣхать... Наконецъ, если ей не хотѣлось жить у Елизаветы Владиміровны, можно было устроиться отдѣльно, своимъ домомъ... Слава Богу, средствъ у меня на это хватило бы. А она затвердила одно: не хочу, да не хочу. Съ одной стороны—умираетъ отъ тоски, а когда ей предлагаютъ отъ этой тоски избавиться—не желаетъ. Что-же это такое? Объясни, пожалуйста.

— Она говоритъ, что ты будучи еще женихомъ— даже раньше—предупреждалъ ее о той жизни, которая ее ожидаетъ, и что она дала тебѣ и себѣ слово...

— Да освобождаю я ее отъ этого слова, съ наслажденіемъ освобождаю!—воскликнулъ Галицкій.—Объясни ты ей это, ради Бога!

Брянскій отрицательно качнулъ головой.

— Ты то ее освобождаешь, но сама себя освободить она не можетъ. Кромѣ того, она чувствуетъ, что разъ она уѣдетъ, она уже никогда больше сюда не вер-

нется... ну, а быть на положеніи разводки, хотя и безъ развода, она не хочетъ.

— Что-же? Въ такомъ случаѣ разводъ?—тихо выговорилъ Галицкій.

— Я и это предлагалъ... Ну, не сошлись характеромъ и разошлись тихо, мирно, благородно... чего лучше? Теперь это вещь самая обыкновенная...

— И?

— Не хочетъ. „Незачѣмъ", говоритъ: „Придетъ смерть, сама разведетъ... Теперь ждать уже недолго".

— Но вѣдь это глупо, безсмысленно. Это какое-то безуміе.

Брянскій молча пожалъ плечами.

— Слѣдовательно, выходъ одинъ,—и голосъ Галицкаго дрогнулъ: — Бросить все и переѣхать въ Петербургъ... Разстаться съ дѣятельностью, съ которой сроднился и умомъ, и сердцемъ и вернуться къ жизни, которую и прежде еле выносилъ, въ которой и прежде задыхался, и все это для того...

Онъ закачалъ головой, облокотился на ручку кресла и закрылъ глаза рукой.

Брянскій пошевелилъ усами, потомъ всталъ, подошелъ къ нему и осторожно положилъ руку на его плечо.

— Я понимаю, Борисъ, что это тяжело, — сказалъ онъ мягко.—Хорошо понимаю... Но представь себѣ, что она заболѣла бы... опасно, и доктора объявили бы, что ей необходимо отправиться куда-нибудь на югъ, что-ли. Неужели ты поколебался бы бросить все и съ нею поѣхать? Но вѣдь и теперь тоже самое: она больна, серьезно больна...

— И ты не видишь разницы?—рѣзко перебилъ Галицкій.—Въ твоемъ примѣрѣ—или выздоровленье, или смерть, и то, и другое — въ болѣе или менѣе недале-

комъ будущемъ, слѣдовательно—перемѣна жизни временная; а въ данномъ случаѣ перемѣна навсегда... А потомъ—и это главное—тамъ это единственный выходъ, другихъ вѣдь нѣтъ, а тутъ—ихъ сколько угодно... Скучно тебѣ здѣсь—уѣзжай, живи, гдѣ весело; устроиться можешь, какъ тебѣ угодно, даю тебѣ полную свободу... Такъ нѣтъ, видишь ли, не хочу, не желаю... Ну, и выходитъ сплошной вздоръ, капризъ и больше ничего,— возвысилъ онъ голосъ, все болѣе и болѣе раздражаясь.

— Нѣтъ, Борисъ, не вздоръ та перемѣна, которая въ ней произошла за послѣдніе два года, не вздоръ и теперешнее ея состояніе... Ты самъ видишь...

— Я вижу только одно, — и голосъ Галицкаго зазвенѣлъ, — я вижу, что изъ-за каприза ни на что неспособнаго, никому не нужнаго паразита должна прекратиться дѣятельность на пользу и благополучіе сотенъ людей.

Брянскій отшатнулся и смотрѣлъ на Галицкаго растерянными глазами. Потомъ ротъ его задвигался, онъ расправилъ усы и передернувъ плечами, сказалъ сухо:

— Ты, кажется, забылъ, что этотъ паразитъ твоя жена и... моя сестра... Признаюсь, этого я не ожидалъ... Впрочемъ, что-жъ? дѣло твое... Но думалъ ли ты о томъ, какъ себя почувствуешь, когда этотъ паразитъ, по твоей винѣ, наживетъ себѣ смертельную болѣзнь, или сойдетъ съ ума... Тогда, пожалуй, не поможетъ и сознаніе высокой миссіи мужицкаго благодѣтеля.

Галицкій поблѣднѣлъ и закусилъ губу. Наступило молчаніе. Брянскій съ нахмуреннымъ лицомъ шагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Наконецъ онъ остановился и произнесъ:

— О томъ, каково будетъ твое рѣшеніе, теперь, очевидно, спрашивать нечего, а потому прикажи, пожа-

луйста, подать мнѣ лошадей къ девяти часамъ. Поѣздъ, если не ошибаюсь, отходитъ въ 11?

Но Галицкій, казалось, не слышалъ. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, откинувшись на спинку кресла, и лицо его было сосредоточенно и угрюмо. Брянскій пожалъ плечами и опять заходилъ по комнатѣ.

Вдругъ Галицкій поднялъ руку и нажалъ лежавшую на столѣ кнопку электрическаго звонка.

— Узнайте, можетъ-ли княгиня меня принять,—сказалъ онъ вошедшему лакею и, когда, вернувшись, лакей доложилъ:—Ихъ с-о просятъ-съ, — всталъ и выговоривъ:—Пойдемъ, я хочу самъ съ нею поговорить,—направился къ двери.

— Постой, Борисъ,—нерѣшительно протянулъ Брянскій.—Ты теперь въ такомъ состояніи, что можешь наговорить много лишняго... потомъ самъ раскаяваться будешь. Пожалѣй ее хоть немножко.

— Ну это ужъ совсѣмъ глупо,—отрѣзалъ Галицкій.—Неужели ты воображаешь, что мнѣ ее не жаль... Думать о ней я могу, что угодно, но жалѣю ее не меньше твоего. Пойдемъ.

Лидія Петровна полулежала въ глубокомъ креслѣ. Откинутая голова покоилась на подушкѣ. Она зябко куталась въ бѣлый шелковый фуляръ, несмотря на то, что въ комнатѣ было жарко и душно, вслѣдствіе затворенныхъ оконъ и сильнаго запаха духовъ. Рядомъ на столикѣ лежали: закрытая книга въ желтой обложкѣ, длинная открытая коробка съ какими-то облатками, стояли стаканъ съ водой, граненый пульверизаторъ для духовъ и флаконъ съ одеколономъ. Лицо ея, по обыкновенію, было блѣдно, а темные круги подъ глазами, еще болѣе оттѣняя эту блѣдность, придавали глазамъ лихорадочный блескъ.

— Знаешь, Лида, — выговорилъ Галицкій, войдя и садясь на мягкій пуфъ, рядомъ съ кресломъ,—въ такомъ воздухѣ и у здороваго человѣка голова разболится. Ты велѣла бы хоть немного провѣтрить.

И такъ ровенъ былъ его голосъ, а выраженіе лица такъ спокойно, что Брянскій невольно подумалъ: „Ну, и характеръ!"

— А мнѣ и такъ холодно,—лѣниво протянула Лидія Петровна, зябко поводя плечами.

— А голова прошла? Мигрени нѣтъ?

— До мигрени не дошло, успѣла захватить.

— Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать, Лида,—продолжалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ.—За послѣднее время ты стала себя что-то плохо чувствовать... ну, и скучновато здѣсь, конечно... Отчего бы тебѣ не поѣхать куда-нибудь провѣтриться... въ Петербургъ, напримѣръ... Поѣхала бы вмѣстѣ съ Алексѣемъ, пожила бы у Елизаветы Владиміровны, разсѣялась бы немного, и я увѣренъ, почувствовала бы себя лучше... Поѣзжай-ка, право.

Лидія Петровна отрицательно качнула головой.

— Зачѣмъ? Не хочу,—тихо выронила она.

— Или, быть можетъ, тебѣ покажется болѣ удобнымъ устроиться отдѣльно? Въ такомъ случаѣ, Алексѣй подыщетъ квартиру, омеблировать ее недолго, черезъ мѣсяцъ и переѣхать можешь.

— Я сказала, что не хочу.

Теперь въ ея голосѣ послышалась капризная нотка Она передернула плечами и, чуть усмѣхнувшись, выговорила:

— Тебѣ, кажется, во чтобы то ни стало хочется отъ меня отдѣлаться.

— Ну, зачѣмъ же. Развѣ ты мнѣ мѣшаешь?—воз-

разилъ Галицкій.—Но дѣло въ томъ, что разъ ты дошла до такого состоянія, что тебѣ все окружающее—какъ ты говорила Алексѣю—противно...

— Неправда!—рѣзко, вся вспыхнувъ, перебила она.—Алексѣй, какъ всегда, преувеличиваетъ.

— Ну, ужъ это нечестно, Лида,—обидчиво произнесъ ротмистръ. Онъ повертѣлъ шеей и вытащилъ манжеты.—И съ какихъ это поръ я „всегда“ преувеличиваю? Сама же ты говорила...

— Мало-ли что говоришь подъ вліяніемъ раздраженія, не думая,—перебила она опять.—А тебя кто просилъ передавать? Терпѣть не могу, когда вмѣшиваются не въ свое дѣло.

— Но... Лида...—И ротмистръ развелъ руками.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Галицкій, махнувъ Брянскому, чтобы тотъ замолчалъ,—что я и самъ вижу, что тебѣ здѣсь скучно. Но за послѣднее время скука эта, очевидно, начинаетъ серьезно отражаться на твоемъ здоровьѣ, такъ что, по моему, перемѣна жизни необходима. И вотъ, если ты не хочешь ѣхать одна, мнѣ придется тебя сопровождать, придется бросить все мое дѣло... что, конечно, для меня крайне тяжело, а потому если бы возможно было устроиться какъ-нибудь иначе...

Онъ смолкъ, не окончивъ, такъ какъ почувствовалъ, что, несмотря на все усиліе воли, его голосъ начинаетъ предательски дрожать.

А Лидія Петровна смотрѣла на него расширенными глазами, въ которыхъ было и удивленье, и радость и, какъ будто, даже испугъ. Она сдѣлала движенье впередъ, подняла руку, но потомъ, словно опомнившись, опять откинулась. Губы ея сложились въ жалкую усмѣшку, лицо болѣзненно скривилось и, медленно по-

качивая головой, она чуть слышно со слезами въ голосѣ выговорила:

— Это—жертва... Я очень тебѣ благодарна, но я... но я... Ха-ха-ха!

Дико прозвучалъ этотъ смѣхъ, сначала тихій, потомъ все болѣе громкій, захлебывающійся. Лицо ея перекосилось, глаза закатились, голова,—изъ подъ которой выскользнула подушка—стала биться о спинку кресла, а пальцы рукъ судорожно скребли и рвали платье.

— Истерика,—сказалъ Галицкій звоня, между тѣмъ какъ Брянскій—блѣдный, перепуганный—старался защитить ея голову отъ ударовъ.

Явившаяся тотчасъ-же горничная быстро подбѣжала и, отстранивъ Брянскаго, привычнымъ движеніемъ стала разстегивать лифъ.

— Не безпокойтесь, в-е с-о,—говорила она, смачивая темя больной одеколономъ.—Сейчасъ пройдетъ. Теперь у нихъ это часто... Побьются, побьются и успокоются... На головку только потомъ очень жалуются... Вы-бы ушли... Имъ теперь надо, чтобы совсѣмъ тихо было.

— Я сейчасъ пойду въ больницу и пришлю на всякій случай Игнатія Ивановича,—сказалъ Галицкій, когда они вышли изъ комнаты.—А тебя я попрошу отложить свой отъѣздъ,—онъ пріостановился, обдумывая,—да, до завтрашняго вечера. Завтра я дамъ окончательный отвѣтъ. Ты понимаешь, что такъ сразу я рѣшить, все-таки, не могу... Дѣло слишкомъ серьезно.

— Ну, конечно, конечно,—быстро выговорилъ Брянскій.—Онъ понялъ, что его дѣло выиграно, что въ принципѣ Галицкій уже рѣшилъ переѣхать и что теперь онъ будетъ думать о подробностяхъ. „Хоть не даромъ проскучалъ въ этой трущобѣ", съ облегченіемъ

подумалъ онъ, расправляя усы. „Но и мѣстечко-же. Суди меня Богъ и военная коллегія, если меня еще разъ сюда заманятъ“.

VIII.

„Итакъ, свершилось“, думалъ Галицкій, быстрыми шагами направляясь въ больницу. „Какой-нибудь часъ времени—и то, что казалось дикимъ, нелѣпымъ, невозможнымъ, оставаясь все также дикимъ и нелѣпымъ, сдѣлалось не только возможнымъ, но неминуемымъ... Перевернулся вверхъ дномъ весь жизненный укладъ. И почему, зачѣмъ? Естественна-ли связь, приносящая одного человѣка, со всѣми его мыслями, чувствами, стремленіями въ жертву другому?... И почему именно я долженъ жертвовать собой? Вѣдь это-же безсмысленно, не должно этого быть. И, тѣмъ не менѣе, это будетъ и будетъ потому, что я самъ этого захочу... Что-же это такое?“

Онъ даже пріостановился, но потомъ махнулъ рукой и пошелъ дальше. „Не время, послѣ разберусь“, рѣшилъ онъ. А на сердцѣ лежалъ камень и давилъ тяжело, больно. „Ну, разберусь, положимъ... а какой толкъ? Легче вѣдь не станетъ“. И, невольно замедливъ шагъ, онъ тоскливо улыбнулся.

Быстро надвигалась ночь. Кое-гдѣ, по избамъ, загорались огоньки, тускло мигавшіе сквозь медленно, словно нехотя опускавшееся облако пыли, поднятое только что прошедшимъ стадомъ. Мягко затихали въ безвѣтренномъ воздухѣ послѣдніе вечерніе звуки. Далеко снизу, отъ рѣки, доносилась заунывная, за душу хватающая пѣсня; ей назойливо вторилъ, ни на минуту не смолкая, размѣренно-однотонный лай огородниковой

собаки. Стайка скворцовъ, спугнутая кѣмъ-то съ поповскихъ березъ, клубкомъ просвистѣла надъ головой Галицкаго, заставивъ его вздрогнуть, и мгновенно потонула въ свинцовой дали.

„А кто виноватъ? Да никто... Самъ виноватъ. Самъ добровольно связалъ себя рабскими цѣпями. Ну, и кайся теперь, и казнись... идіотъ“!

Онъ рванулъ кольцо калитки и, обогнувъ зданіе больницы, пошелъ по неширокой, усаженной молодыми березками аллеѣ, къ дому старшаго врача. Потоки свѣта лились изъ открытыхъ оконъ дома, доносился смутный гулъ многихъ голосовъ, иногда взрывъ смѣха, громкое восклицаніе.

У подъѣзда онъ остановился въ нерѣшительности. Его непріятно поразилъ и этотъ свѣтъ, и этотъ шумъ. „Ну, зачѣмъ я туда пойду? Имъ тамъ весело, хорошо, а при моемъ настроеніи я ихъ только стѣсню. Вызову его сюда, поздравлю, попрошу зайти къ Лидѣ—вмѣстѣ и вернемся“... и онъ протянулъ уже руку къ звонку, но тотчасъ же отдернулъ ее и сердито усмѣхнулся: „Раскисъ, распустился, съ настроеніемъ не могу сладить“. Проведя рукой по лицу, онъ вздохнулъ всей грудью и вошелъ въ подъѣздъ.

„Князь! Князь!“ раздались восклицанія, потомъ гулъ стихъ и въ дверяхъ передней показался старшій врачъ больницы, Игнатій Ивановичъ Чернышевъ.

— Поздравляю, Игнатій Ивановичъ,—сказалъ Галицкій.—Извините, что такъ поздно. Задержали, насилу выбрался. А у васъ цѣлый раутъ?

— И то раутъ,—засмѣялся Чернышевъ.—Почти все свои,—и онъ, добродушно улыбаясь, слѣдовалъ за Галицкимъ, пока тотъ обходилъ присутствующихъ.

— А вотъ, князь, позвольте вамъ представить моего

будущаго замѣстителя,—онъ остановился передъ господиномъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ пріятнымъ, круглымъ, чисто русскимъ лицомъ:—Федоръ Ивановичъ Славинъ, бывшій врачъ Сергіевской мануфактуры и мой товарищъ по университету... Парень добрый, но горячка—ухъ, какая. Больше трехъ мѣсяцевъ ни на одномъ мѣстѣ не уживается.

— Хо-хо-хо! Вотъ такъ рекомендація!—расхохотался Славинъ.—Ужъ ты, Игнатій Ивановичъ, распишешь... И не подумаешь, что князя можетъ испугать такой кандидатъ.

— Ну, князь не изъ трусливыхъ,—отозвался Чернышевъ.—А вотъ и еще незнакомецъ,—продолжалъ онъ.—Саша, подойди-ка. Мой племянникъ,—и, взявъ подошедшаго юношу въ студенческомъ мундирѣ за плечи, онъ поставилъ его передъ Галицкимъ.—Прошу любить и жаловать. На видъ дитё, а ужъ на третьемъ курсѣ, но разумомъ обладаетъ по виду, а не по курсу, ибо возымѣлъ дерзкую мысль примкнуть къ нашей экспедиціи, о чемъ и намѣревался почтительнѣйше ходатайствовать предъ в-ъ с-ъ лично; но въ послѣднюю минуту, какъ и подобаетъ такому птенцу, струсилъ: „ужъ вы, дядя, сами попросите“. Эхъ ты, уродъ! И куда тебѣ съ нами ѣхать? Вѣдь ты на третій день свалишься.

— Ну, вотъ... ну, вотъ... вы всегда такъ, дядя,—весь красный и надувъ губы совсѣмъ по дѣтски, выговорилъ студентъ. Онъ съ обиженнымъ видомъ повернулся, чтобы уйти, но вдругъ, набравшись храбрости, обратился къ Галицкому и быстро, однимъ духомъ выговорилъ:

— Нѣтъ, князь, вы ужъ позвольте. Не вѣрьте дядѣ, что я слабый, посильнѣе его буду.

— У васъ такъ цѣлый отрядъ наберется,—сказалъ Галицкій, улыбаясь.

— Да еще какой. Вѣдь и еще просятся... Вотъ теперь надо бы и обсудить...

— На одну минуту,—прервалъ его Галицкій. Взявъ его за руку и отведя въ сторону, онъ выговорилъ тихо:

— Простите. Васъ не слѣдовало бы тревожить въ такой день... но меня очень безпокоитъ жена. Сейчасъ у нея былъ припадокъ истерики... Да и вообще въ послѣднее время она чувствуетъ себя нехорошо. Вотъ мнѣ и хотѣлось бы, чтобы вы къ ней зашли, посмотрѣли...

— Да, да, конечно, я сейчасъ,—сказалъ Игнатій Ивановичъ. Онъ направился—было къ двери, но потомъ вернулся.—Я съ вами не прощаюсь, вѣдь вы еще побудете? — И на утвердительный отвѣтъ Галицкаго продолжалъ ни то вопросительно, ни то что-то соображая:

— Значитъ пошли уже истерики... нехорошо. Нервы у княгини въ отвратительнѣйшемъ состояніи, придется, вѣроятно, серьезно ими заняться... Я давно хотѣлъ васъ объ этомъ предупредить, да все она не позволяла: „Пустяки. Очень нужно, оставьте его въ покоѣ“. А теперь вотъ и до истерикъ дошло.

Онъ недовольно передернулъ плечами и вышелъ.

„Не позволяла“, подумалъ Галицкій. „Почему? Неужели завѣдомо хотѣла довести себя до такого состоянія, когда поневолѣ на все пойдешь“.

Несмотря на отворенныя окна и большой размѣръ комнаты, въ ней было душно и жарко отъ собравшихся людей, отъ нѣсколько зажженныхъ лампъ и отъ двухъ самоваровъ, около которыхъ, раздѣлившись на

двѣ группы, расположились присутствующіе. Посреди комнаты, за большимъ столомъ собралось почти все мужское общество—въ большинствѣ—врачи—товарищи Чернышева, а за самоваромъ сидѣла и разливала чай Вѣра и рядомъ съ ней молодая дѣвушка, небольшого роста, смуглая брюнетка съ некрасивымъ, но рѣшительнымъ лицомъ и большими темными глазами на выкатѣ. За другимъ столомъ хозяйничала сама хозяйка, Агафья Петровна, когда-то бывшая въ Нагорномъ учительницей, женщина уже немолодая, полная, съ лѣнивыми движеньями и добрыми близорукими глазами. Тамъ же сосредоточилось женское общество: двѣ нагорновскія учительницы—молодыя дѣвушки, Точилина и Раисова, бывшая подруга Чернышевой, Настасья Егоровна Власьева,—учительница въ с. Колосовѣ, въ 30 верстахъ отъ Нагорнаго, мѣстная фельдшерица-акушерка, Колобова и ея подруга, Лохина—также фельдшерица изъ сосѣдняго врачебнаго участка и, наконецъ, завѣдующая народной читальней—Анна Ивановна Благовѣщенская—совсѣмъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка, съ пухлыми розовыми щечками и ямкою на подбородкѣ. Къ этому же столу, или вѣрнѣе, къ хорошенькой Аннѣ Ивановнѣ, присосѣдился архитекторъ, Василій Степановичъ, вслѣдствіе чего оттуда поминутно раздавались взрывы хохота.

Обернувшись, Галицкій встрѣтилъ вопросительно-встревоженный взглядъ Вѣры. „Замѣтила-таки“, подумалъ онъ. „Этакая она чуткая“. Отвѣтивъ ей улыбкой, онъ подсѣлъ къ Славину и спросилъ, почему онъ ушелъ съ Сергіевской мануфактуры. Славинъ нервно задвигалъ въ стаканѣ ложкой и, весь вспыхнувъ, горячо и волнуясь, выговорилъ:

— Ахъ, князь! Да вѣдь это не люди, а, съ позво-

ленья сказать, животныя. Счастливъ ихъ Богъ, что я имъ тамъ всѣмъ рожи не переколотилъ!—Но замѣтивъ удивленное лицо Галицкаго, тотчасъ же смутился, еще больше покраснѣлъ и продолжалъ съ виноватою улыбкой:

— Ужъ вы извините, не могу спокойно объ этомъ говорить. Но посудите сами, неужели это не возмутительно? Служилъ я въ С-мъ земствѣ... тоже, надо вамъ сказать, преподлое было мѣсто... Предсѣдатель Управы какой-то автократъ, иначе не говорилъ, какъ: „Я приказываю, я требую!" и чуть что—„уволю въ 24 часа!" Сталъ я искать другого мѣста и вдругъ получаю письмо отъ владѣльцевъ Сергіевской мануфактуры, изъ Москвы. „Такъ и такъ... Если желаете поступить къ намъ, пріѣзжайте для личныхъ переговоровъ". Поѣхалъ. Два брата ихъ. Приняли очень любезно, условія подходящія, одно только странно: „А кто у васъ, позвольте узнать, занималъ это мѣсто раньше?" Надо, думаю, навести все-таки справочку. „Такой-то". „А гдѣ онъ теперь"? „Въ Индію на холеру уѣхалъ". Текъ-съ... у этого, значитъ, не справишься. „А до него?" „Такой-то". „А этотъ не знаете-ли гдѣ?" „Умеръ". Вотъ незадача, чортъ возьми! Ну, а еще раньше? „А раньше? А раньше, ужъ извините, за давностью времени и запамятовали. Вѣроятно, впрочемъ, на заводѣ управляющій помнитъ". Ахъ, чтобъ вамъ пусто было! Тѣмъ не менѣе, понравились они мнѣ очень. Обходительные такіе, говорятъ дѣльно, сердечно. „Быть можетъ, вы найдете какіе-нибудь маленькіе недочеты—вашъ предмѣстникъ... прекрасный, впрочемъ, человѣкъ... но надо говорить правду, былъ немножко съ лѣнцой—такъ вы ужъ, пожалуйста, сейчасъ же къ управляющему: онъ имѣетъ отъ насъ неограниченное полномочіе... Сани-

тарное состояніе, гигіена—это такъ важно, такъ необходимо“ и т. д. все въ этомъ же духѣ. Вотъ, думаю, наконецъ-то повезло. Что за развитые, гуманные владѣльцы. Поѣхалъ. Ѣду въ пріятномъ ожиданіи, съ нѣкоторымъ даже, такъ сказать, подъемомъ духа, пріѣзжаю и... такъ и ахнулъ, сначала даже подумалъ, что не туда попалъ. Больница маленькая, убогая, на четыре койки. Стоятъ три желѣзныхъ кровати, безъ досокъ, отъ четвертой—валяются въ углу двѣ ножки. „Гдѣ же“, спрашиваю, тюфяки, подушки, одѣяла? „Провѣтриваются, что-ли?“ Зачѣмъ провѣтриваются. Не имѣется таковыхъ совсѣмъ. У насъ койки для вида-отродясь въ больницѣ никто не лежалъ“. Медикаменты—банка съ хининомъ, да склянка съ протухшей касторкой. Инструментовъ, само собой, никакихъ. Пошелъ по фабрикѣ... Ну, вотъ, даю вамъ честное слово, князь, что ничего подобнаго представить даже себѣ не могъ. Рабочіе корпуса—нѣчто невообразимое по грязи и отсутствію самыхъ элементарныхъ гигіеническихъ приспособленій, казармы-же рабочихъ—прямо клоака. По склону горы, къ рѣкѣ—какіе-то ящики, сколоченные изъ теса, съ отверстіемъ посрединѣ. „Это что за собачьи конуры?“ спрашиваю, „Неужели у васъ такъ много собакъ?“ „Собачьи конуры“. Обидѣлись даже. „Это—лѣтнія помѣщенья для рабочихъ. Туда рабочіе переѣзжаютъ на лѣто. Лѣтомъ въ казармѣ воздухъ тяжелый“. Ахъ, чтобъ васъ! Вотъ такъ „маленькіе недочеты“. Иду къ управляющему. Среднихъ лѣтъ, почтеннаго вида англичанинъ; но, должно быть, въ Россіи давно, такъ какъ говоритъ по русски свободно. „Что“, спрашиваетъ, „понравилось?“ И самъ улыбается, каналья. И тутъ я, надо сознаться, разыгралъ изъ себя круглаго дурака: ужъ очень обошли меня гуманными

рѣчами владѣльцы. Представилось мнѣ, видите ли, что вся эта мерзость идетъ отъ него, отъ управляющаго,— что именно онъ во всемъ виноватъ. „Нѣтъ, не понравилось“, отвѣчаю. „И вотъ вамъ мой сказъ: то-то, то-то и то-то сдѣлать сейчасъ-же, немедленно, иначе я здѣсь не останусь ни минуты... Ну, а объ остальномъ потолкуемъ послѣ“. „Что же, это хорошо“, отвѣчаетъ. „Пишите владѣльцамъ“. „Зачѣмъ буду я писать владѣльцамъ, когда у васъ полномочіе, я къ вамъ обращаюсь“. Усмѣхнулся. „Нѣтъ“, говоритъ, „нѣту у меня полномочія и никогда не бывало. Я—безотвѣтственный управляющій, и на санитарную часть, безъ разрѣшенія владѣльцевъ, не могу истратить ни копейки“. „Но какъ-же мнѣ владѣльцы говорили“. „Да вѣдь они, вѣроятно, говорили вамъ много кое-чего и другого? А, если не вѣрите, могу и довѣренность показать“. „Хорошо“, говорю, „я напишу, мнѣ все равно; только смотрите, чтобы вамъ изъ-за этого не вышло какихъ-нибудь непріятностей“. „О, обо мнѣ не безпокойтесь, можете писать, не жалѣя красокъ“. И, конечно не пожалѣю... Одного не пойму, что дѣлалъ тутъ мой предшественникъ?“ „Что дѣлалъ? Сначала какъ и вы, волновался, потомъ занялся охотой и картишками, а когда совѣсть совсѣмъ замучила—поѣхалъ на холеру... Отъ хорошей жизни на холеру не поѣдешь. Кстати, если желаете заняться охотой—дичи у насъ тутъ много—могу предложить ружьецо и собачку... славный есть кобелекъ, такъ „докторскимъ“ и прозывается... Списочекъ сосѣдей также приготовить могу“. И ужъ теперь прямо въ глаза смѣется. „Ну, что“, думаю, „съ тобой, съ рыжимъ чортомъ разговаривать. Посмотрю, какъ ты будешь смѣяться послѣ моего письма“.

И здорово же, скажу вамъ, написалъ я, такъ рас-

писалъ, такъ расписалъ... Но проходитъ недѣля—отвѣта нѣтъ, другая — ничего. Опять къ управляющему. „Да что-же это, наконецъ? Отчего они не отвѣчаютъ“? „Еще разъ напишите“, говоритъ: „на первое письмо никогда не отвѣчаютъ“. „Это почему же“? „Политика... Сгоряча написалъ, можетъ и остынетъ—думаютъ“. Ну тутъ и на меня сомнѣніе нашло. Однако написалъ еще разъ. Черезъ недѣлю приглашаютъ къ управляющему. „Пришелъ отвѣтъ“? „Какъ-же, какъ-же, пришелъ... Владѣльцы очень цѣнятъ ваше рвеніе и, въ благодарность за сообщенныя свѣдѣнія, прибавляютъ вамъ 600 рублей въ годъ“. Я такъ и вытаращилъ глаза. „Да развѣ я объ этомъ просилъ“? „Съ тѣмъ, конечно, чтобы вы успокоились“. „То есть, какъ это успокоился“? „Ахъ-Боже мой! Ну, чтобы не возбужали болѣе такихъ вопросовъ“. Тутъ меня, признаться, взорвало. „Ахъ, они мошенники!“ говорю. А онъ прехладнокровно: Oh yes! Не безъ этого“. „Ну и скажите имъ это отъ меня. Честь имѣю кланяться“. Повернулся и вышелъ. А онъ далъ мнѣ дойти до передней, да и кричитъ: „Серъ, серъ, вернитесь на минутку“. „Ну, что еще“? „Да вотъ въ письмѣ есть приписка“. Вынулъ и читаетъ: „А если онъ на это не согласится, выдайте ему на улучшеніе санитарной части 300 рублей въ безотчетное распоряженіе. „Да что-жъ я на 300 рублей сдѣлаю, когда тутъ нужны тысячи“? „А это ужъ, какъ хотите; мое дѣло вамъ сообщить, а тамъ какъ знаете“. Сначала хотѣлъ плюнуть... ну, ихъ совсѣмъ! Но потомъ думаю; что-жъ, кое-что и на 300 рублей сдѣлать можно. Хоть больницу обставлю, лѣкарствъ выпишу, кое-какіе инструменты пріобрѣту; все-же деньги на пользу пойдутъ, а тамъ дальше видно будетъ... „Давайте деньги“, говорю. Крякнулъ англичанинъ, покачиваетъ головой: „А я по

совѣсти не совѣтовалъ бы... Все равно вамъ здѣсь не жить, это сейчасъ видно; такъ ужъ лучше уходили бы сейчасъ, потомъ хуже будетъ, наживете только непріятностей". И глупъ я былъ, что не послѣдовалъ его совѣту... охъ, какъ глупъ. Онъ зналъ, что говорилъ, а я, дуракъ, уперся. „Оставьте, знаю безъ васъ, что мнѣ дѣлать. Давайте-ка деньги. Неужели вамъ и этихъ грошей жалко"?

Ну-съ, проходитъ послѣ этого, кажется, съ недѣлю, и пріѣзжаетъ на фабрику земскій санитарный врачъ. Познакомились. „Пріѣхалъ", говоритъ, „провѣрить, исполнены ли требованія санитарнаго совѣта". „Такъ, значитъ, у васъ обращено вниманіе на эту клоаку"? „Какъ-же, какъ-же", отвѣчаетъ. „Вотъ это хорошо. Только врядъ-ли что исполнено, судя по тому, что я вижу". „А мы тогда—протокольчикъ да къ фабричному инспектору. Надоѣла намъ, признаться, ваша фабрика, вотъ гдѣ у насъ сидитъ. Пошли мы съ нимъ въ обходъ и управляющій съ нами. Ну, конечно, ничего не сдѣлано, все осталось, какъ было. Записалъ онъ все въ протоколъ, который я—да и управляющій, какъ будто также—подписали съ большимъ удовольствіемъ, а, прощаясь, пригласилъ меня посѣщать санитарные земскіе совѣты, собирающіеся еженедѣльно по четвергамъ. На первый—я не попалъ, а на второй пріѣхалъ... и, вотъ, уже не думалъ, не гадалъ, что меня тамъ ожидаетъ. Смотрю—цѣлое собраніе, человѣкъ съ двадцать. должно быть... Врачи, гласные... Со всѣми познакомился, сижу, слушаю. Такъ хорошо, симпатично. Одно только странно: врачъ, исполняющій обязанности секретаря, нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ на меня какъ-то особенно, словно хочетъ мнѣ что-то сказать да не рѣшается. Наконецъ, подумалъ, что такая манера у чело-

вѣка смотрѣть, какъ вдругъ слышу: „Отношеніе такихъ-то—моихъ хозяевъ—въ П-ій санитарный совѣтъ“. Вотъ, думаю, интересно, такъ весь и насторожился даже... ну, а потомъ, чуть со стыда не сгорѣлъ.

Славинъ торопливо вынулъ изъ бумажника сложенный листокъ и прочелъ: „Мы крайне удивлены свѣдѣніями объ антисанитарномъ состояніи нашей фабрики, изложенными въ протоколѣ П-скаго санитарнаго совѣта. Удивлены потому, что вполнѣ полагались на вновь приглашеннаго врача, г. Славина, которому были даны самыя широкія полномочія. Въ настоящее время нами затребованы отъ него объясненія и, если окажется, что онъ злоупотребилъ нашимъ довѣріемъ, мы тотчасъ-же примемъ надлежащія мѣры“. А, какъ вамъ это нравится?.. Ну, не мерзавцы-ли?.. Но хорошъ, вѣроятно, былъ я тогда, если рѣшительно не помню ни того, что говорилъ, ни того, что дѣлалъ. Помню только смутно, какъ меня старались успокоить, увѣряя, что дѣло ясно, что со стороны владѣльцевъ это—одна лишь увертка, отписка. Но до конца засѣданія я все-таки не досидѣлъ и—въ Москву, къ владѣльцамъ. „Дома нѣтъ“. Являюсь на слѣдующій день—тоже самое. „Да когда-же, наконецъ, ихъ можно застать“? „А вотъ завтра утромъ въ 11 часовъ. Только позвольте узнать вашу фамилію, господа незнакомыхъ не принимаютъ“. А на завтра вотъ что случилось. Подъѣзжаю ровно въ 11 часовъ. Передъ подъѣздомъ—швейцаръ—гладкій, откормленный, что твой боровъ, весь въ галунахъ—живутъ то они милліонерами. „Что, опять дома нѣтъ“? спрашиваю. А онъ нахально, дерзко: „Дома-то дома, да принимать васъ не велѣно“. „То есть, какъ это не велѣно?“ „Не велѣно да и все тутъ. Отъ воротъ—поворотъ, вотъ и весь сказъ“. „Да какъ ты смѣешь“?.. вспылилъ я.

„А вы, баринъ, не очень-то кричите, тутъ и городовой недалече... во идетъ“. Смотрю, дѣйствительно, откуда-то вынырнулъ городовой да прямо къ намъ... должно быть заранѣе предупредили. Ну, плюнулъ и ушелъ. Сгоряча хотѣлъ было подкараулить ихъ гдѣ-нибудь, но потомъ раздумалъ: чортъ съ ними совсѣмъ, такихъ вѣдь все равно не исправишь. Вернулся на фабрику и—къ управляющему. „Проститься пришелъ“, говорю, „да, кстати, извиниться передъ вами. Признаюсь откровенно, думалъ, что вся здѣшняя гадость отъ васъ идетъ; ну, а теперь вижу, что ошибся и удивляюсь лишь одному, какъ можете вы служить у такихъ прохвостовъ. Послушайте, что они со мной сдѣлали“. Улыбается. „Да“, говоритъ, „это очень на нихъ похоже; но вѣдь я предупреждалъ васъ. Что-же касается моей у нихъ службы, то чего же тутъ удивительнаго? По моей части, они у меня пикнуть не смѣютъ, получаю я хорошее содержаніе, а до остального—какое мнѣ дѣло. А я, знаете, удивляюсь другому — вашимъ русскимъ порядкамъ. Всѣ вы, кажется, люди недурные, стараетесь изо-всѣхъ силъ, а въ результатѣ — нуль. Я здѣсь десять лѣтъ, однихъ протоколовъ за это время подписалъ штукъ двадцать, если не больше; фабричный инспекторъ каждый разъ, какъ бываетъ, угрожаетъ чуть ни закрытіемъ фабрики и, въ концѣ-концовъ—ничего, напротивъ, съ каждый годомъ становится все хуже. Вотъ это такъ удивительно“. И, можете себѣ представить, только что я ушелъ, какъ на мое мѣсто нашли другого и, кажется, болѣе подходящаго. По крайней мѣрѣ, я слышалъ, что онъ на санитарныхъ совѣтахъ за хозяевъ прямо распинается... Изъ евреевъ.

Славинъ понизилъ голосъ, кинувъ боковой взглядъ на сидѣвшаго тутъ-же за столомъ молодого врача, въ

которомъ по первому взгляду можно было узнать еврея. Но эта осторожность была лишняя, такъ какъ Разинъ, такъ звали врача, весь ушелъ въ горячій споръ, главнымъ образомъ съ Вѣрой. Какъ разъ въ это время раздавался ея голосъ — низкій, мягкій, чуть-чуть вибрирующій. Говорила она совсѣмъ просто, улыбаясь:

— Вы, кажется, Семенъ Осиповичъ, не желаете меня понять. Я утверждаю лишь то, что всѣ вы, господа врачи, до такой степени специализировались, что для васъ существуютъ одни лишь больные, до остальныхъ-же вамъ нѣтъ никакого дѣла. На вашу часть, т.-е. на санитарную, расходуется треть всего земскаго бюджета, а вамъ все мало. Между тѣмъ у земства существуютъ и другія, не менѣе важныя, задачи, какъ напримѣръ: народное образованіе, поднятіе экономическаго благосостоянія населенія, при чемъ послѣднее находится въ тѣсной связи и съ вашей дѣятельностью... Не станете же вы отрицать, что улучшеніе матеріальныхъ условій ведетъ за собой улучшеніе и гигіеническихъ, а, слѣдовательно, и уменьшеніе числа больныхъ — съ одной стороны, съ другой-же большую плодотворность самаго леченія. Вѣдь вамъ теперь, сплошь и рядомъ, приходится давать паціентамъ совѣты, совершенно для нихъ неисполнимые. Вотъ именно эта односторонность меня и удивляетъ.

— Странно, что она васъ удивляетъ, — возразилъ Разинъ, при чемъ его маленькіе, блестящіе глазки насмѣшливо заиграли. — О комъ-же намъ заботиться, какъ не о больныхъ? О здоровыхъ пусть другіе заботятся.

— Да развѣ я удивляюсь тому, что вы заботитесь о больныхъ, — слегка пожала плечами Вѣра. — Удивляюсь, иначе говоря, тому, что вы дѣлаете свое дѣло?

Напротивъ, я отдаю вамъ въ этомъ отношеніи полную справедливость. Благодаря вашей энергіи, сплоченности — санитарная часть въ уѣздѣ стоитъ куда выше всѣхъ остальныхъ, и можно лишь жалѣть, что другія отрасли земскаго хозяйства не обладаютъ такимъ дѣятельнымъ органомъ, какъ санитарный совѣтъ. Меня удивляетъ совсѣмъ другое... Можетъ быть, впрочемъ, сказавъ, что я удивляюсь вашей односторонности, я не совсѣмъ ясно выразилась и слѣдовало сказать: вашей непослѣдовательности. Вѣдь вы сами только что сказали; „о здоровыхъ пусть заботятся другіе". А теперь потрудитесь вспомнить, изъ-за чего возникъ весь этотъ разговоръ. Разсказавъ, что на послѣднемъ санитарномъ совѣтѣ управа объявила, что по вопросу о постройкѣ Кругликовской больницы она дастъ отрицательное заключеніе и что поэтому, надо полагать, и на земскомъ собраніи вопросъ о постройкѣ не пройдетъ, вы выразились, что въ такомъ случаѣ, отказъ земскаго собранія будетъ позоромъ. На это я возразила, что „позоромъ" такой отказъ никоимъ образомъ назвать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если собраніе откажетъ въ постройкѣ больницы, то почему? Вѣдь исключительно — по недостатку средствъ, иначе говоря, потому что земство не можетъ заботиться объ однихъ лишь больныхъ, а должно думать и о здоровыхъ. Помните, на послѣднемъ земскомъ собраніи — я въ тотъ день пришла какъ разъ во время, къ самому интересному — что сказалъ одинъ изъ гласныхъ... какъ его?.. ну забыла... „Если расходы земства на санитарную часть будутъ и впредь возрастать въ такой же пропорціи, то въ очень недалекомъ будущемъ нашъ уѣздъ превратиться въ идеально благоустроенный санитарный участокъ съ одной стороны, при гніющихъ школахъ, костеломныхъ дорогахъ

и экономически бѣдствующемъ населеніи — съ другой". И вѣдь это совершенно вѣрно, слова эти живая иллюстрація, и вы сами не можете не признать ихъ справедливости, но признаете какъ-то странно, въ одной лишь теоріи. Вы сами говорите: пусть о здоровыхъ заботятся другіе, слѣдовательно — признаете законность этихъ заботъ, но лишь только заботы эти переходятъ въ практику, и земское собраніе, во имя ихъ, этихъ заботъ, отказываетъ вамъ въ постройкѣ новой больницы — вы кричите: „это позоръ!". Ну, развѣ это послѣдовательно?

— Браво, браво! — тихо выговорилъ Славинъ. — Умно говоритъ барышня... А красива-то какъ! Картина...

Онъ повернулся къ Галицкому, словно ожидая услышать одобрѣніе своему замѣчанію, но тотъ его не слышалъ. Онъ пристально смотрѣлъ на Вѣру. Въ немъ внезапно и въ первый разъ сознательно формулировалась мысль: „А что, если бы, на самомъ дѣлѣ, вмѣсто Лидіи Петровны, его женою была бы она — эта умная, дѣльная красавица... Та начинаетъ его ненавидѣть, а эта"...

А Вѣра, почувствовавъ на себѣ его взглядъ, медленно къ нему повернулась и вдругъ, словно въ отвѣтъ на что-то такое, что она въ этомъ взглядѣ прочла, глаза ея расширились, загорѣлись и такимъ тепломъ и нѣжностью повѣяло отъ нихъ, что Галицкій невольно опустилъ голову.

— Вѣрно, справедливо! — раздался негромкій, но увѣренный голосъ сосѣда Вѣры, врача Пономарева-господина лѣтъ подъ пятьдесятъ, волосатаго и суроваго вида. Онъ пользовался репутаціей искуснаго хирурга и про него разсказывали, что, угрюмый и необщительный вообще, онъ на операціяхъ совершенно пре-

ображался: глаза загорались, движенія становились быстрыми, живыми, все время говоритъ и сыплетъ остротами. — Что, братецъ, попался? И по дѣломъ: не горячись въ другой разъ.

— Mea culpa, mea maxima culpa! — сказалъ Разинъ, разводя руками. — Побитъ на всѣхъ пунктахъ... А все-таки жаль, если больницу не разрѣшатъ. Охъ, какъ она намъ нужна... Вотъ, развѣ князь поддержитъ?

— Нѣтъ, Семенъ Осиповичъ, на этотъ разъ не поддержу. Я вѣдь вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что сейчасъ высказала Вѣра Александровна.

— Еще бы вамъ не быть согласнымъ, — улыбаясь выговорила дѣвушка, — когда я повторила лишь ваши слова, то, что вы говорили, вернувшись съ послѣдняго санитарнаго совѣта.

— Клянусь бородой Эскулапа, что изъ ста женщинъ не найдется ни одной, которая послѣ такой блестящей словесной побѣды, публично и тотчасъ-же созналась бы, что она высказывала не свои, а чужія мысли. Честь вамъ и слава, Вѣра Александровна!

IX.

Слова эти были произнесены молодымъ врачемъ Сдобновымъ, помощникомъ Чернышева. Высокаго роста, худощавый блондинъ, съ нервнымъ выразительнымъ лицомъ и продолговатыми карими глазами, онъ былъ очень недуренъ собой. Обладая кое-какимъ состояніемъ, онъ пошелъ во врачи по призванію, и Чернышевъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ очень талантливомъ, который далеко пойдетъ. Несмотря на лестный смыслъ фразы, она была сказана съ явной насмѣшкой, и на лицѣ Вѣры промелькнуло недовольное выраженіе. Она

повернулась къ Сдобнову, намѣреваясь что-то возразить, но раздавшійся въ это время особенно громкій взрывъ хохота заставилъ ее, вмѣстѣ со всѣми, обернуться къ круглому столу.

Хохотала хорошенькая Анна Ивановна. Откинувшись на спинку стула и закрывъ глаза, она вся тряслась отъ смѣха. Глядя на нее, смѣялись и другіе, за исключеніемъ сидѣвшаго съ нею рядомъ Эразмова. Лицо послѣдняго было очень серьезно и онъ смотрѣлъ на дѣвушку, укоризненно покачивая головой. Наконецъ онъ медленно произнесъ.

— Анна Ивановна, перестаньте.

Но дѣвушка отмахнулась только рукой.

— Анна Ивановна, молю, перестаньте. Нехорошо такъ, голубушка, право нехорошо. Мало ли что можетъ случиться... Вы даже большой столъ смутили. Они тамъ серьезными матеріями занимались, сколько однѣхъ больницъ понастроили, а вы имъ помѣшали... Анна Ивановна, ради самого Создателя—перестаньте... Вѣдь такъ и лопнуть недолго. Что-же я тогда съ моими билетами дѣлать буду?

Дѣвушка какъ-то взвизгнула, захлебнулась и, схватившись обѣими руками за грудь, черезъ силу выговорила:

— Да бросьте вы... Охъ, смерть моя. Больше не могу... Вѣдь больно.

Наконецъ она открыла глаза, полные слезъ и, увидѣвъ себя центромъ общаго вниманія, вспыхнула и обиженно надула губы:

— Вотъ вы всегда такъ. Сами насмѣшите, да сами же потомъ и поставите въ неловкое положеніе, — съ досадой выговорила она.

— Поклепъ, голубушка. Совершеннѣйшій поклепъ.

Чѣмъ же я виноватъ, если вамъ стоитъ палецъ показать, и вы готовы хоть цѣлый день смѣяться.

— Ну, ужъ не врите.

— Будьте свидѣтелями, господа, — торжественно возгласилъ Эразмовъ и, поднявъ палецъ, поднесъ его къ лицу Анны Ивановны.

Дѣвушка сердито отвернулась, но потомъ углы ея рта начали подергиваться. Еще секунду — и она разсмѣялась бы. Но вдругъ она быстро повернулась къ Чернышевой, прижалась къ ея груди и судорожно зарыдала.

— Ну, вотъ,—недовольно выговорила Чернышева.— Добились своего, довели дѣвочку до слезъ.

— Ахъ, матушка, Аграфена Петровна, печальница вы наша, да развѣ это слезы? Такъ — водичка соленая. — Эразмовъ равнодушно махнулъ рукой и повернулся къ Галицкому:

— Покорнѣйшая къ вамъ просьба, князь. Помогите уговорить вашихъ барышень поѣхать завтра въ клубъ. Спектакль, оркестръ, танцы... Два билета привезъ, думалъ — съ руками оторвутъ, а онѣ, изволите-ли видѣть, заладили одно: „Завтра у насъ туманныя картины, самъ князь читаетъ“. Да что вы никогда картинокъ не видѣли, что-ли? Или князя не слышали? А вѣдь тамъ „Лѣсъ“ идетъ, и съ такимъ Несчастливцевымъ, что одинъ восторгъ. А потомъ—господинъ Пертурбанцiевъ изъ Москвы — всероссiйская, можно сказать, знаменитость по армянскимъ и жидовскимъ разказамъ... А онѣ— все свое. Совсѣмъ мертвыя онѣ у васъ тутъ, право... Даромъ и билеты-то предлагаю... Нѣтъ, вы ужъ, пожалуйста, князь, уговорите ихъ какъ-нибудь, а то что-же мнѣ теперь на трехъ стульяхъ сидѣть прикажете? На двухъ куда ни шло, ну, а на трехъ какъ-то даже и не по чину.

— И по дѣломъ, какъ вамъ и надо, и сидите на трехъ, — капризно выговорила Анна Ивановна. Она успокоилась, но сидѣла съ вытянутымъ лицомъ и надутыми губами. — А настоящее вамъ мѣсто знаете гдѣ? Подъ стульями.

— Охъ, „Не смущай ты мою душу"... фальшивымъ теноркомъ затянулъ Эразмовъ и поднялъ палецъ.

— Тьфу! Ну, васъ совсѣмъ! — сердито выговорила дѣвушка и отвернулась.

— А вотъ у насъ до сихъ поръ не разрѣшаютъ чтеній, два года уже хлопочемъ — и ничего не выходитъ, —сказала бывшая подруга Чернышевой—Власьева. — И почему — никому неизвѣстно.

— Да и Богъ съ ними совсѣмъ, съ этими чтеніями. Одно лишь безобразіе — и больше ничего.

Всѣ съ удивленіемъ обернулись на дѣвушку, сидѣвшую рядомъ съ Вѣрой. Аравина—такъ ее звали—продолжала очень рѣшительно:

— Ну какъ-же не безобразіе. Народу навалитъ тьма-тьмущая. Всѣ лѣзутъ впередъ, кричатъ, ругаются. А когда погасятъ свѣтъ, чтобы показывать картины, начинается и совсѣмъ Богъ знаетъ что. Парни норовятъ поближѐ встать къ дѣвушкамъ — и такая поднимается возня да визготня, что приходится сейчасъ же снова освѣщать комнату.

— Но почему же вы допускаете такое безобразіе?— произнесъ съ удивленіемъ Галицкій. — Почему не обращаетесь къ земскому начальнику? Вѣдь онъ живетъ у васъ совсѣмъ подъ бокомъ.

— Это еще зачѣмъ? Не люблю я, признаться, этихъ... начальниковъ, — рѣзко и презрительно выговорила дѣвушка.

— И предпочитаете, чтобы зданіе школы превращалось въ нѣчто... совсѣмъ неподходящее?

Аравина вспыхнула, но потомъ закусила губы и, вызывающе глядя на Галицкаго, произнесла насмѣшливо:

— Желала бы я знать, что онъ тутъ можетъ сдѣлать, вашъ начальникъ?.

— Что нужно, то и сдѣлаетъ, — отвѣтилъ за Галицкаго небольшого роста господинъ въ pince-nez. То былъ ветеринарный врачъ Аистовъ, уже давно служившій въ уѣздѣ. Очень энергичный въ борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями, безсеребренникъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ по собственному почину и не будучи къ тому обязанъ, открылъ у себя на дому даровое амбулаторное леченіе животныхъ. Среди крестьянскаго населенія Аистовъ пользовался большой популярностью.

— Эхъ, барышня,—продолжалъ онъ съ усмѣшкой.— Сейчасъ видно, что вы только что соскочили съ гимназической скамьи... головка-то не успѣла освободиться отъ разной лишней дряни... Не любите вы этихъ „начальниковъ“. А позвольте узнать почему? Вѣдь, чтобы любить или не любить кого-нибудь или что-нибудь надо имѣть о человѣкѣ или вещи хоть какое-нибудь понятіе. А какое понятіе можете вы имѣть о дѣятельности земскихъ начальниковъ? Вы спрашиваете, что можетъ онъ сдѣлать?. А тутъ, что нужно? Чтобы прекратилось безобразіе, которое мѣшаетъ чтеніямъ, чтобы вмѣсто безпорядка былъ порядокъ. Онъ это и сдѣлаетъ. А какъ? Не все ли вамъ равно? Вѣдь къ порядку въ деревенской жизни, вообще, могутъ относиться свысока только люди, которые о благѣ народномъ болтаютъ лишь языкомъ, для насъ-же, людей дѣла — врачей, учителей и т. д. и т. д.—порядокъ вещь великая: безъ порядка—

мы какъ безъ рукъ. А для лучшаго, такъ сказать, нагляднаго уясненія того, что я хочу сказать, приведу вамъ сейчасъ два фактика изъ своей собственной практики.

Аистовъ снялъ pince-nez, протеръ его, оглядѣлъ присутствующихъ маленькими подслѣповатыми глазками и, привычнымъ движеніемъ, насадивъ его на переносицу, продолжалъ:

— Фактикъ первый произошелъ до земскихъ начальниковъ, за полгода, кажется, до ихъ введенія. Въ уѣздѣ—сильнѣйшая сибирская язва, изъ одного конца въ другой такъ и кидаетъ. Нашъ санитарный отрядъ и безъ того совсѣмъ съ ногъ сбился, а тутъ получается вдругъ извѣстіе, что въ с. Нагомъ появились подозрительные случаи. Нагое, сами знаете, огромное село, на бойкомъ трактѣ, каждую недѣлю—два базара,— не удастся прекратить болѣзнь въ самомъ началѣ— бѣда будетъ. Пишу старшинѣ съ нарочнымъ, чтобы немедленно распорядился не выпускать скотъ въ поле и отдѣлить подозрительныхъ, что завтра пріѣду самъ. Пріѣзжаю. Къ старшинѣ. „Ну, что скотъ по дворамъ? Гдѣ подозрительныя“? Махнулъ только рукой. „Въ полѣ скотъ. Развѣ съ здѣшнимъ народомъ сообразишь. И слушать ничего не хотятъ“. „Эхъ“, думаю, „мямля какая. И этого не сумѣлъ сдѣлать“. „Собирайте“, говорю, „сходъ. Я самъ съ ними поговорю“. Собрались. Долго я съ ними говорилъ. Растолковалъ все такъ ясно: какой опасности они подвергаются сами и другихъ подвергаютъ, что съ этой болѣзнью только и можно бороться этимъ способомъ, т.-е. не выпуская здоровыхъ и уничтожая больныхъ. „Поняли“? спрашиваю. Молчатъ. „Ну посылайте скорѣй къ пастухамъ, чтобы гнали домой скотъ“. Молчатъ, окаменѣли точно.

„Что же вы не слышите, что-ли“? Наконецъ, изъ заднихъ рядовъ раздалось очень отчетливо. „Какъ не слышать—слышимъ, не глухіе тоже. А только понапрасну ты, баринъ, стараешься: все равно скотину рѣзать не дадимъ. Пойдемте, братцы“. И вся громада—человѣкъ триста, не меньше—какъ одинъ человѣкъ повернулась и молча стала удаляться. Я было за ними. „Да что вы-братцы, погодите, опомнитесь, сами же потомъ плакаться будете, когда у васъ вся скотина передохнетъ“, Что же вы думаете? Ни одинъ не обернулся даже. Такъ и ушли. Вотъ горе-то. Ѣду къ становому. А становымъ тогда былъ—не знаю, помните-ли вы его—онъ служилъ очень недолго—Пилкинъ, изъ молодыхъ офицеровъ, милый человѣкъ, котораго я зналъ хорошо. Такъ и такъ, разсказываю. „Надо принять мѣры“. А онъ мнѣ: „Эхъ, Алексѣй Ивановичъ, миленькій, какъ это вы сами изъ народа, а съ народомъ говорить не умѣете. Ѣдемъ завтра вмѣстѣ. Увидите, какъ я ихъ уговорю“. Поѣхали. Опять собрали сходъ. Явилось еще больше вчерашняго. И сталъ онъ имъ говорить... Ахъ, да, забылъ совсѣмъ... Я еще вчера узналъ, какъ звали мужика, отвѣтившаго мнѣ за всѣхъ, и посовѣтовалъ Пилкину обратить на него особенное вниманіе, какъ на очевиднаго запѣвалу, такъ что, какъ только сходъ собрался, Пилкинъ вызвалъ этого мужика впередъ. Мужикъ черный, благообразный, съ умнымъ такимъ лицомъ... Ну, сталъ Пилкинъ ихъ увѣщевать и, надо отдать ему справедливость, говорилъ и красно и дѣльно. Къ тому, что они уже отъ меня слышали, прибавилъ, само собой, и предостереженіе, что въ случаѣ сопротивленія имъ придется отвѣтить и что, все равно, если они не захотятъ добровольно подчиниться требованію закона, то ихъ заставятъ силой. Словомъ.

указалъ на то, на что слѣдовало указать власть имущему; но все очень мягко, спокойно. Кончилъ. Молчатъ. „Ну, что-же, братцы“? А черный запѣвало—Касаткинъ ему фамилія была—стоитъ вѣдь отъ него въ двухъ шагахъ, впереди всѣхъ—усмѣхнулся, покачалъ головой да и говоритъ: „Эхъ, в-е б-е, хорошо ты пѣлъ, а какъ кончилъ, еще лучше стало. Пойдемъ, братцы“. И опять, какъ вчера, громада повернулась и стала удаляться... Только кое-гдѣ смѣшки раздавались. Ну тутъ, мой становой какъ вспыхнетъ. „Бери его“! показываетъ на Касаткина. Старшина и урядникъ сунулись было, но толпа разступилась и опять сомкнулась—только Касаткина и видѣли. А Пилкинъ чуть отъ конфуза не плачетъ. „Ѣдемъ къ исправнику“, говоритъ. Ну, исправника—Рыжова—вѣроятно, вы всѣ помните—мужчина тоже хорошій, опытный служака, но горячъ былъ, прямо—огонь. Пріѣхали, разсказываемъ. А онъ какъ начнетъ хохотать: „О-хо-хо! Перестаньте. Да развѣ такъ съ ними разговаривать надо? О-хо-хо! Уморили совсѣмъ“. За животъ держится, никакъ успокоиться не можетъ. „Вотъ увидите, что они завтра у меня запоютъ“. Послалъ за письмоводителемъ, сдѣлалъ какія-то распоряженія, а намъ предложилъ у него переночевать, чтобы назавтра тронуться пораньше. Вечеръ, признаться, скоротали за картишками, а на слѣдующее утро чуть свѣтъ и поѣхали... съ цѣлой свитой—шесть урядниковъ кругомъ коляски гарцуютъ. Подъѣзжаемъ и видимъ—дѣло неладно. У самой околицы, при въѣздѣ, навалены бревна, что твоя барикада, а за ними—море головъ—все село, кажется, высыпало, а въ рукахъ—колья, кое-гдѣ и косы на солнышкѣ поблескиваютъ. Какъ увидѣлъ это нашъ Николай Капитоновичъ, такъ даже затрясся весь. Всю дорогу ѣхалъ ве-

селый—все надъ нашей неудачей подшучивалъ, а тутъ побагровѣлъ, всталъ въ коляскѣ, ткнулъ кучера въ шею да и кричитъ: „Вали во всю"! Ну, и полетѣли мы тутъ. А онъ вытянулся во весь ростъ и грозитъ куламомъ на толпу. Чуть на бревна не взлетѣли. И только что остановились, какъ онъ гаркнетъ во все горло—а голосъ у него былъ здоровеннѣйшій: „Это что? Бунтовать, мерзавцы. Ахъ, вы такіе-сякіе"! И пошелъ, и пошелъ. Это былъ какой-то фонтанъ ругани, какой-то фейерверкъ изъ бранныхъ словъ... Смотрю, толпа пятиться начинаетъ. Когда мы подъѣхали, всѣ въ шапкахъ стояли, а теперь, то тамъ, то сямъ головы обнажаться стали. А онъ все сыпетъ, все сыпетъ... И такъ мнѣ стало вдругъ обидно и больно, что и сказать не могу. Когда же, въ видѣ финальнаго аккорда, онъ гаркнулъ, что всѣхъ перепоретъ, я и совсѣмъ не выдержалъ. Потянулъ его за пальто да и говорю: „Николай Капитоновичъ, нельзя-ли потише, вѣдь не животныя они, люди все-таки". А онъ какъ на меня обернется да какъ зарычитъ: „Что?!. Потише!.. Да я и тебя за компанію выдеру"! Я такъ и присѣлъ. Вижу человѣкъ совсѣмъ изъ ума вышелъ, съ такимъ и говорить нельзя, пожалуй—ударитъ, чего добраго. Перелохнулъ онъ немного и опять гаркнулъ: „На колѣни, канальи! Всѣ—на колѣни"! И что бы вы думали, господа? Вѣдь стали, одинъ за другимъ, какъ бараны, опустились. А онъ стоитъ, смотритъ, отдышаться не можетъ... Потомъ уже потише: „Гдѣ у васъ тутъ Касаткинъ"? Подымается Касаткинъ. „Связать его"! Урядники бросились. „Нѣтъ", остановилъ онъ: „Сами вяжите". И человѣкъ десять потянулись къ Касаткину, закрутили ему назадъ руки и вывели изъ толпы... „Въ холодную... Ну, а теперь живо за пастухами. Чтобъ

черезъ часъ вся скотина стояла по дворамъ". А черезъ какихъ-нибудь полтора часа я—и уже одинъ—ходилъ по дворамъ и отбиралъ подозрительную скотину.

Аистовъ сдѣлалъ паузу и потомъ произнесъ задумчиво, пожимая плечами:

— Некрасиво все это было, словъ нѣтъ — очень некрасиво... И ругань, и „выпорю", и „на колѣни". И теперь даже вспоминать непріятно... А съ другой стороны, какъ подумаешь, что произошло бы иначе... Представьте себѣ, что и на этотъ разъ намъ пришлось бы удалиться, не солоно хлебавши... что тогда? Сопротивленіе властямъ, военная сила, экзекуція, уже не говоря о гибели скота отъ болѣзни... и еще большее попраніе человѣческаго достоинства... Вотъ тутъ и разберись. И придется признать въ концѣ концовъ, что исправникъ дѣйствовалъ правильно... Да и не звѣрь онъ былъ—сами знаете. Наоборотъ, добрѣйшей души человѣкъ. Если бы вы видѣли, какъ онъ послѣ, когда отошелъ, передо мной извинялся, прощеніе вымаливалъ. Да и долго спустя не могъ равнодушно объ этомъ слышать — такъ весь со стыда и сгоритъ, бывало... Нуте-съ, а теперь другой фактикъ,—улыбнулся Аистовъ весело:—все тоже, а какъ будто совсѣмъ изъ другой оперы... И очень недавно, прошлымъ лѣтомъ. Опять сибирская язва, опять я мечусь уже вторую недѣлю и опять получаю извѣстіе, что въ томъ же Нагомъ заболѣло пять коровъ. Но на этотъ разъ я одинъ, а потому ѣхать туда немедленно не могу. На очереди еще два центра заразы, и въ Нагое могу попасть лишь на третій день. Ну, по обыкновенію, пишу старшинѣ—кстати, и старшина тотъ же: „Сдѣлайте то-то и то-то, черезъ два дня пріѣду". Написалъ, а самъ думаю: какъ бы тамъ опять чего-нибудь не вышло?" А на

слѣдующій день пришлось проѣзжать какъ разъ около Погорѣлова. Дай, думаю, заѣду на всякій случай—Нагое-то въ его участкѣ. „Такъ и такъ", говорю, „въ Нагомъ—сибирская язва". „Знаю", отвѣчаетъ.—„Жаль что вы туда не можете ѣхать теперь же". „Что же дѣлать"? говорю. „Старшинѣ я написалъ, распорядился, боюсь только, будутъ-ли распоряженія исполнены". „Почему? Старшина тамъ прекрасный, староста также мужикъ дѣльный". „Такъ-то такъ... да вѣдь и народъ тамъ—ухъ какой. Вѣдь тамъ, восемь лѣтъ назадъ, вотъ что было". И разсказалъ. Выслушалъ, улыбается. „Молодецъ", говоритъ, „исправникъ. Но вы все-таки не бойтесь: потому, что было, нельзя судить о томъ, что будетъ. Впрочемъ, благодарю, что заѣхали. На всякій случай я справлюсь". Ну-съ, пріѣзжаю въ назначенный день и—опять встрѣча, въ другомъ родѣ только. Стоятъ старшина, староста, урядникъ и человѣкъ десять мужиковъ, съ веревками и лопатами, тутъ же двѣ телѣги. „Скотина по дворамъ"? спрашиваю старшину. „Такъ точно. Я, признаться, еще до вашего предписанія распорядился." „А народъ съ лопатами зачѣмъ?" „А какъ-же-съ, только что двухъ павшихъ зарыли, да три скотины подозрительныя на лицо состоятъ, должно рѣзать придется, ну и сготовились". Тогда, при бунтѣ, пріѣхалъ сразу, а пало семьдесятъ съ чѣмъ-то головъ, теперь — на третій день, а все ограничилось двѣнадцатью штуками... Такъ вотъ,—онъ обернулся къ Аравиной, — наглядный результатъ дѣятельности тѣхъ, кого вы такъ не любите. А затѣмъ я убѣжденъ, что почти каждый изъ здѣсь присутствующихъ, если покопается въ своей памяти, найдетъ въ ней какой-нибудь аналогичный фактъ.

Онъ замолчалъ. И словно только этого обращенія

и ждали, сразу заговорили нѣсколько человѣкъ, другъ друга не слушая и перебивая, такъ что Аравина растерянно вертѣла головой, не зная, кого слушать. Наконецъ, вниманіемъ большинства удалось овладѣть Власьевой, разсказывавшей, какъ благодаря лишь земскому начальнику ей удалось прекратить въ зданіи училища вечернія собранія молодежи обоего пола, происходившія съ вѣдома и согласія попечителя школы — тоже изъ крестьянъ—собранія, на которыхъ творились всяческія безобразія. Ее смѣнилъ пріятель Чернышева врачъ Ходько, хохолъ—добродушный и лѣнивый—не безъ юмора передавшій, какъ на-дняхъ въ его амбулаторію привезли парня, ранившаго себя нечаянно изъ ружья. Когда же, сдѣлавъ перевязку, онъ хотѣлъ отправить его въ ближайшую больницу, оказалось, что возница удралъ, а мѣстный староста, сначала грубо и наотрѣзъ отказавшійся дать подводу, послѣ его, доктора, угрозы, что онъ тотчасъ-же заявитъ объ этомъ земскому начальнику, мгновенно перемѣнилъ обращеніе и не только нарядилъ подводу, но самъ, съ большой заботливостью, укладывалъ въ нее больного и все твердилъ ѣхавшему съ подводой мужику, чтобы тотъ везъ полегче: „Не дрова, дурень, везешь, а человѣка съ раной“. Потомъ акушерка Колобова—худенькая, некрасивая дѣвушка, съ маленькой головой и большими торчащими ушами, которую Галицкій очень любилъ за ея кипучую дѣятельность и живой энергичный характеръ—захлебываясь отъ хохота и поминутно пересыпая рѣчь словами: „знаете“ и „понимаете“, — разсказала сцену между урядникомъ и мужикомъ, при которой ей удалось вчера присутствовать невидимкой. Она зашла провѣдать только что родившую бабу и сидѣла у ней въ коморкѣ, когда къ мужу бабы пришелъ мѣстный

урядникъ и сталъ требовать приставшую охотничью собаку. „А съ кого-же я за ея харчи получу?“ спрашиваетъ мужикъ. „Вѣдь я и въ волость о ней заявилъ“. „А съ кого хочешь. Мнѣ какое дѣло. Да ты, братецъ, много не разсуждай, давай живо собаку, не то подъ судъ попадешь“. Но мужикъ оказался не дуракъ. „Что-жъ, Федоръ Петровичъ, подъ судъ, такъ подъ судъ. Только ужъ вы пообождите до завтра, а я вечеркомъ зайду къ барину—что онъ скажетъ? Коль велитъ отдать — что-жъ, берите на здоровье“. А я смотрю въ щелку да чуть не прыснула: лицо у урядника, знаете, во какъ вытянулось, понимаете. Покрутилъ онъ, покрутилъ головой да и въ карманъ. „Эхъ, Степанъ Степановичъ, какой—ты несговорчивый, братецъ. Зачѣмъ ты пойдешь къ барину? На тебѣ... довольно?“ И даетъ ему рублевку, понимаете... Ха-ха-ха!

— Все это такъ,—сказалъ Разинъ.—Порядокъ намъ нуженъ, и порядка при нихъ больше. Это вѣрно. Одно нехорошо, слишкомъ много эта должность зависитъ отъ личности. Въ нашемъ уѣздѣ подборъ земскихъ начальниковъ—еще ничего, а про другія мѣста иногда, Богъ знаетъ, что приходится читать и слышать.

— Что-же въ этомъ нехорошаго,—замѣтилъ Галицкій.—Мнѣ кажется, что это скорѣй говоритъ за должность, чѣмъ противъ нея. Вѣдь чѣмъ дѣло жизненнѣе, чѣмъ тѣснѣе связано оно съ людьми и ихъ интересами, чѣмъ оно живѣе,—тѣмъ большую, очевидно, важность пріобрѣтаетъ личность. Выбирать надо строже, вотъ что, да и надзоръ...

Но въ это время въ комнату вошелъ Чернышевъ, и Галицкій, извинившись, всталъ и направился къ нему.

Сдобновъ подсѣлъ къ Вѣрѣ и заговорилъ тихо, наклоняясь къ ней:

— Поздравляю... Я замѣтилъ сегодня у нашего „принципала“ нѣсколько такихъ краснорѣчивыхъ взглядовъ, какихъ прежде не было. Какъ это мнѣ ни грустно, но радуюсь за васъ. Вѣдь это лишь такой идіотъ, какъ Эразмовъ можетъ думать, что вы—ледяшка, я-же... Богъ мой! Какая вы ледяшка, вы сама страсть. Помните, когда вы мнѣ отказывали, вы говорили, что я вамъ недостаточно нравлюсь. Я сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ, хотя и тогда зналъ прекрасно, что суть въ томъ, что ваше сердце уже занято и занято крѣпко... Но все же я надѣялся... Вѣдь должно же, наконецъ, надоѣсть вздыхать такъ, попусту... Нельзя же при такой натурѣ, какъ ваша, всю жизнь любить безъ взаимности... И я надѣялся... вѣдь я васъ такъ, такъ люблю... Ну, а теперь—баста, конецъ! Ау, надежды...

И криво усмѣхнувшись, онъ опустилъ голову.

„Такъ это правда?“ при первыхъ его словахъ подумала Вѣра. „Правда?.. Мнѣ, значитъ, не показалось, а это—правда“. И сердце ея забилось быстро и сладостно. „Но какъ смѣетъ онъ со мной такъ говорить!“ И ея глаза сердито загорѣлись.

— Вы кончили?—спросила она.—Ну, слушайте теперь, что я вамъ скажу. Запретить вамъ копаться въ моей душѣ, я, конечно, не могу, и думать про меня вы можете, что угодно; но только... про себя. Я же слушать вашихъ изліяній на эту тему не желаю. Если вы хотите, чтобы я была съ вами попрежнему, никогда болѣе не касайтесь этого вопроса. Вы говорите, что меня любите, и я вамъ вѣрю и только въ виду этого не принимаю вашихъ словъ за дерзость и не отвѣчаю на нихъ громко и во всеуслышаніе.

Не дожидаясь отвѣта, она встала и направилась къ Галицкому, отъ котораго только что отошелъ Чернышевъ.

— Что съ Лидіей Петровной?—спросила она.—Что-нибудь серьезное?

— Не серьезнѣе обыкновеннаго... Нервы, припадокъ...

— Отчего же вы такъ разстроены?

— Развѣ?—улыбнулся онъ.—Какая вы чуткая...

— А это васъ удивляетъ?

— Нѣтъ... Хотя... „Ахъ, эти глаза! И какъ не замѣчалъ онъ этого раньше?“

Онъ машинально провелъ рукой по лбу и отвернулся.

— Борисъ Владиміровичъ!—голосъ ея дрогнулъ.—Да въ чемъ же дѣло? Не томите...

— Сегодня неудобно, Вѣра. Завтра днемъ я пріѣду къ бабушкѣ, тогда и разскажу... А теперь—прощайте, надо итти.

— Погодите... Когда назначенъ отъѣздъ въ Богучарово?

— Черезъ недѣлю, въ слѣдующее воскресенье.

— Такъ скоро!—тревожно вырвалось у Вѣры, такъ что Галицкій спросилъ съ удивленіемъ:

— А вамъ не все-ли равно, когда?

— Нѣтъ... такъ,—отвѣтила дѣвушка нерѣшительно и потомъ добавила тише: — Мнѣ также завтра надо будетъ вамъ кое-что сказать.

— Вотъ видите,—шутливо произнесъ онъ.—Сколько дѣлъ набирается. Надо собраться къ вамъ пораньше.

— А до завтра я все время буду мучиться,—сказала она серьезно.

Онъ взялъ ея руку и невольно задержалъ въ своей.

— Не надо, милая, не надо...

И опять глаза ихъ встрѣтились и на мгновенье они оба забыли все окружающее.

Когда Галицкій скрылся за дверью, и Вѣра, проводивъ его долгимъ взглядомъ, обернулась, лицо ея

сіяло такимъ счастіемъ ,что Эразмовъ, стоявшій рядомъ со Сдобновымъ, даже крякнулъ отъ удивленія.

— Вотъ такъ фунтъ!—выговорилъ онъ вполголоса.— Вотъ тебѣ и царевна—недотрога. Да и князенька хорошъ. Вотъ—не ожидалъ... А вамъ, коллега, если не по званію, то по чувству, какъ вамъ это нравится?

И онъ ехидно хихикнулъ, заглядывая въ глаза Сдобнову.

Но тотъ отодвинулся и выговорилъ рѣзко:

— Не смѣйте говорить про чувства! Развѣ у васъ чувство? Похоть одна. И не держи она васъ сама на такомъ почтительномъ разстояніи, я вамъ давно бы всѣ ребра переломалъ.

Онъ повернулся къ Эразмову спиной и, блѣдный, закусивъ губу, подошелъ къ Чернышевой и сталъ прощаться.

Эразмовъ молча поглядѣлъ ему вслѣдъ и, покачавъ головой, протяжно свиснулъ.

X.

За ужиномъ, съ глазу на глазъ съ Брянскимъ, несмотря на всѣ усилія послѣдняго, вовлечь его въ разговоръ, Галицкій упорно отмалчивался, такъ что словоохотливый ротмистръ пріунылъ и, недовольно потряхивая плечами, съ угрюмымъ видомъ прихлебывалъ свое petit bleu. Но когда Галицкій, кончивъ ѣсть, всталъ и началъ прощаться и, такимъ образомъ, передъ нимъ открылась перспектива провести остальной вечеръ въ полномъ одиночествѣ,—Брянскій не выдержалъ. Онъ покраснѣлъ и, расправивъ усы, повертѣвъ шеей и вытянувъ манжеты, сердито выговорилъ:

— Можешь на меня обижаться, сколько угодно, но

вотъ что я тебѣ скажу. Я все болѣе и болѣе понимаю Лиду... Я человѣкъ вполнѣ нормальный и нервы у меня въ порядкѣ, но у тебя здѣсь такая тощища, что, проживи я тутъ еще съ недѣлю, и я непремѣнно повѣсился бы.

— Въ такомъ случаѣ, хорошо, что ты завтра уѣзжаешь,—насмѣшливо отвѣтилъ Галицкій.—А то, представь себѣ, такой блестящій офицеръ и вдругъ—виситъ. Какой ужасъ, и... какая потеря для Россіи.

И не ожидая отвѣта отъ ошеломленнаго ротмистра, онъ прошелъ въ кабинетъ, сѣлъ за письменный столъ и, по привычкѣ многихъ лѣтъ, придвинулъ къ себѣ объемистую рукопись въ синей обложкѣ, на которой крупнымъ почеркомъ было выведено: „Что такое русское дворянство и чѣмъ оно должно быть?“ Въ эту рукопись онъ имѣлъ обыкновеніе заносить, безъ всякой, впрочемъ, связи и системы, накоплявшіеся факты, мысли и наблюденія, по вопросу, глубоко всегда его интересовавшему,— о роли и значеніи того сословія, къ которому онъ принадлежалъ. Основной же взглядъ на этотъ вопросъ формулировался имъ вкратцѣ такъ: Дворянство—связь между престоломъ и землею, звено между царемъ и народомъ. Оторванное отъ земли, какъ нынѣ, дворянство теряетъ смыслъ и значеніе, идетъ вѣрнымъ шагомъ къ уничтоженію. Вся сила его—въ землѣ, около народа, а потому и лозунгомъ его должно быть: назадъ въ деревню.

Открывъ рукопись, Галицкій перечелъ послѣднюю запись: „Явись теперь новый Петръ, онъ несомнѣнно, по примѣру своего великаго предка, погнавшаго дворянскихъ недорослей изъ деревень въ города, вернулъ-бы, но теперь уже не недорослей, а лучшія молодыя дворянскія силы изъ городовъ обратно въ деревню“. Потомъ взялъ

перо, подумалъ и сталъ писать: „Но пока дѣвушки нашего круга будутъ получать теперешнее идіотское воспитаніе, въ которомъ нѣтъ даже намека на необходимость самостоятельнаго труда въ будущемъ, а вся цѣль котораго направлена исключительно къ тому, чтобы выскочить во что бы то ни стало замужъ, т. е. поступить на содержаніе къ мужу, въ результатѣ чего—жена—паразитъ,—существо, которое, по мѣткому выраженію Альфонса Карра, s'habille, babille et se deshabille—до тѣхъ поръ и самъ Петръ ничего не подѣлалъ бы. Ибо „паразитъ“ и „деревня“—понятія другъ друга исключающія, ибо паразиту необходимъ городъ, ибо въ борьбѣ между нормальнымъ существомъ и паразитомъ побѣда остается всегда за послѣднимъ“.

Онъ положилъ перо, но потомъ усмѣхнулся и приписалъ: „Впрочемъ, и теперь есть выходъ,—правда героическій и на который не у каждаго хватитъ смѣлости и мужества: жениться на крестьянкахъ“. „Такая, по крайней мѣрѣ, дѣтей здоровыхъ народитъ и въ городъ не потащитъ“, подумалъ онъ закрывая рукопись. „И не будетъ обладать братцемъ, способнымъ вѣшаться отъ деревенской скуки. Но не угодно ли вернуть вотъ такого въ деревню... И какая огромная разница: на одного деревенская жизнь дѣйствуетъ такъ, что онъ готовъ повѣситься, ему же—Галицкому—только въ деревнѣ и хорошо и о жизни въ городѣ онъ думаетъ не иначе, какъ съ ужасомъ. Въ крови это у нихъ, у Галицкихъ. Положимъ, дѣдъ его былъ связанъ съ землею самою силою вещей, силою крѣпостного права, но уже для его сына, и его—Галицкаго—отца, извѣстнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ и не менѣе извѣстнаго писателя по земскимъ и крестьянскимъ вопросамъ—связь эта перестала существовать. И, тѣмъ не

менѣе, съ землею онъ не порвалъ. Между тѣмъ, какъ для большинства изъ его сословія уничтоженіе крѣпостного права явилось сигналомъ къ повальному бѣгству изъ деревни, въ жизнь отца Галицкаго оно не внесло никакой перемѣны. Онъ продолжалъ, какъ и прежде, жить круглый годъ въ Нагорномъ, дѣля время между литературными трудами и воспитаніемъ единственнаго сына Бориса, рожденіе котораго стоило жизни его матери. О послѣдней самъ Борисъ зналъ очень мало. Ни его отецъ, ни пріятельница отца, Марья Павловна Вересьева, сосѣдняя небогатая помѣщица, бывавшая въ Нагорномъ каждый день и подъ надзоромъ которой протекли младенческіе годы Бориса—не упоминали о ней никогда. Изъ этого обстоятельства, а также изъ отрывочныхъ и рѣдкихъ, доходившихъ до мальчика только случайно, замѣчаній прислуги и домашнихъ, Галицкій впослѣдствіи могъ заключить, что родители его жили между собой не совсѣмъ ладно. По сохранившимся портретамъ, его мать была прямо красавицей. Галицкій ребенкомъ всегда съ наслажденіемъ смотрѣлъ на эти портреты и только много лѣтъ спустя его непріятно начало поражать что-то капризное въ углахъ рта, что-то вызывающее, дерзкое, почти наглое въ выраженіи огромныхъ зеленоватыхъ глазъ.

Человѣкъ очень богатый, отецъ Галицкаго не жалѣлъ средствъ на воспитаніе сына. Сначала—бонны, гувернантки, потомъ—гувернеры и, наконецъ учителя—спеціалисты, пріѣзжавшіе изъ ближайшаго губернскаго города,—и восемнадцати лѣтъ Борисъ, въ первый разъ покинувъ Нагорное, блестяще выдержалъ испытаніе зрѣлости и поступилъ въ Московскій университетъ.

„Кровь—кровью, но не эти ли 18 лѣтъ, проведен-

ныхъ безвыѣздно въ деревенской глуши, сдѣлали изъ меня то, что я теперь?"

Галицкій всталъ и заходилъ по комнатѣ.

Впечатлѣнія дѣтства и юности—неизгладимы. Они могутъ быть утрачены памятью, но крѣпко залегаютъ въ характерѣ, образуютъ его главную основу. Отецъ Галицкаго—человѣкъ безъ взякихъ сословныхъ предразсудковъ—постоянно твердилъ и устно и письменно, что сила и будущность Россіи—въ народѣ, и что если въ настоящее время народъ этотъ грубъ и невѣжественъ, то въ этомъ виноватъ, главнымъ образомъ, долгій періодъ крѣпостного состоянія; что поэтому обязанность того сословія, которому онъ былъ закрѣпощенъ и которое вслѣдствіе этого закрѣпощенія имѣло возможность возвыситься и стать передовымъ,—возвратить народу свой долгъ заботами объ его умственномъ и нравственномъ развитіи. Очень понятно, что подъ такимъ вліяніемъ отца, котораго онъ сильно любилъ и уважалъ, съ одной стороны и при непосредственной близости къ народу и любви къ родному мѣсту—съ другой, служеніе народу, являющееся для большинства даже лучшихъ людей сухимъ исполненіемъ долга и скучноватою подчасъ обязанностью, для Галицкаго превратилось въ органическую потребность, неразрывно связанную со всѣмъ строемъ его характера. „Не потому живу такъ, что долженъ, а потому, что иначе—не могу",—вотъ что вполнѣ правдиво могъ отвѣчать Галицкій на вопросъ, что побудило его избрать теперешнюю его дѣятельность. И всегда—и во времена студенчества, и во времена послѣдующаго офицерства—онъ чувствовалъ и зналъ, какимъ образомъ сложится въ концѣ концовъ его жизнь.

По окончаніи университета, Галицкій мечталъ тот-

часъ же поселиться въ деревнѣ, но этому воспротивился отецъ. „Нельзя, рано“, сказалъ онъ. „Нельзя работать, не зная ни жизни, ни людей, а ты и то и другое знаешь пока теоретически, больше по книгамъ. Поживи самъ, присмотрись къ людямъ; узнай то общество, къ которому принадлежишь. Въ чиновники не иди. Существующая бюрократическая система такая сушь и гниль, что живому человѣку дѣлать въ ней нечего. Поступай на военную службу. Хотя и тамъ пищи для ума и сердца не найдешь, но, по крайней мѣрѣ, характера не испортишь“.

Галицкій послушался и поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ петербургскихъ гвардейскихъ полковъ. Вначалѣ блескъ мундира, избранное общество товарищей, масса новыхъ впечатлѣній—занимали его, какъ будто въ достаточной мѣрѣ наполняли жизнь, но потомъ все это стало надоѣдать, прiѣдаться, а „отсутствiе пищи для сердца и ума“ стало сказываться все сильнѣе. Не прошло полныхъ двухъ лѣтъ, и Галицкій началъ подумывать о выходѣ въ отставку, но опять былъ остановленъ отцомъ. „Рано, потерпи еще, или найди себѣ жену. Тогда—милости просимъ. Безъ жены какъ будешь жить? Придется экономку завести, ну а это... некрасиво. Да и о наслѣдникѣ подумать надо. Вѣдь ты единственный, жаль, если родъ прекратится. Есть кое-какія заслуги въ прошломъ, признаковъ вырожденія также какъ будто еще нѣтъ“. Но жены Галицкій не нашелъ, а, протянувъ еще три года, прiѣхалъ въ Нагорное и объявилъ наотрѣзъ, что больше служить не можетъ.

— Что, тошнитъ?—спросилъ старый князь.

— Давно тошнитъ, — усмѣхнулся Галицкій. — Все терпѣлъ, а теперь больше не могу.

— Отлично. Значитъ дошелъ до самой точки. Что-жъ, выходи. Только сюда я тебя все-таки не пущу. Поѣзжай путешествовать, узнай, какъ живутъ „не у насъ".

— Я и самъ хотѣлъ—сказалъ Галицкій.

— И прекрасно... Ну, а насчетъ жены, ничего?

— Да развѣ скоро найдешь такую, какую мнѣ нужно.

— Вѣрно. Трудновато найти. Вотъ развѣ откуда нибудь иностранку вывезешь. Тѣ подѣльнѣе будутъ... Хотя нежелательно это, нежелательно... Ну, да тамъ видно будетъ. — Онъ наморщилъ высокій лобъ и задумчиво почесалъ переносицу. — Раньше четырехъ лѣтъ не возвращайся, а къ тому времени я самъ, можетъ быть, тебѣ подыщу... Вѣдь тебѣ жену, а не любовницу нужно. Можетъ и угожу, а ты не влюбчивъ, я знаю.

— Вотъ было-бы великолѣпно, — разсмѣялся Галицкій. — По крайней мѣрѣ—безъ хлопотъ.

Но пробыть за-границей положенный срокъ Галицкому не удалось. Онъ былъ въ Египтѣ, когда черезъ три года послѣ его отъѣзда пришло извѣстіе о смерти отца. Старый князь умеръ внезапно, отъ разрыва сердца, за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукахъ. Пріѣхавшая, по обыкновенію, къ обѣду Марья Павловна Вересьева нашла его уже похолодѣвшимъ. Къ похоронамъ Галицкій, очевидно, поспѣть не могъ, а такъ какъ главноуправляющій писалъ, что дѣла оставлены покойнымъ въ образцовомъ порядкѣ, а потому въ немедленномъ пріѣздѣ Галицкаго надобности нѣтъ, послѣдній рѣшилъ докончить намѣченный планъ путешествія. Изъ Египта проѣхалъ въ Алжиръ, откуда перебрался въ Европу и въ Ниццѣ повстрѣчался со своей будущей женой, Лидіей Петровной Брянской. Она жила

тамъ съ матерью и братомъ — бывшимъ товарищемъ Галицкаго по полку.

Какъ по происхожденію, такъ и по служебному положенію главы семьи, Брянскіе принадлежали къ высшему служилому кругу петербургскаго общества, и будущему мужу Лидіи была напередъ обезпечена блестящая служебная карьера. Несмотря, однако, на это, а также на внѣшнюю привлекательность дѣвушки, Лидія, „выѣзжавшая“ уже пять лѣтъ, не могла никакъ выйти замужъ. Главной причиной тому было отсутствіе денежныхъ средствъ, такъ какъ Брянскіе жили исключительно на жалованье отца, — жалованье хотя очень большое, позволявшее не только жить на широкую ногу, но и содержать сына Алексѣя въ одномъ изъ самыхъ дорогихъ полковъ, — но, въ смыслѣ приданаго, обѣщавшаго будущему мужу Лидіи однѣ лишь „тряпки“. Конечно, за пять лѣтъ были претенденты, соглашавшіеся, въ виду будущей карьеры, довольствоваться и „тряпками“, но такихъ, въ свою очередь, Лидія не желала. Наконецъ, въ послѣдній зимній сезонъ, сердце дѣвушки расцвѣло надеждою: за ней сталъ открыто ухаживать человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ подходящій — молодой, красивый, съ титуломъ и состояніемъ. Съ минуты на минуту ожидалось предложеніе, но — странная игра судьбы! — ухаживатель въ послѣдній моментъ выкинулъ неожиданный пируэтъ и хотя и сдѣлалъ предложеніе, но только не Лидіи, а ея лучшей пріятельницѣ Стази Хотынцевой. Такого удара дѣвушка перенести не могла. Довольно таки поистрепавшіеся за пять лѣтъ тщетныхъ ожиданій нервы не выдержали, и Лидія серьезно заболѣла, а потомъ объявила, что идетъ въ монастырь. Однако, семейный совѣтъ рѣшилъ, что, чѣмъ итти въ монастырь,

несравненно лучше поѣхать въ Ниццу, тѣмъ болѣе, что была ранняя весна — лучшее время для окрестностей Монте-Карло.

Галицкій, встрѣчавшій Лидію во времена своего офицерства, когда она только что начинала выѣзжать, и въ памяти котораго она сохранилась, какъ блѣдный, неинтересный типъ шаблонной барышни его круга, былъ удивленъ происшедшей въ ней перемѣной. Теперь передъ нимъ была дѣвушка безусловно красивая, съ серьезнымъ вдумчивымъ выраженіемъ нѣсколько блѣднаго, болѣзненнаго лица — что еще болѣе оттѣняло „аристократическое" изящество общаго облика — съ загадочно смотрѣвшимъ въ глубь себя взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ; говорившая о свѣтской жизни не иначе, какъ съ насмѣшкой, почти презрѣніемъ мечтавшая объ уединеніи и часто повторявшая слово „монастырь". Лидія же, увидѣвъ въ Галицкомъ жениха, какого ей даже и не снилось, со свойственнымъ ея полу чудеснымъ наитіемъ сразу попала въ самую точку, замѣнивъ „монастырь" деревней. И Галицкій твердо помнившій, что ему необходимо жениться, сталъ внимательно къ ней присматриваться. Въ долгихъ разговорахъ онъ знакомилъ ее подробно со своими взглядами на жизнь вообще и на свою личную въ частности, — съ тѣми требованіями, которымъ должна удовлетворять его будущая жена и подруга. И Лидія слушала внимательно, а въ ея глубокомъ взорѣ свѣтилось почти восторженное сочувствіе.

Галицкому, конечно, трудно было знать, что сочувствіе это относилось не къ мыслямъ имъ выражаемымъ, а къ нему лично, какъ обладателю громкаго имени, титула и большого состоянія. Что-же касалось собственно его мыслей, то онѣ интересовали Лидію очень

мало; она даже несовсѣмъ ясно понимала ихъ и онѣ казались ей какимъ-то чудачествомъ, какимъ-то оригинальнымъ наростомъ на человѣкѣ, въ общемъ очень симпатичномъ. А къ обладателю 200 тысячъ годового дохода такое чудачество, какъ будто, даже и шло. Зато она понимала ясно, что будущая жена Галицкаго должна непремѣнно любить деревенскую жизнь, а такъ какъ ей и самой въ то время казалось, что она городъ и общество ненавидитъ, то подлаживаться ко взглядамъ Галицкаго въ этомъ отношеніи ей не представляло никакого труда.

Послѣ Ниццы они поѣхали на итальянскія озера, въ Белладжіо. И вотъ тутъ-то, во время одной изъ прогулокъ въ мѣстечко Чивенну, когда они остановились передохнуть около небольшой фермы, носившей пѣвучее названіе „Monte Adeline“, и Лидія, увлеченная окружавшей красотой, невольно воскликнула: „Да тутъ рай земной!“ и потомъ, переведя съ пасшихся на зеленомъ бархатистомъ лугу, подъ тѣнью развѣсистыхъ каштановъ деревьевъ, чистенькихъ, облизанныхъ, словно лакированныхъ коровъ, около которыхъ, прислонясь къ дереву въ живописной позѣ, дудилъ въ рожокъ довольно грязноватый, но удивительно красивый, съ жгучими, черными глазами, пастушокъ, — переведя глубокій взоръ на Галицкаго, томно вздохнула и, сложивъ молитвенно руки, выговорила мечтательно: „Да, жить въ деревенской глуши, въ уединеніи, въ постоянномъ общеніи съ природой“ и затѣмъ, потупивъ глаза, чуть слышно прибавила: „имѣя подлѣ себя родственную, сочувствующую душу“,—Галицкій, ни чуть не влюбленный, но рѣшившій, что Лидія жена для него подходящая, подумалъ, что тянуть канитель довольно и, взглянувъ на дѣвушку смѣющимися глазами,

заявилъ, что хотя Нагорное, конечно, не Monte Adeline, но что глуши и уединенія тамъ сколько угодно, а потому, если она, Лидія, считаетъ его душу не совсѣмъ чужой, онъ будетъ счастливъ помочь ей осуществить высказанную мечту.

Не успѣла еще, однако, будущая княгиня придти въ себя отъ охватившаго ее счастья, какъ ей пришлось испытать маленькое разочарованіе, — даже не одно, а два. Во-первыхъ, Галицкій заявилъ, что онъ уѣзжаетъ домой въ Россію, во-вторыхъ, что вѣнчаться они будутъ въ Нагорномъ, въ присутствіи однихъ лишь родственниковъ. Первое—еще куда ни шло. Конечно, было очень пріятно имѣть такого жениха при себѣ, говорить знакомымъ и полузнакомымъ: „Князь Галицкій — мой женихъ“, но помириться съ этимъ, хотя и необычнымъ отъѣздомъ было возможно; но второе, т.-е. вѣнчаніе въ Нагорномъ, являлось уже совсѣмъ обиднымъ. Думая о замужествѣ,—а за послѣдніе пять лѣтъ она только о немъ и думала,—Лидія видѣла себя стоящею подъ вѣнцомъ не иначе, какъ въ петербургскихъ Удѣлахъ и окруженной толпою избранной публики. А теперь вдругъ—въ какой-то деревенской церкви, Богъ знаетъ—въ какой глуши, куда и родственники-то, пожалуй, не поѣдутъ. Тѣмъ не менѣе, ни она сама, ни ея мать, которая, узнавъ объ этомъ, воскликнула въ полномъ негодованіи: „Mais c'est absurde! Cela ne s'est jamais vue!“ не рѣшились протестовать открыто—онѣ обѣ съ самаго начала немножко побаивались Галицкаго,—а просили Алексѣя поговорить съ будущимъ beau-frèr-омъ по товарищески и доказать ему всю нелѣпость его затѣи. Но вмѣшательство Брянскаго ни къ чему не повело, слишкомъ разны были ихъ точки зрѣнія на этотъ предметъ. На всѣ доводы Брянскаго Галицкій спокойно

возражалъ, что онъ женится для себя и не видитъ рѣшительно никакой неебходимости, чтобы его свадьба превращалась въ какое-то публичное зрѣлище, для увеселенія другихъ. Когда же, въ видѣ рѣшающаго аргумента, Брянскій намекнулъ, что врядъ ли ихъ отецъ согласится ѣхать въ Нагорное, Галицкій, которому старикъ Брянскій былъ всегда антипатиченъ, какъ типъ черстваго, безпринципнаго карьериста,— сухо отвѣтилъ, что онъ женится на Лидіи, а не на ея отцѣ и что ему рѣшительно все равно, пріѣдетъ ли онъ на свадьбу или нѣтъ. Тогда Брянскій обидѣлся, а мамаша, покачавъ головой, рѣшила, что ея будущій beau-fils n'a pas un caractère facile и сгоряча даже посовѣтовала Лидѣ „подумать“. Но Лидія, въ отвѣтъ на это предложеніе, сдѣлала такое удивленное лицо и такъ презрительно сжала губы, что мамаша тотчасъ же внутренно согласилась, что сказала глупость и, въ видѣ извиненія, добавила: „Faut espérer que ça changera, женится-перемѣнится“.

И тѣмъ не менѣе самолюбію Лидіи не пришлось страдать. Галицкій носилъ слишкомъ громкое имя, обладалъ слишкомъ крупнымъ состояніемъ, чтобы его женитьба прошла незамѣченной; понятіе же о „родственникахъ“ оказалось очень растяжимымъ и ко дню вѣнчанія въ Нагорное нахлынула цѣлая толпа. А зависть, откровенно высказывавшаяся во взглядахъ и разговорахъ женскаго элемента—подругъ Лидіи и ихъ мамашъ—совершенно вознаградили молодую княгиню за невозможность повѣнчаться въ Удѣлахъ.

XI.

Жить въ деревнѣ, ничего не дѣлая, нельзя. Въ этомъ, между прочимъ, одно изъ главныхъ различій

между деревенской жизнію и городской. Лидія Петтровна, помня вѣроятно объ идиллическихъ коровахъ Белладжіо, обратила прежде всего вниманіе на скотный дворъ и молочную ферму Нагорнаго. Не прошло однако и мѣсяца, какъ у главной мастерицы фермы разлилась желчь, а нервы пришли въ такое состояніе, что отъ малѣйшаго замѣчанія она начинала плакать, коровы же въ удивительной степени сбавили молока. Впрочемъ, Лидія Петровна, не найдя въ коровахъ Нагорнаго ничего общаго съ лакированными коровками Белладжіо, а въ скотномъ дворѣ, хотя и содержимомъ въ образцовомъ порядкѣ, ничего похожаго на бархатистый лужокъ и каштановыя деревья Monte-Adeline, и сама скоро охладѣла къ фермѣ и перенесла свою дѣятельность на почву, такъ сказать, болѣе эстетическую—на оранжереи и теплицы. Но и тутъ ей не повезло. Вскорѣ къ Галицкому явился старшій садовникъ—почтенный старикъ—служившій еще дѣду Галицкаго и заявилъ, что въ виду распоряженій ея сіятельства онъ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за будущее состояніе ввѣренной ему части. Галицкій его успокоилъ, сказавъ, что онъ съ него ничего и требовать не будетъ. Но прошло еще нѣсколько дней, и старикъ объявилъ рѣшительно, что при такихъ порядкахъ онъ оставаться больше не можетъ: „Сердце болитъ глядючи“. Галицкій подумалъ-подумалъ и сказалъ, что онъ отпускаетъ его въ безсрочный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Теперь пусть уѣзжаетъ, но пусть будетъ всегда наготовѣ вернуться. Отпускъ этотъ продолжался годъ, такъ какъ къ тому времени Лидія Петровна отъ теплицъ перешла къ музыкѣ. Началось усиленное развитіе пальцевъ, цѣлыми днями раздавались звуки гаммъ и экзерсисовъ, а Галицкій

благодарилъ судьбу, что его кабинетъ расположенъ въ крайнемъ углу дома.

Увлеченіе музыкой продолжалось долѣе другихъ, цѣлыхъ два года,—быть можетъ потому, что Лидія Петровна чувствовала, что когда и оно пройдетъ, то у ней уже ничего больше не останется. Правда, тогда можно было-бы съ послѣдовательностью перейти къ обычному времяпровожденію большинства людей—къ обществу. Но въ томъ-то и дѣло, что общества—въ томъ смыслѣ, въ которомъ его понимала Лидія Петровна—ни въ самомъ Нагорномъ, ни около него не было. Врачи, учительницы, весь, такъ сказать, служилый штатъ Нагорнаго, при различіи происхожденія и воспитанія, лишь въ томъ случаѣ могъ представлять для Лидіи Петровны „общество", если бы у ней были интересы общей съ ними дѣятельности, если бы она сочувствовала цѣлямъ и смыслу ихъ жизни. Что же касается общества сосѣдей, то таковаго около Нагорнаго совсѣмъ не было. Старыя дворянскія имѣнія въ большинствѣ перешли въ руки купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ изъ кулаковъ. Уцѣлѣли всего два-три помѣстья изъ крупныхъ, но въ нихъ владѣльцы не жили. Словомъ, окрестности Нагорнаго, по отношенію дворянскаго „оскудѣнія", исключеніемъ не являлись, и Галицкій нашелъ лишь два мѣста, куда могъ повезти жену послѣ свадьбы, причемъ ближайшее было въ 40 верстахъ отъ Нагорнаго. Такимъ образомъ, обращеніе къ „обществу", какъ средству наполнить пустоту и избавиться отъ слѣдствій этой пустоты — тоски и скуки— являлось фактически невыполнимымъ. И вотъ, когда послѣднее, музыкальное увлеченіе прошло и осталось одно лишь чтеніе романовъ, которое, само собой, наполнить жизнь не могло, Лидія Петровна затосковала.

Галицкій, хотя и видѣлъ это, но помочь ничѣмъ не могъ; на сколько Лидія Петровна и онъ, по внѣшности, представляли собою подходящую супружескую пару, настолько внутренно были чужды другъ другу. Какъ дѣвушкой Лидія Петровна не понимала высказываемыхъ Галицкимъ мыслей, смотрѣла на нихъ какъ на своего рода чудачество, такъ не понимала его дѣятельности и теперь. Не имѣя до пріѣзда въ Нагорное никакого понятія о деревнѣ и народѣ, она смотрѣла на мужика съ исключительной, но очень распространенной въ ея средѣ точки зрѣнія, представляя его себѣ существомъ совсѣмъ другого міра,—существомъ, главными отличительными признаками котораго—грязь и вонь. А такъ какъ пребываніе въ Нагорномъ взгляда этого измѣнить не могло, ибо и тутъ мужики чистотою не отличались и духами не прыскались, то Лидіи Петровнѣ оставалось лишь вполнѣ искренно удивляться мужу, посвятившему свою дѣятельность такому—помимо даже всѣхъ остальныхъ его нравственныхъ недочетовъ—неинтересному существу.

Мало-по-малу, однако, по мѣрѣ того, какъ увеличивались тоска и скука, удивленіе это переходило въ негодованіе. Вѣдь, въ сущности, именно онъ — этотъ грязный, вонючій мужикъ—причиной тому, что ей, княгинѣ Галицкой, съ ея наружностью, именемъ, состояніемъ, приходится изнывать здѣсь, въ этой дырѣ, вмѣсто того, чтобы подобающе блистать въ Петербургѣ. И брезгливое, но спокойное и равнодушное отношеніе, съ которымъ Лидія Петровна относилась къ народу прежде, превращалось мало-по-малу въ ненависть. Теперь она чувствовала къ мужику какое-то болѣзненное отвращеніе, вслѣдствіе котораго даже свои прогулки ограничивала предѣломъ парка, гдѣ могла

встрѣтить однихъ лишь садовниковъ; да и тѣхъ она старательно обходила. Когда же однажды она прочла у великаго романиста, что отъ русскаго мужика „вкусно пахнетъ", она не на шутку возмутилась и съ негодованіемъ объявила мужу, что знаменитый писатель или утратилъ обоняніе, или же ясно-полянскій мужикъ представляетъ изъ себя существо совсѣмъ особой породы.

Галицкій убѣдился очень скоро, что, женившись на Лидіи Петровнѣ, онъ худшаго выбора сдѣлать не могъ. Хотя, какъ женщина вообще, Лидія Петровна была не изъ дурныхъ, а по уму, красотѣ, внѣшнимъ—образованности и начитанности—даже выше средняго уровня, но, какъ жена, именно для него, Галицкаго, не годилась никуда, являясь какъ разъ тѣмъ типомъ жены—паризита, о которомъ Галицкій могъ думать не иначе, какъ съ отвращеніемъ. Но дѣло было сдѣлано, и виноватъ въ этомъ былъ онъ самъ, и онъ одинъ, такъ какъ нельзя же было винить Лидію Петровну за то, что она представляла самый обыкновенный, шаблонный продуктъ той среды, въ которой родилась и воспитывалась. Оставалось поэтому идти своей дорогой и терпѣливо ждать развязки, которая, во всякомъ случаѣ, рано или поздно должна была наступить. Конечно, положеніе не изъ пріятныхъ. Тяжело, во-первыхъ, сознаніе, что тутъ, около, рядомъ изнываетъ и тоскуетъ существо близкое,—во вторыхъ, думая о развязкѣ, Галицкій недоумѣвалъ, въ какой формѣ можетъ она вылиться. Въ формѣ развода? Это, конечно, было бы всего желательнѣе. Миролюбивый разъѣздъ, хотя бы и безъ развода? Онъ и противъ этого ничего не имѣлъ бы. Но въ томъ то и бѣда, что всѣ подобные выходы, естественные для мало-мальски самостоятельной лич-

ности, паразиту несвойственны. Вѣдь тѣмъ и ужасенъ паразитъ, что, присосавшись къ здоровому организму и связавъ его нормальную дѣятельность, онъ отстаетъ отъ него съ огромнымъ трудомъ и то лишь въ томъ случаѣ, если имѣетъ возможность перебраться на другой подходящій организмъ. И вотъ теперь наступила катастрофа, а не развязка и именно въ той формѣ, въ которой ее и слѣдовало ожидать. Паразитъ сталъ чахнуть въ несвойственной ему обстановкѣ, а сердобольный садовникъ, движимый безсмысленной жалостью, пересаживаетъ въ другую почву само растеніе, забывая, что для послѣдняго эта новая почва—смерть.

Галицкій пересталъ ходить и сталъ тереть лобъ. „Вздоръ! Какъ-нибудь выкарабкаюсь. Переѣдемъ, устрою ее, а тамъ видно будетъ. Но какая потеря времени—и самаго нужнаго, дорогого... И какъ глупо, пошло, безсмысленно!“ Онъ вспомнилъ объ утренней сценѣ за завтракомъ. „Какой она дѣлается вульгарной и неумной, когда злится“. И вдругъ передъ нимъ всталъ другой образъ—свѣтлый, чарующій. „Какая насмѣшка судьбы. Въ то время, какъ онъ искалъ себѣ жену, Богъ знаетъ гдѣ и, наконецъ, нашелъ что ни на есть худшее, здѣсь рядомъ, подъ бокомъ росла дѣвочка, превратившаяся въ какъ-будто спеціально для него созданную подругу. Теперь онъ понимаетъ, кого имѣлъ въ виду его покойный отецъ, когда говорилъ, что къ его, Галицкаго, возвращенію, онъ самъ подыщетъ ему жену. Да, конечно... Но онъ-то самъ ничего подобнаго и думать тогда не могъ. И очень понятно почему.

XII.

Въ тотъ самый годъ, когда Галицкій въ первый разъ покинулъ Нагорное для поступленія въ универси-

теть, умерла дочь пріятельницы его отца Вересьевой, Ольга, которая была замужемъ за петербургскимъ богачемъ Юрьинымъ. Начало огромнаго состоянія Юрьиныхъ было положено дѣдомъ мужа Ольги—сибирскимъ золотопромышленникомъ. При его сынѣ оно умножилось, такъ что, послѣ смерти отца, молодой Юрьинъ явился обладателемъ одного изъ самыхъ большихъ состояній Россіи. Но тотъ духъ пріобрѣтенія и наживы, который былъ почти единственнымъ двигателемъ въ жизни дѣда и отца, во внукѣ превратился, казалось, въ нѣчто совершенно противоположное: молодой гусаръ Юрьинъ съ какою-то неутомимой страстью моталъ то, что было нажито предками. Не было предѣловъ его расточительности, и слухи объ его безумныхъ тратахъ, чудовищныхъ затѣяхъ волновали весь Петербургъ. Встрѣтясь какъ-то съ красавицей Ольгой Вересьевой, только что выпущенной тогда институткой, гостившей у одной изъ ея петербургскихъ тетокъ, онъ сразу въ нее влюбился, спустя недѣлю сдѣлалъ предложеніе, а черезъ мѣсяцъ состоялась ихъ свадьба. Годъ спустя родилась дочь Вѣра, а еще черезъ четыре года—Ольга, родивъ мертваго ребенка, и сама умерла.

Вопреки пословицѣ, женитьба не надолго измѣнила Юрьина. Не прошло и года послѣ свадьбы, какъ онъ вернулся къ привычкамъ прежней холостой жизни. Не мало страданій пришлось перенести Ольгѣ,—къ сожалѣнію, любившей мужа,—и смерть явилась для нея избавленіемъ. Въ послѣднія минуты она потребовала отъ мужа, чтобы онъ передалъ Вѣру на попеченіе ея бабушки,—старухи Вересьевой.

Тотчасъ послѣ похоронъ, Вересьева, забравъ Вѣру и ея гувернантку—швейцарку M-lle Blanche—своего рода феноменъ, говорившую на четырехъ языкахъ, верну-

лась въ деревню, а спустя нѣсколько дней пріѣхала въ Нагорное. Она вошла въ кабинетъ стараго князя, неся осторожно въ рукахъ какой-то большой, укутанный со всѣхъ сторонъ комъ: стояли лютые крещенскіе морозы, Когда, наконецъ, общими усиліями комъ этотъ размотали, изъ него выглянули огромные смѣющіеся черные глаза на маленькомъ, плутовато-улыбавшемся личикѣ, утопавшемъ въ волнахъ длинныхъ, вьющихся, пепельнаго цвѣта волосъ. Раздался веселый смѣхъ, а потомъ ротикъ быстро-быстро задвигался и послышались странные звуки какого-то воляпюка—смѣси изъ пяти языковъ.

— Ахъ, какая прелесть!—невольно вырвалось у стараго князя.—Дайте мнѣ ее сюда.

Но дѣвочка, замѣтивъ движеніе старика, сдѣлала гримасу, отвернулась и черезъ плечо бабушки уставилась глазенками въ стоявшаго тутъ же и глядѣвшаго на нее съ улыбкой Бориса. И вдругъ личико ея разгладилось, ротикъ улыбнулся, и она потянулась къ нему обѣими рученками. Когда же Борисъ взялъ ее, она крѣпко обхватила его шею и, повернувшись къ старику князю, съ побѣдоноснымъ видомъ пролепетала что-то въ родѣ: „А къ тебѣ не хочу“.

Такъ внезапно проявившаяся симпатія съ годами росла и крѣпла. И въ университетѣ, и офицеромъ—Борисъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы побывать въ Нагорномъ, и дни его пріѣздовъ были для дѣвочки праздникомъ. Какъ только она узнавала, что онъ пріѣхалъ, она неотступно приставала къ бабушкѣ, чтобы та везла ее въ Нагорное; когда же Борису случалось самому пріѣзжать къ крестной, Вѣра завладѣвала имъ уже всецѣло. Она не отпускала его отъ себя ни на шагъ, всюду водила съ собой, показывая ему съ гор-

достью царицы всѣ свои владѣнія: и птичникъ, и коровникъ, и цвѣтникъ, и свои „любимыя“ мѣстечки въ саду. Въ свою очередь и Борисъ очень привязался къ умненькой, живой дѣвочкѣ и безпрекословно подчинялся всѣмъ ея требованіямъ.

На девятомъ году послѣ смерти матери, Вѣра лишилась и отца, убитаго на дуэли. Юрьинъ, потерявъ жену, казалось, еще болѣе развернулся и, тѣмъ не менѣе, случай, послужившій поводомъ къ дуэли, настолько выходилъ изъ ряда вонъ, что заставилъ ахнуть всѣхъ, даже хорошо знавшихъ, на что онъ способенъ вообще. Ему понравилась одна изъ балетныхъ танцовщицъ. Но танцовщица имѣла уже покровителя, бросить котораго для Юрьина не желала. Тогда послѣдній является къ покровителю,—между прочимъ, хорошему своему знакомому—и предлагаетъ ему уступить даму сердца за кругленькую сумму. Тотъ понятно въ амбицію: „Я женщинами не торгую!“ „А не торгуете—уступите даромъ“. „Да вы съума сошли? Потрудитесь выйти, если не хотите, чтобы я позвалъ лакеевъ“. Юрьина передернуло. Онъ всталъ и съ кривымъ отъ злобы лицомъ выговорилъ медленно и тихо: „Если черезъ три дня я не получу отъ васъ письма, въ которомъ вы отказываетесь отъ нея окончательно, я раздѣлаюсь съ вами по своему. Пеняйте тогда на себя“. И, повернувшись, вышелъ. А на четвертый день, послѣ этого объясненія, покровитель, выходя ночью отъ танцовщицы, былъ схваченъ четырьмя дюжими молодцами, посаженъ въ карету и отвезенъ на загородную дачу Юрьина, гдѣ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. На послѣдовавшей затѣмъ дуэли Юрьинъ былъ убитъ наповалъ.

Многіе находили, что умеръ онъ какъ разъ во время, такъ какъ оказалось, что отъ огромнаго состоянія оста-

лись одни гроши, которыхъ далеко не хватило на уплату долговъ.

Въ жизни маленькой Вѣры смерть отца ничѣмъ не отозвалась. Даже гувернантка-полиглотка, которой онъ платилъ большія деньги, была уволена за годъ передъ тѣмъ, по настоянію стараго князя, очень привязавшагося къ дѣвочкѣ, объявившаго, что ей пора заниматься серьезно и что всѣ дальнѣйшіе расходы по ея образованію онъ беретъ на себя. Къ Вѣрѣ, какъ прежде къ Борису, стали ѣздить учителя изъ губернскаго города. Способности у нея оказались прекрасныя и занималась она съ большимъ рвеніемъ.

Когда Борисъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, Вѣрѣ шелъ четырнадцатый годъ. Къ тому времени она представляла собою сильно подурнѣвшую, длинную неуклюжую дѣвицу-подростка, мальчишески рѣзвую, всегда веселую, всѣми любимую за доброту и отзывчивость и обладавшую цѣлой свитой подружекъ-крестьянокъ. И къ Борису она продолжала относиться совсѣмъ по-товарищески. Однако, когда наступилъ день его отъѣзда, она какъ-то сразу и странно растерялась: все около него ходила и ни то удивленно, ни то вопросительно заглядывала ему въ глаза. Когда же увозившая его коляска скрылась за поворотомъ, она стремглавъ бросилась въ комнаты, и Вересьева нашла ее на диванѣ, съ головой зарытой въ подушки. Все ея тѣло вздрагивало отъ рыданій, ее ничѣмъ нельзя было успокоить, такъ что пришлось, наконецъ, отправить домой.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти стараго князя, Вѣра выдержала испытаніе на домашнюю учительницу и стала готовиться къ поступленію на высшіе курсы. Но этому намѣренію помѣшали сначала — скоропо-

стижная смерть князя, а потомъ возвращеніе Галицкаго.

Когда ея бабушка съ хмурымъ и недовольнымъ видомъ почти швырнула ей только что полученное письмо Галицкаго, въ которомъ онъ писалъ, что женится и черезъ недѣлю будетъ въ Нагорномъ, Вѣра, прочтя письмо, поблѣднѣла и молча вышла изъ комнаты. Встрѣтила она, однако, Галицкаго совершенно спокойно, съ вида по крайней мѣрѣ. Зато Галицкій не могъ скрыть своего удивленія. Въ эти четыре года Вѣра измѣнилась до неузнаваемости и когда, вмѣсто сохранившагося у него въ памяти некрасиваго, неуклюжаго подростка, онъ увидѣлъ передъ собой красавицу—дѣвушку, вполнѣ созрѣвшую, въ каждомъ взглядѣ и движеніи которой проглядывали спокойная увѣренность и сознаніе собственнаго достоинства, — его лицо выразило такое удивленіе, что грузное тѣло старушки Вересьевой заколыхалось отъ довольнаго смѣха.

Что? не узналъ? Вотъ мы какія стали!—выговорила она съ гордостью.

— Да и узнать нельзя,—сказалъ Галицкій, продолжая во всѣ глаза смотрѣть на дѣвушку.

— А поздороваться все-таки слѣдуетъ,—иронически замѣтила старуха.—Наглядѣться и потомъ успѣешь.

Галицкій съ протянутыми руками направился къ Вѣрѣ, но она его предупредила и, взявъ его руку, крѣпко пожала ее.

— А вотъ вы, Борисъ Владиміровичъ, совсѣмъ зато не измѣнились.

— Борисъ Владиміровичъ? Вы?—укоризненно покачалъ головой Галицкій. — Ну, а у меня, какъ хотите, языкъ на Вѣру Александровну не повернется.

— Вотъ еще вздоръ какой!—проворчала Вересьева.—

Какая она тебѣ Вѣра Александровна. И что это, мать моя, за фасоны такіе?.—обратилась она къ внучкѣ.— Я думала, она ему на шею бросится, отрывать придется—думала.., а она, что твоя королева, ручку одну удостоила.

Но внучка лучше бабушки знала, какъ ей слѣдуетъ держать себя съ человѣкомъ, котораго она продолжала любить всѣми силами своей души. Она чувствовала, что распусти она себя хоть немножко, и ей не выдержать. И что-же тогда? Теперь, хотя и мужемъ другой, онъ для нея потерянъ не окончательно. Она будетъ имѣть возможность видѣть его, бывать съ нимъ. Ну, а если узнается, что она его любитъ... что тогда? И дѣвушка, сильная волей и любовью, глубоко затаила свое чувство.

Съ первыхъ шаговъ своей новой дѣятельности, Галицкій нашелъ въ Вѣрѣ не только полное сочувствіе всѣмъ планамъ и начинаніямъ, но и усердную помощницу. Она захотѣла быть первой учительницей во вновь отстроенной школѣ, а, когда открылась больница, исполняла тамъ по вечерамъ обязанности сестры милосердія.

Когда разнеслась молва, какъ всегда, сильно преувеличенная, что молодой князь, владѣлецъ Нагорнаго, широко помогаетъ всѣмъ нуждающимся, въ Нагорное хлынула такая масса народа, что Галицкій былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, не имѣя очень часто данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ размѣрѣ нужды просителей. И тутъ-то Вѣра, съ ея знаніемъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, оказалась незамѣнимой. Но и впослѣдствіи, когда денежная помощь приняла правильный характеръ безпроцентныхъ ссудъ на опредѣленные сроки,—всѣ исключительные

случаи выдачъ безвозвратныхъ пособій происходили при ея посредствѣ. По вопросамъ, надо-ли дать и какъ дать—Вѣра не ошибалась никогда, и Галицкій всегда слѣдовалъ ея указаніямъ.

Черезъ три года послѣ возвращенія Галицкаго, Вѣра однажды объявила бабушкѣ, что хочетъ ѣхать въ Петербургъ для поступленія на курсы. Старуха и прежде относилась неодобрительно къ этому намѣренію. Она находила, что для своего положенія Вѣра достаточно образована, даже много болѣе того, что требуется. Только настоянія покойнаго князя, называвшаго всякое стремленіе къ знанію „искрою божества", заставили ее дать свое согласіе. Но теперь и сгоряча она наотрѣзъ отказала. Однако, спустя нѣсколько дней, она, какъ будто мимоходомъ, вдругъ объявила:

— Если ты хочешь ѣхать потому, что тебѣ здѣсь слишкомъ тяжело, поѣзжай... Я не задерживаю.

Вѣра вспыхнула, хотѣла что-то сказать, но только низко опустила голову.

— Ну, ну, не надо, — проговорила старуха, привлекая ее къ себѣ. — Поѣзжай съ Богомъ, не выдамъ я тебя.

Отъѣздъ дѣвушки не прошелъ для Галицкаго безслѣдно. Онъ долгое время чувствовалъ какую-то пустоту, словно потерялъ что-то очень нужное, необходимое. Онъ сталъ ей писать, сначала изрѣдка. Но отвѣты дѣвушки были такъ интересны, были полны такой глубокой, остроумной характеристикой міра, ее окружавшаго, что Галицкій прямо зачитывался ими и самъ началъ писать все чаще.

Вѣра остановилась въ Петербургѣ у той-же самой тетки, гдѣ двадцать два года назадъ ея отецъ сдѣлалъ предложеніе ея матери. Теперь у тетки были двѣ

взрослыя дочери — невѣсты. Жили онѣ открыто и богато, и Вѣра тотчасъ же по пріѣздѣ очутилась въ водоворотѣ свѣтской жизни. Днемъ—лекціи, вечеромъ—театры, вечера, балы. Другая, пожалуй, и не вынесла бы. Но Вѣра привезла съ собой такой запасъ настоящаго деревенскаго здоровья, что выдерживала эту жизнь совершенно легко. Однако, серьезнымъ занятіямъ она все же мѣшала, и видя, что пока она живетъ у тетки, уклониться отъ всего этого нельзя, Вѣра начала подумывать о переѣздѣ на отдѣльную квартиру, Но отъ этого ее отговорилъ Галицкій. Послѣдній, по отношенію Вѣры, высказывалъ тѣ же взгляды, которыми нѣкогда руководствовался его отецъ, не позволяя ему выходить въ отставку. Онъ ей писалъ: „Вы напрасно стремитесь уклониться отъ выѣздовъ и развлеченій въ виду того, что они мѣшаютъ занятіямъ. Знаніе жизни важнѣе книжнаго знанія. Если эта жизнь васъ завертитъ, — чего, впрочемъ, зная васъ, я не допускаю, — туда вамъ и дорога. Если же — нѣтъ, то вынесенный опытъ будетъ имѣть для вашего будущаго значеніе, такъ сказать, предохранительной прививки, которая навсегда застрахуетъ васъ отъ мишурнаго блеска и фальшивыхъ соблазновъ такъ называемой свѣтской жизни. А ученіе не уйдетъ, успѣете“.

Выдающаяся красота дѣвушки, оригинальныя черты ея ума и характера не могли, конечно, остаться незамѣченными среди общества, въ которомъ скептицизмъ и разочарованность уживаются рядомъ и мирно съ бѣшеною погоней за наслажденіями. А такъ какъ къ тому же Вѣра была не совсѣмъ безприданницей—старикъ Галицкій оставилъ ей 50 тысячъ—она за зимній сезонъ успѣла получить два предложенія. Влюбился въ нее также и одинъ изъ професоровъ на курсахъ.

По этому поводу Вѣра писала Галицкому: „Или у меня сердца совсѣмъ нѣтъ, или оно какое-то особенное: ни одно изъ этихъ предложеній не заставило его биться, хотя на капельку сильнѣе.“

Сдавъ переходные экзамены и вернувшись домой, Вѣра къ немалому удивленію, но и къ большому удовольствію, какъ ея бабушки, такъ и Галицкаго объявила, что болѣе въ Петербургъ не поѣдетъ.

„Слишкомъ я стосковалась тамъ,“ объяснила она. Насилу дотянула. Чувствую, что больше не вынесу. Да и надобности нѣтъ. Все то, что могутъ мнѣ дать курсы, — даже несравненно больше, — я могу усвоить и здѣсь, на досугѣ, работая самостоятельно.“ И она показала длиннѣйшую, на нѣсколькихъ листахъ, программу, составленную спеціально для нея влюбленнымъ професоромъ. И при ней — 82 книги, смѣялась Вѣра. „Наглядное доказательство ученой любви.“

И опять ея жизнь потекла прежнимъ порядкомъ сущность котораго могло быть выражено словами: „Я счастлива счастіемъ другихъ.“

Какъ хорошо умѣла Вѣра владѣть собой, видно уже изъ того, что кромѣ старухи Вересьевой, никто рѣшительно не подозрѣвалъ объ ея чувствѣ къ Галицкому. Только за самое послѣднее время ей, какъ будто, стало измѣнять самообладаніе. Происходило это, конечно, помимо ея воли и сознанія, причиною же явилось семейное положеніе Галицкаго. Вѣра слишкомъ часто бывала въ Нагорномъ, чтобы не замѣтить, что отношенія его къ женѣ принимаютъ все болѣе и болѣе натянутый характеръ. Хотя самъ Галицкій ни единымъ словомъ или даже намекомъ не проговорился, что ему тяжело, однако дѣвушка очень хорошо видѣла, какъ онъ тяготился своимъ положеніемъ и какъ страдаетъ

отъ сознанія, что главная цѣль его женитьбы—надежда имѣть дѣтей — становится все менѣе вѣроятною. И въ ея сердце, переполненномъ любовью, закралась теперь и жалость. Скрывать любовь, хотя и трудно, но возможно; жалость же не скроешь. И жалость ее выдала, — выдала сначала Сдобнову, давно въ нее влюбленному, а потому особенно проницательному, выдала, наконецъ, и самому Галицкому.

„Но если она меня любитъ,“ думалъ Галицкій, „то, очевидно, не со вчерашняго дня, а уже давно... Можетъ быть всегда любила... Сколько-же выдержки и характера, сколько воли требовалось, чтобы такъ долго скрывать... Милая...“

Онъ нервно потянулся, бросилъ докуренную сигару и подошелъ къ окну. Темно, какъ въ колодцѣ, а небо горитъ и играетъ миріадами звѣздъ.

„И мракъ, и свѣтъ. И въ немъ, внутри него также темно, но также что-то блеститъ и играетъ. И могъ ли онъ думать, — онъ, жизнь котораго казалось вполнѣ опредѣлившейся,—могъ ли предвидѣть, что настанетъ часъ, когда онъ съ трепетомъ спроситъ себя: что ждетъ меня въ будущемъ? а сердце его, — сердце женатаго 37 лѣтнаго человѣка — будетъ биться такъ, какъ никогда не билось во времена молодости.“

Свѣжесть сентябрьской ночи струйками холода скользнула по его плечамъ.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

„Ого, скоро два. Однако и засидѣлся же я.“

Закрывъ окно, онъ позвонилъ и прошелъ въ уборную.

XII.

Старушку Вересьеву Галицкій засталъ за пасьянсомъ.

Вересьева называла пасьянсъ занятіемъ для слабоумныхъ. „Когда человѣкъ дошелъ до того, что его можетъ интересовать раскладываніе пасьянса, ставь на немъ крестъ,“ язвительно говаривала она. Единственный пасьянсъ, который она знала, носившій странное названіе „перевернутыхъ дамъ“, она переняла отъ Юрьина. Послѣдній, когда бывалъ дома, — что, впрочемъ, случалось не часто, — всегда его раскладывалъ, и это обстоятельство, вѣроятно, повліяло не мало на скептическое отношеніе старушки къ пасьянсу вообще. Лично она прибѣгала къ нему въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ къ успокоительному средству. „Лучше всякихъ нервныхъ капель,“ объясняла она. Станешъ думать о томъ, положить-ли восьмерку на девятку, или девятку на восьмерку, почувствуешь себя идіоткой — ну, и успокоишься.“

При входѣ Галицкаго, старушка смѣшала карты и сердитымъ движеніемъ оттолкнула ихъ отъ себя.

— Удостоилъ-таки, наконецъ... явился! — иронически выговорила она, впиваясь въ Галицкаго поверхъ очковъ маленькими, все еще блестящими глазками.

— Что это вы, крестная?—сказалъ Галицкій, цѣлуя ея руку. — Я былъ у васъ въ среду, всего четыре дня назадъ.

— Четыре дня, четыре дня. Въ четыре дня двадцать разъ умереть можно... вотъ что, сударь.

Галицкій, скрывъ улыбку, невольно покосился на карты.

Старушка замѣтила взглядъ и вспылила.

— Чего смотришь?. Думаешь, раскапризничалась старуха—вотъ зря и накидывается. Ну, что-же, вѣрно... А ты мнѣ вотъ что скажи, виноватымъ себя ты ни въ чемъ не чувствуешь?

Галицкій глядѣлъ на нее съ нодоумѣніемъ.

— Я? Виноватымъ? Но въ чемъ же?

— Ахъ, Боже мой! подумаешь — невинный младенецъ совсѣмъ. Скажи-ка лучше, зачѣмъ она тебѣ понадобилась? Мало у тебя народа, что-ли? Зачѣмъ ты ее-то съ собой тащишь?

— Хоть убейте, ничего не понимаю! — развелъ руками Галицкій. Кого я тащу, куда тащу?

Съ минуту старушка смотрѣла на него молча и пытливо, и потомъ уже спокойно выговорила:

— Вотъ уже нѣсколько дней Вѣра не даетъ мнѣ покоя, пристаетъ, чтобы я ее отпустила въ Богучарово. Не станешь-ли увѣрять, что не ты подбилъ ее на это?

— Въ первый разъ слышу, — пожалъ плечами Галицкій.

— Какъ? Она тебѣ объ этомъ даже не говорила?

— Ни слова... Вѣроятно, впрочемъ, не успѣла,— добавилъ онъ, вспомнивъ вчерашній разговоръ съ дѣвушкой.—Вчера она мнѣ сказала, что у ней есть ко мнѣ просьба, но такъ и не объяснила какая.

— Такъ...—протянула старуха.—Хотя и невѣроятно, а вѣрить приходится.—Она помолчала.—Ну, а ты, какъ на это смотришь?

— На ея желаніе ѣхать? Нахожу его вполнѣ естественнымъ и не вижу, почему бы ей не ѣхать.

— Почему, почему?—опять вспылила старушка.— А потому, сударь мой, что она бросаетъ старуху-бабушку, которая на ладанъ дышетъ и можетъ ни сегодня—завтра умереть.—Тутъ Вересьева какъ будто поперх-

нулась, а по лицу ея пробѣжало что-то въ родѣ улыбки, такъ какъ несмотря на свой дѣйствительно преклонный возрасть, она была крѣпка, какъ молодая, и никогда не болѣла.—А потомъ и для нея самой рискъ немалый: тифъ-то шутить не любитъ,—добавила она тише, не глядя на Галицкаго.

— Ну, насчетъ ладана,—сказалъ послѣдній улыбаясь,—вы и сами знаете, что хватили черезъ край. Что же касается до личной опасности, то не думаю, чтобы это соображеніе могло остановить Вѣру... Было бы даже очень печально, если бы могло остановить.

— Ну, ну, довольно, знаю. Пошелъ разводить свою филантропію,—замахала старушка руками. Но теперь тонъ ея былъ уже совсѣмъ другой, а глаза смотрѣли добродушно и ласково.

Въ сущности, не желаніе Вѣры ѣхать къ голодающимъ разсердило старуху. Она знала, что это желаніе совсѣмъ въ характерѣ внучки и при другихъ обстоятельствахъ отнеслась бы къ нему сочувственно. Ее возмутило совсѣмъ другое. Дѣло въ томъ, что отъ ея зоркаго и любящаго взгляда не укрылась перемѣна, происшедшая за послѣднее время въ дѣвушкѣ, и ей почему-то представилось, что она и Галицкій, какъ она мысленно выражалась, „спѣлись", результатомъ чего у Вѣры и явилось стремленіе ѣхать вмѣстѣ съ Галицкимъ въ Богучарово. Но и не то обстоятельсто, что они „спѣлись", возмущало старуху. Напротивъ, она была твердо убѣждена, что рано или поздно, а спѣться они должны. Зная семейную жизнь Галицкаго, зная какъ глубоко и сильно любитъ его Вѣра, она могла лишь искренно удивляться выдержкѣ и сдержанности дѣвушки. Ей всегда казалось, что они созданы другъ для друга, а потому къ ихъ сближенію, если бы таковое

осуществилось, она отнеслась бы какъ къ нѣчто неминуемому и должному. Но ее глубоко обидѣло то, что это сближеніе совершилось, какъ ей казалось, помимо нея, и что они теперь стараются ее провести, обмануть. Эта мысль была ей нестерпима. Какъ? Два существа, одинаково ей дорогія, для которыхъ она съ радостью пожертвовала бы немногими днями жизни, ей еще предназначенными,—сближенію которыхъ, т. е. счастью, она сочувствовала всей душой,—эти два существа не нашли ничего лучшаго, какъ таиться отъ нея, ее обманывать. Понятно, что старушка огорчилась и разобидѣлась не на шутку. Но теперь, послѣ заявленія Галицкаго, что онъ даже не зналъ о намѣреніяхъ Вѣры, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, и старушка сразу успокоилась. Теперь ея глазки уже весело смѣялись. Она схватила маленькой худенькой рукой карты и быстро сунула ихъ въ одинъ изъ ящиковъ стола.

— Больше, стало быть, не понадобятся,—проговорилъ чуть насмѣшливо Галицкій.

— А ты сейчасъ уже и радъ позубоскалить,—добродушно огрызнулась Вересьева, грозя ему пальцемъ.

Но Галицкій вспомнилъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и лицо его нахмурилось.

— Я пріѣхалъ къ вамъ по дѣлу,—сказалъ онъ.—За совѣтомъ.

И онъ подробно разсказалъ про событія послѣднихъ дней.

Старушка внимательно слушала, одобрительно въ тактъ покачивая головой. Казалось, что все то, что она слышала, ей было уже извѣстно.

— И вотъ я теперь не знаю, что мнѣ дѣлать. Посовѣтуйте,—закончилъ Галицкій.

Вересьева нѣкоторое время смотрѣла на него молча и потомъ усмѣхнулась.

— Почему это люди говорятъ неправду даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это совершенно не нужно?

— То-есть, какъ неправду?—съ недоумѣніемъ выговорилъ Галицкій.

— Конечно. Вѣдь ты уже рѣшилъ, какъ тебѣ поступить, а говоришь. что не знаешь, просишь совѣта... Рѣшилъ же ты, само собой, переѣхать, а потому если бы даже я тебѣ посовѣтовала махнуть на нее рукой и остаться спокойно въ Нагорномъ, ты и въ этомъ случаѣ все-таки поѣхалъ бы. Не совѣта ждешь ты отъ меня, а одобренія своему рѣшенію. Развѣ не такъ?

— А если бы и такъ,—улыбнулся Галицкій.—Не все ли равно?.. Хотя, по правдѣ сказать, особенно въ первую минуту, сгоряча, и пока думалъ, что придется окончательно порвать съ Нагорнымъ и бросить все дѣло, я очень и очень колебался. Но потомъ, сообразивъ, что всегда можно какъ-нибудь устроиться, что, въ концѣ концовъ, такое положеніе будетъ временнымъ...

— Это—начало конца,—вѣско замѣтила старуха.

— Вы думаете?—вырвалось у Галицкаго.

— Я убѣждена въ томъ, что твоя жена, выѣхавъ изъ Нагорнаго, никогда больше въ него не вернется, а такъ какъ для тебя весь смыслъ жизни здѣсь, то, очевидно, это—начало конца. Какой будетъ конецъ,— она пожала плечами,—трудно сказать, конечно. Но это уже твое дѣло. Въ тебѣ достаточно и силы воли, и здравыхъ взглядовъ на жизнь, и презрѣнія къ условностямъ и предразсудкамъ, чтобы выйти съ честью изъ этого положенія.

Она помолчала и потомъ покачавъ головой:

— А какую все-таки сдѣлалъ ты громадную ошибку, женившись на ней... Между тѣмъ, какъ...

И она замолчала, пристально смотря на Галицкаго.

А онъ, чувствуя, что краснѣетъ, отвелъ глаза и нервно забарабанилъ пальцемъ по столу.

Вересьева взяла маленькій серебряный колокольчикъ и позвонила.

— Позови барышню, — приказала она вошедшему казачку.—Я сказала ей, чтобы не смѣла сюда показываться, пока не позову. Вѣдь я собиралась задать тебѣ—ухъ!—какую головомойку... Посмотримъ, что она теперь запоетъ?

И подмигнувъ на входившую Вѣру, она перемѣнила тонъ и проговорила совсѣмъ серьезно:

— Какъ же это, мать моя, ты просишься съ нимъ ѣхать, а ему объ этомъ ни слова? Вотъ теперь и расхлебывай. Онъ говоритъ, что ни за что тебя не возьметъ, такъ какъ и дѣлать тебѣ тамъ нечего, а, главное, слишкомъ опасно.

Вѣра съ недоумѣніемъ вскинула глазами на Галицкаго, но, встрѣтивъ его улыбающійся взглядъ, усмѣхнулась и сказала рѣшительно:

— Не вѣрю. Борисъ Владиміровичъ не могъ этого сказать.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялась старушка.—Эхъ, вы! На диво спѣлись. Безъ словъ другъ друга понимаютъ.

Она окинула ихъ долгимъ любовнымъ взглядомъ и встала.

— Насчетъ чая распоряжусь... А пока что, разскажи-ка ей про свое горе. Вмѣстѣ и поплачете...

— Какое горе?.

Вѣра быстро, встревоженно подошла къ Галицкому.

Пока онъ разсказывалъ, ея лицо нѣсколько разъ мѣняло выраженіе.

— Въ концѣ концовъ вы видите, что особенно ужаснаго ничего нѣтъ... Буду пріѣзжать, видѣться будемъ часто...

Она стояла, опустивъ голову, съ застывшимъ блѣднымъ лицомъ.

— Когда же отъѣздъ? Скоро?.. И въ Богучарово, значитъ, не поѣдете?—тихимъ, прерывающимся голосомъ выговорила она.

— Вѣра!

И голосъ его дрогнулъ.

Она подняла голову. Отъ блестѣвшихъ въ нихъ слезъ глаза казались еще больше, еще ярче.

Огромная волна нѣжности всколыхнула и понесла Галицкаго.

— Вѣра!—еще разъ, съ мольбою повторилъ онъ и протянулъ руки.

Глаза дѣвушки расширились, зрачки потемнѣли, а лицо залилось кровью. Она шагнула впередъ, съ глухимъ стономъ обхватила его шею руками и прижалась лицомъ къ его груди.

— Милый!.. дорогой!.. родной мой!..—шептала она, вздрагивая отъ сдерживаемыхъ рыданій.

Когда Галицкій, войдя вечеромъ къ Лидіи Петровнѣ, съ веселымъ видомъ объявилъ ей, что тотчасъ послѣ земскихъ собраній они переѣдутъ въ Петербургъ, Лидія Петровна приняла это извѣстіе болѣе спокойно, чѣмъ можно было ожидать.

На секунду, какъ будто застывъ, она быстро потомъ поднялась и, подойдя къ мужу, взяла его за руку и, смотря ему прямо въ глаза, выговорила очень мягко и сердечно:

— Я знаю, какую ты ради меня приносишь жертву и никогда не забуду этого. Спасибо тебѣ, Борисъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Однако здѣсь толкаются!—вырвалось у Бердѣева.

Онъ отошелъ къ вѣшалкѣ и сердитыми глазами смотрѣлъ вслѣдъ толстой барынѣ, которая, толкнувъ его такъ, что онъ пошатнулся, продолжала стремительно нестись къ выходу, энергично работая направо и налѣво локтями.

— Что, братъ, не любишь, отвыкъ?—сказалъ, усмѣхаясь, высокій офицеръ Засѣкинъ, товарищъ Бердѣева.—У васъ за границей, должно быть, по-иному.

Бердѣевъ пожалъ плечами.

— Толкаются вездѣ, — возразилъ онъ, морщась.—А это какая-то сумасшедшая... Да ты посмотри, что она дѣлаетъ... Ха-ха-ха! Очень радъ. Такъ ей и надо.

Толстая барыня, почти достигнувъ цѣли своихъ стремленій, встрѣтила неожиданное препятствіе въ лицѣ высокаго ливрейнаго лакея. Столкнувшись у самыхъ дверей, лакей и барыня очутились другъ у друга въ объятіяхъ. Произошло минутное колебаніе двухъ тѣлъ, но дюжій лакей одолѣлъ, и барыня была отброшена въ сторону. Лакей, въ сознаніи своего торжества, еще болѣе зычнымъ, чѣмъ обыкновенно, голосомъ прокричалъ, что чья-то карета подана, а барыня, проворчавъ презрительно „Невѣжа!“ еще живѣе заработала локтями и

такъ прижала въ дверяхъ какого-то тщедушнаго статскаго, что тотъ съ выраженіемъ ужаса схватился за падающій цилиндръ.

Тремя теченіями выливалась изъ зрительной залы на главный подъѣздъ публика Михайловскаго театра. На подъѣздѣ теченія эти сливались въ одну сплошную, движущуюся къ выходамъ массу, среди которой, неподвижными островками, стояла въ ожиданіи экипажей публика перваго яруса, бельэтажа и первыхъ рядовъ креселъ. Для многихъ изъ ея числа время разъѣзда представляло важнѣйшую часть спектакля. То, что происходило на сценѣ, являлось малоинтереснымъ, часто прямо скучнымъ добавленіемъ къ зрительной залѣ, т. е. къ выставкѣ женскаго тѣла и нарядовъ. При разъѣздѣ выставка пріобрѣтала особый интересъ, вслѣдствіе близости осматриваемыхъ и осматривающихъ. Разбившись на кучки, съ дамами посрединѣ, публика эта, въ большинствѣ между собой знакомая, чувствовала себя тутъ, какъ дома, и непринужденно болтала, стойко выдерживая натискъ другой, чуждой толпы. Но раздавался выкрикъ лакея, и кучка срывалась съ мѣста. Барыни привычнымъ движеніемъ подбирали платья и направлялись къ дверямъ, провожаемыя взглядами мужчинъ, которые шпалерами, словно на смотру, стояли около выходовъ. И спокойныя улыбки на самодовольно-веселыхъ лицахъ, привѣтливые кивки самоувѣренно поднятыхъ головокъ говорили о томъ, что эти наглые, раздѣвающіе взгляды имъ милы и привычны, что это ихъ стихія, въ которой имъ дышится легко и свободно. Небрежно подносились къ козырькамъ руки, приподнимались шапки и цилиндры и во слѣдъ проходившей слышались откровенныя до цинизма замѣчанія, высказывались самыя свѣжія новости свѣтскаго злословія,

повторялась только-что выдуманная сплетня. Было шумно отъ шарканья сотенъ ногъ, выкриковъ лакеевъ, стука дверей, а съ улицы, врываясь порывами, дулъ гнилой мартовскій сквознякъ, надѣляя избранныхъ катаррами, флюсами, бронхитами и тому подобными прелестями ранней петербургской весны.

— Вотъ ты какая нѣженка, — сказалъ Засѣкинъ, когда, отойдя отъ вѣшалки, они заняли наблюдательный постъ на сравнительно спокойномъ мѣстѣ. — Тебя разъ задѣли, и ты заохалъ, а посмотри на нашихъ парадерокъ. Ихъ все время толкаютъ, а онѣ — нуль вниманія, даже не поморщатся.

— Какія парадерки? — съ недоумѣніемъ спросилъ Бердѣевъ.

— Да вонъ стоятъ, — Засѣкинъ указалъ на двухъ барынь, расположившихся на ступенькахъ лѣстницы, ведущей къ среднимъ стекляннымъ дверямъ. — Потому такъ и прозваны. Вѣдь ужъ какъ имъ тамъ, бѣдненькимъ, достается, зато стоятъ выше всѣхъ и ихъ отовсюду видно. Pour être vue il faut souffrir... У каждаго дня свои парадерки. Есть парадерки вторниковъ, субботъ и т. д.

— Парадерки! Недурно, — повторилъ съ улыбкой Бердѣевъ. — Ну, одна изъ нихъ старый боевой конь... la belle Arlésienne, а другая съ нею кто?

— La belle Arlésienne—старо, голубчикъ. Теперь ей кличка: Vénus sortant des ondes.

— Это почему?

— Маскарадная исторія. Какъ-то года три, кажется, назадъ она на одномъ балу явилась въ такомъ откровенномъ костюмѣ, что всѣ ахнули.

— Ну, и что же?

— Да ничего. Такъ была окружена, что добраться

до нея трудно было. Вѣдь она чертовски хорошо сложена.

— Такъ. Ну, а рядомъ-то съ нею кто?

— Рядомъ? Ты развѣ не знаешь?.. Впрочемъ, я все забываю, что ты въ нѣкоторомъ родѣ благородный иностранецъ... Это—Галицкая, жена нашего Галицкаго...—вонъ и онъ стоитъ тамъ сзади... крупная такая фигура—рожденная Брянская, сестра храбраго ротмистра. Да ты ее долженъ помнить барышней, у ней еще исторія была: влюбилась въ Холмогорскаго и, когда тотъ женился на Хотынцевой, съ досады чуть не умерла. Повезли ее тогда за границу лѣчиться. Тамъ она какими-то судьбами и подцѣпила Галицкаго... Брянскій захлебывался тогда отъ восторга, разсказывая, какъ его Лидушѣ подвезло. Однако скоро восторгъ прошелъ. Оказалось, что Галицкій, за которымъ еще во время его службы въ полку водились кое-какія странности къ тому времени свихнулся совсѣмъ: сдѣлался толстовцемъ, молился на мужика и жену изъ деревни—ни на шагъ. Говорятъ, заставлялъ ее полы мыть... для опрощенія, видишь ли. Княгиня, да не простая какая-нибудь, вѣдь такихъ фамилій во всей Россіи пять—шесть и обчелся,—у мужа двѣсти тысячъ годового дохода—и полы моетъ. Недурно, а? И такъ онъ ее семь лѣтъ продержалъ, вплоть до нынѣшней осени... Ха-ха-ха! Брянскій выручать ѣздилъ. Трусилъ, меня съ собой звалъ. Галицкій вѣдь не ихъ мягкихъ. Чуть что, говорятъ, такъ отбрѣетъ, что мое почтеніе. Однако съѣздилъ успѣшно. Послѣ этого они и переѣхали. И, надо полагать, что ей дѣйствительно не легко тамъ жилось. Я ее видѣлъ вскорѣ послѣ пріѣзда... блѣдная, худая, еле двигается. А теперь посмотри—прелесть одна.

— Преинтересная, — согласился Бердѣевъ. — Ну, а

Мухановъ при комъ состоитъ, при ней или при Илимовой?

— Во всякомъ случаѣ не при Илимовой. Съ ней у него романъ уже былъ, а онъ перечитывать старыя книги не любитъ. Теперь она съ Крупскимъ, знаешь—съ „моментомъ“.

— Значитъ Мухановъ при Галицкой?

Засѣкинъ пожалъ плечами.

— Не знаю, голубчикъ. Ухаживаетъ-то онъ за ней сильно; но дѣло въ томъ, что онъ у нихъ на родственномъ положеніи, вѣдь онъ двоюродный братъ Галицкаго и очень съ нимъ друженъ... По крайней мѣрѣ, всегда злится, когда говорятъ про чудачества его братца. Такъ что очень возможно, что между ними и нѣтъ ничего. Хотя... хотя, съ другой стороны, я не могу себѣ представить Муханова въ роли платоническаго обожателя.

— А Галицкій какъ, допускаетъ?

— Вѣрнѣе всего, не замѣчаетъ. Вѣдь его почти никогда нѣтъ, онъ постоянно въ какихъ-то разъѣздахъ. Я, напримѣръ, вижу ихъ вмѣстѣ сегодня въ первый разъ. Обыкновенно она всюду бываетъ одна. Мнѣ Брянскій говорилъ, что онъ сегодня будетъ у него на ужинѣ... вѣроятно за одно и сюда...—Засѣкинъ вдругъ замолчалъ и потомъ проговорилъ оживленно, указывая на среднюю дверь:

— Смотри, смотри! Неожиданная встрѣча двухъ ривалокъ.

— Какихъ ривалокъ?—опять спросилъ Бердѣевъ.

Но Засѣкинъ не отвѣчалъ. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на стеклянную дверь, за которой только, что показалась молодая женщина, средняго роста, въ ротондѣ мышинаго цвѣта — на бѣломъ мѣху. Увидѣвъ

стоявшихъ на ступенькахъ дамъ, она въ нерѣшительности остановилась. Но парадерки, какъ называлъ ихъ Засѣкинъ, успѣли ее замѣтить и смотрѣли на нее въ упоръ. Тогда она рѣшилась и торопливо пошла впередъ, опустивъ глаза. Лишь на секунду подняла она ихъ, взглянула на Галицкую, потомъ на рядомъ стоявшаго молодого офицера и, замѣтивъ на его лицѣ недовольную гримасу, вспыхнула, еще болѣе заторопилась и, ни на кого уже не глядя, быстро проскользнула въ одинъ изъ отдаленныхъ угловъ подъѣзда. Тотчасъ же изъ кучки толпившейся у дверей военной молодежи отдѣлился худощавый офицеръ, съ тонкими губами и нездоровымъ, желтовато-кирпичнымъ цвѣтомъ лица и направился къ тому же углу.

— Недурна ваша фаворитка... un peu—femme de chambre, но, положительно, недурна. Я все болѣе убѣждаюсь, что вы — человѣкъ со вкусомъ, — выговорила насмѣшливо Лидія Петровна, обернувшись къ молодому офицеру.

— И мнѣ она нравится,—растягивая слова и играя глазами, протянула Илимова.—И прическа такая оригинальная... вся въ кудряшкахъ, точно баранъ... Скажите, въ минуты нѣжности она не кричитъ: „бя“?

— Не помню... Можетъ быть и кричитъ,—отвѣтилъ Мухановъ сухо. — Во всякомъ случаѣ не съ такимъ искусствомъ, съ какимъ вы кричите: „глу“.

Намекъ былъ ясенъ, попалъ въ цѣль, и Илимова закусила губу. На-дняхъ у ней былъ любительскій спектакль. Шли отрывки изъ Маскотты, и она, выступивъ въ заглавной роли, торжественно провалилась, не обладая ни голосомъ, ни талантомъ. Говорили, что единственно, что ей удалось—это подражаніе индюшкѣ въ извѣстной аріи.

Галицкая, скрывая улыбку, отвернулась, а стоявшій тутъ же мужъ Илимовой—плотный, небольшого роста господинъ, съ одутловатымъ лицомъ и мутнымъ взглягомъ опухшихъ глазъ,—хрипло засмѣялся:

— Ха-ха-ха! Bien paré! Bravo, Bravo!

Но Илимова быстро овладѣла собой и, обернувшись къ стоявшему сзади Галицкому, выговорила кокетливо-жалобнымъ тономъ:

— Хоть бы вы, князь, за меня заступились. Слышите, какъ всѣ на меня нападаютъ.

— У васъ есть естественный защитникъ—мужъ,—сказалъ улыбаясь Галицкій.—При немъ я не смѣю.

— О, мужъ! — Илимова презрительно повела плечами....—Хорошъ защитникъ! Онъ первый готовъ меня съѣсть... Его женѣ говорятъ дерзости, а онъ аплодируетъ... А вамъ я когда-нибудь отомщу,—повернулась она къ Муханову. — А пока, въ наказаніе, дайте сюда вашу руку.—И она подняла вѣеръ.

Тѣмъ временемъ Засѣкинъ успѣлъ объяснить Бердѣеву, что молодая женщина въ кудряшкахъ—содержанка Муханова, что зовутъ ее Еленой Михайловной, что Мухановъ путается съ нею что-то уже около двухъ лѣтъ, но теперь, кажется, охладѣлъ и собирается бросить; что она премилая и пресимпатичная.

— И я вполнѣ понимаю Липскаго, — закончилъ онъ,—который влюбленъ въ нее по-уши и уже давно, но пока безуспѣшно, старается отбить ее у Муханова. Впрочемъ по наслѣдству она, вѣроятно, ему достанется, а это будетъ жаль, такъ какъ господинъ онъ не изъ важныхъ. Вѣдь онъ поступилъ въ полкъ послѣ твоего отъѣзда?

— Да, — отвѣтилъ Бердѣевъ. — Я его совсѣмъ не знаю.—Это онъ стоитъ съ нею тамъ въ углу?

— Ну, конечно. Кому же больше? Гдѣ только можетъ, тамъ и присосется... Смотри,—указалъ онъ на лакея въ черной ливреѣ,—новая мода. Это лакей Галицкихъ. Онъ никогда не кричитъ, что карета подана, а встанетъ около двери и ждетъ.

Парадерки засуетились.

— Ты какъ, прямо на ужинъ, или заѣдешь домой?—спросила Лидія Петровна мужа.

— Мнѣ все равно, какъ онъ хочетъ,—отвѣтилъ Галицкій.—Я вѣдь тамъ только покажусь.

Она повернулась къ Муханову.

— Заѣзжайте къ намъ. Я дамъ вамъ чаю, а туда всегда успѣете.

— Пожалуй. И мнѣ все равно,—хмурясь отвѣтилъ Мухановъ.

На ходу, въ дверяхъ она наклонилась къ его уху.

— Не злитесь. Вы—милый...

И столько ласки почудилось ему въ этомъ порывистомъ шопотѣ, что кругомъ него все посвѣтлѣло. Его лицо разгладилось и онъ отвѣтилъ благодарной улыбкой.

— Да и намъ пора,—сказалъ Засѣкинъ,—а то нашъ храбрый ротмистръ будетъ гнѣваться: онъ терпѣть не можетъ, когда поздно съѣзжаются.

Они вышли, сѣли на перваго попавшаго извозчика и велѣли ѣхать на Морскую. Извозчикъ, радуясь выгоднымъ сѣдокамъ, съ остервенѣніемъ зачмокалъ губами, задергалъ вожжами и, выбравшись изъ рядовъ, пустилъ свою кляченку вскачь, мысленно соображая, что, какъ-ни-какъ, а ужъ менѣе рублевки онъ за этотъ конецъ не получитъ.

II.

Когда во второмъ часу ночи Галицкій и Мухановъ вошли въ одинъ изъ большихъ отдѣльныхъ кабинетовъ Кюба, куда уже много лѣтъ ротмистръ Алексѣй Брянскій собиралъ въ день своихъ именинъ болѣе близкихъ ему полковыхъ товарищей,—ужинъ подходилъ къ концу. Лакеи—татары разносили фрукты и кофе, а на столѣ уже виднѣлось изрядное количество пустыхъ бутылокъ, которыхъ одинъ изъ присутствующихъ, поручикъ Хвостовъ, офицеръ могучаго тѣлосложенія и спеціалистъ по выпивкѣ, уставлялъ въ ряды, ведя имъ аккуратный счетъ.

— А, наконецъ,—сказалъ Брянскій, вставая навстрѣчу входившимъ.—Я начиналъ уже бояться, что вы совсѣмъ не пріѣдете... Елена Михайловна, голубушка,—обратился онъ къ молодой женщинѣ, сидѣвшей на концѣ стола:—опростайте-ка имъ около себя мѣстечко.

— Здравствуй, Лена,—кивнулъ Мухановъ головой.—Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся. Мы проголодались и ѣсть хотимъ, а у васъ тутъ слишкомъ виномъ пахнетъ... Накрой-ка намъ тамъ,—указалъ онъ подлетѣвшему къ нему лакею на отдѣльный столикъ.

— И хорошо, что проголодались,—крикнулъ Хвостовъ.—Ужинъ прекрасный, а тюрбо—такъ одинъ восторгъ... Эй, пижонъ, не увлекайся, пропадешь,—повернулся онъ къ совсѣмъ молоденькому безусому офицеру, съ оживленіемъ что-то разсказывавшему своей сосѣдкѣ—полной, уже очень немолодой женщинѣ, съ непомѣрно развитымъ бюстомъ, густо накрашеннымъ лицомъ и подведенными глазами.—Пей лучше. Дай-ка сюда стаканъ.

Молодой офицеръ, Щепинъ, покраснѣлъ, отшатнулся отъ сосѣдки и торопливо подвинулъ свой бокалъ.

— Эта госпожа какъ сюда попала?—съ удивленіемъ спросилъ Мухановъ.

Брянскій развелъ руками.

— Роза? Что ты съ нею подѣлаешь... Явилась сюда, когда никого еще не было и пристала, какъ съ ножомъ къ горлу: пригласи ее, да пригласи... „Во имя, говоритъ, стараго знакомства“. „Вы, говоритъ, ко мнѣ ѣздили, когда еще корнетомъ были“. Ха-ха-ха! И вѣдь вретъ, никогда я у ней не бывалъ... Ну, чортъ въ ней!.. голодная, думаю, пускай поѣстъ... А вотъ и еще франтъ явился незванный,—онъ указалъ глазами на Липскаго.—Вошелъ съ Еленой Михайловной. „Я, говоритъ, зашелъ только, чтобы передать Елену Михайловну въ цѣлости и сохранности“. Ну, нечего дѣлать, пришлось пригласить. Хотѣлъ его посадить куда-нибудь подальше—не тутъ-то было—усѣлся около Елены Михайловны и ни съ мѣста.

— Выпьемъ пока водки,—сказалъ Мухановъ, направляясь къ закусочному столу.

— Я вѣдь не пью,—отвѣтилъ Галицкій.—Нѣтъ, пожалуйста,—остановилъ онъ Брянскаго, намѣревавшагося за ними слѣдовать.—Оставайся на своемъ мѣстѣ и забудь о моемъ присутствіи. Иначе я, право, сейчасъ же уѣду.

Онъ сѣлъ за отдѣльный столъ, на которомъ лакеи суетливо разставляли два прибора и разсѣянными глазами сталъ смотрѣть на столь знакомую картину офицерскаго кутежа.

За длиннымъ столомъ, украшеннымъ цвѣтами и какимъ-то затѣйливымъ surtout de table, изображавшимъ средневѣковыхъ рыцарей, сидѣло человѣкъ де-

сять офицеровъ. На черномъ фонѣ сюртуковъ яркими пятнами выдѣлялись цвѣтныя платья дамъ, которыхъ, кромѣ Лены и Розы, было еще двѣ: бѣлокурая, голубоглазая, съ косами Гретхенъ, нѣмочка Анни—подруга сердца офицера, барона Далена,—и маленькая, черненькая, востроносая француженка Célestine или, сокращенно, Титинъ—сожительница другого офицера, корнета Напругова.

Рядомъ съ Брянскимъ сидѣлъ полковой адъютантъ, поручикъ графъ Зоричъ, еще недавно—добрый малый и хорошій товарищъ, но начавшій кривляться съ послѣдняго полкового праздника, на которомъ получилъ вензеля. Около него—Анни и рядомъ съ нею—Даленъ, высокій, красивый блондинъ, изъ остзейскихъ бароновъ, большой любитель и любимецъ женщинъ. Рядомъ съ Даленымъ помѣщалась толстая Роза, а около нея совсѣмъ юный, только что произведенный изъ вольноопредѣляющихся, офицеръ Щепинъ.

Другой конецъ стола занималъ поручикъ Хвостовъ. Его толстое опухшее лицо и красные глаза свидѣтельствовали о безсонныхъ ночахъ и постоянныхъ попойкахъ. И сегодня, какъ всегда, онъ распоряжался ужиномъ. Каждая новая бутылка вина тщательно имъ осматривалась и уже затѣмъ или ставилась на столъ или возвращалась обратно. Въ послѣднемъ случаѣ подававшій ее лакей награждался нѣсколькими теплыми словами, произносимыми, впрочемъ, очень спокойно, такъ какъ одной изъ особенностей Хвостова была способность говорить самымъ невозмутимымъ образомъ самыя невозможныя вещи и ругаться, никогда не возвышая голоса. Сверхъ того, сколько бы онъ ни пилъ, онъ никогда не пьянѣлъ и этимъ пріобрѣлъ себѣ такую извѣстность, что когда однажды Петербургъ посѣ-

тила нѣкая иностранная особа, которой предшествовала молва, что ее нигдѣ и никто не могъ перепить, къ ней, для поддержанія чести русскаго мундира, приставленъ былъ Хвостовъ. Они пили 16 часовъ кряду, послѣ чего особа превратилась въ мертвое тѣло, а Хвостовъ, выливъ на голову ведро ледяной воды, поѣхалъ на ученіе. Когда послѣ этого Хвостовъ получилъ иностранный орденъ, онъ очень гордился имъ, говоря, что несомнѣнно заслужилъ его, если не на бранномъ, то на винномъ полѣ.

Около Хвостова сидѣлъ Засѣкинъ—офицеръ изъ небогатыхъ, кутившій рѣдко, но усиленно посѣщавшій „свѣтъ", съ цѣлью, какъ говорили, выгодно жениться. Рядомъ съ нимъ—корнетъ Рудневъ, низенькій, приземистый, со сморщеннымъ, какъ у мопса, лицомъ и умными небольшими глазами. Онъ недавно поступилъ въ Академію, а потому начиналъ уже задирать носъ и презрительно щуриться. Затѣмъ—Бердѣевъ, худой, болѣзненный, съ впалой грудью и порядочной лысиной. Послѣ производства въ офицеры онъ такъ закутилъ, что черезъ два года у него появились признаки чахотки. Тогда его послали военнымъ агентомъ за границу, куда-то на югъ. Онъ пробылъ тамъ четыре года и теперь только что вернулся. Рядомъ съ нимъ сидѣла Титинъ, пріѣхавшая въ Россію съ годъ назадъ, въ составѣ одной изъ лѣтнихъ опереточныхъ труппъ и съ полной увѣренностью faire fortune въ объятіяхъ d'un boyard richissime. Къ ея удивленію, такого „боярa" на лицо не оказалось, но за то она познакомилась съ Напруговымъ и этотъ свѣжій, здоровый, кровь съ молокомъ, мальчикъ произвелъ на нее послѣ истасканныхъ парижскихъ соотечественниковъ такое впечатлѣніе, что она влюбилась въ него по-уши. Разставшись

съ товарищами, она осталась въ Петербургѣ, довольствуясь скуднымъ содержаніемъ пѣвицы на вторыхъ роляхъ, такъ какъ Напруговъ не былъ настолько богатъ, чтобы ввять ее на содержаніе. Наконецъ, между Напруговымъ и Леной помѣщался Липскій, довольно видный, рыжеватый блондинъ, но съ нехорошимъ цвѣтомъ лица и непріятнымъ выраженіемъ блѣдныхъ голубыхъ глазъ.

III.

— Любуешься и вспоминаешь старину,—сказалъ Мухановъ, бросая салфетку и придвигая чашку кофе.— Тебѣ какого? Бенедектину или Джинджеру?

Онъ закурилъ, откинулся на спинку стула и насмѣшливыми глазами уставился на большой столъ.

— Надо полагать, все то же... Скрытая скука подъ внѣшнимъ веселіемъ, внутренняя пустота, заливаемая виномъ. За исключеніемъ Хвостова, натурѣ котораго все это является, какъ будто, потребностью, да только что вылупившагося птенца Щепина, находящагося въ невмѣняемомъ состояніи, вслѣдствіе недавняго производства, всѣмъ остальнымъ... скучно. Да и скрыть это трудно. Вотъ Зоричъ откровенно зѣваетъ, слушая Далена, Рудневъ сосредоточенно грызетъ ногти, а Бердѣевъ сейчасъ заснетъ. Но сегодня настроеніе еще приподнято по случаю торжественнаго дня: по крайней мѣрѣ знаютъ, зачѣмъ собрались, а обыкновенно и того хуже. Разговоры—узкіе полковые интересы, а главное женщины, женщины и женщины... Пока мало выпито, разсудокъ не совсѣмъ угнетенъ—вотъ и скучно, а выпьютъ еще—и будетъ веселѣе, станутъ на самую точку... Любопытная точка,—усмѣхнулся онъ:—у каждаго своя. Хвостовъ самымъ хладнокровнымъ образомъ начнетъ

бить посуду, а, если кто его остановитъ, и того побьетъ. Рудневъ заговоритъ про Академію, про то, какъ профессора восторгаются его выдающимися способностями, будетъ подражать Горбунову и разсказывать армянскіе анекдоты. Засѣкинъ, слабый на вино, свалится подъ столъ. Даленъ, хотя пьетъ всегда въ мѣру, но тоже раскиснетъ и, не стѣсняясь присутствіемъ Анни, начнетъ разсказывать про свои побѣды. Зоричу покажется, что къ нему относятся не съ достаточнымъ уваженіемъ, и онъ закривляется, начнетъ ко всѣмъ придираться, а въ хорошіе промежутки будетъ плоско острить. Брянскій совсѣмъ размякнетъ, будетъ цѣловать у Лены руки и подъ секретомъ сообщитъ ей, что въ его время все было лучше: и пили больше, да и любить умѣли сильнѣе. Титинъ и Напруговъ, забывъ, что они не одни, начнутъ цѣловаться въ засосъ, а Липскій сдѣлается нахаленъ и станетъ лгать и хвастать... Впрочемъ, не сегодня. Сегодня онъ слишкомъ занятъ Леной и, нѣтъ-нѣтъ, да на меня оглянется... Дуракъ! Если бы онъ зналъ, какъ мнѣ все равно.

Гадливая усмѣшка опустила углы его рта. Онъ замолчалъ, отвернулся и застучалъ пальцами по столу.

— Ты сегодня золъ, — замѣтилъ съ улыбкой Галицкій. — А ея мнѣ жаль. Она, кажется, тебя любитъ по настоящему.

Встрѣтивъ его ласковый взглядъ, Лена, неизвѣстно почему, вспыхнула и потупилась.

Мухановъ пожалъ плечами и, не отвѣчая, залпомъ выпилъ стаканъ стараго хереса—его любимаго вина—бутылку котораго прислуживавшій имъ старикъ-татаринъ поставилъ предъ его приборомъ тотчасъ послѣ борщка.

— Какъ прошла сегодня Сафо, князь, — спросилъ Зоричъ.

— Недурно,—отвѣтилъ Галицкій.—Впрочемъ, я могу быть и пристрастенъ. Вѣдь я видѣлъ Сафо въ исполненіи матери Сюзанны Ментъ-Лины и Гитри.

— А исторія поучительная, — замѣтилъ Рудневъ, — въ особенности для кое-кого изъ присутствующихъ. Интересно знать, что сдѣлала бы, напримѣръ Анни, если бы Даленъ ее бросилъ?

— Я его никогда не держала и не держу, — спокойно отозвалась Анни. — Онъ самъ приходитъ. А сцены,—она сдѣлала презрительную гримасу — сцены... ни къ чему.

— Ah ça, par exemple—non! — горячо выговорила Титинъ, уже понимавшая по-русски почти все. — Le jour ou tu t'aviseras à me lacher, tu sais, mon vieux, gare à toi! — И въ ея мышиныхъ глазкахъ, въ упоръ устремленныхъ на спокойно-улыбавшагося Напругова, сверкнула злобная искорка.

— Ха-ха-ха! Ну, чѣмъ не Сафо?—расхохотался Хвостовъ.—Смотри, Котька, береги глаза. А должно быть, это у нихъ въ крови—національная черта.

Мухановъ недовольно поморщился. Хотя онъ глядѣлъ въ сторону, но ясно чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ Лены и ему сдѣлалось неловко. Быстрыми, яркими образами пронеслись въ его головѣ картины только что видѣнной драмы и читаннаго ранѣе романа... Алиса... Дюшелетъ... Какой ужасъ!

Лена отвела глаза и глубоко вздохнула.

— О чемъ, о чемъ, красавица?—спросилъ Брянскій, беря ея руку и ласково пожимая.

— Ахъ, дяденька, грустно!—молвила Лена, и столько

печали было въ этомъ возгласѣ, что ротмистръ выпустилъ ея руку и, завертѣвъ шеей и вытянувъ манжеты, кинулъ сердитый взглядъ на Муханова.

— А я такъ-таки и не попалъ въ театръ, такая обида,—сказалъ Зоричъ. — Меня задержалъ генералъ. Ну, господа, предупреждаю: онъ золъ, какъ чортъ. „Объявите имъ всѣмъ, говоритъ, что мнѣ это надоѣло и что съ завтрашняго дня, кто хотя на одну минуту опоздаетъ къ ученію — будетъ на лишнемъ дежурствѣ“.

— О-о-о! Какія строгости!—раздались голоса.

— Что-нибудь, значитъ, случилось?—спросилъ Рудневъ.

— Еще-бы! Господа офицеры перваго эскадрона отличились. Въ три часа эскадронъ на плацу, но Трубскаго, само собой, нѣтъ... Наконецъ, онъ является — и въ большомъ смущеніи, такъ какъ вахмистръ ему докладываетъ, что командиръ полка уже съ трехъ часовъ изволятъ стоять у окна. Ждутъ. Черезъ полчаса является вотъ онъ — Зоричъ мотнулъ головой на Хвостова, — и ученіе начинается при одномъ офицерѣ, а ужъ минутъ черезъ десять послѣ этого подлетаетъ на своемъ новомъ рысакѣ господинъ Липскій и, къ довершенію всего, у самыхъ воротъ сбиваетъ съ ногъ какую-то бабу, которая оретъ благимъ матомъ...

— Трубскій такъ мнѣ обрадовался, что полѣзъ цѣловаться,—перебилъ Хвостовъ.

— А Тихменевъ и Прозоровскій такъ и не явились совсѣмъ. Зато на завтра имъ готовится сюрпризъ: онъ ихъ закаталъ на семь лишнихъ дежурствъ.

— И подѣломъ, такъ имъ и надо,—замѣтилъ Рудневъ.—Это два такихъ лодыря, какихъ другихъ нѣтъ. Пользуются деликатностью Трубскаго и знать ничего

не хотятъ, а другіе за нихъ отдувайся... Славный у него этотъ новый рысакъ —перемѣнилъ онъ тонъ.—Ты гдѣ его добылъ?

— Собственнаго завода. Отцу давали за него три тысячи. Не отдалъ,—отвѣтилъ Липскій небрежно.

— Полно врать! — обрѣзалъ его Зоричъ.—Никогда твоему отцу за него трехъ тысячъ не давали и никогда онъ у васъ на заводѣ не былъ. Вашъ заводъ такихъ лошадей и не нюхалъ. Пари держу на сколько угодно, что эта лошадь Теренинскихъ кровей.

— Ну, и проиграешь,— отвѣтилъ Липскій, какъ-то нехотя. И потомъ уже въ совсѣмъ минорномъ тонѣ продолжалъ:—и почемъ ты знаешь, какія у насъ лошади? Вѣдь ты завода не видѣлъ. По тѣмъ же лошадямъ, которыхъ мы приводимъ сюда, нельзя судить. Лучшихъ мы продаемъ въ Москву. Сколько разъ я приглашалъ тебя къ намъ въ Отрадное—вотъ и убѣдился бы, какія у насъ лошади.

— Боюсь, душенька, боюсь я къ вамъ пріѣхать. И знаешь почему? — Зоричъ говорилъ съ нескрываемой насмѣшкой.—Я боюсь заблудиться въ вашихъ семирамидиныхъ садахъ, боюсь заболѣть, объѣвшись изумительными произведеніями вашихъ оранжерей,—боюсь, наконецъ, что слабый умъ мой не выдержитъ всѣхъ чудесъ вашего Отраднаго... А затѣмъ, говорятъ, у васъ тамъ днюютъ и ночуютъ разные архіереи... вотъ и это тоже...

— Ну, это, положимъ, пустяки, — перебилъ Липскій.—Не днюютъ и ночуютъ, а, дѣйствительно, всегда останавливаются... И самъ митрополитъ... Отецъ считаетъ долгомъ поддерживать престижъ русскаго духовенства,—уже совсѣмъ важно закончилъ онъ и исподлобья оглядѣлъ присутствующихъ.

— Идіотъ! — довольно громко произнесъ Засѣкинъ, уже находившійся на второмъ взводѣ.

— Аминь!—сказалъ Хвостовъ. — Весь въ папеньку. Ты его отца не знаешь? Тоже порядочная дубина.

Засѣкинъ съ трудомъ поднялся.

— Господа!—возгласилъ онъ, схватывая дрожащими руками бокалъ шампанскаго и расплескивая половину на скатерть.—Господа! Я предлагаю тостъ за идіотовъ... идіотовъ вообще... отцовъ и дѣтей безразлично.... Я пью за здоровье...

— Не дури!—остановилъ его Хвостовъ.—Тебѣ и за свое-то здоровье довольно пить, а гдѣ ужъ тамъ за другихъ.

И, положивъ ему руку на плечо, онъ заставилъ его сѣсть.

— А я не хочу... Онъ мнѣ надоѣлъ... Отстань!—съ упорствомъ пьянаго бормоталъ Засѣкинъ, силясь освободиться отъ свинцовой тяжести, лежавшей на его плечѣ.

— Погоди,—вмѣшался Рудневъ. — Сейчасъ я предложу тостъ, а потомъ и ты можешь говорить.

— Ну, это вотъ такъ... Сначала ты, а потомъ я... сначала я, а потомъ... Это хорошо.—И онъ затихъ.

— Господа, прошу вниманія, — громко произнесъ Рудневъ. — Имѣю желаніе произнести спичъ, ибо какое-же это торжество безъ спича.

— Вниманіе! Вниманіе! Слушайте!—подхватилъ Зоричъ, стуча ножомъ о стаканъ. — Слушайте будущаго „момента“.

Рудневъ всталъ.

— Господа!—началъ онъ.—„Time is money“ говорятъ американцы. Я съ ними согласенъ, а потому буду кратокъ. Какой сегодня день? Высокоторжественный. Почему? А потому, что сегодня церковь чествуетъ Але-

ксѣя Божьяго человѣка, мы же — ротмистра Алексѣя Брянскаго. Между этими двумя, достойными всякаго уваженія, особами есть-ли сходство? Конечно. Какое же? Ихъ заслуги, господа. Но о заслугахъ Алексѣя Божьяго человѣка я распространяться не буду, ибо... ибо... къ стыду своему долженъ признаться, что онѣ мнѣ неизвѣстны; что же касается до заслугъ ротмистра Алексѣя Брянскаго, то ихъ такъ много, что, если бы я занялся ихъ перечисленіемъ, мнѣ пришлось бы говорить два дня... Но я обѣщалъ быть краткимъ, а потому укажу лишь на слѣдующее. Что мы здѣсь дѣлаемъ? Пьемъ. Что дѣлали раньше? Ѣли. Положимъ, мы ѣдимъ и пьемъ... даже напиваемся каждый день, но... не даромъ, господа, не даромъ. А сегодня — и въ этомъ великая заслуга ротмистра Алексѣя Брянскаго—чудный ужинъ, прекрасное вино, обворожительныя женщины,—Рудневъ съ любезной улыбкой повелъ рукой въ сторону дамъ:— и все это, господа, безусловно даромъ...

— Нѣтъ, не безусловно,—вставилъ Хвостовъ.—Вотъ эта—не даромъ. — И онъ указалъ пальцемъ на Розу, которая, не понявъ въ чемъ дѣло, мило ему улыбнулась.

— Хвостовъ говоритъ, что Роза не даромъ. Такъ какъ я къ ней ѣхать не собираюсь, то мнѣ это безразлично, а потому и продолжаю. Возможно ли, спрашиваю я, должнымъ образомъ возблагодарить ротмистра Алексѣя Брянскаго, достойно почтить его столь великія заслуги? Вполнѣ достойно — конечно, нельзя. Это выше нашихъ силъ, выше силъ человѣческихъ. Но отчасти — все-таки можно. И не только можно, но и должно. Какимъ же образомъ? That is the question! Тутъ я опять прибѣгаю къ сравненью. Заслуги Алексѣя Божьяго человѣка вознаграждены тѣмъ, что онъ нахо-

дится теперь на небѣ, — нельзя ли и намъ отправить туда ротмистра Алексѣя Брянскаго? Мы можемъ, если не прямо доставить его на небо, то, во всякомъ случаѣ, приблизить его къ нему. А потому я предлагаю: возложимъ храбраго ротмистра Алексѣя Брянскаго на длани наши, подымемъ его и вознесемъ. Ура!

— Ура!—загремѣло кругомъ и, повскакавъ съ мѣстъ, офицеры окружили именинника.

Пользуясь суматохой, Галицкій торопливо пожалъ руку Муханову и незамѣтно вышелъ.

— Пожалуйста, господа, потише только,—говорилъ Брянскій, покорно отдаваясь въ руки товарищамъ.— Вы пьяны... Не увлекайтесь, ради Бога.

— Разъ-два-три! — И Брянскій, изобразивъ тѣломъ прямой уголъ, высоко взлетѣлъ на воздухъ.

— Разъ-два-три!—Еще и еще.

— Довольно, господа, --взмолился ротмистръ. — У меня начинаются колики...

Но расходившаяся молодежь была безжалостна, и Брянскій леталъ все выше и выше.

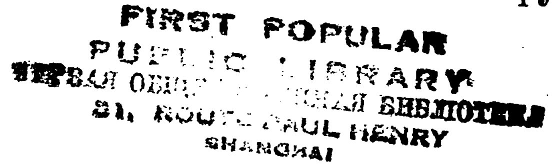
— Ой, господа, оставьте! Плохо будетъ! Я чувствую приступъ морской болѣзни...

На этотъ разъ предупрежденіе подѣйствовало. Брянскій очутился на полу и, пошатываясь, направился къ своему мѣсту.

— Типунъ тебѣ на языкъ! — крикнулъ онъ добродушно Рудневу.—Смотри, попадешься мнѣ когда-нибудь—на щипкахъ подниму.

IV.

Засѣкина свели на диванъ, Бердѣевъ подсѣлъ къ Муханову, а его мѣсто занялъ Зоричъ, заявившій, что его мутитъ отъ нѣжностей Титинъ и Напругова.

— А не покачать ли намъ Розу?—предложилъ Хвостовъ.—Какъ вы думаете?

— Ха-ха-ха! Прекрасная идея! — прокричало нѣсколько голосовъ.

Нѣмка возбужденно запищала.

— Aber was noch! Я не хошу! Ви мине поднимайтъ и бросайтъ... Nein, nein, я не хошу... Я ошинь тижелъ.

— И я протестую,—заявилъ Рудневъ.—Представьте себѣ, что у нея гдѣ-нибудь лопнетъ... по швамъ или такъ... Брр!

— Господа!—сказалъ Зоричъ.—Я предлагаю въ память сегодняшняго дня измѣнить правописаніе ея имени. Отнынѣ пусть оно пишется по-французски чрезъ два s.

Роза заворочала непонимающими глазами.

— Was hat er gesagt, Anny?—спросила она.

— Die lezte Rose—La dernière Rosse... Ха-ха-ха! Правильно!—заливался Щепинъ пьянымъ смѣхомъ.

Не дождавшись отвѣта, Роза надула губы, выпрямилась и съ достоинствомъ, ни на кого не глядя, стала оправлять складки своего ярко-пунцоваго шелковаго платья.

— Вотъ что значитъ--отвыкъ,—говорилъ Бердѣевъ, нервно поглаживая худыми, длинными пальцами бритый подбородокъ.—Все это мнѣ кажется дикимъ, грубымъ... Неужели нельзя пить, не напиваясь до потери человѣческаго образа? Тошно смотрѣть.

— А если тебѣ тошно, то зачѣмъ же ты смотришь? Уходилъ бы себѣ,—сухо возразилъ Мухановъ.

Бердѣевъ пожалъ плечами.

— Сижу, потому что боюсь раннимъ уходомъ обидѣть хозяина.—И потомъ, хотя видѣлъ, что тема эта Муханову непріятна, но чувствуя потребность высказаться, продолжалъ горячо:

— Нѣтъ, что ты тамъ ни говори, а мы отстали, сильно отстали. Гдѣ за границей увидишь ты въ культурныхъ слояхъ подобное безобразіе?.. И тамъ, конечно...

— Что ты мнѣ тычешь за границей?—уже совсѣмъ рѣзко перебилъ Мухановъ.—Видалъ я твою за границу... Тѣ же гадости и безобразія, облеченныя лишь въ болѣе утонченную, изящную форму. А по-моему...—Онъ остановился и, перемѣнивъ тонъ, добавилъ насмѣшливо:— Впрочемъ, что объ этомъ толковать. Чѣмъ возмущаться, вспомнилъ бы лучше, какимъ былъ самъ четыре года назадъ, и сколько разъ мнѣ лично приходилось отвозить тебя домой въ точно такомъ же видѣ, какъ вотъ этотъ молодецъ,—онъ указалъ на Засѣкина.—А затѣмъ, неизвѣстно, что представлялъ бы ты собою и теперь, не запрети тебѣ доктора пить.

Бордѣевъ покраснѣлъ.

— Ну, это, положимъ, не возраженіе. Мало ли что было. А вотъ, что пора уходить—это вѣрно. Прощай.

Онъ подошелъ къ Брянскому. Тотъ сначала не хотѣлъ его отпускать, но, взглянувъ на него внимательнѣе, замахалъ руками:

— Ступай, ступай. Я и забылъ, что ты не пьешь... Иди съ миромъ. Спасибо, что пришелъ.

А Мухановъ, проводивъ Бердѣева долгимъ взглядомъ, еще болѣе нахмурился. „Ни съ того, ни съ сего наговорилъ грубостей старому товарищу;—думалъ онъ. Только этого не доставало... Эхъ, хоть бы напиться скорѣй“! Но такой ужъ сегодня выдался для него день, что даже привести себя къ одному знаменателю съ прочими ему не удавалось. Хотя онъ пилъ много, болѣе даже обыкновеннаго, голова оставалась свѣжею, мысли ясными. Зато каждый новый стаканъ, казалось, вливалъ въ него и увеличивалъ недовольство собою и

окружающими, и онъ съ невольною гадливою усмѣшкой смотрѣлъ на большой столъ, куда его уже нѣсколько разъ звалъ Брянскій, и манили, не переставая, печальные глаза Лены.

А тамъ, между тѣмъ, становилось все шумнѣе и пьянѣе. Хвостовъ успѣлъ уже разбить два стакана и настоятельно требовалъ отъ Розы, чтобы она подставила ему колѣнку, о которую ему хотѣлось разбить третій; а Зоричъ, обладавшій также способностью много пить, оставаясь сравнительно трезвымъ, изводилъ Руднева Академіей и карьерой будущаго момента.

— Сегодня я еще разъ убѣдился, что вино на тебя скверно дѣйствуетъ,—говорилъ онъ насмѣшливо.—Ты отъ него тупѣешь... Я тебя серьезно предупреждаю, что если ты, при Академіи, да еще будешь пить, то въ конецъ окретинишься.

— Да отстань ты, ради Бога!—жалобно протянулъ Рудневъ, находившійся въ томъ спокойномъ и благодушномъ періодѣ, когда пьяному только что начинаетъ казаться, что его тѣло занялъ кто-то другой.—Что ты ко мнѣ присталъ, какъ будто я тутъ одинъ... Вотъ приставай къ нему,—онъ указалъ на Муханова.—Взгляни какими глазами онъ на насъ смотритъ.

— Мухановъ что! Съ Мухановымъ — finita a comedia... Мухановъ былъ—и нѣтъ Муханова!—сказалъ Зоричъ съ прозорливостью, являющейся иногда у людей, много выпившихъ. — Ахъ, какая тоска! — продолжалъ онъ, потягиваясь и закидывая руки за голову.—А все оттого, что нѣтъ женщинъ. Тѣ тамъ обзавелись себѣ и воркуютъ, а у насъ тутъ одна на семерыхъ, да и та неудобоваримая...

— А ты послалъ бы узнать, нѣтъ-ли внизу,—посовѣтовалъ Рудневъ.

— Ахъ ты, академикъ! Ахъ ты, геній изъ моментовъ!—обрадовался Зоричъ.—Дай мнѣ сюда свою морду, я ее поцѣлую за эту блестящую идею... Только оботрись сперва, а то она у тебя слюнявая... Алексѣй!—крикнулъ онъ, отворяя дверь.—Что у васъ тамъ внизу есть женщины?

— Было много да разъѣхались. Теперь всего одна осталась,—отвѣтилъ явившійся на зовъ татаринъ.

— Кто?

— Не знаю, какъ зовутъ-съ. Новенькая.

— Новенькая—вотъ какъ? Хорошенькая?

— Какъ кому-съ,—усмѣхнулся татаринъ.

— И безъ тебя знаю—какъ кому-съ, болванъ этакій! Какъ по-твоему, спрашиваю.

— По мнѣ—тоща-съ.

— Тоща. Слышите? Какъ вамъ это нравится?... Тѣмъ лучше, контрастомъ Розѣ будетъ. Тащи ее живѣй.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась дѣвушка небольшого роста, худенькая, блѣдная, одѣтая въ черное и, встрѣченная шумными возгласами, остановилась въ нерѣшительности.

— Не бойтесь, не бойтесь, душенька,—сказалъ Зоричъ.—Это мы по васъ стосковались. Подойдите поближе... Ну-съ, душенька, прежде всего, какъ васъ зовутъ?

— Маня,—отвѣтила тихо дѣвушка.

— По отцу?

— Николаевна.

— Очень хорошо. Прекрасное имя. Люблю и Маней и Николаевъ... Теперь скажите намъ, миленькая, сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать.

— Вы, душенька, не прибавляете ли?—спросилъ Зо-

ричъ, съ сомнѣніемъ оглядывая ея худенькую, еще не сформированную фигуру.

— Въ іюлѣ будетъ восемнадцать,—отвѣтила дѣвушка, краснѣя.

— Изъ какихъ будете: изъ здѣшнихъ, или изъ какого другого мѣста?

— Здѣшняя.

— И это хорошо. Всегда предпочиталъ здѣшнихъ провинціальнымъ. Не такъ здоровы, зато нервовъ больше... А тѣ все рыбы какія-то... Ну-съ, а теперь скажите, моя прелесть, давно ли практикуете?

Дѣвушка не поняла и вопросительно глядѣла на Зорича.

— Я васъ, душенька, спрашиваю, давно ли, такъ сказать, изволили потерять невинность?—хихикая пояснилъ онъ, не сводя съ нея пристальнаго взгляда.

Дѣвушка вспыхнула. Потомъ углы ея рта опустились и въ глазахъ задрожали слезы. Не отвѣчая, она теребила пальцами платье.

Мухановъ еле сдерживался. Еще секунда—и онъ оборвалъ бы Зорича самымъ оскорбительнымъ образомъ. Но въ это мгновеніе раздался громкій, негодующій возгласъ Лены:

— Зоричъ, перестаньте! Какъ вамъ не стыдно? За что вы ее, бѣдную, довели до слезъ?... Пойдите, садитесь ко мнѣ,—продолжала она быстро, волнуясь.—Липскій, уступите ей мѣсто.

Настала минута томительнаго молчанія. Всѣмъ было неловко. На выручку пришелъ Хвостовъ, который до того углубился въ разсматриваніе только что принесенной бутылки шампанскаго, что, казалось, даже не замѣтилъ происшедшей сцены.

— Подлецы!—проговорилъ онъ вдругъ громко, но

спокойно.—Думаютъ—пьяны, такъ и можно всякую гадость подсовывать. Эй, кто тамъ!

Тягостная минута прошла, и взоры всѣхъ съ облегченіемъ обратились на говорившаго.

Хвостовъ всталъ и съ бутылкой вышелъ въ коридоръ.

— Эй, кто тамъ!—во всю силу своихъ могучихъ легкихъ крикнулъ онъ.

— Ну, будетъ теперь громъ и молнія,—замѣтилъ улыбаясь Даленъ.

Изъ сосѣднихъ кабинетовъ выглянули испуганныя лица. Въ концѣ коридора показалить лакеи, но, увидѣвъ Хвостова съ бутылкой въ рукѣ, мгновенно исчезли.

Хвостовъ размахнулся. Кружась и подпрыгивая по полу, полетѣла бутылка и, ударившись о косякъ входной двери, съ громкимъ звономъ разлетѣлась вдребезги.

— Il est vraiment magnifique ce Chvostoff!—съ увлеченіемъ проговорила Титинъ.—Voilà ce que j'appelle un homme.—Но замѣтивъ на лицѣ Напругова недовольное выраженіе, тотчасъ перемѣнила тонъ и, закативъ глаза, томно прошептала:

— Dis moi quelque chose de doux dans l'creux de l'oreille... Dis mon chat, veux tu?

— Chameau, va!—отвѣтилъ улыбаясь молодой офицеръ и, обласкавъ другъ друга взглядомъ, они нѣжно поцѣловались.

V.

Зоричъ подошелъ къ Марьѣ Николаевнѣ и, протягивая ей руку, сказалъ:

— Помиримтесь, не сердитесь... Я не ожидалъ, что на васъ это такъ подѣйствуетъ.

— Вотъ это хорошо,—обрадовалась Лена.—Садитесь на мое мѣсто, а мы съ дяденькой походимъ.

— Ну, что еще за фантазія—ходить,—проворчалъ недовольно Брянскій, чувствовавшій себя очень хорошо и сидя, къ тому же не вполнѣ увѣренный въ твердости своихъ ногъ.

— Нѣтъ, дяденька, пойдемте,—настоятельно повторила Лена.—Мнѣ очень нужно съ вами поговорить.

— Ахъ вы, тиранка, моя милая.—И съ трудомъ поднявшись, онъ подалъ молодой женщинѣ руку. Почувствовавъ, однако, что ходить онъ можетъ довольно свободно, ротмистръ подбодрился и, передернувъ молодцевато плечами, выговорилъ:—Всегда къ вашимъ услугамъ, красавица. Приказывайте.

— Дяденька, голубчикъ, — порывисто зашептала Лена,—что же это дѣлаетъ со мною Коля... Вѣдь онъ уже двѣ недѣли ко мнѣ не заглядывалъ... Вотъ и сегодня—обѣщалъ къ намъ перейти, а самъ ни съ мѣста, старается даже не глядѣть, а взглянетъ—то такими глазами, что страшно дѣлается... Двѣ недѣли—цѣлая вѣчность!—Дяденька, милый, помогите, поговорите съ нимъ.

Брянскій нахмурился и, помолчавъ, произнесъ:

— Поговорить... Легко сказать—поговорить. Вы думаете, съ нимъ легко говорить, особенно о такихъ вещахъ. Чуть что—на дыбы да такъ оборветъ, что мое почтеніе.

— Другому нельзя, а вамъ можно,—горячо возразила Лена.—Васъ онъ уважаетъ и любитъ. Сколько разъ онъ мнѣ говорилъ, что считаетъ васъ однимъ изъ самыхъ порядочныхъ офицеровъ въ полку. Вамъ можно.

Брянскій не отвѣчая продолжалъ крутить усы.

— Пожалѣйте меня... Вѣдь я за эти дни такъ из-

страдалась, такъ измучилась... А что, если онъ собирается меня бросить совсѣмъ?..

Она замолчала и широко открытыми, неподвижными глазами смотрѣла на Брянскаго. И вдругъ по ея щекамъ потекли крупныя слезы.

Брянскій не выносилъ женскихъ слезъ. Лицо его сморщилось, ротъ нервно задвигался. Онъ повертѣлъ шеей, вытянулъ манжеты и заговорилъ сурово:

— Не плачьте, пожалуйста, я васъ покорнѣйше прошу не плакать. Мнѣ, конечно, неизвѣстны намѣренія штабсъ-ротмистра Муханова, но если онъ... если онъ... Ну, да вообще, если онъ тамъ что-нибудь... то я, Алексѣй Брянскій, прямо скажу ему, что онъ... нехорошо поступаетъ... Даю вамъ честное слово офицера, я скажу ему это.

— Вы добрый, хорошій,— выговорила Лена, крѣпко пожимая ему руку.— Спасибо вамъ. А теперь — прощайте, пора.

Она подошла къ Муханову.

— Я уѣзжаю, Коля, прощай,— сказала она, протягивая ему руку.

Мухановъ вскинулъ на нее глазами, но тотчасъ же отвелъ ихъ въ сторону.

— Прощай, Лена.

— Ты... со мной не поѣдешь?—спросила она нерѣшительно, удерживая его руку.

— У меня ранній манежъ. Я буду ночевать у Далена,— отвѣтилъ онъ быстро заранѣе приготовленной фразой.

— Такъ что же? Тѣмъ болѣе... Вѣдь ты всегда прежде...

— Ахъ нѣтъ, это неудобно,— перебилъ онъ, морщась и отнимая руку.

— Неудобно?—повторила, вспыхнувъ, молодая женщина. Она помолчала и потомъ, понизивъ голосъ, сказала:

— Когда же ты пріѣдешь? Ты знаешь, ты у меня не былъ уже двѣ недѣли...

— Ахъ, Боже мой, двѣ недѣли. Подумаешь—цѣлая вѣчность,—иронически усмѣхнулся онъ.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить, Коля?

Голосъ ея задрожалъ и на глазахъ снова выступили слезы.

— Только, пожалуйста, безъ сценъ. Ты знаешь, я это ненавижу,—раздражительно выговорилъ онъ.—Если не былъ — значитъ, не могъ... Какъ-нибудь на-дняхъ заѣду,—добавилъ онъ мягче.

— Ну, прощай...— Она повернулась, чтобы уходить, но остановилась и нерѣшительно проговорила:—Ты на меня за сегодняшнее не сердись. Я не знала, что ты тамъ... я не пошла бы.

Мухановъ покраснѣлъ.

— Какъ это глупо. Съ чего ты выдумала, что я сержусь. Каждый воленъ ходить, гдѣ ему угодно.

— Я только говорю, что это вышло совсѣмъ нечаянно... Прощай.

Она пошла къ дверямъ. Вслѣдъ за нею поспѣшно вышелъ Липскій.

Мухановъ подошелъ къ Далену.

— Я—къ тебѣ. У меня сегодня ранній манежъ.

— Отлично,— отвѣтилъ Даленъ.

— Если ты хочешь ѣхать съ нею,—продолжалъ Мухановъ, указывая глазами на Анни, — пожалуйста, не стѣсняйся.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я очень радъ... Что жъ, пожалуй, и пора?

— Нашелъ! Нашелъ! Урра!—закричалъ вдругъ Щепинъ — совсѣмъ пьяный — сидѣвшій за столомъ лишь съ помощью поддерживавшей его Розы. Онъ держалъ пари съ Хвостовымъ, утверждавшимъ, что у Розы нѣтъ ни одного твердаго мѣста, и теперь, вѣроятно, найдя таковое, торжествовалъ.—Хвостовъ, попробуй.

Но Роза, имѣвшая на Щепина виды, а потому благосклонно относившаяся къ его поискамъ, никакъ не ожидала такого громогласнаго заявленія и быстро вскочила.

Щепинъ, лишившійся поддержки, закачался и свалился на полъ.

— Мертвое тѣло номеръ второй,— громко объявилъ Хвостовъ.—Ужъ этимъ тебѣ придется заняться,—обратился онъ къ Брянскому, — а мнѣ некогда... Господа, кто со мною на Офицерскую? Зоричъ, поѣдешь?

Но Зоричъ отрицательно махнулъ рукой. Онъ былъ весь погруженъ въ оживленный разговоръ съ Марьей Николаевной.

— Ну, готовъ, растаялъ, — презрительно сказалъ Хвостовъ.

— Пустите его ко мнѣ, — заискивающе выговорила Роза, подходя къ Брянскому, который при помощи лакеевъ собирался нести внизъ Щепина.

— Ишь чего захотѣла! Брысь! — оборвалъ ее Хвостовъ. — Вотъ его не хочешь ли? — И онъ указалъ на мирно спавшаго Засѣкина.

— Не смѣть!.. Отстаньте!.. — еле ворочая языкомъ, бормоталъ Щепинъ, отбиваясь отъ лакеевъ. — Хочу съ Хвостовымъ... на Офицерскую... Хвостовъ молодецъ! Хочу съ Хвостовымъ!

Когда всѣ ушли, Роза подошла къ Засѣкину и, постоявъ нѣкоторое время въ нерѣшительности, осто-

рожно дотронулась до него рукой. Потомъ, видя, что онъ не просыпается, стала трясти его за плечо. Засѣкинъ открылъ глаза и мутнымъ взоромъ уставился на нарушительницу его покоя.

— Миленькій! Поѣдемъ ко мнѣ, — ласково проговорила Роза, нѣжно улыбаясь.

— Отстань! — сердито произнесъ офицеръ и опять закрылъ глаза.

— Ну, миленькій, поѣдемъ. — И Роза схватила его за руку, стараясь приподнять.

— Ступай къ чорту! — заревѣлъ Засѣкинъ. — Разнесу!—И онъ сталъ приподниматься.

Роза испуганно отскочила, а Засѣкинъ повернулся на другой бокъ и мгновенно захрапѣлъ.

— Schwein!—проговорила съ сердцемъ Роза. Оглядываясь на двери, она стала поспѣшно набивать карманы оставшимися въ вазахъ фруктами и конфектами.

VI.

Было совсѣмъ свѣтло, когда Мухановъ и Даленъ вышли изъ ресторана. Начиналось гнилое утро гнилого, петербургскаго, весенняго дня; но за ночь подморозило, и шаги молодыхъ людей, рѣшившихъ пройти пѣшкомъ до казармъ, гдѣ жилъ Даленъ, гулко раздавались по пустынной улицѣ. Сонный городовой вытянулся передъ офицерами, подобострастно заглядывая имъ въ лицо: немало подачекъ перепадало ему отъ пьяныхъ компаній. Настойчиво лѣзли въ глаза магазинныя вывѣски, днемъ какъ-то незамѣчаемыя. Теперь же обиліе ихъ поражало. Мухановъ началъ-было машинально ихъ считать, но вскорѣ брезгливо поморщился и, поправивъ на головѣ фуражку, проговорилъ:

— Кажется, Анни на меня надулась. Она, вѣроятно, думаетъ, что это я помѣшалъ тебѣ съ нею ѣхать.

— А пускай себѣ,—равнодушно отозвался Даленъ.— Впрочемъ, врядъ ли: она къ этому привыкла, я ее не балую... Нельзя, голубчикъ, — продолжалъ онъ, усмѣхаясь: — Надо же и для другихъ оставить. — Онъ помолчалъ и потомъ небрежно добавилъ:—Ты знаешь, у меня вчера была Каширова.

— Въ первый разъ? Поздравляю. Только... что ты въ ней нашелъ? По-моему — форменная рожа.

— Quel corps, mon cher, quel corps! — съ паѳосомъ произнесъ Даленъ.—И масса страсти... Настоящая вакханка.

— И этого достаточно?

Даленъ замедлилъ шагъ и проговорилъ насмѣшливо:

— А по-твоему мало? Эхъ, душа моя! Одинъ говоритъ — тѣло, другой — хорошенькое личико, третій, за отсутствіемъ того и другого, толкуетъ объ умѣ, добромъ сердцѣ, симпатичности... А суть — все та же. Одни лишь откровенны, прочіе же обманываютъ и себя и другихъ.

— Не согласенъ,—возразилъ Мухановъ.—Для меня, напримѣръ, одного тѣла мало.

Сонная кляченка, съ соннымъ извозчикомъ и сонными сѣдоками — мужчиной и дамой — еле двигаясь, медленно перегоняла ихъ. Извозчикъ, распустивъ вожжи, клевалъ носомъ, переходя постепенно изъ прямого положенія въ наклонное. Когда его голова почти достигала зада лошади и казалось, что вотъ-вотъ онъ свалится,—онъ сразу, словно на пружинахъ, выпрямлялся, руки безсознательнымъ движеніемъ старались подобрать вожжи, а ротъ издавалъ какой-то неопредѣленный звукъ понуканія; но, вслѣдъ за этимъ, голова тотчасъ же

снова опускалась, а тѣло неравномѣрными толчками начинало описывать дугу. Мужчина въ цилиндрѣ, уйдя лицомъ въ поднятый мѣховой воротникъ, довольно старательно слѣдовалъ примѣру извозчика, выпрямляясь каждый разъ, какъ его цилиндръ тыкался въ спину возницы. Сидѣвшая рядомъ дама, въ вязанномъ платкѣ поверхъ шапочки, и съ усталымъ лицомъ, оглядѣла, прищурившись, офицеровъ, напрасно стараясь придать соннымъ глазамъ кокетливое выраженіе.

— Самообманъ! Самообманъ!— махнувъ рукой, протянулъ Даленъ, дѣлая по привычкѣ глазки сонной барынѣ.

— Такъ-ли?— возразилъ вдумчиво Мухановъ, котораго предметъ разговора, видимо, интересовалъ.— Мнѣ кажется, ты не найдешь двухъ людей, которые одинаково объ этомъ думали бы или, вѣрнѣе, одинаково чувствовали. Ты говоришь—тѣло...

Шумъ приближавшагося экипажа прервалъ теченіе его мыслей. Быстро нагоняя офицеровъ, мчался полковой извозчикъ, Петька, лошадь котораго—маленькая и на видъ невзрачная—летѣла, какъ стрѣла. На дрожкахъ сидѣлъ Хвостовъ, въ разстегнутомъ пальто и съ фуражкой на затылкѣ, поддерживая Руднева, склонившагося къ нему на плечо. Поравнявшись съ товарищами, Хвостовъ что-то крикнулъ и махнулъ рукой.

— Вотъ счастье этому Петькѣ,—замѣтилъ Даленъ.— Ты знаешь, онъ самъ говоритъ, что менѣе двадцати рублей въ день никогда не зарабатываетъ, а ѣздитъ не ахти, какъ много... Смотри, смотри!—вдругъ вскрикнулъ онъ, останавливаясь.—Они его давить хотятъ.

Теперь Петька быстро нагонялъ только что проѣхавшаго извозчика, направляя лошадь прямо на него, такъ что, казалось, онъ сейчасъ на него налетитъ.

Однако, во-время свернувъ, онъ обрѣзалъ его вплотную. Въ то же мгновеніе рука Хвостова поднялась, опустилась, и цилиндръ господина въ мѣховомъ воротникѣ превратился въ блинъ.

Сонный транспортъ встрепенулся. Барыня испуганно взвизгнула и ухватилась за извозчика. Послѣдній натянулъ машинально вожжи и глупо, ничего не понимая, смотрѣлъ вслѣдъ уносившимся. Кляченка тотчасъ же и съ удовольствіемъ остановилась, а господинъ, бормоча проклятія, старался освободиться отъ надвинутаго на носъ цилиндра.

— Ты зачѣмъ же это остановился, каналья! — накинулся онъ на извозчика.—Должно быть, за одно съ этими негодяями, а?. Вотъ я тебя въ участокъ отправлю, тамъ поговоришь... Да трогай же, с.... с....!—И, размахнувшись, онъ далъ ему въ шею. Равнодушно ткнувшись впередъ, извозчикъ зачмокалъ губами, и кляченка, выразивъ свое неудовольствіе взмахомъ хвоста, неохотно двинулась рысью.

— Что за безобразіе!—произнесъ Мухановъ, сердито глядя на хохотавшаго Далена.—И что тутъ смѣшного?. Раздавить ни съ того, ни съ сего шляпу на головѣ соннаго человѣка... Ахъ, какъ хорошо!

— Ха-ха-ха! — продолжалъ покатываться Даленъ. — Вотъ жалость, что мы не были поближе. Воображаю, какія у нихъ у всѣхъ были физіономіи... Ха-ха-ха!

Мухановъ невольно усмѣхнулся, но не возражалъ. Ему не хотѣлось спорить. Онъ думалъ о только что прерванномъ разговорѣ. Но мысли путались въ усталой головѣ, и онъ старался въ нихъ разобраться.

Они молча дошли до казармъ и поднялись во второй этажъ, гдѣ была квартира Далена.

— Послушай, — сказалъ Мухановъ, снимая сюртукъ

и ложась на диванъ,—спать я не буду, не стоитъ. Если ты не очень усталъ, вели-ка дать чаю и поболтаемъ.

— Что жъ, можно, — согласился Даленъ. Мнѣ все равно. У меня свободный денъ, могу спать хоть до обѣда. Вотъ разоблачусь только.

Онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату и скоро вернулся въ малиновомъ бархатномъ халатѣ, на свѣтлоголубомъ шелку.

— А у меня до тебя есть просьба, — сказалъ онъ, вставъ передъ зеркаломъ и внимательно себя оглядывая. — Ахъ ты гадость какая! Смотри, пожалуйста: на локтяхъ уже лосниться сталъ, — замѣтилъ онъ вдругъ недовольно.

— Что-жъ, онъ у тебя завѣтный какой?—усмѣхнулся Мухановъ.

— Нельзя, голубчикъ. Самая важная одежда... tenue de combat. Ничего не подѣлаешь, придется новый заказывать.

Онъ легъ на кушетку и закинулъ руки за голову.

— Надо письмо писать, — сказалъ онъ, улыбаясь глазами.

— Кашировой?

— Да.

— Въ какомъ родѣ?

— Въ какомъ родѣ?— Даленъ помолчалъ, уставивъ глаза въ потолокъ.— Въ родѣ... благодарственно-сентиментальномъ. Она, кажется, любитъ играть въ чувство... Впрочемъ, главное я тебѣ набросаю.

Даленъ зналъ основательно только нѣмецкій языкъ и въ болѣе важныхъ случаяхъ всегда просилъ Муханова сочинять ему письма.

Мухановъ приподнялся на локтѣ.

— Ты говоришь—тѣло,—началъ онъ.—Я не спорю, можетъ быть, для тебя и для нѣкоторыхъ другихъ тѣло—главное. Но ты утверждаешь, что для всѣхъ это такъ. Вотъ противъ такого-то обобщенія я и протестую,—протестую потому, что хотя бы у меня, напримѣръ, это происходитъ совсѣмъ по-иному... А затѣмъ я убѣжденъ, что такъ, какъ чувствую я, чувствуетъ большинство, ты же и тебѣ подобные являются исключеніемъ... Погоди,—сказалъ онъ, замѣтивъ что Даленъ сдѣлалъ протестующее движеніе,—дай объяснить... Но прежде, такъ какъ я не совсѣмъ понимаю... скажи мнѣ только одно... но сначала подумай и скажи вполнѣ откровенно... Вотъ ты теперь достигъ у Каширoвой того, къ чему стремился... Скажи мнѣ, что ты къ ней чувствуешь. Ну, само собой, ты чувствуешь удовлетвореніе, достигнувъ цѣли, физическое наслажденіе обладанія... Но кромѣ всѣхъ этихъ вполнѣ понятныхъ ощущеній, чувствуешь ты къ ней еще что-нибудь? Только, пожалуста, отвѣчай откровенно.

— Да ничего рѣшительно,—сказалъ, усмѣхаясь, Даленъ.—Пожалуй, впрочемъ, чувствую благодарность за то, что выбрала именно меня... Да и то—выбрала, потому что нравлюсь.

— Стало быть, если твое первое свиданье съ нею будетъ и послѣднимъ—тебѣ все равно?

— То есть, какъ все равно? Нѣтъ. Мнѣ будетъ жаль, что я упустилъ женщину съ такими выдающимися... спеціальными достоинствами.

— И больше ничего?

— И больше ничего.

— И всегда это у тебя такъ?

— Всегда.

— И ты называешь это любовью?

Даленъ зѣвнулъ.

— Ты, кажется, хотѣлъ задать одинъ вопросъ, а ужъ задалъ съ десятокъ... Любовь... Что такое любовь?

VII.

Наступило молчаніе. Мухановъ недовѣрчиво смотрѣлъ на товарища. Наконецъ онъ выговорилъ тихо, словно про себя:

— Этого не можетъ быть... Читалъ же ты... ну, романы...

— Ахъ, Боже мой, романы! Романы всѣ врутъ и вдобавокъ скверно врутъ. Каждый любовный романъ это лживая идеализація простого животнаго чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Неправда!—горячо произнесъ Мухановъ.—Слушай... Ты встрѣчаешь женщину—прежде ты никогда ее не видѣлъ,—и внутри тебя что-то перевертывается, образуется какая-то большая пустота и въ эту пустоту врывается она, эта женщина, и властно заполняетъ ее всю. Ты самъ перестаешь существовать. Тебя нѣтъ. Твое я—это она. И кругомъ ничего нѣтъ. Она все, весь міръ. Она твой богъ, твоя радость, твой мучитель... Видѣть, слушать ее—блаженство, быть вдали отъ нея—смерть. Улыбнется она—ты счастливъ, взглянетъ сердито — сердце холодѣетъ. Съ ней — солнце, тепло, жизнь... И потомъ—нѣжность глубокая, необъятная нѣжность... Взять, унести, баюкать, лелѣять... Все ей отдать, жизнь отдать... Но вотъ—она смотритъ на другого, улыбается другому, и бѣшеное страданіе заливаетъ душу... „Глупо, глупо", говоритъ разумъ. „Вѣдь она тебя любитъ, и ты знаешь это". Но волны растутъ, растутъ... И вдругъ ничего нѣтъ, и ты блаженно, безсмысленно улыбаешься: проходя мимо, она

незамѣтно для другихъ прикоснулась къ твоей рукѣ... А встрѣчи?.. внезапныя встрѣчи, когда сердце стремительно падаетъ, а потомъ начинаетъ биться такъ сладостно... Ну при чемъ тутъ тѣло, желалъ бы я знать?..

Мухановъ вскочилъ съ дивана и остановился передъ Даленомъ.

— Я знаю, — продолжалъ онъ, — что все кончается этимъ и должно такъ кончиться. Но что же изъ того? Развѣ я объ этомъ думаю, стремлюсь къ этому? Чѣмъ сильнѣе люблю, тѣмъ меньше думаю... Не вѣришь? Погоди... Я зналъ двухъ женщинъ, двухъ сестеръ... Давно это было, я былъ совсѣмъ еще юнъ... Одна изъ нихъ—старшая—была настоящая красавица, съ огромною жаждою жизни и счастья, другая—гораздо хуже лицомъ—была больна съ самаго дѣтства, и въ то время, когда я съ ними познакомился, доктора уже успѣли приговорить ее къ смерти, Я нравился обѣимъ. Мнѣ стоило сказать слово—и старшая была бы моею..... А я... я полюбилъ вторую, полюбилъ сильно и... безнадежно,—безнадежно не въ смыслѣ чувства — она также меня любила—а въ смыслѣ тѣла, такъ какъ зналъ, что никогда обладать ею не буду. И это продолжалось около двухъ лѣтъ, и когда она умерла, я чуть съ ума не сошелъ.

Онъ замолчалъ и невидящимъ взглядомъ уставился въ уголъ комнаты.

— Теперь я повторю твой вопросъ: И ты всегда такъ любишь?—сказалъ Даленъ.

Мухановъ встрепенулся.

— Всегда ли? Да, всегда, — отвѣтилъ онъ рѣшительно, тряхнувъ головой.—Конечно, и мнѣ иногда нравится женщина просто, какъ самка; затѣмъ бываетъ разница въ силѣ чувства... иной разъ любви одна капля;

но въ такихъ случаяхъ я никогда и не скажу, что люблю... Такъ, маленькое увлеченьеце.

— Да вѣдь такъ любить—это несчастіе, вѣдь ты горишь,—нетерпѣливо выговорилъ Даленъ.

— Несчастіе?.. О, нѣтъ! Это-то и есть счастіе. Горю? Такъ что же? Говорятъ, жизнь—горѣніе. А любовь—это жизнь. Нѣтъ любви—и все мертво, пусто... О, какъ хорошо мнѣ знакома эта тоска, сосущая сердце, когда оно не любитъ... эта гнетущая жажда любви. Нѣтъ, любить—это жить, любовь—это счастіе, а несчастіе—въ другомъ...

Мухановъ нервными шагами заходилъ по комнатѣ. Невольно его волненіе сообщилось и Далену, который теперь уже не зѣвалъ, а, сидя на кушеткѣ, молча и пытливо вглядывался въ товарища.

— Ну, хорошо,—заговорилъ опять Мухановъ:—Вотъ ты любишь, любишь глубоко и сильно. И тебя любятъ. Сердце спокойно и ты счастливъ. Но вдругъ въ одно скверное утро ты просыпаешься и замѣчаешь, что что-то не то, что тебѣ какъ будто чего не достаетъ... Проходитъ еще нѣкоторое время—и ты прямо уже видишь, что любви нѣтъ, что она исчезла,—исчезла такъ же внезапно и безпричинно, какъ и явилась. Напрасно копаешься ты въ сердцѣ, чтобы найти въ немъ хоть угольки отъ того пламени, которымъ еще такъ недавно оно было объято. Иногда и кажется, что ты ихъ нашелъ, что они еще существуютъ и тлѣютъ... но напрасно дуешь ты на нихъ—пламени нѣтъ. А нѣжность? Это необъятное и, казалось, бездонное море нѣжности, окружавшее ее, твою любовь, со всѣхъ сторонъ, которымъ она дышала и жила—гдѣ оно? Оно высохло до дна, ни единой капли въ немъ нѣтъ... Одно живое чувство осталось—жалость... Недавнее божество, на которое ты мо-

лился, за которое жизнь готовъ былъ отдать, превратилось въ чужую женщину... И не говори ты мнѣ, что это понятно, что я разочаровался, что я любилъ въ ней свою идею, свое представленіе; что всѣ ея недостатки, прежде, за угаромъ любви, незамѣтные, выплыли теперь наружу; что я въ ней ошибся; что она сама, наконецъ, измѣнилась... Неправда, неправда! Все это ложь! Я никогда себѣ не представлялъ ее иною, чѣмъ она есть; ея недостатки — я всегда ихъ зналъ, а потому ни разочарованія, ни ошибки быть не могло... И не измѣнилась она нисколько: такая же любящая, нѣжная, преданная, такая же чистая и правдивая; та же красота молодого тѣла, та же одуряющая и захватывающая страсть здороваго любящаго существа... Все, все — то же—и совсѣмъ чужая. Полное равнодушіе, а къ тѣлу... къ тѣлу... страшно вымолвить, даже — отвращеніе. И вотъ, когда у тебя все ушло, а тамъ все осталось; когда ты пересталъ любить, а тебя любятъ попрежнему; когда у тебя—ледъ, а тамъ—огонь; когда ты видишь и чувствуешь, какъ тамъ страдаютъ и мучаются... жалѣешь, выбиваешься изъ силъ, чтобы выжать изъ сердца хоть каплю чувства, а сердце твое похоже на высушенную губку,—и ты ничего, ничего не въ состояніи сдѣлать,—вотъ гдѣ несчастіе и ужасъ!.. Ты отнимаешь жизнь у той, за которую мѣсяцъ назадъ свою готовъ былъ отдать... Это нелѣпо, гадко, подло!

Мухановъ топнулъ ногой и, сложивъ руки, сильно хрустнулъ пальцами.

— Но разъ это отъ тебя не зависитъ, чѣмъ же ты виноватъ?—замѣтилъ успокоительно Даленъ, понимавшій, что горячность товарища происходитъ не отъ простого увлеченія разговоромъ, а вызвано болѣе серьезными причинами.

— Отъ этого не легче! — махнулъ рукой Мухановъ.

— А потомъ,—продолжалъ Даленъ, желая перевести разговоръ на болѣе общую почву,—все-таки выходитъ, что я правъ. Если, какъ ты говоришь, въ нравственномъ отношеніи никакихъ перемѣнъ не произошло, нѣтъ ни разочарованія, ни ошибки, то, очевидно, пріѣлось тѣло и, стало быть, въ немъ—вся суть.

Мухановъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Ахъ, Господи! Да вѣдь и тѣло не измѣнилось. И почему непремѣнно тѣло пріѣлось? А, можетъ быть, душа? Вотъ ты семь лѣтъ живешь съ Анни и, конечно, никогда не чувствовалъ къ ней отвращенья, иначе, надо полагать, давно разстался бы съ нею. А я...

Онъ не договорилъ и, махнувъ рукой, легъ опять на диванъ.

— И, въ концѣ концовъ, приходишь къ убѣжденію,— уже спокойнѣе и слѣдуя теченію своихъ мыслей выговорилъ онъ,—что на вопросъ „почему"? единственный отвѣтъ—потому... потому, что это такъ, и больше никакихъ.

Онъ помолчалъ и вдругъ улыбнулся.

— Представь себѣ двѣ струны, настроенныя въ унисонъ, но не односоставныя. Онѣ носятся въ пространствѣ между милліонами другихъ струнъ, сталкиваются съ ними, расходятся... Но вотъ онѣ встрѣтились, задрожали, остановились—и пѣснь любви началась. Но составъ ихъ разный: пока одна продолжаетъ звучать почти такъ же сильно, какъ вначалѣ,—звукъ другой становится все слабѣе и, наконецъ, замолкаетъ совсѣмъ. Струна освобождается и снова подхватывается вихремъ, опять носится въ пространствѣ до тѣхъ поръ, пока новая встрѣча съ унисонною струной снова ее не остановитъ. Но можетъ случиться, что встрѣтятся струны

не только настроенныя на одинъ ладъ, но и односоставныя... Не можетъ же быть, чтобы въ числѣ милліоновъ струнъ не нашлось бы и такихъ... Что же тогда? Надо полагать, что, встрѣтясь и задрожавъ, онѣ будутъ звучать вѣчно, хотя съ теченіемъ времени все слабѣе, конечно... И не въ этомъ ли все? Назначеніе струны дрожать и звучать. Нѣмая—она носится и ищетъ, найдетъ—зазвучитъ и остановится; умолкнетъ—опять понесется,—а конецъ—или встрѣча со струной и унисонною и односоставною, которая остановитъ ее навсегда, или—потеря способности звучать отъ старости и слабости.

Онъ замолчалъ, потянулся и взглянулъ на часы.

— Вотъ и проболтали. Пора отправляться... И тоска же этотъ манежъ.

Выпивъ залпомъ остывшій чай, онъ сталъ надѣвать сюртукъ.

— А ты пусти его въ трубу,—сказалъ Даленъ.—Право. Я сейчасъ велю тебѣ постлать и мы зададимъ такую высыпку, что чудо. А?

— Это чтобы меня на лишнее дежурство нарядили... какъ мальчишку? Нѣтъ ужъ, слуга покорный. Прощай.

Онъ надѣлъ шашку и, придерживая ее рукой, сталъ спускаться съ лѣстницы.

VIII.

Липскій нагналъ Лену въ концѣ коридора.

— Вы со мной даже проститься не хотѣли, — сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Я чувствовала, что вы за мной выскочите,—отвѣтила насмѣшливо молодая женщина.

— Вы позволите васъ проводить?

— Въ четыре часа ночи... Зачѣмъ это?

— Ну, какъ хотите,—сказалъ Липскій со вздохомъ.— А все-таки я васъ провожу.

Онъ посадилъ Лену въ карету и велѣлъ своему кучеру ѣхать сзади. Когда карета свернула на Литейную, онъ ее перегналъ, вышелъ у подъѣзда одного изъ новыхъ домовъ и отворилъ дверцу.

— Пустите меня къ себѣ,—проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.—На минуту...

— Да что съ вами сегодня? Вы должно быть пьяны!— рѣзко выговорила молодая женщина.

Липскій вспыхнулъ.

— Простите, больше не буду,—проговорилъ онъ смиренно.—Дайте ручку... пожалуйста.

Съ грустною усмѣшкой протянула Лена руку.

— Я къ вамъ завтра пріѣду,—прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ, задерживая руку.

— Ахъ, Липскій! Охота вамъ... Только себя...

Она не договорила и быстро вошла въ дверь, отворенную заспаннымъ, всклоченнымъ швейцаромъ.

— А Николая Николаевича опять нѣтъ?—ворчливо встрѣтила ее горничная Маша.—Ну, порядки!

— У Николая Николаевича—манежъ,—тихо, словно извиняясь, сказала Лена.

— Манежъ!—иронически повторила Маша, и Лена почувствовала, что эта причина представляется Машѣ такою же малоуважительной, какъ и ей самой.

Очевидно, и Маша не забыла еще, какъ Мухановъ именно предъ утреннимъ манежомъ всегда ночевалъ на Литейной, находя это очень удобнымъ. Въ такія ночи Лена совсѣмъ не ложилась, будила его во время и поила кофеемъ. Они пили его на диванѣ у низенькаго столика. Близко прижималась Лена къ своему ми-

лому, считала его глотки и раздѣляла ихъ поцѣлуями. Иногда небольшой чашки хватало на двадцать глотковъ, и Лена торжествовала, а Мухановъ опаздывалъ въ манежъ. Зато, какъ сердилась она, когда, желая ее подразнить, онъ выпивалъ сразу чуть не полъ-чашки. Она вырывала тогда чашку и дополняла ее, увѣряя, что такой большой глотокъ не считается. Обыкновенно въ такія утра Мухановъ бывалъ въ духѣ и всегда говорилъ, что очень ихъ любитъ. Вотъ почему сегодняшній его отказъ такъ огорчилъ Лену. „Ужъ если онъ находитъ теперь неудобнымъ то, что прежде такъ любилъ—чего-же ожидать дальше?“ съ тоскою думала она, медленно раздѣваясь. Наливъ въ рюмку воды, она накапала капель и выпила. „Хоть бы заснуть скорѣй, забыться“. Но напрасно закрывала она усталые глаза, напрасно старалась не думать—печальныя, горькія мысли, тучею, казалось, собравшіяся у ея изголовья,—то одна за другой, то сразу нестройной толпою—врывались въ усталую голову, властно распоряжаясь тамъ. Сердце, полное тоски, то замирало такъ, что еле было слышно, то начинало биться съ такою силой, что Лена невольно хваталась за грудь. Вдругъ гдѣ-то скрипнула дверь. Лена вздрогнула, повернулась къ стѣнѣ и закрыла лицо одѣяломъ.

Неслышно ступая войлочными туфлями, со свѣчею въ рукѣ, вошла въ комнату высокая, полная женщина, въ ночной кофтѣ, съ акуратно-заложенными въ бѣлый чепецъ сѣдыми волосами. Ея старое, но довольно еще свѣжее лицо дышало спокойнымъ добродушіемъ, было красиво той особенной старческой красотою, являющейся внѣшнимъ отраженіемъ красоты душевной. Осторожно подошла она къ постели, прислушалась—Лена, собравъ всѣ силы своей воли, дышала ровно и спо-

койно—осѣнила подушку широкимъ крестомъ и, прикоснувшись губами къ курчавой головкѣ, тихо удалилась.

Лена съ облегченіемъ вздохнула. „Бѣдная мама", думала она. „Хочетъ казаться спокойною, говоритъ, что все это предвидѣла, что все это и должно было такъ кончиться, но сама внутренно не вѣритъ своимъ словамъ... Я же сердцемъ чую горе, но сознательно не могу и не хочу допустить... И такъ, жалѣя и любя, мы другъ друга обманываемъ... Но къ чему къ моимъ мукамъ прибавлять ея страданія"...

Она стала, какъ будто, поспокойнѣе, сердце билось ровнѣе, но сонъ не приходилъ. Лежа на спинѣ, широко открытыми глазами смотрѣла она въ полумракъ комнаты. Настоящее стало тускнѣть, заволакиваться, и какъ-то само собой, независимо отъ воли и желанія, ея утомленнымъ мозгомъ завладѣло прошлое, до встрѣчи съ Мухановымъ—очень несложное.

Лена была дочерью армейскаго офицера, умершаго, когда ей было пять лѣтъ, отъ ранъ, полученныхъ въ послѣднюю турецкую кампанію. Благодаря этому обстоятельству, матери Лены — Настасьѣ Ивановнѣ, удалось помѣстить дочь въ Патріотическій институтъ. По окончаніи института Лена вернулась къ матери. Жили онѣ на небольшую пенсію и Лена стала давать уроки. Мать ее обожала. И такъ спокойно и въ общемъ счастливо прошли четыре года, а на пятый—Лена встрѣтила Муханова.

Настасья Ивановна считала необходимымъ изрѣдка развлекать дочь. Лена любила лошадей, и разъ въ мѣсяцъ мать возила ее въ циркъ. Однажды въ субботу, гуляя во время антракта по конюшнѣ, Лена на что-то зазѣвалась и налетѣла на молодого офицера, разгова-

ривавшаго у сосѣдняго стойла съ бритымъ господиномъ, въ синемъ фракѣ. То былъ Мухановъ, которому давно нравилась одна лошадь—рыжая, съ бѣлыми гривой и хвостомъ; но за нее просили слишкомъ дорого, цѣну спускали медленно, и онъ каждый разъ, какъ бывалъ въ циркѣ, приходилъ на нее посмотрѣть и еще разъ поторговаться. Мухановъ еле успѣлъ посторониться и съ улыбкою смотрѣлъ на растерявшуюся дѣвушку. Глаза ихъ встрѣтились, и Лена почувствовала какъ подъ пристальнымъ и любопытнымъ взглядомъ офицера, лицо ея покрывается густой краской. Она сдѣлала нетерпѣливую гримасу и, схвативъ Настасью Ивановну за руку, направилась изъ конюшни. Мухановъ внимательно поглядѣлъ имъ вслѣдъ, потомъ, простившись съ англичаниномъ, хозяиномъ лошади, пошелъ за ними. Онъ узналъ, что онѣ сидятъ во вторыхъ мѣстахъ, наискось отъ его ложи, и всю вторую часть представленія почти не сводилъ бинокля съ дѣвушки. Въ свою очередь и Лена, занявъ мѣсто, стала искать глазами молодого офицера, а когда нашла и увидѣла устремленный на нее бинокль, опять смутилась и покраснѣла; но съ этой минуты тщетно старалась вернуть интересъ къ зрѣлищу. То, что дѣлалось внизу, на кругу, усыпанномъ пескомъ, перестало ее занимать. Забавныя выходки пестрыхъ клоуновъ не вызывали болѣе ни взрывовъ веселаго смѣха, ни даже простой улыбки, а производили впечатлѣніе какого-то пошлаго кривлянья; лошади съ деревянными, обтянутыми замшею досками на спинѣ, размѣреннымъ галопомъ двигавшіяся по барьеру и представлявшіяся прежде такими умными, почтенными созданіями, казались теперь старыми вылинявшими клячами, которыхъ механически завели, чтобы онѣ двигались извѣстное число круговъ опре-

дѣленнымъ аллюромъ; красивая, изящная съ обворожительной улыбкой наѣздница, съ такою воздушною легкостью перелетавшая черезъ длинныя разноцвѣтныя полосы и такъ храбро прорывавшая папиросную бумагу, натянутую на обручи, превратилась въ накрашенную чухонку, съ безсмысленной, дѣланной усмѣшкой на нагломъ лицѣ, а ея толстыя, затянутыя въ трико тѣлеснаго цвѣта ноги вызывали теперь чувство стыда и гадливости. Когда же, наконецъ, на кругу появились семь великолѣпныхъ, одинъ въ одинъ, вороныхъ жеребцовъ, и смуглый, красивый господинъ во фракѣ и ботфортахъ, съ черными закрученными въ колечки усиками, началъ яростно потрясать длиннымъ бичомъ, а жеребцы, поднявшись на заднія ноги, стали не менѣе яростно бить по воздуху передними—и вся публика разразилась громомъ рукоплесканій,—послѣ чего красивый господинъ, снявъ цилиндръ, началъ съ достоинствомъ и какъ-то особенно благородно во всѣ стороны раскланиваться, вытирая платкомъ вспотѣвшую лысину,— Лена и совсѣмъ заскучала. Она все чаще и чаще взглядывала на ложу Муханова, а подъ конецъ, забывъ и гдѣ она, и все окружающее, стала смотрѣть туда не отрываясь, внутренно сердясь, что молодой офицеръ слишкомъ часто закрываетъ свое лицо биноклемъ. При разъѣздѣ она инстинктивно, ни разу не оглянувшись, чувствовала его присутствіе, чувствовала, что онъ слѣдуетъ за нею, знала, что онъ ѣдетъ сзади на извозчикѣ. Долго она удерживалась и не оглядывалась, но, наконецъ, повернула голову и тотчасъ его увидѣла: нагнувшись онъ смотрѣлъ на нее изъ-за спины извозчика. И Лена стала такъ часто оборачиваться, что вызвала недоумѣвающее замѣчаніе Настасьи Ивановны, что у ней, вѣроятно, судороги въ шеѣ. Поднявшись до дверей

квартиры, Лена вдругъ объявила, что надо сбѣгать въ булочную и, несмотря на увѣренія матери, что хлѣба еще съ утра осталось довольно, быстро спустилась съ лѣстницы. „Только бы не уѣхалъ!“ съ замираніемъ сердца думала она, поспѣшно проходя дворъ. За воротами она остановилась и чуть не расплакалась: на улицѣ никого не было.

То странное и непонятное, что зашевелилось въ душѣ Лены при первомъ взглядѣ на Муханова, что поднималось и росло во все время представленія, что заливало ея сердце горячимъ потокомъ крови и наполняло ее всю жгучимъ чувствомъ неиспытаннаго никогда блаженства,—все это сразу упало, исчезло. Ленѣ стало невыносимо грустно, и она съ поникшей головою и мертвымъ лицомъ вошла въ булочную. Вошла и застыла, и снова горячая волна крови залила ея лицо. У прилавка она увидѣла Муханова. Толстая, упитанная булочница-нѣмка—съ пріятною улыбкой размѣнивала ему крупную ассигнацію.

Долго пришлось Муханову пересчитывать полученныя деньги, такъ какъ нѣмка никакъ не могла добиться отъ Лены какого хлѣба и сколько ей нужно. Лена бормотала что-то совсѣмъ непонятное. Сначала нѣмка старалась понять и все переспрашивала, но потомъ сердито пожала плечами и, замѣтивъ въ рукѣ дѣвушки приготовленный двугривенный, стала класть хлѣбъ по своему усмотрѣнію. Получивъ мѣшокъ, Лена не поднимая глазъ, поспѣшно вышла. Мухановъ нагналъ ее подъ воротами.

— Ради Бога, одно только слово: гдѣ и какъ могу я васъ видѣть?

Лена остановилась. Она дрожала и все сильнѣе прижимала къ груди мѣшокъ съ хлѣбомъ.

— Какъ васъ зовутъ?—Онъ наклонился и осторожно дотронулся до ея руки.

Лена тихонько ахнула и выпустила мѣшокъ. Они быстро нагнулись оба. Лена почувствовала на своей щекѣ горячее дыханіе и подняла голову. Еще мгновеніе—и губы ихъ встрѣтились. У Лены закружилась голова, и она въ полузабытьѣ замерла на рукахъ молодого человѣка. Въ этомъ первомъ долгомъ, какъ вѣчность, и короткомъ, какъ мгновеніе—поцѣлуѣ Лена отдала Муханову всю свою душу.

На слѣдующій день они встрѣтились въ Лѣтнемъ саду, а черезъ мѣсяцъ Лена переѣхала на Литейную.

Настасья Ивановна, которой Лена какъ-то утромъ, мимоходомъ, очень спокойно и просто объявила, что сегодня она переѣзжаетъ, узнавъ о случившемся, сначала растерялась, такъ какъ ничего подобнаго не ожидала. Потомъ она не на шутку разсердилась и сказала, что не считаетъ ее больше своею дочерью, знать ее не хочетъ и уѣдетъ въ Москву. Но Лена отнеслась къ этому совершенно равнодушно. Казалось, если бы въ то время ей кто-нибудь объявилъ, что сейчасъ рухнетъ весь міръ, и она съ Мухановымъ останутся вдвоемъ—она и то не сморгнула бы. Не было границъ эгоизму молодого, сильнаго чувства, жертвующаго всѣмъ для одного. Никого и ничего не было, а былъ одинъ и въ этомъ одномъ было все.

На лагерное время Мухановъ нанялъ дачу въ Дудергофѣ. Это лѣто было счастливѣйшимъ временемъ въ жизни Лены. Ея глубокое, сильное чувство какъ нельзя лучше подошло къ нервной и страстной натурѣ Муханова, способнаго увлекаться до полнаго самозабвенія. Всегда акуратный и очень подтянутый въ служебномъ отношеніи, онъ махнулъ теперь па службу

рукой. Сначала ему ничего не говорили, зная въ чемъ дѣло и думая, что онъ скоро и самъ образумится; но наконецъ, командиръ полка, выведенный изъ терпѣнія его постоянными отлучками и опаздываньями, замѣтилъ ему въ присутствіи другихъ офицеровъ, что онъ очень удивленъ его страннымъ отношеніемъ къ службѣ, но что допускать этого далѣе онъ не можетъ и впредь будетъ подвергать его взысканіямъ. Мухановъ промолчалъ, но на слѣдующій же день, явившись къ генералу, заявилъ, что подаетъ въ отставку, а пока проситъ отпуска.

— Alors c'est serieux?—сказалъ, улыбаясь, генералъ и потомъ, подумавъ, прибавилъ—; Ну вотъ что я вамъ скажу: отправляйтесь-ка въ Дудергофъ, больше я васъ тревожить не буду... А на счетъ отставки, это вы напрасно. Изъ-за такихъ пустяковъ бросать полкъ не стоитъ. Да я васъ и не пущу: полкъ въ такихъ офицерахъ нуждается.

Послѣ лагерей Мухановъ взялъ двухмѣсячный отпускъ и поѣхалъ съ Леной въ Крымъ и только, вернувшись оттуда, онъ познакомилъ ее со своими товарищами. Она стала посѣщать театры, участвовать въ пикникахъ, бывать на ужинахъ и такимъ образомъ заняла мѣсто всѣми признанной Мухановской содержанки.

Лена не тяготилась своимъ новымъ положеніемъ. Она конечно слыхала, что „содержанка“ слово нехорошее, оскорбительное, но относила это нехорошее къ денежному вопросу. „Содержанка это женщина, которая любитъ ради денегъ“, думала она. „Но если Коля на меня тратится, то дѣлаетъ это для себя лично, а мнѣ ничего не надо: ни двухтысячной квартиры, ни лошадей, ни лакея во фракѣ“. А затѣмъ Лена думала еще, что разъ—какъ увѣряла Настасья Ивановна—

грѣшно любить человѣка, не будучи его женою, то ужъ совершенно безразлично, знають ли объ этомъ посторонніе или нѣтъ. Съ другой стороны, какъ товарищи Муханова, такъ и прочіе знакомые относилились къ Ленѣ иначе, чѣмъ къ остальнымъ „погибшимъ, но милымъ созданіямъ“. Иногда, впрочемъ, случались маленькія недоразумѣнія, но и къ нимъ Лена относилась спокойно и равнодушно. Такъ однажды, еще въ самомъ началѣ ея появленія въ публикѣ, одинъ изъ самыхъ лакированныхъ чиновничковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, нѣкто Бузиковъ, приглашенный однимъ изъ товарищей Муханова на ужинъ, гдѣ была и Лена, прислалъ ей на слѣдующее утро ложу въ балетъ, при визитной карточкѣ, на которой была выражена надежда, что Лена не откажется послѣ театра съ нимъ поужинать. У Лены какъ разъ въ это время сидѣлъ Мухановъ. Она смѣясь передала ему карточку, спрашивая надо ли отвѣчать и что именно.

— Брось въ каминъ—вотъ и все,—сказалъ сначала Мухановъ. — Нѣтъ, впрочемъ, давай сюда... Этихъ господъ надо учить.

Онъ взялъ билетъ и отдалъ его своему камердинеру съ разрѣшеніемъ пригласить съ собой, кого угодно. Тотъ пригласилъ своего друга повара, съ семействомъ. Крупскій, пріятель Муханова, которому послѣдній уступилъ на этотъ разъ свое кресло, говорилъ потомъ, что эффектъ вышелъ поразительный. Чиновнички — ихъ было нѣсколько — съ Бузиковымъ во главѣ, пріѣхавъ въ театръ всѣ вмѣстѣ съ какого-то обѣда и войдя съ побѣдоноснымъ видомъ въ сосѣднюю, съ присланною Ленѣ, ложу, черезъ нѣсколько времени выскочили изъ нея, какъ ошпаренные. Потомъ Бузиковъ кричалъ вездѣ, что вызоветъ Муханова на дуэль, но ограничился тѣмъ,

что пріѣхалъ къ Ленѣ съ извиненіемъ. Послѣ этого случая, такъ называемая, золотая молодежь стала относиться къ Ленѣ еще съ большей осторожностью.

„Когда же это началось... это... теперешнее?“ съ тоскою думала Лена, силясь припомнить всѣ подробности ихъ совмѣстной жизни за послѣдніе мѣсяцы. „Какъ, неужели уже тогда?..“ выговорила она вслухъ, даже приподнявшись на подушкѣ. Она еще разъ мысленно, провѣряя себя, проглядѣла прошлое, и по ея щекамъ потекли слезы. „А я то, глупая, думала, что это началось только теперь, недавно!“

Охлажденіе Муханова началось уже давно, подготовлялось исподволь, усиливалось постепенно. Уже большая разница была между первымъ и вторымъ лѣтомъ. Хотя Лена и второе лѣто проводила въ Дудергофѣ, но теперь Мухановъ снова обратился въ акуратнаго, исполнительнаго офицера, для котораго служба на первомъ планѣ. Прежде служба, а Лена потомъ, это было ясно, какъ день. Затѣмъ, послѣ лагеря Мухановъ, взявъ мѣсячный отпускъ, уѣхалъ одинъ. Положимъ, онъ поѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, куда ему неудобно было взять Лену... но кто-же его заставлялъ ѣхать именно въ имѣніе? Ну, а потомъ?.. Потомъ, хотя видѣлись они ежедневно, но ночевать Мухановъ оставался гораздо рѣже. Конечно, она это замѣтила тотчасъ... Богъ знаетъ, какъ ей было непріятно... Но она скорѣе умерла бы, чѣмъ дала замѣтить. Наконецъ онъ и вообще сталъ рѣже ѣздить, иногда они не видѣлись по нѣсколько дней. А вскорѣ послѣ Рождества—она хорошо помнитъ это — выдалась недѣля, впродолженіи которой онъ не былъ ни разу. Положимъ, онъ всегда извинялся, отговаривался то тѣмъ, то другимъ. Тогда она вѣрила, но теперь понимаетъ... Да и самъ онъ измѣнился: то со-

всѣмъ мертвый какой-то, ко всему равнодушный, то не въ мѣру раздражительный—слова сказать нельзя... Да, такъ все одно за другимъ, медленно, но безостановочно... Распадается цѣпь, такъ тѣсно, и казалось, крѣпко ихъ соединявшая... Холодная, мертвая, но всесокрушающая сила равнодушія разрушаетъ металлъ— и падаетъ звено за звеномъ... Много ли звеньевъ осталось еще?.. А затѣмъ? Конецъ... Всему конецъ.

Лена заметалась и застонала. Раздались быстрые шаги и въ комнату вошла Настасья Ивановна, уже одѣтая. Она подошла къ постели и наклонилась; но Лена успѣла повернуться къ стѣнѣ и укрыться одѣяломъ. Долго стояла Настасья Ивановна, вглядываясь и прислушиваясь. Когда же она тихо, на цыпочкахъ, вышла, Лена не измѣнила положенія. Дыханіе ея было спокойно и ровно. Она спала.

IX.

Галицкій остановился предъ тахтою, на которой, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ его товарищъ по университету Крупскій—красивый, моложавый брюнетъ, въ мундирѣ полковника генеральнаго штаба, — и выговорилъ съ недоумѣніемъ:

— Ты это серьезно?

Крупскій пожалъ плечами.

— До сихъ поръ ты, кажется, никогда не сомнѣвался въ моей наблюдательности,

Онъ цѣдилъ слова сквозь зубы, медленно, какъ будто съ трудомъ, и эта манера говорить представляла рѣзкій контрастъ съ острымъ, проницательнымъ взглядомъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ и нервной игрою остального лица.

Въ университетѣ они очень сдружились, несмотря на то, или быть можетъ благодаря тому, что во многихъ отношеніяхъ являлись крайними противоположностями. Потомъ ихъ дороги разошлись. Крупскій послѣ университета кончилъ двѣ академіи и былъ на пути къ блестящей карьерѣ; но онъ часто и подолгу гащивалъ у Галицкаго въ Нагорномъ, и дружба ихъ сохранилась.

Галицкій задумчиво качнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ жаль Николая.

У Крупскаго лобъ собрался въ складки. Онъ высвободилъ одну ногу и, опершись локтемъ о подушку, пытливо уставился на Галицкаго.

— Я зналъ, конечно, что мое сообщеніе тебя не убьетъ... Но такого равнодушія, признаюсь, не ожидалъ... Тебѣ жаль Муханова. Ха-ха-ха! Да это великолѣпно!

— Ты находишь, — сказалъ Галицкій усмѣхаясь, — что мужъ, которому объявили, что за его женой сильно ухаживаютъ, долженъ волноваться даже и въ томъ случаѣ, если онъ относится къ ней съ полнымъ равнодушіемъ?

— Отчасти да... Но тутъ всегда есть и другое... Que dira le monde?

— Oh, que dira le monde... Ты долженъ былъ бы, кажется, знать, что мнѣ это въ высокой степени безразлично. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ есть и еще одно обстоятельство...

Онъ замолчалъ и заходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ къ письменному столу и улыбаясь взглянулъ на Крупскаго.

— Не вижу никакихъ причинъ скрывать отъ тебя истиннаго положенія вещей,—началъ онъ медленно, —

тѣмъ болѣе, что не далѣе какъ сегодня утромъ я былъ у своего повѣреннаго и поручилъ ему начать дѣло... Мы разводимся.

— Ага!—крякнулъ Крупскій и даже привсталъ. — Вотъ это прекрасно. Давно слѣдовало.

— О томъ, что мы не сошлись, какъ говорятъ, характерами, ты знаешь. Я признаю лишь жизнь въ деревнѣ, Лидія же... ну, на Лидію деревенская жизнь подѣйствовала въ концѣ концовъ такъ, что она серьезно заболѣла, и нашъ докторъ—человѣкъ опытный и знающій—прямо объявилъ, что ее слѣдуетъ изъ Нагорнаго увезти. Одна ѣхать она не хотѣла, пришлось и мнѣ перебраться. Конечно, то была простая блажь, т. е. — нежеланіе переѣхать безъ меня—и впослѣдствіе можно было бы устроиться à l'amiable: она здѣсь, я тамъ. Такъ сначала я и полагалъ сдѣлать. Но тутъ внезапно произошло нѣчто уже совсѣмъ удивительное... Я—онъ чуть покраснѣлъ — я полюбилъ.

— Вѣру Юрьину... Отчего ты говоришь: „нѣчто удивительное?“ Я, напримѣръ, всегда былъ увѣренъ, что у васъ этимъ кончится.

— Да? Дѣлаетъ честь твоей проницательности... Тѣмъ не менѣе, для меня, повторяю, это было неожиданно и совсѣмъ измѣнило положеніе дѣла... Давъ Лидіи здѣсь оглядѣться и пустить, такъ сказать, ростки, я, вернувшись на Рождествѣ изъ Саратова, откровенно все ей объяснилъ и предложилъ разводъ. Она тотчасъ же согласилась,—вообще, отнеслась ко всему этому очень разумно и мило. Конечно, я ее обезпечиваю, но, все-таки, я ожидалъ капризовъ, ломаній, жалкихъ словъ и т. д. А вышло такъ гладко и хорошо, что теперь я чувствую къ ней большую благодарность.

Онъ замолчалъ, задумчиво улыбаясь.

— А все—деньги,—замѣтилъ Крупскій.—Представь себѣ, что ты не имѣлъ бы возможности ее обезпечить, что тогда?.. Какой неизсякаемый источникъ драмъ, трагедій, преступленій часто...

— Она меня просила только, чтобы это, пока, осталось между нами и чтобы я не начиналъ дѣла до весны. Хотя я не понималъ, зачѣмъ ей это, но такъ какъ не имѣлъ причинъ торопиться, то охотно согласился. Теперь же, послѣ твоихъ словъ о Николаѣ, я догадываюсь въ чемъ дѣло.

— А я и о другомъ догадываюсь, чего тоже прежде не понималъ... Вѣдь за ней ухаживаетъ не одинъ Мухановъ, очень пріударяетъ и Варваринъ.

— Какой? Нашъ? Этотъ накрахмаленный чиновникъ?—съ удивленіемъ прознесъ Галицкій.

— Онъ самый... Вотъ я и не понималъ, причемъ онъ тутъ, разъ на лицо Мухановъ. Теперь же это очень ясно. Варваринъ — на всякій случай, если не выгоритъ съ Мухановымъ. Она, преосторожная, твоя жена, право.

Онъ помолчалъ и потомъ, искоса взглянувъ на Галицкаго, медленно процѣдилъ:

— Интересное, однако, совпаденіе... Ты знаешь, что ея лучшій другъ, Илимова, также разводится.

— Да? Наконецъ-то... Вотъ ужъ кому давно слѣдовало... Хотя зная наше общество, ничему удивляться нельзя, тѣмъ не менѣе этотъ бракъ былъ для меня всегда загадкой... Я вѣдь зналъ Ольгу Илимову и зналъ хорошо еще барышней. Красавица, безспорно умная, съ характеромъ — какъ могла она выйти за такого господина, какъ могла переносить его потомъ, наконецъ? Вѣдь это прямо гадина — этотъ человѣкъ. Замѣть притомъ, что все состояніе—и очень большое—

ея, у него же — ни гроша... Что она завела себѣ любовниковъ — это неудивительно, и кто, зная ея мужа, можетъ упрекнуть ее въ этомъ; но зачѣмъ она продолжала съ нимъ жить — и такъ долго,—вотъ это совершенно непонятно.

То нерѣшительное, нѣсколько даже озабоченное выраженіе на лицѣ Крупскаго, съ которымъ онъ объявилъ Галицкому о разводѣ Илимовой, а потомъ слушалъ его, теперь исчезло. Глаза его ласково блеснули, а на лбу опять появились складки.

— Что касается до ея замужества, то въ немъ, главнымъ образомъ, виновата ея тетка. Ты ее помнишь? Отъ такой — въ петлю полѣзешь... Сверхъ того прими во вниманіе, что ея супругъ развернулся, т. е. превратился, какъ ты называешь — и совершенно справедливо — въ гадину уже потомъ; до свадьбы же былъ — jeune homme, какъ jeune homme, ничего особенно сквернаго, ничего хорошаго, такъ себѣ — нуль... а въ душу вѣдь не влѣзешь. Ну, а потомъ, послѣ свадьбы, когда онъ показалъ себя такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности — отдѣлаться отъ него стало дѣломъ ужъ не легкимъ. Во-первыхъ, лично онъ чувствовалъ себя прекрасно и добровольно развода не далъ бы, а, во вторыхъ, хотя Ольга женщина и умная, но съ головой погрязшая въ свѣтскомъ болотѣ: другой жизни, кромѣ свѣтской, она не понимаетъ и жить внѣ обычной среды и обстановки прямо не можетъ... Мораль же нашего милаго общества въ подобныхъ случаяхъ тебѣ извѣстна: при мужѣ — любовникъ допускается, это — дѣло мужа; безъ мужа — любовникъ — позоръ, и мы тебя знать не хотимъ. Такимъ образомъ Ольгѣ, чтобы сохранить свое положеніе въ „свѣтѣ“ необходимо было не только отдѣлаться отъ „гадины“,

но и найти себѣ другого мужа. Ну, а это было уже совсѣмъ трудно. Надо быть человѣкомъ рѣшительно безъ всякихъ предразсудковъ и очень увѣреннымъ въ себѣ, чтобы жениться на женщинѣ съ такимъ прошлымъ, да при этомъ обладать кое-какими данными и вообще, чтобы и она, въ свою очередь, пожелала выйти замужъ. А гдѣ у насъ такіе люди?

— Да это вѣрно,—согласился Галицкій.—Но теперь, значитъ, такой нашелся?

Крупскій кивнулъ головой.

— Кто-же?

Не отвѣчая, Крупскій вынулъ изъ длиннаго пѣнковаго мундштука докуренную папироску, тщательно погасилъ ее о край пепельницы и, акуратно вложивъ мундштукъ въ футляръ, положилъ его въ боковой карманъ. Потомъ, перегнувшись впередъ, сложилъ руки на колѣняхъ и пристально уставился на Галицкаго.

— Не догадываешься? — произнесъ онъ наконецъ, улыбаясь.

— Какъ, неужели? Ты?—вырвалось у того удивленнымъ восклицаніемъ.

— Ну, конечно. Другого не сыщешь... Предразсудковъ — нуль, самоувѣренности — масса, къ тому „çe que dira le monde“—равнодушіе не меньше твоего, по существу же вопроса — убѣжденіе, что море отъ того не опоганилось, что въ немъ собаки полакали... Впрочемъ, вотъ что, голубчикъ,—перемѣнилъ онъ тонъ: — я съ тобой разоткровенничался, а дѣло то еще въ будущемъ. Развода мы, конечно, добьемся... теперь какъ разъ подводимъ главную мину, но пока это еще большой секретъ. Смотри, не проговорись какъ-нибудь.

— Хорошо'—сказалъ Галицкій.—Но извини за вопросъ: зачѣмъ тебѣ понадобилось на ней жениться?

— Какъ зачѣмъ? Красивая, умная, съ большими деньгами... Да такая жена для меня—кладъ. Мы съ ней міръ завоюемъ.

— Такъ. Одинъ расчетъ, значитъ... Чувствъ никакихъ?

— Не скажи. Она то ко мнѣ, кажется, даже очень неравнодушна, да и я, пожалуй, ее люблю... настолько, конечно, насколько вообще способенъ любить. Область нѣжныхъ чувствъ, какъ тебѣ извѣстно, никогда не была моей спеціальностью. Въ этомъ отношеніи я и твой братецъ—два полюса.

— Ну, что-жъ,—усмѣхнулся Галицкій. — Остается тебя поздравить и ждать въ будущемъ великихъ событій отъ такого союза... А Николая мнѣ все-таки жаль,—продолжалъ онъ уже серьезно.—У него хорошіе задатки, теперешней своей жизнью онъ тяготится, собирался выйти въ отставку, такъ что можно было ожидать, что изъ него выйдетъ нѣчто порядочное... Ну, а теперь, если онъ женится на Лидіи, всѣ благія намѣренія пойдутъ прахомъ.

— Ха-ха-ха! Ты и вправду думаешь, что онъ женится на Лидіи Петровнѣ. Ты посмотри, какъ онъ отъ нея отскочетъ, какъ только узнаетъ, что вы разводитесь. Развѣ такіе люди женятся? Иногда, впрочемъ, женятся, но непремѣнно очень юными... и какъ же потомъ всю жизнь каются. Но я вообще нахожу, что ты ошибаешься, полагая, что Мухановъ способенъ на какое-нибудь дѣло,—на дѣло въ твоемъ смыслѣ, конечно. У него есть свое собственное дѣло, которое его поглощаетъ всего—любовь, и ни на что другое онъ не способенъ.

— Ну, вотъ еще. Какой вздоръ,—сказалъ Галицкій, качая головой.

— Вздоръ. Нисколько... Подумай-ка. Я вѣдь его такъ же хорошо знаю, какъ и ты. Что онъ всю свою жизнь дѣлалъ? Только любилъ. Онъ принадлежитъ къ той не особенно многочисленной породѣ людей, для которыхъ любовь—все, которые чувствуютъ себя несчастными, когда ихъ сердце свободно, незанято. Для него любовь такое же дѣло, какъ для тебя твоя возня съ крестьянами, а для меня карьера. Онъ милый и симпатичный малый, но если ты думаешь, что изъ него когда-либо выйдетъ толкъ—въ твоемъ смыслѣ, опять таки, ты глубоко ошибаешься.

— Однако онъ серьезно рѣшилъ бросить полкъ,— сказалъ Галицкій.

— Такъ что-же? Вѣдь статскимъ любить не воспрещается. Я даже больше скажу. Очень возможно, что онъ и самъ серьезно думаетъ покончить съ теперешнею жизнію и чѣмъ-нибудь заняться. Порывовъ, хорошихъ стремленій у него масса. Но суть въ томъ, что онъ самъ себя не знаетъ и изъ его порывовъ никогда ничего не выйдетъ.

Онъ помолчалъ, потомъ усмѣхнулся и глаза его весело заиграли.

— А теперь Mr. Nicolas чувствуетъ себя dans des mauvais draps. Съ одной стороны, его Елена Михайловна ему вконецъ надоѣла, но разорвать съ нею онъ не смѣетъ... прямо боится, такъ какъ чувствуетъ, что тутъ пахнетъ драмой... Ты ее знаешь?

Галицкій кивнулъ головой.

— Нѣсколько разъ видѣлъ. Она мнѣ нравится.

— Да, она милая и... несчастная: слишкомъ сильно любитъ... Ну-съ, а съ другой стороны, онъ увлеченъ

14

твоей женой, но и тутъ опять—загвоздка. Во-первыхъ Лидія Петровна держитъ его на почтительномъ разстояніи, а онъ къ этому не привыкъ и не знаетъ, чѣмъ это объяснить, но къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ приступить не рѣшается, такъ какъ ему совѣстно предъ тобой... все-таки близкій родственникъ, котораго онъ любитъ и уважаетъ. Вотъ онъ теперь и бродитъ, какъ потерянный... Ха-ха-ха! Исторія презабавная, и я съ интересомъ жду, чѣмъ она разрѣшится. Впрочемъ, какъ только онъ узнаетъ, что Лидія Петровна имѣетъ на него матримоніальные виды, онъ тотчасъ же остынетъ. Но если она свои карты откроетъ еще не сейчасъ, я почти убѣжденъ, что онъ на-дняхъ явится къ тебѣ и...

X.

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ Мухановъ.

У Галицкаго невольно вырвалось предостерегающее движеніе, а Крупскій оборвалъ на полусловѣ.

Мухановъ подозрительно скосилъ на него глаза.

— Я заходилъ къ Лидіи,—проговорилъ онъ здороваясь:—но ея, по обыкновенію, нѣтъ.—И потомъ дѣланно-небрежно:

— А вы тутъ, кажется, про меня говорили?

— Да,—сказалъ Галицкій улыбаясь: — про тебя. Вотъ онъ увѣряетъ, что ты ни на что не способенъ, кромѣ... любви; что любовь, такъ сказать, твое призванье, что въ ней—смыслъ твоей жизни.

Мухановъ вспыхнулъ и сердитыми глазами уставился на Крупскаго.

„Неужели насплетничалъ, что я ухаживаю за Лидой“, подумалъ онъ. Но, взглянувъ на продолжавшаго улы-

баться Галицкаго, успокоился. „Впрочемъ, не все-ли равно? Я и самъ ему, ни сегодня-завтра, объ этомъ скажу“.

— Очень мило,—произнесъ онъ, садясь и доставая изъ кармана портсигаръ.—Ты, значитъ, считаешь меня круглымъ идіотомъ?

— Нисколько, — спокойно возразилъ Крупскій. — Земли ты не ѣшь и стекломъ не утираешься... и не безъ способностей. Онъ несовсѣмъ вѣрно передалъ мою мысль. У тебя способности есть, но всѣ онѣ нанаправлены въ одну точку, и эта точка—любовь. Любовь—вотъ твое дѣло и на другое тебя не хватитъ.

Мухановъ пожалъ плечами.

— Развѣ я исключеніе? Всѣ любятъ.

— Да, конечно, всѣ; но такъ, какъ ты, далеко не всѣ. Вѣдь для тебя жизнь и женщины—понятія одно-значущія. Вспомни, что дѣлалъ ты всю жизнь, о чемъ думалъ, къ чему стремился. Ты только и дѣлалъ, что переходилъ отъ одной женщины къ другой... Полюбишь, разлюбишь и опять полюбишь. Какое-то perpetuum mobile любви—право... И ты не одинъ такой, васъ порядочно. А прототипомъ вашимъ является пресловутый испанскій кавалеръ де-Маньяра... И даже идеальныя стремленія на лицо: душа—все, тѣло—ничто,—такъ вѣдь кажется? Ну и выходитъ—постоянные поиски идеальной, женской души, погоня за идеаломъ. И вся разница между вами и вашимъ прототипомъ заключается лишь въ томъ, что благородный Донъ былъ бабникомъ, никогда неустававшимъ, а вамъ требуется передышка и никто изъ васъ до mille e tre не дойдетъ и всемірной извѣстности не пріобрѣтетъ. Донъ-Жуанчики... Совсѣмъ особая порода. Ха-ха-ха!

— Это прямо глупо!—произнесъ Мухановъ, закусивъ губу и постукивая пальцами по ручкѣ кресла.

— Суть не въ томъ, глупо-ли это, или умно,—спокойно продолжалъ Крупскій,—а въ томъ—правда ли это... Но ты напрасно обижаешься. Что такое любовь? Инстинктъ размноженія, густо задрапированный разными идеальностями, въ родѣ сродства душъ и тому подобной белиберды. Но размноженіе—основной и самый важный законъ природы,—самый важный уже потому, что не будь его, не было бы и человѣка. А такъ какъ существуютъ люди, одаренные этимъ инстинктомъ сравнительно въ слабой степени, то простое равновѣсіе требуетъ, чтобы существовали такіе, которые надѣлены имъ вдвойнѣ. Ты принадлежишь къ числу послѣднихъ—вотъ и все. Въ людскомъ пчельникѣ ты несомнѣнно—трутень; но развѣ функціи трутня менѣе важны, чѣмъ функціи рабочихъ пчелъ? Вѣдь не будь трутней, не было бы и пчелъ... Наполеонъ говорилъ, что наибольшаго уваженія достойна женщина, которая произвела наибольшее число дѣтей,—не понимаю, почему по той же причинѣ не достоинъ уваженія и мужчина, стремящійся къ тому же? А затѣмъ, не твоя вина, если цѣль, т. е. производство новаго существа, не всегда бываетъ достигнута. Стремленія твои—благія и на этомъ ты можешь успокоиться.

Мухановъ невольно усмѣхнулся.

— Спасибо. По твоему, стало-быть, я представляю собою нѣчто вродѣ мірского быка... Спасибо и на томъ. Но изъ этого всетаки не вытекаетъ, чтобы я не былъ способенъ и на что-нибудь другое.

Крупскій всталъ, досталъ изъ ящика сигару, акуратно обрѣзалъ ее, не торопясь раскурилъ и, взобравшись опять на тахту, насмѣшливо уставился на Муханова.

— Развѣ не вытекаетъ? А по моему прямо вытекаетъ.—Онъ помахалъ на себя дымомъ сигары и про-

должалъ:—Ну, хорошо... Попробую подойти къ этому вопросу съ другой стороны... Вотъ онъ сейчасъ говорилъ, что ты хочешь выходить изъ полка. Чѣмъ же ты думаешь заняться?

Мухановъ покраснѣлъ и нервно задвигался въ креслѣ. Этимъ вопросомъ Крупскій попалъ въ самую точку. Сознавая пошлость своей теперешней жизни, а потому рѣшивъ бросить полкъ, онъ въ то же время еще не зналъ, что будетъ дѣлать дальше. Думая объ этомъ, онъ ничего не находилъ, постоянно колебался и это его мучило.

— Еще не знаю,—отвѣтилъ онъ тихо.—Но вѣдь это все равно... Неужели человѣкъ, искренно желающій приносить пользу, внести и свою долю труда въ дѣло служенія человѣчеству, не найдетъ такого дѣла?

— Приносить пользу. Служить человѣчеству,—насмѣшливо повторилъ Крупскій.—Какія все громкія слова...

— Это—не возраженіе,—горячо перебилъ Мухановъ.— Надо доказать, что они не имѣютъ смысла... А что они громкія—такъ всѣ хорошія слова—громкія... вѣроятно, для того, чтобы даже глухіе—умственно и нравственно— могли ихъ слышать.

— Да ты не горячись,—усмѣхнулся Крупскій.—Вѣдь мы разсуждаемъ, а чтобы разсуждать съ толкомъ, надо разсуждать хладнокровно... Ну, прекрасно. Ты хочешь приносить пользу, служить, какъ ты выразился, человѣчеству, такъ какъ считаешь это, вѣроятно, долгомъ каждаго честнаго, мыслящаго человѣка; думаешь, что это легко, но еще не рѣшилъ, какое будетъ то полезное дѣло, которому ты себя посвятишь. Такъ? Отсюда для меня ясно, что особаго призванія къ какой-нибудь опредѣленной дѣятельности въ тебѣ нѣтъ, иначе, ко-

нечно, ты не стѣснялся бы въ выборѣ. Во всякомъ случаѣ, главнымъ критеріемъ при выборѣ тобою дѣятельности будетъ критерій полезности, а потому и прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, что такое польза и что полезно. Я разсуждаю такъ: каждый человѣкъ заботится прежде всего о своемъ счастьѣ, стремится быть счастливымъ—очевидно поэтому, что полезно будетъ то, что ведетъ къ счастію. Теперь попробуемъ опредѣлить, что такое счастіе. Это довольно мудрено: опредѣленій можетъ быть сколько угодно. Но для нашихъ цѣлей необходимо опредѣленіе возможно болѣе общее, широкое, подъ которое могло бы подойти всякое другое. Самымъ подходящимъ, мнѣ думается, будетъ слѣдующее: счастіе есть такое состояніе, при которомъ человѣкъ имѣетъ возможность свободно удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ физическимъ, такъ нравственнымъ и умственнымъ. Но теперь—слушай внимательно—очевидно, что чѣмъ потребностей меньше и чѣмъ онѣ проще, тѣмъ и удовлетворять ихъ легче, а стало-быть тѣмъ счастливѣе человѣкъ. Но обиліе потребностей—признакъ развитія, ихъ ограниченность—признакъ животности, а потому все то, что приближаетъ человѣка къ животному, будетъ въ то же время способствовать его счастію, т. е. будетъ полезно,—все то, что его отдаляетъ отъ животнаго, будетъ служить къ его несчастію, будетъ вредно. Вотъ я теперь и спрашиваю: какую изберешь ты, примѣняясь къ этому выводу, полезную дѣятельность?

Галицкій невольно усмѣхнулся. „Ловко передернулъ", подумалъ онъ. Мухановъ же воскликнулъ:

— Да вѣдь это же безсмысленно. По твоему, значитъ, самымъ счастливымъ человѣкомъ будетъ идіотъ, живущій исключительно одной растительной жизнью.

— Не совсѣмъ такъ. Надо быть послѣдовательнымъ и итти до конца. Идіотъ—отсутствіе умственныхъ потребностей—такъ; затѣмъ—отсутствіе потребностей нравственныхъ—вѣрно; и, наконецъ, по тому же рецепту отсутствіе потребностей физическихъ... Въ результатѣ—небытіе, нирвана... Полное счастіе—въ небытіи... Позволь,—остановилъ онъ Муханова, желавшаго возразить:—все это я веду къ тому, чтобы доказать, что изъ теоретическихъ разсужденій о пользѣ вообще—никогда ничего не выходитъ, и ты всегда рискуешь натолкнуться на самые неожиданные сюрпризы. Напримѣръ: филантропія—и теорія Мальтуса, или еще выживаніе приспособленнѣйшихъ; безспорное признаніе цѣнности человѣческой жизни съ логическимъ выводомъ, что все то, что ведетъ къ ея сохраненію и поддержанію, полезно—и почетная, и замѣть, также полезная дѣятельность воина и т. д. и т. д.—сколько угодно. Но есть и другая сторона вопроса—тоже довольно интересная... Не имѣя призванія ни къ какой дѣятельности, ты, не менѣе того, желаешь служить человѣчеству, такъ какъ считаешь это своимъ долгомъ. Вотъ я и хотѣлъ бы знать, изъ какого разумнаго основанія выводишь ты обязанность человѣка служить человѣчеству. Что такое человѣчество? Собраніе отдѣльныхъ личностей, къ числу которыхъ принадлежитъ и твоя собственная. Такъ какъ же это выходитъ? Ты будешь служить одному, другой—третьему, третій—тебѣ, или ты будешь служить всѣмъ, и всѣ—тебѣ... Всѣ другъ другу служатъ... Ахъ, какъ трогательно! Вѣдь такъ, пожалуй, и до драки дойти можетъ... А затѣмъ подумаешь, какая такая сладость—человѣчество, чтобы ему служить. Каждый человѣкъ, въ отдѣльности, несомнѣнно является большимъ или меньшимъ пакостникомъ—что же представляетъ собою

человѣчество, какъ не колоссальную пакость? И этой-то пакости я долженъ служить? Помнишь у Свифта? „Наша раса есть самая гнусная раса маленькихъ червей, которую когда-либо природа оставляла ползать на поверхности земли“. Мѣтко и вѣрно. Если бы возможно было разрѣзать любого человѣка и по его внутренностямъ прочесть всю его жизнь, его мысли и дѣла— каждый отшатнулся бы съ отвращеньемъ, какъ отъ вонючей клоаки... Ползаютъ и копошатся въ грязи, а въ утѣшеніе выкрикиваютъ разныя нелѣпыя слова: „Ахъ, польза! Ахъ, долгъ! Ахъ, человѣчество!“ Идіоты! Такъ и взялъ бы, кажется, гигантскій катокъ—какъ въ степяхъ саранчу давятъ—да и проѣхался бы имъ по земному шару. Вотъ гдѣ польза несомнѣнная получилась бы.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся Мухановъ.—Великолѣпно! А по себѣ проѣхался бы?

— Безъ сомнѣнія. Зная себя, такъ и говорю... Знаю, что есть и лучше меня, но знаю, что и похуже найдутся.

— Но зачѣмъ же тогда жить? Въ чемъ смыслъ жизни?

Крупскій провелъ рукой по густымъ, стоявшимъ щеткой волосамъ и бросилъ сигару.

— Праздный вопросъ, голубчикъ, который себѣ задавали люди и поумнѣе насъ, да умнаго ничего не отвѣтили... Живемъ, потому что живемъ.

Онъ помолчалъ, уставившись глазами въ одну точку; потомъ, пожавъ плечами, словно отвѣтивъ на какой-то мысленный вопросъ, снова обратился къ Муханову:

— И будешь ты всю свою жизнь метаться и никогда изъ тебя ничего путнаго не выйдетъ... И знаешь, почему? Человѣкъ трудится по тремъ причинамъ: или

имѣя призваніе къ какой-либо дѣятельности, или изъ-за необходимости зарабатывать себѣ хлѣбъ, или же, наконецъ, изъ честолюбія. Призванія у тебя нѣтъ ни къ чему, точно также и честолюбія, насколько мнѣ извѣстно, у тебя—нуль, а деньги есть,—такъ изъ-за чего же станешь ты работать? Изъ-за пресловутаго, разумно необъяснимаго, а лишь воображаемаго чувства долга? Ну, положимъ. Быть можетъ, у тебя мамка была какая-нибудь особенная, съ чувствомъ долга въ молокѣ, и у тебя это чувство дѣйствительно существуетъ. Но и въ такомъ случаѣ, его хватитъ развѣ на порывы да на разныя начинанія, но ничего твердаго и прочнаго на немъ не выстроишь. Дѣятельность, основанная единственно на такомъ сухомъ и отвлеченномъ началѣ, какъ чувство долга, удовлетворять не можетъ. А вѣдь это главное. Начнешь одно — надоѣстъ, бросишь; перейдешь къ другому, третьему — это, пожалуй... И знаешь,—онъ усмѣхнулся:—какая громадная въ этомъ отношеніи разница между мною и тобой... Личной жизни, жизни въ свое удовольствіе — я до сихъ поръ почти не зналъ. Послѣ университета кончилъ двѣ академіи; но и этого мнѣ мало: хожу еще, видишь ли, на курсы восточныхъ языковъ. Думаешь, жаждой познанія объятъ? Какъ бы ни такъ. Тошнитъ меня давно отъ этого знанія, на три четверти ложнаго и ненужнаго. Что приноситъ это знаніе въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ? Дало ли оно мнѣ хоть на іоту больше ума, прибавило ли хоть каплю воли? А зубрилъ и зубрю до изступленья, и все потому, душа моя, что у меня мало денегъ, и я честолюбивъ, честолюбивъ до чортиковъ. Я долженъ выбиться, иначе я задохнусь и я выбьюсь. Но для этого мнѣ знанія и нужны, т. е. не знанія собственно, а окончаніе двухъ академій, и

съ отличіемъ... Какая тамъ жажда знаній. Огромная жажда власти—вотъ что. Глупо это — согласенъ: стремиться властвовать надъ тѣми, кого презираешь... Власть червя надъ червемъ. Ха-ха-ха! Что-жъ? Пусть они копошатся въ болотѣ, а я все-таки на пригоркѣ ползать буду... И знаешь, что еще интересно. Между тѣмъ какъ ты, со всѣми своими стремленіями приносить пользу, служить человѣчеству, ничего рѣшительно въ этомъ направленіи не сдѣлаешь, — я, отрицающій все это, только это и буду дѣлать... Да, презирая людей, я буду имъ служить, отрицая пользу—буду ее приносить. Не ту истинпую пользу, конечно, о которой я говорилъ и которая вытекаетъ изъ положенія, что счастіе въ небытіи, а ту фиктивную, выдуманную пользу, которая нужна государству въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ.

Крупскій замолчалъ, а Мухановъ продолжалъ смотрѣть на него съ нескрываемымъ удивленіемъ. Хотя онъ зналъ его давно, но высказывался Крупскій предъ нимъ такъ откровенно въ первый разъ. Потомъ онъ растерянно произнесъ:

— Что-жъ это такое? Полное отрицаніе всѣхъ идеаловъ... всего? Ну, а вотъ онъ,—Мухановъ указалъ на Галицкаго:—во имя чего сидитъ онъ въ деревнѣ и возится съ мужиками, вмѣсто того, чтобы жить въ свое удовольствіе?

— Во имя чего?—повторилъ Крупскій.—Не знаю— во имя чего. Во всякомъ случаѣ,—и если онъ захочетъ быть правдивымъ, онъ и самъ въ этомъ сознается—не потому, чтобы считалъ эту возню своимъ долгомъ или обязанностью... Надо полагать потому, что это и есть для него жизнь „въ свое удовольствіе“.

— Въ этомъ онъ правъ,—сказалъ Галицкій, отвѣчая

на вопросительный взглядъ Муханова.—Доказать разумомъ, что человѣкъ обязанъ трудиться на общую пользу, нельзя, и я строю школы и больницы не потому, конечно, что считаю себя обязаннымъ это дѣлать. Живя въ деревнѣ, среди народа, постоянно видя его темноту и безпомощность, у меня, помимо какихъ-нибудь разсудочныхъ соображеній, является потребность вывести его изъ этой темноты, помочь его безпомощности. Мнѣ его жаль, и въ этомъ все дѣло. Такимъ образомъ, если правильно утвержденіе, что человѣкъ трудится или по призванію, или же вслѣдствіе честолюбія и славы ради, или же, наконецъ, изъ-за денегъ, то я, очевидно, принадлежу къ первой категоріи. Но, примѣняя это разсужденіе къ тебѣ и утверждая, что разъ ты не чувствуешь призванія ни къ какой дѣятельности, ты ни на какую и не способенъ, — онъ по моему допускаетъ большую ошибку. Онъ, какъ будто, признаетъ, что съ призваніемъ къ дѣятельности надо родиться, — я же думаю, что такое призваніе можетъ явиться въ каждый данный моментъ, въ зависимости отъ среды и обстановки. Я глубоко убѣжденъ, что не найдется человѣка, который, встрѣтивъ умирающаго съ голода, не накормилъ бы его, разъ онъ имѣетъ возможность это сдѣлать,—хотя, быть можетъ, этотъ же человѣкъ во всю свою жизнь ни разу даже не подумалъ, что существуютъ люди, умирающіе съ голода, которымъ слѣдуетъ помогать. Чувство жалости, чтобы вылиться въ дѣятельную форму, должно войти въ соприкосновеніе съ тѣмъ, чѣмъ оно возбуждается. Какъ всякое чувство, оно, при благопріятныхъ условіяхъ, способно развиваться, при неблагопріятныхъ—не только можетъ не проявляться совсѣмъ, но способно даже атрофироваться окончательно... примѣръ: его катокъ, которымъ онъ со

бирается давить человѣчество... если это серьезно, конечно. Насколько городская жизнь, и ваша, такъ называемая, свѣтская въ особенности—даетъ мало матеріала для проявленія жалости, настолько деревня, жизнь среди народа является благодарной для этого почвой. Видя кругомъ себя бѣдность, дикость, безпомощность, нельзя не почувствовать желанія притти, такъ или иначе, на помощь, и я увѣренъ, что даже самъ онъ, попавъ въ деревню, не остался бы сидѣть сложа руки, а сталъ бы работать на пользу окружающихъ, хотя, быть можетъ, и продолжалъ бы называть ихъ червями и пакостниками. Ну, а что дѣлать, какъ работать—это уже частность. Въ этомъ то и заключается громадное этическое преимущество деревни надъ городомъ, что порядочный человѣкъ, поселясь въ деревнѣ, не можетъ не приносить пользы, въ городѣ же порядочные люди, въ большинствѣ случаевъ, коптятъ небо. Въ деревнѣ даже чиновникъ полезенъ. Я, напримѣръ, не знаю ни одной должности, на которой можно было бы приносить такъ много пользы, какъ на столь оклеветанной должности земскаго начальника, несмотря даже на тѣ измѣненія къ худшему, которымъ она за послѣднее время подверглась. А въ заключеніе и, спустившись, такъ сказать, на самое дно колодца, откуда, говорятъ, должна когда-нибудь явиться истина, скажу слѣдующее: если нельзя доказать разумомъ, что каждый отдѣльный человѣкъ обязанъ трудиться для счастія и благополучія всѣхъ людей, то съ другой стороны ты никакими софизмами мнѣ не докажешь, что, строя больницу, я поступаю дурно, а ты, добиваясь власти, ради власти, и онъ, ведя безсмысленную „свѣтскую“ жизнь, поступаете хорошо.

— Ну это, положимъ,—процѣдилъ иронически Крупскій.—Вспомни: „Толкай падающаго“.

— Докажи, докажи, сдѣлай милость, что я обязанъ толкать падающаго. Хотя нельзя доказать и обратнаго: поддержки падающаго, но сдѣлать послѣднее меня заставитъ простое и естественное, имѣющееся у каждаго человѣка чувство жалости; толкнуть же падающаго способенъ лишь выродокъ, какой-нибудь озлобленный мерзавецъ... И не слушай ты его,—повернулся онъ къ Муханову,—и пусть тебя не безпокоитъ выборъ будущей дѣятельности. Выходи въ отставку, поѣзжай въ имѣнье, поживи, присмотрись, и я ручаюсь, что не пройдетъ года—и ты не будешь уже себя спрашивать, что тебѣ дѣлать.

— Ну, что-жъ. Въ добрый часъ,—сказалъ Крупскій, вставая и потягиваясь.—Это вѣрно, что только въ подходящей средѣ человѣкъ можетъ вполнѣ использовать полученный имъ отъ Бога талантъ. Здѣсь, хотя онъ и трудится,—и трудится не мало, но, такъ сказать, больше—въ пустую, ну, а тамъ, въ деревнѣ... Во всякомъ случаѣ приростъ населенія въ его имѣніи будетъ обезпеченъ.

— Опять за свое,—выговорилъ Мухановъ, брезгливо морщась.—Неужели не можешь выдумать ничего умнѣе?

— Могу, отчего-же нѣтъ,—продолжалъ невозмутимо Крупскій.—Могу дать тебѣ совѣтъ, который такъ сказать, tranchera toutes les difficultèes. А найдешь ли ты его умнымъ—это ужъ другой вопросъ: a knavish speech sleeps in a fool's ear... Если хочешь, чтобы изъ тебя вышелъ дѣльный человѣкъ, во вкусѣ и по рецепту Галицкаго, превратись, другъ мой, сначала... въ евнуха.

— Фу, чортъ!—вырвалось невольно у Муханова.— Знаешь, ты способенъ хоть кого извести. А вѣдь я ожидалъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь пут-

ное на послѣдокъ скажетъ,—обратился онъ къ Галицкому.

— Неисправимъ!—выговорилъ тотъ улыбаясь.

— А теперь, bel amico, намъ пора и удалиться. Нашъ милѣйшій хозяинъ нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ на часы,—значитъ мы мѣшаемъ... Ты куда? Никуда. Вотъ и прекрасно. Пройдемся въ такомъ случаѣ по Набережной. Мнѣ—на Васильевскій островъ надо.

Оставшись одинъ, Галицкій вынулъ изъ письменнаго стола письмо и сталъ читать. Оно было отъ Вѣры.

„Вчера выяснилась настоятельная необходимость открыть еще столовую въ Доминкахъ. Отъ Богучарова это въ восьми верстахъ, и я рѣшительно не знаю, кого туда послать. Насъ, т. е. наличныхъ силъ не хватаетъ, и въ особенности это стало замѣтнымъ послѣ твоего отъѣзда. Про себя я ужъ не говорю. Теперь два часа ночи, я только что вернулась изъ Подарокъ, а въ семь утра надо ѣхать въ Сушни, такъ какъ Марья Павловна заболѣла, а чѣмъ—еще не знаю, услышавъ объ этомъ только-что, въ Доминкахъ. Если ты хочешь, чтобы дѣло шло гладко и не тормозилось, пришли намъ подкрѣпленіе“.

Галицкій положилъ письмо и задумался. „Кого послать? Изъ Нагорнаго больше некого. Тамъ и безъ того почти никого не осталось... Придется подыскать здѣсь... изъ учащейся молодежи. Да, такъ и сдѣлаю... Завтра же справлюсь“. Онъ опять взялъ письмо. Кончалось оно такъ:

„А я о тебѣ стосковалась, милый... И хотя знаю, что ты пріѣдешь, какъ только будетъ можно—все-таки пріѣзжай скорѣй. Если бы ты только зналъ, какъ я тебя люблю“.

— Милая, милая... Хорошая,—подумалъ онъ вслухъ.

На лицѣ его застыла улыбка, и онъ долго сидѣлъ неподвижно, перенесясь мысленно въ Богучарово.

— Теперь уже недолго,—выговорилъ онъ вполголоса и встрепенулся. Глубоко и радостно вздохнувъ, онъ взялъ перо и сталъ писать отвѣтъ.

XI.

Въ субботу, на Вербной, въ полку Муханова была назначена офицерская ѣзда.

При входѣ въ манежъ, на возвышеніи за барьеромъ толпились, въ качествѣ зрителей, офицеры, непринимавшіе участіе въ ѣздѣ. Тутъ же стояли—Мухановъ, отговорившійся нездоровьемъ, и Галицкій. Послѣднему среди хлопотъ по посылкѣ въ Богучарово „подкрѣпленій“, пришла наканунѣ вечеромъ блестящая—какъ онъ думалъ, мысль—предложить Муханову немедленно туда ѣхать. „По крайней мѣрѣ сразу окунется въ живое дѣло да еще въ какое... Чудный фундаментъ для будущей дѣятельности“. Не откладывая въ долгій ящикъ, онъ утромъ поѣхалъ къ Муханову на квартиру, но уже не засталъ его и проѣхалъ въ полкъ. Однако Мухановъ, застигнутый предложеніемъ врасплохъ, отнесся къ нему нерѣшительно. „Конечно, это было бы прекрасно, но“... И предъ его глазами предстали два женскихъ образа. „По отношенію къ Ленѣ, отъѣздъ—комбинація прямо великолѣпная, но... Лидія... Какъ же это? Такъ все и бросить... Въ сущности, конечно, такъ и слѣдовало бы: покончить съ этой жизнію сразу и навсегда, взявъ теперь отпускъ, а потомъ, не возвращаясь, подать въ отставку... Но“... И думая о томъ, что онъ больше не увидитъ загадочнаго, притя-

гивающаго взгляда длинныхъ голубыхъ глазъ и милой, чарующей улыбки, его сердце мучительно сжималось.

— И совершенно напрасно,—сказалъ Галицкій въ отвѣтъ на замѣчаніе Муханова, что онъ такъ сразу рѣшить не можетъ, что ему необходимо подумать.— Въ такомъ дѣлѣ—думать нечего. Что тебѣ отпускъ дадутъ — сомнѣваться нельзя: не на охоту просишься. Дѣло другое, если само предложеніе тебѣ несимпатично... Въ такомъ случаѣ, конечно...

Онъ недовольно пожалъ плечами и отвернулся. Онъ былъ увѣренъ, что Мухановъ отнесется къ его мысли чуть ни съ восторгомъ, а потому его нерѣшительность была ему вдвойнѣ непріятна.

— Ну, вотъ еще!—возразилъ Мухановъ, также хмурясь.—Я былъ бы очень радъ поѣхать и съ удовольствіемъ сталъ бы работать, но...

— Да что—„но"? Что тебя можетъ тутъ задерживать? Ты, кажется, совершенно свободенъ?

„Вотъ глупо-то!" думалъ Мухановъ, чувствуя, какъ подъ пристальнымъ взглядомъ Галицкаго лицо его покрывается краской. „Не могу же я ему объяснить, что колеблюсь потому, что мнѣ трудно разстаться съ его женой".

Но тутъ Галицкій вспомнилъ о словахъ Крупскаго про ухаживаніе Муханова за Лидіей Петровной и въ свою очередь смутился. Отвернувшись, онъ сталъ смотрѣть на стоявшаго посреди манежа командира полка, бывшаго его товарища, моложаваго генерала съ добрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ красиваго лица. Въ настоящую минуту, однако, генералъ былъ видимо не въ духѣ: брови его хмурились и длинные выхоленные усы топорщились подъ нервнымъ движеніемъ полныхъ красныхъ губъ. Цѣлыхъ полчаса заставляетъ онъ господъ

офицеровъ итти шагомъ, а правильной дистанціи добиться не можетъ: то одна лошадь отстанетъ, то другая выдвинется. У большинства ѣздоковъ сонный, вялый видъ. У каждаго свои мысли, каждый думаетъ о своемъ, интересуясь ѣздою столько же, сколько прошлогоднимъ снѣгомъ. Хвостовъ самымъ откровеннымъ образомъ дремлетъ. Онъ не спалъ двѣ ночи и теперь, нѣтъ-нѣтъ, да и клюнетъ носомъ. У Бердѣева на лицѣ гримаса страданія: онъ отвыкъ ѣздить, и ему ломитъ тѣло. Длинный, сухой штабсъ-ротмистръ Лимаркъ думаетъ о томъ, что дома у него лежатъ въ скарлатинѣ двое ребятъ да и жена что-то вчера жаловалась на головную боль. Передъ глазами желтаго, какъ лимонъ, Липскаго неотступно стоитъ Лена, и его разгоряченное воображеніе рисуетъ безсвязные образы возможнаго счастія. Толстый, небольшого роста, съ коротенькими ножками и круглымъ личикомъ поручикъ Томилинъ, прозванный въ полку „Помидорчикомъ“, возбужденно ерзаетъ на сѣдлѣ и все время улыбается. Онъ вчера вечеромъ сдѣлалъ предложеніе молодой графинѣ Соммерсъ—семнадцатилѣтней, только что начавшей выѣзжать дѣвушкѣ — и получилъ согласіе. Сверхъ хорошенькаго личика и прекраснаго родства, у Соммерсъ—50 тысячъ годового дохода. Томилинъ — на седьмомъ небѣ, и сердце его трепещетъ отъ восторга при мысли о томъ, какъ онъ сегодня за завтракомъ будетъ объявлять товарищамъ о своей помолвкѣ. За Томилинымъ ѣдетъ Засѣкинъ. Онъ подозрительно поглядываетъ на товарища, стараясь разгадать причину его столь замѣтнаго возбужденія. Онъ и самъ сильно пріударяетъ за молоденькой графиней и до послѣдней минуты надѣялся на успѣхъ. Но вчера вечеромъ дѣвушка какъ-то особенно внимательно относилась къ Томилину. Засѣкинъ

разсердился и уѣхалъ. Такимъ образомъ о помолвкѣ онъ ничего не зналъ и съ тревогой себя спрашивалъ, что могло произойти у Соммерсъ послѣ его отъѣзда. Пижонъ Щепинъ, еле держась на сѣдлѣ, смотритъ предъ собою осовѣлыми, ничего не видящими глазами. Его только что привезли отъ Кюба, облили водой и посадили на лошадь. А Даленъ, красиво сидя на своей старой кобылѣ „Леди", понимавшей команду не хуже хозяина, грустно думаетъ о томъ, что его новая побѣда оказалась порядочной дрянью: послѣ второго свиданія, вмѣстѣ съ нѣжнымъ письмомъ, прислала неоплаченный счетъ отъ M-me Зина на шестьсотъ рублей.

Вообще ѣзда сегодня не клеилась. Генералъ это видѣлъ и сердился. Онъ успѣлъ уже оборвать нѣсколькихъ офицеровъ. Вдругъ Томилинъ, блаженно улыбаясь, завертѣлся на сѣдлѣ и уронилъ шашку. Произошло смятеніе. Лошадь Томилина остановилась. Засѣкинъ, не ожидавшій этого, наѣхалъ вплотную. Лошади заиграли. Рейткнехты кинулись поднимать шашку. Генералъ побагровѣлъ.

— Стой! — закричалъ онъ. — Поручикъ Томилинъ!— продолжалъ онъ, видимо сдерживаясь,—вы или нездоровы, но тогда не надо ѣздить, или... или... Ронять шашку! Я васъ наряжаю на три дежурства.

Томилинъ вспыхнулъ. „Во-время, нечего сказать", подумалъ онъ. „Непремѣнно подамъ рапортъ о болѣзни".

— Вольты налѣво!—скомандовалъ генералъ, косясь на штабсъ-ротмистра Лимарка, вытянутое лицо котораго дѣйствовало ему на нервы. „Настоящій Донъ-Кихотъ. Подождетъ онъ у меня эскадрона".

Прямая линія ѣздоковъ заколебалась, отошла отъ

барьера, разломилась на поворотѣ и опять вытянулась. Одинъ лишь Хвостовъ, проспавшій команду, остался у барьера.

Снова раздалось громкое: „Стой!“

— Вы, поручикъ, вѣроятно полагаете, что сѣдло это — постель, — иронически проговорилъ генералъ. — Но, по моему, между ними есть разница. Подумайте о ней на лишнемъ дежурствѣ.

„И прекрасно“, — рѣшилъ Хвостовъ, невозмутимо глядя на ядовито улыбавшагося генерала. „По крайней мѣрѣ высплюсь, наконецъ“.—Зоричъ! — шепнулъ онъ, когда его лошадь поравнялась съ возвышеніемъ, на которомъ стояли офицеры:—Назначь, другой милый, на завтра.

Пошли рысью. Офицеры подтянулись, и морщины на лицѣ генерала стали разглаживаться. Теперь онъ любовался на молодецкую ѣзду корнета Чаева, бывшаго школьнаго вахмистра. „Картина“,—думалъ генералъ.— И самъ да и лошадь... На майскомъ парадѣ поставлю его замыкающимъ“.

— Не ковать, господа, не ковать! — молодцевато крикнулъ онъ.—Галопомъ! Ма-а-ршъ!

Галицкій нервнымъ движеніемъ провелъ рукой по волосамъ.

— И въ этомъ проходитъ лучшая пора жизни, на это тратятся силы и энергія десятковъ представителей первыхъ родовъ Россіи,—выговорилъ онъ вполголоса.— И во имя чего? Я понимаю, конечно, что, пока люди не перестанутъ заниматься самоистребленіемъ, пока существуетъ война, необходимы и войска и офицеры. Болѣе того: военное сословіе,—какъ сословіе, назначеніе котораго защищать родину, жертвовать жизнью за ея честь и славу, достойно глубокаго уваженія, но...

вы, вы-то развѣ военные? Вѣдь, въ случаѣ войны, вамъ и пороха понюхать не удастся... Понимаю я и этого юношу, — онъ качнулъ головой, — Щепина, кажется. Вырваться на волю послѣ школьной скамьи, надѣть блестящій мундиръ и сразу очутиться въ особенномъ, привелигированномъ положеніи,—все это кружитъ голову, опьяняетъ... Всѣ мы черезъ это прошли, и Щепины понятны... Но Лирмакъ и ему подобные? Лысина во всю голову, дома — жена, почтенная матрона, и четверо дѣтей, а онъ себѣ трясется здѣсь, какъ мальчишка, рискуя каждую минуту получить разносъ за то, что повернулъ лошадь направо, а не налѣво. Опьяненіе, угаръ молодости прошли, но зато явилась привычка, болото засосало, и Щепинъ превратился въ Лимарка... А тамъ, въ деревнѣ, въ мѣстахъ настоящаго труда и дѣла, стонъ стоитъ: людей нѣтъ! И вѣрно, что нѣтъ. Ну, не обидно ли это?.. Берегись!—онъ улыбаясь положилъ руку на плечо Муханова. — Для тебя теперь, кажется, наступило какъ разъ то время, когда Щепины или переходятъ въ Лимарковъ, или начинаютъ новую жизнь. Смотри, не пропусти момента. Еще годокъ колебаній, нерѣшительности и — завязнешь совсѣмъ.

— Нѣтъ, этого я не боюсь, — сказалъ Мухановъ серьезно.—Что я выхожу изъ полка — рѣшено окончательно. Теперь это вопросъ времени—и только.

— Хорошо, коли такъ, но...

Онъ остановился на полусловѣ. Онъ хотѣлъ сказать: „но у тебя есть еще одинъ врагъ—женщины“. Но опять вспомнилъ слова Крупскаго и замолчалъ въ нерѣшительности. „И надо же было произойти такому осложненію“, недовольно подумалъ онъ и повернулся къ манежу.—Что это такое? Новость?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, отвѣтилъ Мухановъ улыбаясь.—Выдумка нашего генерала... Посмотри, какой сейчасъ кавардакъ начнется.

Солдаты только что вынесли на средину манежа нѣчто вродѣ живой изгороди изъ тонкихъ легко-гнувшихся прутьевъ. Какъ барьеръ, изгородь опасности не представляла; но прутья концами своими щекотали лошадямъ животъ, и лошади барьера этого не любили. Какъ только его внесли, онѣ стали безпокоиться, проходя мимо, пугливо косились и ни за что не хотѣли итти шагомъ.

Кучка офицеровъ—зрителей оживилась и подвинулась къ барьеру.

— Начинается представленіе... Messieurs, à vos lunettes!—торжественно возгласилъ Зоричъ.

— Шашки въ но-о-жны! Возьмите лошадей въ четыре повода. Спокойно, спокойно, господа. Не горячите лошадей. До барьера—ровной рысью... Да не вылѣзайте же впередъ, поручикъ Хвостовъ,—говорилъ генералъ, у котораго усы начинали опять топорщиться.—Правое плечо впередъ! На пять лошадей дистанціи, рысью м-а-а-ршъ!

Но успокоительныя слова генерала плохо дѣйствовали. Лошади волновались все больше и больше, и когда первый номеръ, повернувъ налѣво, перешелъ въ рысь и направился къ барьеру,—все спуталось и перемѣшалось. Одна за другой, внѣ очереди, вырывались изъ строя лошади, обгоняли другъ друга и бѣшено неслись къ изгороди; но потомъ начинали бочить и, въ большинствѣ, обносили. Лошадь Щепина, вырвавшись изъ послѣднихъ номеровъ и подлетѣвъ къ барьеру вплотную, сразу остановилась. Щепинъ, живописно кувырнувшись въ воздухѣ, растянулся по

другую сторону изгороди, а лошадь, распустивъ хвостъ и подбрасывая задомъ, понеслась по манежу, еще болѣе увеличивая общую сумятицу.

— Ну, и закопалъ рѣдьку!—раздались насмѣшливые возгласы офицеровъ-зрителей.

Генералъ злился. Онъ былъ англоманъ, поклонникъ парфорсной ѣзды, и живая изгородь была его выдумкой. Ему говорили не разъ, что лошади ее не любятъ, что манежъ не поле; но онъ былъ упрямъ и стоялъ на своемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, полковникъ, не спорьте,—говорилъ онъ и теперь стоявшему около него старшему полковнику, замѣтившему, что лошади, вмѣсто того, чтобы привыкать къ изгороди, съ каждымъ разомъ берутъ ее все хуже.—Лошади не виноваты. Если бы господа офицеры лучше ѣздили, этого не было бы. Въ Англіи на охотахъ попадаются и не такія препятствія... Ну, вотъ, посмотрите,—лицо генерала разгладилось и онъ широко улыбнулся равнявшемуся съ нимъ Далену:—Кто хорошо ѣздитъ вообще, тотъ и барьеръ хорошо возьметъ. Прекрасно, баронъ Даленъ, очень хорошо!—громко закончилъ онъ, когда старая Леди, перейдя изъ спокойной, требуемой генераломъ, рыси въ не менѣе спокойный галопъ, у самаго барьера наддала и, какъ птица, черезъ него перелетѣла, не задѣвъ даже прутьевъ.

— Стой!—скомандовалъ генералъ.—Поручикъ, баронъ Даленъ! Я васъ попрошу еще разъ взять барьеръ, чтобы показать господамъ офицерамъ, какъ слѣдуетъ ѣздить.

Даленъ повиновался.

— Спокойно, чисто и красиво!—сказалъ генералъ съ пріятной улыбкою.—Учитесь, господа... Благодарю васъ, баронъ Даленъ. Слѣзай!—скомандовалъ онъ.

Рейткнехты побѣжали къ лошадямъ. Офицеры, расправляя ноги и гремя шашками, окружили командира полка.

— Ну, я удираю,—сказалъ Галицкій, пожимая руку Муханову.—Боюсь, что генералъ потащитъ меня завтракать, а у меня масса дѣлъ. На всякій случай знай, что я уѣзжаю черезъ недѣлю, а, затѣмъ, очень тебѣ совѣтую махнуть рукой на всѣ свои „но“ и ѣхать со мной.

XII.

За завтракомъ въ офицерской столовой Томилинъ объявилъ о своей помолвкѣ. Потребовали шампанскаго и началась попойка. Пили за здоровье Томилина и его невѣсты, потомъ за здоровье только что приглашенныхъ имъ шаферовъ: Муханова, Зорича, Брянскаго и Далена. Пили за командира полка, простившаго Томилину, въ виду радостнаго событія, лишнія дежурства,—пили за изгородь и Даленскую Леди, причемъ Хвостовъ ехидно замѣтилъ, что теперь господамъ офицерамъ остается распродать молодыхъ хорошихъ лошадей и обзавестись старыми клячами. Пили за здоровье Щепина, закопавшаго рѣдьку и за Засѣкина, проудившаго невѣсту. Потомъ, когда пить стало больше не за кого, стали качать Томилина. Хотѣли качать и Засѣкина, но тотъ, обидѣвшись на тостъ, уѣхалъ. Тогда начали качать Брянскаго, котораго, какъ общаго любимца, качали при каждомъ удобномъ случаѣ и ротмистра Ржевскаго, полкового остряка, объявившаго, что надо качать только трезвыхъ, такъ какъ прочіе уже сами „накачались“. Словомъ, повторилось явленіе, обычное въ офицерской жизни: случайная причина явилась поводомъ къ грандіозному кутежу.

Мухановъ съ Даленомъ, позавтракавъ и поздравивъ жениха, перешли въ бильярдную. Тамъ за партіей Даленъ сталъ разсказывать о своемъ горѣ.

— Ты понимаешь,—говорилъ онъ:—я смотрю на это съ точки зрѣнія экономіи. Имѣть дѣло со свѣтскими женщинами — прямой расчетъ... И вдругъ—пассажъ! Шестьсотъ рублей... Двѣнадцатаго въ среднюю.

Мухановъ усмѣхнулся. Онъ вспомнилъ теперь, какъ одна изъ первыхъ петербургскихъ портнихъ—француженка,—одно время очень благоволившая къ нему за постоянные и большіе заказы, какъ-то разъ показала, подъ большимъ секретомъ, альбомъ съ женскими фотографическими карточками, объяснивъ, что онъ можетъ изъ него выбрать любую, за извѣстную плату, конечно. Мухановъ очень удивился, найдя въ числѣ представительницъ полусвѣта нѣсколькихъ дамъ изъ такъ называемаго общества. Между ними онъ замѣтилъ и Каширову. Она была некрасива, и Мухановъ усумнился.

— C'est qu'elle est admirablement bien faite, cette dame,—объяснила француженка.—Et c'est pour son corps, parait—il, qu'on la prend... 500 roubles, monsieur. Prix fixe.

„За два раза счетъ—въ шестьсотъ“, подумалъ Мухановъ. „Маленькая уступка за игру въ чувства“.

— И теперь я нахожусь въ большой нерѣшительности,—продолжалъ Даленъ, намѣливая кій:—отвѣчать или нѣтъ и, если отвѣчать, то какъ?

А заплатить ты намѣренъ?

— Ну вотъ еще! Что я съ ума сошелъ? — пожалъ плечами Даленъ.—Смотри: отъ трехъ бортовъ—въ среднюю. И вытянувъ свое длинное тѣло по бильярду, онъ тщательно сталъ выцѣливать намѣченный шаръ.

— Въ такомъ случаѣ лучше совсѣмъ не отвѣчать,— сказалъ Мухановъ.

— Вотъ я и не знаю. Очень возможно, что это только проба и, если деликатно отказать, все обойдется благополучно... Жаль вѣдь: хороша она, чортъ ее возьми... Вотъ что,—продолжалъ онъ, вынимая изъ лузы сдѣланный Мухановымъ шаръ:—кончимъ партію и зайдемъ ко мнѣ. Я тебѣ покажу ея письмо, тогда и рѣшимъ, какъ быть.

Они доиграли партію и прошли въ уборную вымыть руки. Изъ столовой доносились громкіе крики, смѣхъ, пьяные возгласы. Кутежъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Въ уборную вошелъ Брянскій—красный, въ разстегнутомъ сюртукѣ.

— Уфъ! Жарко!—выговорилъ онъ.—Ты уходишь?— обратился онъ къ Муханову.—Я видѣлъ, какъ ты прошелъ... Погоди немного, мнѣ надо тебѣ сказать два слова... Вотъ обольюсь только.

Онъ снялъ сюртукъ и, отворотивъ воротъ рубашки, подставилъ голову подъ струю умывальника.

Мухановъ поморщился. Онъ понялъ, о чемъ хочетъ говорить Брянскій. „Впрочемъ, все равно, отъ этого не уйдешь,“ рѣшилъ онъ, подумавъ.

— Я буду въ гостиной, — сказалъ онъ. — Приходи туда.

— Хорошо, хорошо, я сейчасъ,—отвѣтилъ Брянскій, фыркая и растирая руками красную, толстую шею.

Въ дверяхъ Мухановъ наткнулся на процессію. Нѣсколько офицеровъ несли совсѣмъ пьянаго Томилина.

— Дорогу, дорогу!—кричалъ Хвостовъ.—Се женихъ грядетъ!

— Я сразу... напроломъ!—говорилъ заплетающимся языкомъ, Томилинъ.—А Засѣкинъ—съ носомъ... Муха-

новъ... другъ... поцѣлуй меня... Пойми—родство какое... Волховскіе, Стремилины, Дубецкіе... и 50 тысячъ дохода... Слышишь... И приняли... Самъ удивленъ... Поцѣлуй меня... Съ мѣста—въ карьеръ! Не далъ опомниться... Знай нашихъ!.. А Засѣкинъ—съ носомъ.

— Его положили на диванъ, и онъ затихъ. Только разъ еще, причмокнувъ губами и глубоко вздохнувъ, онъ медленно, съ разстановкой протянулъ:

— А Засѣкинъ... съ... н-о-о-сомъ.

Мухановъ прошелъ въ гостиную и подошелъ къ окну. Ему было тяжело,—тяжело, какъ всегда, когда приходилось думать о Ленѣ. „Все, что я ему скажу, будетъ передано ей... Но что я могу ему сказать... что могу ей сказать? Любилъ, а теперь не люблю... Какъ это ясно и просто... Просто... и ужасно!

Онъ вздохнулъ и печальными глазами смотрѣлъ на уродливо-оголенныя вѣтви деревьевъ, съ черною, лоснящеюся отъ сырости корою. Около корней и по бокамъ, вдавленные въ мокрую, начинавшую оттаивать землю, грязными пятнами лежали прошлогодніе листья. „Да“, думалъ онъ, „какъ дереву этому не цвѣсти этими листьями, а, когда придетъ время, покроется оно молодыми и свѣжими, такъ и сердце мое умерло для старой любви. И я въ этомъ не виноватъ... Никто не виноватъ—а... она страдаетъ, да и мнѣ не легко“.

Онъ вздрогнулъ, почувствовавъ на плечѣ прикосновеніе руки, и обернулся. Предъ нимъ стоялъ Брянскій. Лицо его имѣло какое-то сконфуженно-виноватое выраженіе. Онъ началъ быстро, не глядя на Муханова:

— Я хотѣлъ съ тобой поговорить, насчетъ Елены Михайловны. Я хотѣлъ тебѣ сказать, — и вдругъ запнулся и растерянно взглянулъ на Муханова.—Я хотѣлъ тебѣ сказать...—снова повторилъ онъ.—Ахъ, какъ

это глупо!—Онъ топнулъ ногой.—Ужасно глупо! Я далъ слово и долженъ говорить... Но я знаю, ты можешь мнѣ отвѣтить, что напрасно я суюсь въ чужія дѣла, что порядочные люди, не будучи на это вызваны, про такія вещи не говорятъ... И ты будешь правъ, тысячу разъ правъ... А потомъ—я даже не знаю, что мнѣ сказать тебѣ... Но, главное, не сердись...

Онъ остановился и съ виноватою улыбкой глядѣлъ на Муханова, ожидая отвѣта.

Мухановъ слабо усмѣхнулся.

— Въ одномъ ты можешь быть увѣренъ,—сказалъ онъ серьезно.—Я слишкомъ хорошо тебя знаю и люблю, чтобы считать твои слова навязчивыми или неумѣстными, и если разговоръ этотъ, мнѣ быть можетъ непріятенъ, то во всякомъ случаѣ сердиться на тебя я не могу и не буду.

— А я могу сказать только одно,—горячо выговорилъ Брянскій:—Она тебя сильно любитъ, ужасно страдаетъ, и мнѣ ее очень, очень жаль...

— Ахъ, все это я прекрасно знаю, — болѣзненно морщась, произнесъ Мухановъ. — Любитъ, страдаетъ, жаль ее... Но что же мнѣ-то дѣлать, когда я ее больше не люблю. Любилъ, а теперь не люблю.

Онъ отошелъ отъ окна и опустился въ стоявшее передъ каминомъ кожаное кресло.

— Любилъ... а теперь не любишь,—невольно повторилъ Брянскій, словно удивленный такимъ простымъ рѣшеніемъ сложнаго вопроса. — Что-жъ? Если не любишь...

— Ты говоришь, тебѣ ее жаль, — перебилъ Мухановъ.—А мнѣ, ты думаешь, ее не жаль? Она тебѣ симпатична—но вѣдь я ее знаю во сто разъ лучше, чѣмъ ты... Она—чудное существо. Это—такое сердце, какого

я не встрѣчалъ... И такую-то женщину, притомъ безумно меня любящую—вѣдь я это знаю—я заставляю страдать и... иначе не могу.

Онъ вскочилъ и стоялъ предъ Брянскимъ, глядя на него горящими глазами.

— И иначе не могу, потому что больше ее не люблю, потому что у меня дурацкое сердце, потому что... И я прямо говорю, я презираю себя за это!

Онъ замолчалъ и потомъ выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Бѣда въ томъ, что я не умѣю притворяться, а потому бывать у нея—для меня мука... Меня воротитъ отъ ея нѣжностей, и я становлюсь грубъ и золъ... И все это я вижу, чувствую и пересилить себя не могу.

Онъ опять сѣлъ и закрылъ лицо руками.

Брянскій хмуро дергалъ усы. Теперь ему было жаль Муханова. Но и образъ Лены, тогда у Кюба, ясно удержался въ его памяти, и въ ушахъ его раздавался звенящій мукой голосъ: „Ахъ, зачѣмъ я его такъ люблю?“ „И чортъ меня дернулъ впутываться въ эту исторію!“ думалъ онъ, дергая усы и не зная, что ему дальше дѣлать. Наконецъ, видя, что Мухановъ продолжаетъ молчать, онъ повертѣлъ шеей, вытянулъ манжеты и подошелъ къ нему.

— Что-же ей сказать?—спросилъ онъ тихо.

Мухановъ опустилъ руки и встрепенулся.

— Ахъ, Господи!—выговорилъ онъ нетерпѣливо.— То и скажи, что слышалъ.

— Такъ, значитъ, и сказать: баста, молъ, конецъ.

— Ну да, такъ и скажи,—устало протянулъ Мухановъ. Но только что онъ выговорилъ это, имъ овладѣлъ такой ужасъ, что онъ даже вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори! О концѣ не говори!—

крикнулъ онъ и, замѣтивъ удивленное выраженіе на лицѣ Брянскаго, добавилъ тише:—Это будетъ ясно само собой. Лѣтомъ я возьму большой отпускъ, и она сама пойметъ.

— Да, такъ, пожалуй, лучше будетъ,—сказалъ утвердительно Брянскій, хотя, въ сущности, не зналъ, будетъ ли это лучше или хуже.

Зайдя къ Далену и составивъ чернякъ письма къ Кашировой, въ которомъ Даленъ очень ловко, мягко, но и рѣшительно отказывался отъ уплаты по счету, Мухановъ заѣхалъ къ себѣ, переодѣлся и поѣхалъ на Милліонную, гдѣ жили Галицкіе. Тамъ швейцаръ объявилъ ему, что князя нѣтъ дома, а княгиня нездорова и не принимаетъ.

— А за докторомъ посылали?—спросилъ Мухановъ, которому это внезапное нездоровье показалось почему-то подозрительнымъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. У нихъ нервы-съ,—отвѣтилъ швейцаръ съ достоинствомъ.

„Навѣрное фокусничаетъ“, подумалъ Мухановъ сердито.

Вернувшись домой, онъ взялъ книгу, намѣреваясь остальной день провести дома. Но ему не читалось. Онъ думалъ о Ленѣ, о своемъ положеніи и чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ несомнѣннѣе казалось ему, что безъ личныхъ объясненій дѣло обойтись не можетъ. И какъ только онъ начиналъ представлять себѣ, какъ онъ станетъ объявлять ей о томъ, что между ними все кончено, ему опять дѣлалось страшно.

— Что за безобразіе!—выговорилъ онъ, наконецъ, громко, поднимаясь съ дивана.—Неужели я дошелъ до того, что не могу оставаться одинъ?

Онъ презрительно усмѣхнулся, но, постоявъ съ ми-

нуту въ нерѣшительности, позвонилъ, велѣлъ прислать лошадь къ Лѣтнему саду, надѣлъ пальто и вышелъ.

XIII.

Анатолій Степановичъ Илимовъ—мужъ Ольги Ивановны—проснулся поздно, съ головной болью и тяжестью въ желудкѣ. Накинувъ халатъ и подойдя къ зеркалу, онъ невольно поморщился. На него глядѣло опухшее, покрытое красными пятнами лицо, на которомъ мигали и слезились заплывшіе маленькіе глаза; на правомъ вискѣ выдѣлялся своею краснотою порядочный прыщъ. „И откуда ихъ столько претъ?“ соображалъ Илимовъ, тщательно разглядывая прыщъ. Онъ его потрогалъ пальцемъ. „Свѣжій!—За ночь, каналья, выскочилъ!“ Онъ высунулъ языкъ. И языкъ былъ плохъ: бѣлый по краямъ, съ толстымъ желтымъ налетомъ посрединѣ. Пощупавъ животъ, Илимовъ совсѣмъ нахмурился, подошелъ къ окну и приподнялъ занавѣску. Съ покрытаго свинцовыми тучами неба большими хлопьями падалъ снѣгъ. „Фу, скверность какая!“ выговорилъ онъ и позвонилъ. Потомъ прошелъ въ кабинетъ, сѣлъ къ письменному столу и закурилъ папиросу: „Да что-же это вчера случилось?“ спросилъ онъ себя, стараясь овладѣть все еще сонными мыслями и смутно чувствуя, что погода, желудокъ, даже прыщъ—сравнительно пустяки, а что причина его сквернаго настроенія кроется въ чемъ-то иномъ. „Да, вотъ оно что“, вспомнилъ онъ наконецъ, и ему стало окончательно не по себѣ.

Вчера вечеромъ собрались у Чеботарева. По обыкновенію, играли, и онъ, проигравъ порядочную сумму наличными, остался еще долженъ на слово около пя-

тисотъ рублей. „А все проклятый звонокъ надѣлалъ“, продолжалъ онъ припоминать. Только что ему повезло и онъ сталъ отыгрываться, какъ вдругъ—переполохъ... да еще какой. Двое заднимъ ходомъ удрали, другіе до того растерялись, что попрятались кто подъ столъ, кто подъ диванъ... А самого хозяина потомъ долго не могли найти: оказывается, влѣзъ въ ванну и крышку опустилъ. Положимъ, онъ лично не прятался, но тоже провелъ нѣсколько не особенно пріятныхъ мгновеній... И понятно, достаточно они всѣ напуганы... Тюменева, Метлигина, Кильдѣева—выслали... Другимъ такъ намылили голову, что они и теперь еще ходятъ, какъ въ воду опущенные... Одинъ онъ выскочилъ. Положимъ, и ему было сдѣлано что-то вродѣ намека, но въ очень деликатной формѣ... Это благодаря женѣ... Боятся... А, въ сущности, кому какое дѣло? О приростѣ населенія они заботятся, что-ли?.. Да, а изъ всего этого выводъ, что порядочнымъ людямъ въ Россіи жить нельзя... Онъ недовольно пожевалъ губами.

— Давай сюда,— сказалъ онъ камердинеру, вошедшему съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стоялъ хрустальный графинъ съ изумрудной, красиво переливавшейся жидкостью.

„А звонокъ оказался вовсе не такимъ страшнымъ“, продолжалъ онъ думать, наливая въ стаканчикъ зеленый шартрезъ, который онъ пилъ по утрамъ, вмѣсто чая. „Никсъ Ставицкій и съ нимъ новенькій... и очень милъ“.

Онъ налилъ и выпилъ еще стаканчикъ и тусклымъ расширенннымъ взглядомъ уставился въ уголъ комнаты. Ротъ его полуоткрылся, нижняя губа отвисла. „А сегодня—diner fin у Донона... Partie carrée, съ новенькимъ“... закончилъ онъ нить своихъ мыслей и

вдругъ встрепенулся. Онъ открылъ ящикъ письменнаго стола и осмотрѣлъ бумажникъ. Тамъ лежала всего одна сторублевка.

— Pour tout potage!—громко выговорилъ онъ.—А до перваго какъ-будто еще десять дней, да и Пасха на носу. А сегодня, но ужъ никакъ не позже завтрашняго дня, слѣдуетъ отдать проигрышъ... Недурно, сказала молодая турка...

Онъ присвиснулъ и заходилъ по комнатѣ.

„И чортъ ее знаетъ, что у ней съ Крупскимъ? Больно кривляются... Ничего не разберешь... Но какое здоровое пониженіе... Что онъ собою представляетъ? Нахальный молокососъ, мнящій себя геніемъ“.

Онъ подошелъ къ окну и забарабанилъ по стеклу пальцами. „А вдругъ не дастъ, откажетъ?.. Пустяки. Пригрожу скандаломъ—испугается“.

Его ротъ скривился нехорошею усмѣшкой. Отойдя отъ окна, онъ позвонилъ и сталъ одѣваться.

XIV.

Ольга Ивановна сидѣла за письменнымъ столомъ и что-то писала, когда вошла горничная и доложила, что Анатолій Степановичъ желаетъ ее видѣть.

Ольга Ивановна молча кивнула головой. „Вотъ какъ. Самъ явился“, подумала она съ тѣмъ непріятнымъ чувствомъ, которое у ней являлось при всѣхъ сношеніяхъ съ мужемъ. Живя вмѣстѣ, супруги видѣлись рѣдко, да и то почти всегда при другихъ. „Какъ-будто догадался, что мнѣ нуженъ... Впрочемъ, навѣрное за деньгами“.

— Тсс, Муська! — шикнула она, когда, услышавъ шаги, лежавшая въ низенькой корзинкѣ на плюшевой

подушкѣ маленькая, голая, съ поднятыми, какъ у лисицы, ушами собаченка полуоткрыла гноившіеся глаза, показала зубы и заворчала.

Въ комнату вошелъ Анатолій Степановичъ. Одѣтый въ изящный утренній костюмъ, съ гарденіей, по случаю наступающей весны, въ петлицѣ, онъ имѣлъ благодушно-веселый видъ. Развинченной походкой подошелъ онъ къ столу и, открывъ широкой улыбкою нехорошіе зубы, развязно проговорилъ:

— Comment va la précieuse? Прошу ручку.

Большіе сѣрые глаза Ольги Ивановны обдали его холодомъ.

— Я сколько разъ вамъ говорила, чтобы вы оставили эти комедіи для другихъ,—сухо произнесла она.— Мое здоровье васъ не интересуетъ, а руки я вамъ не дамъ. Садитесь.

— О, это какъ вамъ будетъ угодно, — продолжая улыбаться, отвѣтилъ Анатолій Степановичъ. — Я не обидчивъ.

Онъ сѣлъ въ широкое мягкое кресло, положилъ ногу на ногу и, оглядывая комнату, началъ медленно, растягивая слова:

— Каждый разъ, какъ я у васъ тутъ бываю, — что, къ слову сказать, случается не часто, такъ какъ, кажется, сюда допускаются лишь избранные — я каждый разъ любуюсь этой комнатой. Pas de style, mais comme goût, comme élégance — parfait.. Признаюсь, я терпѣть не могу разноцвѣтной и разнокалиберной мебели. Чувствуешь себя, какъ на толкучкѣ, comme dans un magasin de bric-a-brac... La chambre rose... Если бы это было гдѣ-нибудь въ деревнѣ, ее такъ и называли бы. Couleur de la charité — n'est ce pas? Charité par amour, amour par charité—что чаще?

Онъ лукаво подмигнулъ лѣвымъ глазомъ, но видя, что Ольга Ивановна продолжаетъ писать, снова заговорилъ.

— Да, во вкусѣ вамъ отказать нельзя... Но если хотите выслушать дружескій совѣтъ,—его голосъ сталъ особенно ласковъ и убѣдителенъ: — выбросьте, другъ мой, отсюда эту гадину, — онъ указалъ пальцемъ на корзину съ собакой.—Честное слово! Болѣе противнаго животнаго я никогда не встрѣчалъ.

Теперь Анатолій Степановичъ глядѣлъ на жену со злою усмѣшкой. Онъ зналъ, что Ольга Ивановна питаетъ какую-то болѣзненную слабость къ этой собакѣ и что малѣйшее глумленіе надъ нею раздражаетъ ее.

Но на этотъ разъ Ольга Ивановна сдержалась и, хотя брови ея на мгновеніе сдвинулись, она даже не подняла глазъ и совсѣмъ спокойно выговорила:

— Если вы сюда явились для того только, чтобы восхищаться моимъ вкусомъ и бранить мою собаку, то выбрали для этого неподходящее время. Я занята и вы мнѣ мѣшаете.

— Зачѣмъ я пришелъ?—Анатолій Степановичъ пожалъ плечами.—Вы и сами прекрасно знаете, зачѣмъ я пришелъ.

— Денегъ нужно?

— Ну, конечно... Вы позволите? Впрочемъ, здѣсь всегда курятъ.

Онъ вынулъ папиросу, закурилъ и, поднявъ голову, устремилъ глаза въ потолокъ.

Ольга Ивановна сдѣлала послѣдній росчеркъ пера и неторопливо стала складывать бумагу. Она соображала: „Это хорошо, что ему нужны деньги, легче пойдетъ на соглашеніе... Пожалуй, и къ бумагѣ не придется прибѣгать".

Она взяла заранѣе приготовленный большой конвертъ, надписала адресъ и повернулась къ Анатолію Степановичу.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ часто стали нарушать условіе — довольствоваться назначеннымъ вамъ содержаніемъ, не требуя прибавокъ,—сказала она.

— О, часто! Ce n'est pas le mot—часто! — возразилъ Анатолій Степановичъ, пуская дымъ въ потолокъ.— Всего пятый или шестой разъ въ теченіе семи лѣтъ... А потомъ, насколько мнѣ помнится, вы эти сверхсмѣтныя, такъ сказать, требованія никогда не находили странными... Положимъ, — онъ опустилъ голову и повернулся къ Ольгѣ Ивановнѣ: — я пріурочивалъ ихъ почти всегда къ такимъ моментамъ, когда... когда... какъ бы это выразиться...

Онъ замолчалъ и, насмѣшливо улыбаясь, въ упоръ смотрѣлъ на жену.

Та вспыхнула.

— Ну, что-жъ? Доканчивайте! — рѣзко выговорила она.—Или, можетъ быть, желаете, чтобы я за васъ досказала? Извольте. Вы хотите сказать, что просили у меня денегъ каждый разъ, какъ у меня являлся новый любовникъ... Такъ, что-ли?

— Вотъ, вотъ! C'est ça!—радостно закивалъ Анатолій Степановичъ. Съ вами препріятно разговаривать... Vous avez une fason vraiment superbe de mettre les points sur des „i"... chatouilleux..,

— Послушайте! — голосъ Ольги Ивановны зазвенѣлъ.—Вы только что назвали мою собаку гадиной... Знаете что? Если сравнить... Эхъ, впрочемъ, не стоитъ!

Она махнула рукой и отвернулась.

— Ха-ха-ха!—весело разсмѣялся Анатолій Степано-

вичъ.—Прелестно! Не хотите-ли, чтобы на этотъ разъ я за васъ докончилъ?

Ольга Ивановна пожала плечами.

— Какъ угодно,—презрительно выговорила она.—Должна вамъ сказать только одно: на этотъ разъ вы со своимъ требованіемъ явились не во-время.

— Это почему?

— Да потому, что какъ разъ теперь у меня нѣтъ любовника... ни стараго, ни новаго.

— Какъ такъ?—удивился Анатолій Степановичъ.—А Крупскій?

— Крупскій?—Ольга Ивановна покачала головой.—Нѣтъ.

— Ну, если-нѣтъ, то будетъ. Это все равно. Я, пожалуй, и подождалъ бы, но дѣло въ томъ, что мнѣ деньги дьявольски нужны. Видите ли...

— Не трудитесь объяснять... Это тоже—все равно... такъ какъ, несмотря даже на то, что вамъ деньги дьявольски,—подчеркнула она иронически—нужны,—вы ихъ не получите.

— Вотъ пустяки!—Глаза Анатолія Степановича безпокойно забѣгали, и онъ заерзалъ на стулѣ. „Неужели не дастъ?“ думалъ онъ. „И дернуло меня заговорить про эту собаченку“.

— Вѣдь мнѣ немного и надо,—продолжалъ онъ небрежно:—всего какихъ-нибудь двѣ тысячи. Вы можете ихъ дать въ видѣ, такъ сказать, маленькаго аванса.

И, не выдержавъ, по привычкѣ, онъ прищурилъ лѣвый глазъ и щелкнулъ языкомъ.

— Я вамъ сказала—не дамъ,—равнодушно протянула Ольга Ивановна.—Вы только за этимъ пришли?

На лицѣ Анатолія Степановича красныя пятна сдѣлались ярче.

— Вы бы подумали раньше, чѣмъ такъ рѣшительно мнѣ отказывать,—выговорилъ онъ рѣзко.—Мнѣ измѣниться нетрудно... И мнѣ можетъ надоѣсть на все смотрѣть сквозь пальцы...

— И лишиться содержанія?.. Такъ?—иронически усмѣхнулась Ольга Ивановна.

— О, къ чорту, ваше содержаніе!—прокричалъ онъ, вскакивая.—Я вамъ говорю, что мнѣ нужны сейчасъ двѣ тысячи. И вы ихъ дадите, а не то...

— А не то? — продолжая улыбаться, повторила Ольга Ивановна и встала.

— А не то... я вамъ устрою такой скандалъ... такой скандалъ...

И онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ рукой.

Нѣсколько секундъ смотрѣли они молча другъ другу въ глаза, и вдругъ Анатолію Степановичу сдѣлалось жутко. Онъ нервно повелъ плечами и, сразу измѣнивъ тонъ, выговорилъ просительно:

— Ну, прошу васъ... дайте.

— Такъ то лучше,—сказала Ольга Ивановна.—А теперь садитесь и слушайте. Я вамъ сдѣлаю маленькое предложеніе и отъ того, какъ вы отнесетесь къ нему, будетъ зависѣть дальнѣйшее.

XV.

Ольга Ивановна отошла къ письменному столу и сѣла. Сердце ея усиленно билось. Хотя Крупскій и увѣрялъ, что достаточно будетъ пригрозить содержаніемъ бумаги, которая лежала теперь предъ нею въ конвертѣ, и Анатолій Степановичъ согласится на все, тѣмъ не менѣе она сама, зная мужа, далеко не была убѣждена въ этомъ. Онъ такъ золъ и такъ ее ненави-

дить, что готовъ будетъ, пожалуй, пойти на большія непріятности, лишь бы сдѣлать ей наперекоръ. Положимъ, въ случаѣ крайности, она ни передъ чѣмъ не остановится: начнетъ дѣло помимо его согласія. Но такое грязное и скандальное будетъ это дѣло, что она безъ содроганія не можетъ объ этомъ и думать... Это— такая крайность, которую надо во что бы то ни стало избѣжать. Тѣмъ болѣе, что еще вопросъ, согласенъ ли будетъ Крупскій на ней жениться послѣ такой огласки? Онъ со дня на день ждетъ назначенія на важный административный постъ—потому такъ ее и торопитъ—пожалуй, найдетъ такой скандалъ неудобнымъ по соображеніямъ чисто служебнымъ. Для него карьера—все, и онъ не постѣснится, въ случаѣ чего, отбросить ее— Ольгу Ивановну—какъ негодную щепку... Но за это она его и любитъ, за его умъ и желѣзную волю. Онъ жестокій, но сильный... А этотъ, который сидитъ тутъ, предъ нею и весь насторожился, такъ какъ почуялъ нѣчто особенное... О, гадина!

Ольга Ивановна нервно поглаживала пальцами лежавшій предъ нею конвертъ, а потомъ, вынувъ изъ него бумагу, стала ее просматривать, хотя то, что было въ ней написано, она знала почти наизусть.

Анатолій Степановичъ искоса на нее поглядывалъ. При словѣ: „предложеніе“ онъ какъ-то весь вытянулся и теперь ломалъ себѣ голову, стараясь угадать, въ чемъ дѣло. „Зачѣмъ такой большой листъ?“ думалъ онъ, съ любопытствомъ слѣдя за движеніями Ольги Ивановны и чуя, что этотъ листъ имѣетъ какое-то отношеніе къ предложенію, которое будетъ ему сейчасъ сдѣлано.

Просмотръ бумаги видимо достигъ цѣли, такъ какъ, когда Ольга Ивановна, сложивъ ее и даже не обер-

нувшись, выговорила:—Что вы съ меня возьмете за разводъ?—вопросъ этотъ прозвучалъ такъ просто и естественно, что она сама внутренно усмѣхнулась.

Анатолій Степановичъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Какъ—за разводъ! Вы хотите разводиться?—произнесъ онъ съ изумленіемъ.

Но Ольга Ивановна молчала, и рой мыслей закружился у него въ головѣ. Ничего подобнаго онъ не ожидалъ. Но, во всякомъ случаѣ, ему сейчасъ же стали ясны двѣ вещи: во-первыхъ, онъ получитъ деньги,—во-вторыхъ, Ольга Ивановна теперь въ его рукахъ. Онъ крякнулъ отъ удовольствія, усѣлся глубже въ кресло и, вынувъ портсигаръ, съ особенной отчетливостью чиркнулъ спичкой.

— Ну-съ?—протянула Ольга Ивановна.

Анатолій Степановичъ перекинулъ ногу за ногу.

— Такъ вы желаете разводиться... вотъ какъ?—не торопясь произнесъ онъ.—Что-жъ, объ этомъ можно подумать... Но, вы понимаете, дѣло это настолько важно... и вы меня застали совершенно врасплохъ... Такъ, сразу я не могу отвѣтить... Надо пообдумать, сообразить... А то, согласитесь...

— Перестаньте ломаться!—рѣзко перебила Ольга Ивановна.—Обдумывать тутъ нечего. Вы мнѣ должны сейчасъ же отвѣтить, согласны вы дать мнѣ разводъ и сколько за это возьмете?

„Ишь загорѣлось“, подумалъ Анатолій Степановичъ, мелькомъ взглянувъ па жену, нетерпѣливо постукивавшую разрѣзнымъ ножомъ. „Ничего, голубушка, подождешь. Дать денегъ ты мнѣ не хотѣла—такъ теперь и потомись“.

Онъ усмѣхнулся и, поднявъ лѣвую руку, погру-

зился въ разсматриванiе мизинца, на которомъ ноготь былъ отпущенъ до размѣровъ большого когтя.

— Вы знаете,—сказалъ онъ, наконецъ:—во всемъ Петербургѣ только у меня да у Петьки Дмитровскаго такiе ногти... И у меня длиннѣе... право... Что у васъ тутъ сантиметра нѣтъ? Я уже цѣлую недѣлю не мѣрилъ, интересно знать, сколько прибавилось?... А? Нѣтъ у васъ сантиметра?

Ольга Ивановна закусила губу.

— Вы что-же намѣрены мнѣ отвѣтить?—выговорила она тихимъ, дрожавшимъ голосомъ, еле сдерживаясь.

— Ахъ, Боже мой! Какое, подумаешь, нетерпѣнiе... Да какъ же это такъ, сразу?... О-о-охъ!—громко зѣвнулъ онъ и потянулся.—Да, я, знаете, плохо спалъ эту ночь,—продолжалъ онъ, словно отвѣчая на сдѣланный Ольгой Ивановной вопросъ. И потомъ, помолчавъ:—Вы понимаете, въ принципѣ я противъ развода ничего не имѣю... А на счетъ того, сколько я за него возьму, то это легко высчитать. Капитализируйте мои двѣнадцать тысячъ годовыхъ, накиньте тысячъ пятьдесятъ... ну, скажемъ, шестьдесятъ на обстановку,—онъ обвелъ глазами комнату:—вѣдь мнѣ придется заводить все сызнова — вотъ и все. Я великодушенъ, многаго не требую.

Ольга Ивановна вздохнула съ облегченiемъ.

— Ну и прекрасно. Въ такомъ случаѣ, вотъ вамъ карточка, — она взяла со стола визитную карточку.— Поѣзжайте по адресу и сдѣлайте все то, что этотъ господинъ отъ васъ потребуетъ. Привезите отъ него записку и тогда получите свои двѣ тысячи... И даже—en plus, не въ счетъ денегъ за разводъ, — закончила она съ улыбкой.

Анатолiй Степановичъ взялъ карточку. „Владимiръ

Петровичъ Миловидовъ, присяжный повѣренный", прочелъ онъ. Потомъ покачалъ головой и, отдавая ее назадъ, произнесъ:

— Такъ вы хотите начать дѣло сейчасъ?

— Даже сію минуту,—твердо выговорила Ольга Ивановна.

Анатолій Степановичъ заложилъ руки въ карманы и вытянулъ ноги.

— Ну нѣтъ, сейчасъ мнѣ неудобно... Я вѣдь говорилъ, что согласенъ въ принципѣ... Но сейчасъ... Нѣтъ, нѣтъ... объ этомъ и толковать нечего.

Анатолій Степановичъ говорилъ не совсѣмъ зря. Ему дѣйствительно неудобно было теперь же начинать дѣло о разводѣ, въ виду исторіи, приключившейся недавно съ ихъ компаніей. Непремѣнно найдутъ связь между разводомъ и этой исторіей, пойдутъ разговоры, пожалуй, еще придерутся... Нѣтъ, нѣтъ... Онъ не прочь отъ развода, ему даже улыбается эта мысль... но только не теперь, не сейчасъ.

У Ольги Ивановны опять забилось сердце.

— Не подрудитесь ли объяснить, почему именно вамъ неудобно?—спросила она тихо.

— О, разныя тамъ соображенія... Нѣкоторыя обстоятельства совершенно личнаго, интимнаго характера... Вообще, ничего для васъ интереснаго.

Онъ съ утомленнымъ видомъ зѣвнулъ и закрылъ глаза.

— Но если для меня разводъ имѣетъ значеніе лишь подъ условіемъ, чтобы онъ состоялся въ самомъ непродолжительномъ времени, если отъ этого зависитъ мое... мое... ну, положимъ, счастіе,—она выговорила это слово съ замѣтнымъ усиліемъ...—неужели вы и въ та-

комъ случаѣ не пожертвуете своими интересами личнаго, какъ вы выразились характера?

— Все это вздоръ, — увѣренно рѣшилъ Анатолій Степановичъ.

— Подумаешь, семь лѣтъ жили вмѣстѣ, а теперь вдругъ — подавай въ одну недѣлю разводъ. Знаете, Европа не обидится, если и подождете... Ah, Bah!— вдругъ воскликнулъ онъ, хлопнувъ себя по лбу и быстро повертываясь къ Ольгѣ Ивановнѣ.—Да неужели? Вотъ такъ штука. Est—ce que par hasard madame aurait l'intention de se marier? Ха-ха-ха!

И онъ громко хохоталъ, щуря и безъ того маленькіе заплывшіе глаза.

— Перестаньте!—сказала Ольга Ивановна, и въ ея голосѣ послышалась горькая нотка, невольно прекратившая смѣхъ Анатолія Степановича и заставившая его съ удивленіемъ поднять брови.—Дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы полагаете... Послушайте,—она перегнулась черезъ спинку стула и пытливо уставилась на мужа:—Предположимъ, вы угадали, предположимъ, я люблю человѣка, и этотъ человѣкъ меня любитъ, и я хочу выйти за него, и въ этомъ его и мое счастіе,— но это возможно, если я получу разводъ теперь же, а потомъ поздно будетъ... Неужели вы и въ такомъ случаѣ не согласитесь?

Не сводя глазъ съ мужа, она съ замираніемъ сердца ждала отвѣта.

Тотъ брезгливо поморщился.

— О, мнѣ это совершенно безразлично!—грубо отрѣзалъ онъ. Его, какъ бичомъ, хлестнулъ искренній тонъ Ольги Ивановны. Женщина, которой онъ когда-то сильно, хотя и своеобразно добивался, которая съ перваго дня свадьбы выказывала къ нему глубокое отвра-

щеніе, которая и теперь продолжала возбуждать въ немъ похоть извращенныхъ инстинктовъ,—эта женщина говоритъ ему теперь о своей любви къ другому, и онъ видитъ, чувствуетъ, что она этого другого дѣйствительно любитъ. Что у нея были любовники прежде—это ему все равно: онъ зналъ, что она ни одного изъ нихъ не любила... И вдругъ теперь она осмѣливается любить...

— Совершенно безразлично,—повторилъ онъ еще разъ, дѣлая гримасу.—Какія ни были бы мои причины, онѣ все-таки навѣрное, гораздо важнѣе вашихъ тамъ разныхъ... любвей... И вотъ еще что—я васъ предупреждаю,—я и въ будущемъ обѣщаю вамъ разводъ лишь въ томъ случаѣ, если вы сейчасъ же дадите мнѣ двѣ тысячи... нѣтъ, не двѣ, а пять—двухъ мало. Если же нѣтъ, то и разводъ—фьютъ!

Онъ свиснулъ и махнулъ рукой.

Ольга Ивановна поблѣднѣла и встала. По лицу ея прошла судорога, губы дрожали. Она вплотную подошла къ креслу Анатолія Степановича.

— Что вы за человѣкъ?!—выговорила она, и въ голосѣ ея послышались металлическія ноты.—Вы были мнѣ всегда противны и гадки, но такой низости и подлости я все-таки не ожидала. Неужели вамъ никогда не приходило въ голову, какъ много вы предо мною виноваты?.. Что вы со мной сдѣлали? Я выходила за васъ... о, не скажу—неопытной дѣвочкой, только что выпущенной институткой, нѣтъ... но мысли у меня были честныя, и я думаю, мнѣ кажется, что изъ меня вышла бы жена, не хуже другихъ... А вы, что со мной сдѣлали? Чѣмъ меня встрѣтили? Господи, Боже мой! У меня и теперь еще стоитъ въ ушахъ та ваша ужасная фраза... Помните, что вы мнѣ тогда сказали? „Ну,

что касается до этого, то вамъ безпокоиться нечего. На это всегда найдутся любители... больше, чѣмъ нужно". О, какъ вы были тогда отвратительны. Вѣдь я чуть съ ума не сошла, и будь я хоть капельку неопытнѣе... А потомъ? Не добившись своего, вы махнули на меня рукой и стали сводить со стоющими любовниками. Вы караулили у дверей и... дѣлали карьеру. Только и заботились о томъ, чтобы я не спускалась ниже извѣстнаго уровня... Но мнѣ было все равно. Я брала любовниковъ не любя, и вы радовались моимъ и своимъ успѣхамъ и продолжали вести свою позорную, грязную жизнь, благо я вамъ въ деньгахъ не отказывала... И такъ—семь лѣтъ, цѣлыхъ семь лѣтъ. И вотъ теперь, когда я прошу васъ освободить меня и этимъ хоть немного искупить все то зло, которое вы мнѣ сдѣлали— вы и то не можете... Какъ вы подлы! Вы думаете, я не понимаю, почему вамъ теперь неудобно? Вы думаете, я не знаю вашихъ грязныхъ исторій и что я для васъ ширма? Но теперь довольно! И я въ послѣдній разъ васъ спрашиваю, желаете ли вы сейчасъ же ѣхать по этому адресу?

Она быстро вернулась къ столу и взяла визитную карточку.

Анатолій Степановичъ вскочилъ. Его трясла злоба. Никогда еще Ольга Ивановна не была съ нимъ такъ презрительно откровенна.

— Да вы, кажется, съ ума сошли!—крикнулъ онъ

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ читайте.

И Ольга Ивановна протянула ему лежавшую на столѣ бумагу.

Анатолій Степановичъ взялъ ее, развернулъ и сталъ читать. Прочелъ начало, тихо ахнулъ, побагровѣлъ и, не дочитавъ, скомкалъ ее и швырнулъ на полъ.

— И вы хотите... эту бумагу послать?—выговорилъ онъ хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ.

— Какъ же я пошлю ее, когда вы обошлись съ нею такъ невѣжливо?—усмѣхнулась Ольга Ивановна.—Нѣтъ, я ее спеціально для васъ приготовила... Я намѣрена поѣхать сама и разсказать все то, что въ ней написано... Можетъ быть и еще кое-что прибавлю.

— И вы рѣшитесь пойти на такой скандалъ... на такой стыдъ?—растерянно, почти не сознавая, что говоритъ, пробормоталъ Анатолій Степановичъ.

— Стыдъ! Кому стыдъ?.. Развѣ мнѣ?... А потомъ поймите вы,—отчеканила она:—что я, для того чтобы отъ васъ избавиться, на все пойду... Ну-съ, желаете взять карточку?

Она пристально смотрѣла на него, и взглядъ ея большихъ сѣрыхъ глазъ былъ полонъ такой холодной рѣшимости, что Анатолій Степановичъ понялъ, что его дѣло проиграно.

Въ безсильной злобѣ онъ затопалъ ногами.

Давно уже ворчавшая голая собаченка выскочила изъ корзины и съ громкимъ лаемъ бросилась ему въ ноги.

— Уберите вы эту гадину, а то я—ей Богу,—сверну ей шею!—визгливо прокричалъ онъ.

Ольга Ивановна заслонила собаку.

— Ну-съ?—повторила она, опять протягивая карточку.—Или мнѣ самой ѣхать?

— О, чортъ побралъ бы васъ всѣхъ!—крикнулъ онъ бѣшено и, схвативъ карточку, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Когда вернетесь, не забудьте зайти за деньгами,—насмѣшливо кинула ему вслѣдъ Ольга Ивановна.

Она глубоко и съ облегченіемъ вздохнула, взяла листикъ почтовой бумаги и быстро набросала нѣсколько

строкъ. Потомъ позвонила и приказала снести записку Крупскому.

XVI.

Мухановъ лежалъ еще въ постели, когда ему подали записку отъ Лидіи Петровны. Она очень жалѣла, что не могло его вчера принять и просила заѣхать сегодня въ пять часовъ. Она обѣдаетъ у Савинскихъ и съ пяти никого принимать не будетъ.

Однако, когда Мухановъ подъѣхалъ къ дому Галицкихъ, у крыльца стояла пролетка съ кучеромъ въ галунахъ. Мухановъ поколебался даже, входить ли ему; но, взглянувъ на часы и увидѣвъ, что было еще безъ четверти пять, подумалъ, что времени до обѣда много и что гость можетъ скоро уѣхать.

У Лидіи Петровны сидѣлъ одинъ изъ секретарей французскаго посольства, недавно назначенный въ Петербургъ, а потому считавшій долгомъ говорить о впечатлѣніяхъ, получаемыхъ имъ отъ „la grande capitale du Nord". Онъ болталъ безъ умолку, и то и дѣло восклицалъ: „Oh, la Russie! Oh, St-Pétersbourg! Oh, les femmes russes!

Лидія Петровна была уже одѣта къ обѣду. Кто не видѣлъ ее съ Нагорнаго, тотъ, пожалуй, сразу и не узналъ бы, до того измѣнилась ея наружность. Она очень пополнѣла, прозрачная блѣдность лица смѣнилась хорошимъ здоровымъ румянцемъ; отъ прежней вялости движеній и слѣда не осталось. На ней было шелковое платье demi-montante, цвѣта chameau, отдѣланное серебрянымъ кованымъ галуномъ съ чернью. Овальный вырѣзъ полуобнажалъ грудь, и каждый разъ какъ секретарь смотрѣлъ на этотъ вырѣзъ, глаза его дѣлались маслеными. Наконецъ онъ уѣхалъ. Лидія

Петровна встала и, подойдя къ Муханову, протянула ему обѣ руки.

— Какъ не стыдно. Не былъ цѣлыхъ четыре дня.. Совсѣмъ забылъ,—съ упрекомъ выговорила она.

— Я вчера заѣзжалъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, цѣлуя, длинные, тонкіе, покрытые кольцами и пахнувшіе ирисомъ пальцы.

— Пойдемте ко мнѣ, тутъ какъ-то неуютно... Нѣтъ, нѣтъ, только не сегодня,— продолжала она, садясь на кушетку и отстраняя Муханова, хотѣвшаго ее обнять:— Вы видите, я en grande tenue, меня сегодня трогать нельзя.

Мухановъ пожалъ плечами.

— Сегодня нельзя, потому что изомнешь, завтра— потому что гости будутъ, вчера — потому что голова болѣла... Прекрасно.

— Ну, не дуйтесь. — Она наклонилась, заглядывая ему въ глаза.—Разскажите лучше, что вы все это время дѣлали? А чтобы вамъ не было скучно разсказывать— вотъ вамъ.—И она протянула ему руки.

— Мнѣ мало,—сказалъ Мухановъ улыбаясь и чувствуя, какъ теплота этихъ мягкихъ, душистыхъ рукъ передается его тѣлу.

— А вы обѣщаете быть паинькой?

Мухановъ молча кивнулъ головой. Повторялась обычная исторія. Сколько разъ говорилъ онъ себѣ, уходя отъ Лидіи Петровны послѣ такихъ свиданій наединѣ, что надо положить этому конецъ, что смѣшно и глупо играть роль какого-то аркадскаго пастушка, платоническаго вздыхателя, и, тѣмъ не менѣе, каждый слѣдующій разъ, онъ не находилъ въ себѣ воли быть рѣшительнымъ.

Вообще, насколько въ его прежнихъ многочислен-

ныхъ романахъ все было просто и ясно, настолько въ теперешнихъ его отношеніяхъ къ Лидіи Петровнѣ многое представлялось смутнымъ и неопредѣленнымъ. Онъ зналъ Лидію Петровну еще дѣвочкой и въ тѣ времена, по шутливому увѣренію брата ея—Брянскаго, она его „обожала". Взрослой—она, какъ и прочія барышни его круга, перестала для него существовать. Потомъ она вышла замужъ за Галицкаго и онъ потерялъ ее изъ вида. Когда же нынѣшнею осенью они явились въ Петербургъ, онъ сразу, какъ близкій родственникъ Галицкаго, оказался въ ихъ домѣ на самой короткой ногѣ. И закокетничала съ нимъ Лидія Петровна также почти съ перваго дня, а онъ, которому Лена тогда уже надоѣла, со „свободнымъ" поэтому сердцемъ, пошелъ ей навстрѣчу очень охотно. Сближеніе наступило быстро, слово „любовь" засклонялось на всѣ падежи. Но тогда-то появилось то смутное и неопредѣленное, что выводило изъ себя Муханова. Во-первыхъ, онъ любилъ жену человѣка, котораго, помимо родственныхъ отношеній, онъ уважалъ, пожалуй, болѣе всѣхъ другихъ знакомыхъ ему людей. Что онъ любилъ его жену это еще ничего:—чувство—свободно, ни приказывать, ни запрещать ему нельзя; но сдѣлаться ея любовникомъ, обманывать Галицкаго—на это онъ пойти не могъ. Онъ уже давно и твердо рѣшилъ, что какъ только настанетъ критическій моментъ сближенія, онъ откровенно объяснится съ Галицкимъ. Что выйдетъ изъ этого, какъ отнесется Галицкій къ объясненію, что будетъ дальше—онъ рѣшительно не могъ себѣ представить, и эта неопредѣленность будущаго, въ связи съ малою пріятностью самого объясненія, дѣйствовала на него расхолаживающимъ образомъ, заставляла при свиданіяхъ съ Лидіей Петровной наединѣ быть сдержаннымъ, не торопить

наступленіе рѣшающаго момента. Въ свою очередь и Лидія Петровна, дойдя до поцѣлуевъ очень быстро, дальше однако не шла. Почему? Вслѣдствіе холодности натуры? Нѣтъ, онъ зналъ, что нѣтъ. Изъ боязни измѣнить мужу? Вздоръ! Это лишь въ романахъ описывается трогательная борьба чувства съ долгомъ, ну а онъ въ эти благоглупости не вѣритъ. Въ такомъ случаѣ — отъ недостатка любви? Вотъ это всего вѣрнѣе. Любитъ то она его—любитъ, но не до самозабвенія. не такъ, какъ онъ привыкъ, чтобы его любили... Ну, а онъ самъ, насколько сильно онъ ее любитъ? Но даже и на этотъ вопросъ Мухановъ опредѣленно отвѣтить не могъ. Иногда ему казалось, что онъ затронутъ очень мало, что онъ только отвѣчаетъ на чувство Лидіи Петровны, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, вчера утромъ, когда Галицкій предложилъ ему ѣхать къ голодающимъ, у него больно сжалось сердце и онъ очень ясно почувствовалъ, что разстаться съ нею теперь онъ не въ силахъ.

До самаго послѣдняго времени Мухановъ видѣлъ свой жизненный путь очень ясно, шелъ по немъ, не колеблясь и не уклоняясь въ стороны. Теперь же все перепуталось. Хотя отвращеніе къ службѣ, къ теперешней жизни вообще, достигнувъ, казалось, крайнихъ предѣловъ, требовало немедленнаго выхода изъ полка и отъѣзда изъ Петербурга, и Мухановъ сознавалъ, что долженъ это сдѣлать во что бы то ни стало, онъ въ то же время чувствовалъ, что сдѣлать этого не можетъ. Съ одной стороны — Лена, смутный страхъ того, что произойдетъ, когда она узнаетъ, что онъ разорвалъ съ нею окончательно,—съ другой — Лидія Петровна, которую онъ не въ силахъ покинуть. При такихъ обстоятельствахъ оставалось лишь одно: махнуть на все рукой и плыть по теченію. Но для Муханова, привык-

шаго всегда чувствовать подъ собою твердую почву, такое положеніе было крайне мучительно. Онъ какъ-то растерялся, утратилъ спокойствіе духа и сталъ не въ мѣру раздражителенъ. Сегодня же его нервы были особенно натянуты: его преслѣдовало воспоминаніе о вчерашнемъ предложеніи Галицкаго, о глупости и пошлости отказа. Его возбужденіе не укрылось отъ Лидіи Петровны, но растолковала она его по своему: „Слишкомъ натянула вожжи, надо ослабить", рѣшила она. Придвинувшись къ Муханову, она обняла его шею рукой и прислонила голову къ его плечу.

— Ну-съ, что-же вы дѣлали все это время?—протянула она нѣжно.

— Да ничего... Все то же, ничего интереснаго,— нехотя отвѣтилъ онъ. Ему было хорошо и говорить не хотѣлось.

— А тамъ... на Литейной, покончили?

Мухановъ поморщился.

— Нѣтъ.

Она быстро отъ него отодвинулась.

— А вѣдь вы обѣщали.

И теперь глаза ея смотрѣли на него холодно и строго.

— Все это вздоръ, — произнесъ онъ хмурясь, недовольнымъ тономъ. — Вы прекрасно знаете, что я ее не люблю, что я туда не ѣзжу... Вѣдь это главное. А вы требуете непремѣнно формальнаго разрыва, который ничего рѣшительно ни прибавить, ни измѣнить не можетъ. Зачѣмъ это?

— Я одного не пойму,—сказала она настойчиво:— если вы ее дѣйствительно не любите, то и разорвать вамъ не трудно... И разъ я объ этомъ прошу...

— Не понимаете?—перебилъ онъ нетерпѣливо.—Не понимаете, что форменный разрывъ... vas te promener..

всегда оскорбителенъ и что мнѣ тяжело нанести такое лишнее и ненужное оскорбленіе женщинѣ, которая, къ сожалѣнію, продолжаетъ меня любить?

— Я знаю только одно, — упрямо возразила она:— пока нѣтъ окончательнаго разрыва—остается возможность возврата, а вы всѣ на такой возвратъ склонны. Вотъ это я знаю.

Мухановъ пожалъ плечами.

— Ужъ если говорить о возвратѣ, то вѣдь онъ возможенъ и послѣ разрыва.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Да, все это вздоръ!—сказалъ онъ, останавливаясь предъ Лидіей Петровной и махнувъ рукой. — Все это придирки и больше ничего. Вы играете со мной, какъ съ какимъ-то мальчишкою... говорите, что любите... Пять мѣсяцевъ мы видимся изо дня въ день, а между тѣмъ... Зачѣмъ вы меня мучаете? — голосъ его задрожалъ.—Поймите, что я—человѣкъ, что я не каменный, что я такъ больше не могу!

Онъ сердитыми, почти злыми глазами смотрѣлъ на Лидію Петровну. А ей гнѣвъ этотъ, казалось, былъ пріятенъ, такъ какъ взоръ ея становился все мягче и ласковѣе. Вдругъ она улыбнулась и нѣжнымъ шопотомъ произнесла:

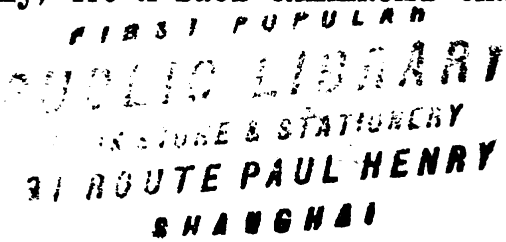
— Милый...

Мухановъ топнулъ ногой.

— Милый, милый!.. Неправда, не милъ я вамъ. Я больше не могу... Я уѣду!

Чуть замѣтная судорога прошла по лицу Лидіи Петровны. Она встала, подошла къ молодому человѣку и положила ему руки на плечи.

— Да, милый, милый... Неужели вы не понимаете, что это потому, что я васъ слишкомъ сильно люблю...

Онъ передернулъ плечами.

— Странная логика! Мучаете, потому что любите... Кого люблю, того и бью... Такъ, что-ли?

Она, не отвѣчая, смотрѣла ему въ глаза.

— Если бы вы только знали, какъ я васъ люблю,— еще тише выговорила она, близко къ нему наклоняясь.

Онъ провелъ рукой по лбу, словно отгоняя какую-то навязчивую мысль.

— А вы? Любите ли меня хоть немножко?

Онъ привлекъ ее къ себѣ. И опять близость ея молодого, теплаго тѣла наполняла его сладостнымъ трепетомъ и опять онъ находился въ ея власти.

— Зачѣмъ вы меня мучаете? — произнесъ онъ съ волненіемъ.

Лидія Петровна покачала головой.

— А зачѣмъ вы не отвѣчаете на мой вопросъ?

И она пристально смотрѣла ему въ глаза.

Муханову стало не по себѣ. Онъ отвернулся, но чувствуя, что отвѣтъ необходимъ, сказалъ:

— Не любилъ бы, не мучался бы.

Она глубоко вздохнула, опрокинула голову и опустилась къ нему на руки. Мухановъ сталъ жадно цѣловать ея лицо, глаза, шею...

Раздался звонъ часовъ. Лидія Петровна вздрогнула и, какъ змѣя, выскользнула изъ его рукъ.

— Уже шесть,—торопливо выговорила она.—Мнѣ пора.

У Муханова кружилась голова, сердце усиленно билось и въ вискахъ стучало.

— Уже шесть,—безсознательно повторилъ онъ.

Лидія Петровна быстро къ нему шагнула и, пригнувъ его голову, прошептала на ухо:

— Теперь уже недолго... на Пасхѣ.—И, крѣпко поцѣловавъ, выбѣжала изъ комнаты.

Мухановъ нѣсколько секундъ стоялъ неподвижно, глядя ей вслѣдъ, потомъ медленно повернулся и вышелъ; но, дойдя до лѣстницы, опять остановился въ нерѣшительности. У него звучали въ ушахъ послѣднія ея слова: „Теперь уже недолго... на Пасхѣ". „Ничего не подѣлаешь, надо сказать, пора... Но, Боже, какъ непріятно". Онъ съ досадой щелкнулъ пальцами и жалкая усмѣшка скривила его губы. „Любишь кататься—люби и саночки возить", вспомнилось ему вдругъ. „Ахъ, какъ глупо!" Лицо его брезгливо сморщилось. „Но неужели меня даже на это не хватитъ?" Еще секунда колебанія—и онъ поднялъ голову и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и стиснутыми зубами направился на половину Галицкаго.

У дверей кабинета предъ нимъ вытянулся Федосюкъ.

— Здравствуй, Федосюкъ. Что князь у себя?

„А вдругъ его нѣтъ?" Онъ съ робкою надеждой смотрѣлъ на Федосюка, лицо котораго расплылось въ широкую улыбку, какъ всегда, когда ему приходилось разговаривать съ офицеромъ его бывшаго полка.

— Здравія желаемъ в-у в-ію! Такъ точно-съ, дома. Пожалуйте.

И онъ широко распахнулъ дверь.

Мухановъ вошелъ, но тотчасъ же невольно попятился. Галицкій былъ не одинъ. Противъ него, по другую сторону письменнаго стола, сидѣли двое молодыхъ людей въ студенческихъ мундирахъ, молодая дѣвушка въ простенькомъ, гладкомъ, темнаго цвѣта платьѣ и среднихъ лѣтъ статскій, высокій блондинъ, въ очкахъ.

— Входи, входи, Николай!—крикнулъ Галицкій.— Ты не помѣшаешь, мы сейчасъ кончаемъ... Это мой маленькій отрядъ, который отправляется сегодня въ Богучарово,—продолжалъ онъ, улыбаясь и указывая на сидѣвшихъ противъ него.—А это, господа, мой двоюродный братъ... Въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, и онъ къ намъ присоединится. Ну-съ, Викторъ Викторовичъ,—обратился онъ къ господину въ очкахъ:— теперь, кажется, все. Маршрутъ и письмо я вамъ передалъ, о вашемъ пріѣздѣ телеграмма послана, и васъ тамъ встрѣтятъ... Такъ что теперь мнѣ остается еще разъ поблагодарить васъ, господа, за отзывчивость и пожелать вамъ счастливаго пути... Черезъ недѣлю, самое большее—десять дней, я буду съ вами.

Проводивъ уходившихъ до дверей, онъ вернулся къ Муханову и оживленно проговорилъ:

— Я очень, очень радъ, что удалось все устроить такъ скоро... Удивительно отзывчивый народъ: желающихъ оказалось куда больше, чѣмъ требовалось... И еще два господинчика у меня въ запасѣ, тѣхъ привезу уже съ собой... Ну, а ты еще не надумалъ? Ѣдешь, или все еще...—И вдругъ онъ круто оборвалъ и въ его голосѣ послышалось безпокойство:—Да что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ?

— Мнѣ надо съ тобой поговорить,—тихо, уставившись глазами въ коверъ, выговорилъ Мухановъ.

— Да что такое? Говори скорѣй, я слушаю.

Пытливо въ него вглядываясь, онъ сѣлъ и вдругъ невольно усмѣхнулся. „Неужели?“ подумалъ онъ. „Ахъ, бѣдный!“

— Я пришелъ тебѣ сказать, что люблю Лидію Петровну и имѣю основаніе думать, что и она меня лю-

бить... Но и тебя я слишкомъ люблю и уважаю, чтобы обманывать... И вотъ... А теперь дѣлай, что хочешь.

Мухановъ глубоко передохнулъ. Его правая нога быстро и нервно отбивала по ковру дробь, и онъ, не отрываясь, глядѣлъ на нее тяжелымъ, напряженнымъ взглядомъ.

„Однако Крупскій хорошо его знаетъ", думалъ Галицкій. Ему было и жаль Муханова и въ то же время смѣшно и, какъ-будто, чуть-чуть гадливо. Онъ чувствовалъ себя, какъ наставникъ, которому ученикъ откровенно признался въ несовсѣмъ красивой шалости, и невольно въ его отвѣтѣ прозвучала насмѣшливая нотка:

— Ты, безъ сомнѣнія, поступилъ очень честно и тебѣ, я вижу, нелегко... И, тѣмъ не менѣе, не могу не сказать, что ты совершенно напрасно безпокоился.

Муханова всего передернуло. Онъ вскинулъ головой и широко-открытыми глазами уставился на Галицкаго. И столько растерянности и недоумѣнія было въ его взглядѣ, что Галицкій, почувствовавъ, что не выдержитъ и сейчасъ расхохочется, быстро всталъ, отошелъ къ письменному столу и, отвернувшись, сталъ закуривать папиросу.

— Да, да... И удивляться тутъ нечему... Дѣло въ томъ, что мы разводимся.

— Разводитесь?—какъ это повторилъ Мухановъ. И вдругъ вся кровь прилила ему къ сердцу и потомъ отхлынула въ голову. Онъ побагровѣлъ и, съ трудомъ проглотивъ судорогу, выговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— И давно это у васъ рѣшено?

Галицкій кивнулъ головой. Теперь онъ собою овладѣлъ и говорилъ обыкновеннымъ голосомъ;

— Вскорѣ послѣ переѣзда. Но Лидія просила объ этомъ никому не говорить до весны, пока не начнется дѣло. На-дняхъ я его началъ и теперь не вижу больше причинъ дѣлать изъ этого тайну.

Наступило молчаніе. Мысли безпорядочнымъ вихремъ кружились въ головѣ Муханова. „Разводятся. Какую же глупую онъ сыгралъ роль. А она? Такъ вотъ причина этой непонятной сдержанности... Провела, какъ мальчишку... Въ мужья готовила“.

Подойдя къ нему, Галицкій положилъ руку на его плечо и ласково проговорилъ:

— Послушай, Николай... Я не хочу копаться въ твоей душѣ, не могу ничего сказать и противъ Лиды... Въ общемъ она женщина скорѣй хорошая... Но вотъ ты о чемъ подумай... Тебѣ теперешняя твоя жизнь надоѣла и ты собирался покончить съ нею навсегда. Лида же другой жизни не понимаетъ, другою жизнью жить не можетъ. Вѣдь ужъ если она меня заставила переѣхать... Ну что же выйдетъ, если ты на ней женишься? Прощай всѣ твои планы и мечты и прощай навсегда. Засосетъ тебя болото окончательно и никогда ты изъ него не выберешься... Подумай, голубчикъ, и возьми себя въ руки... Вѣдь, въ сущности, и любви то никакой быть не можетъ, а такъ... блажь одна. Не хочется мнѣ порицать Лиду, но, по правдѣ, какая же она жена? Вѣдь она—воплощенная пустота. Ей только бы по цѣлымъ днямъ порхать отъ разныхъ княгинь Мими къ графинямъ Фифи, по вечерамъ парадировать въ театрѣ, а по ночамъ оголяться на балахъ... И ни одной серьезной мысли, даже ни одного серьезнаго чувства... Да и не она одна—всѣ онѣ здѣсь такія... И неужели ты не можешь себя подтянуть и бросить это бабье? Плюнь ты на нихъ всѣхъ, подай въ отставку, а

пока возьми отпускъ—и ѣдемъ въ Богучарово. Я твердо убѣжденъ, что послѣ того, какъ ты окунешься въ настоящее хорошее дѣло, тебя сюда назадъ никакими калачами не заманишь.

Онъ замолчалъ и выжидательно глядѣлъ на Муханова, который продолжалъ сидѣть неподвижно, опустивъ голову на руки.

— Но я, кажется, совершенно напрасно все это говорю, — сказалъ онъ наконецъ съ усмѣшкой. — Ты меня даже и не слушаешь.

Мухановъ встрепенулся. Его душила злоба и хотя онъ и слышалъ Галицкаго, но вникнуть въ его слова не могъ. Онъ всталъ, провелъ рукой по волосамъ и медленно, видимо сдерживаясь и стараясь говорить спокойно, произнесъ:

— Да, да... Спасибо тебѣ... Объ этомъ надо подумать... Но теперь — мнѣ некогда... На-дняхъ я зайду, до свиданья.

Онъ потянулся, даже зѣвнулъ и лѣнивой походкой направился къ двери.

А Галицкій смотрѣлъ ему вслѣдъ, покачивая головой, и думалъ:

„Ну, на этомъ Лидія, кажется, осѣклась. Никогда онъ не проститъ ей, что она осмѣлилась смотрѣть на него, какъ на будущаго мужа... Но какъ это дико. Увѣряетъ человѣкъ, что любитъ, а когда ему говорятъ, что предметъ его любви свободенъ и что онъ можетъ безпрепятственно назвать его своимъ, онъ вмѣсто того, чтобы радоваться, чувствовать себя счастливымъ, принимаетъ это извѣстіе со злобой, словно кровную обиду... Бѣдная любовь! Какъ часто злоупотребляютъ твоимъ именемъ“.

XVII.

— Почитайте что-нибудь, — сказала Лена, кладя шелкъ на канву и усталымъ движеніемъ откидываясь на спинку кресла. — Слышите, Липскій, я вамъ говорю... Что вы сидите, какъ истуканъ, слова не скажете?

Липскій, сидѣвшій противъ нея на низенькомъ диванчикѣ, встрепенулся и поднялъ голову.

— Да вы, голубчикъ, заснули,—усмѣхнулась Лена.— Зачѣмъ вы только пріѣзжаете? Спать могли бы съ успѣхомъ и дома... Удивляюсь.

— Только отъ васъ это и слышишь, — возразилъ Липскій недовольно. — Начнешь говорить — сейчасъ: „Молчите, Липскій!“ Молчишь: „Вы спите, Липскій!“ Эхъ-эхъ!

Онъ махнулъ рукой и потянулся къ круглому столу, на которомъ лежало нѣсколько книгъ въ хорошихъ переплетахъ.

— Что-жъ вамъ прочесть?

— Ахъ, что хотите, все равно... Тоска!

Она заложила руки за голову и уставилась на свою работу. Темно-желтый левъ, съ полуоткрытой пастью и высунутымъ языкомъ, стоя на заднихъ лапахъ, опирался передними на красное поле щита, въ срединѣ котораго расправлялъ крылья двуглавый сѣрый орелъ. „Языкъ, кажется, длиненъ“, — замѣтила вдругъ она и взяла шелкъ, но тотчасъ же опять положила.—„Къ чему? Черезъ недѣлю и эта послѣдняя спинка будетъ окончена... А куда ихъ теперь? Можетъ быть она и его-то самого никогда больше не увидитъ“. Она снова откинулась и закрыла глаза.

— Стихи? — сказалъ вопросительно Липскій, раскрывая книгу.

— Ну хоть стихи.

— Погадать?

— Погадайте.

Липскій закрылъ книгу и потомъ, раскрывъ ее наудачу, спросилъ:

— На которой страницѣ?

— На лѣвой, — отвѣтила Лена и улыбнулась. — Вы словно священнодѣйствуете, Липскій.

— Вотъ это называется попасть въ самую точку, — вдругъ оживясь произнесъ Липскій и сталъ читать: „Безъ васъ хочу сказать вамъ много, при васъ я слушать васъ хочу...“ Съ особеннымъ выраженіемъ прочелъ онъ конецъ и, закрывъ книгу, затуманеннымъ взоромъ смотрѣлъ на молодую женщину.

— „Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!“ — медленно повторила Лена. — Да, это вѣрно: „Когда бы не было такъ грустно...“ Скажите, Липскій, почему это такъ? Почему сердцу нельзя приказать: люби того то, почему оно не слушается, когда ему говоришь: „довольно, перестань“. Зачѣмъ эти страданія... и муки, муки безъ конца? Я люблю Колю, а онъ пересталъ меня любить — и я страдаю; вы меня любите, а я васъ хотѣла бы любить, да не могу—и вы мучаетесь... Зачѣмъ это? А вѣдь должны же существовать люди, которые всегда любятъ взаимно. Вотъ счастливые то.

Она вздохнула, и помолчавъ, продолжала тихо:

— А можетъ быть такихъ и нѣтъ? Можетъ быть счастіе даромъ никому не дается, и за каждую минуту счастія приходится, рано или поздно отвѣтить такою же минутой страданія? Ну тогда мнѣ придется еще много страдать, такъ какъ счастлива я была очень... Вы и не подозрѣваете, какъ я была счастлива, Липскій...

Она мягкимъ взглядомъ смотрѣла передъ собою; на лицѣ ея блуждала тихая улыбка.

— Я помню, мы поѣхали на Иматру... Это было въ самомъ началѣ, мы только что тогда сошлись... На пароходѣ и въ гостиницѣ меня всѣ принимали за его жену и мнѣ было немножко совѣстно... Но что это была за ночь. Тихая, теплая... Луна свѣтлая, громадная... Потомъ я никогда такой луны не видала... Мы цѣлую ночь не спали... гуляли, сидѣли у водопада и только, когда уже солнце взошло, вернулись домой... А теперь мнѣ кажется, что все это было во снѣ, что та ночь была лишь чудною и далекою грезою... Сны не повторяются и это не повторится... никогда, никогда.

Она замолчала. Липскій, сидѣвшій понуря голову, схватился опять за книгу.

— На какой страницѣ?—быстро спросилъ онъ.

Но Лена не отвѣчала, и Липскій бросилъ книгу на столъ. „Ну теперь готово! Заведена машина!“ сердито думалъ онъ.

— Бывали ли у васъ, Липскій, такія минуты, когда вы сознавали, что ничего на свѣтѣ не можетъ увеличить испытаемаго вами счастія и вы желали, могли желать лишь одного — чтобы онѣ продолжались вѣчно? Нѣтъ? А у меня бывали и часто. А кто мнѣ давалъ ихъ? Коля. Такъ какъ же вы хотите, чтобы я его не любила...

— Ничего я не хочу. Любите себѣ на здоровье, — проворчалъ сквозь зубы Липскій.

Но Лена, не обращая вниманія, продолжала:

— И вѣдь никто его не знаетъ... Вы думаете, вы его знаете? Вы знаете своего товарища, офицера Муханова, но Колю, моего Колю, вы не знаете... Какая у него душа! Какой онъ хорошій, честный, сердечный

человѣкъ... Въ прошломъ году мы какъ-то возвращались изъ Петергофа. На станціи народу — масса. Подходитъ поѣздъ. Въ эту минуту какая-то дѣвочка перебѣгаетъ рельсы, но оступается и падаетъ. Поѣздъ въ пяти шагахъ. Всѣ такъ и ахнули. Вдругъ Коля бросается, схватываетъ дѣвочку, и я вижу, какъ въ то же мгновенье паровозъ ударяетъ его въ плечо, и онъ падаетъ... къ счастію за рельсы... Желала бы я знать, кто другой сдѣлалъ бы это?

— Удивительно! — усмѣхнулся иронически Липскій.—И зачѣмъ вы только говорите? Всѣмъ и каждому давно извѣстно, что добрѣе, милѣе, умнѣе, красивѣе вашего Коли на свѣтѣ никого не существуетъ. Я желалъ бы знать другое: какъ это такая чудная душа допускаетъ страдать женщину, которая его любитъ, а самъ развлекается съ другими?

Лена вспыхнула.

— Вы злой эгоистъ! Я съ вами разговаривать не хочу!

Наступило молчаніе. Лена, нахмуривъ брови, смотрѣла въ окно. Наконецъ Липскій всталъ и, подойдя къ ней, протянулъ руку.

— Ну, не сердитесь. Больше не буду,—сказалъ онъ извиняющимся тономъ.

— Уходите!—выговорила молодая женщина сухо.

— Ахъ, Господи! Неужели вы не понимаете, что это все отъ любви къ вамъ... Я не могу равнодушно видѣть, какъ вы страдаете, не могу относиться съ симпатіей къ тому, кто заставляетъ васъ страдать... Пожалѣйте и меня хоть немного.

— Я васъ сколько разъ просила не отзываться о немъ дурно... И потомъ вы говорите глупости. По вашему выходитъ, что и у меня нѣтъ сердца, такъ какъ, не любя васъ, я заставляю васъ страдать...

— Это совсѣмъ не то...

— Нѣтъ, то, именно—то, — настойчиво повторила она.—Коля меня разлюбилъ—я страдаю, онъ допускаетъ эти страданія—значитъ у него нѣтъ сердца. Я васъ не люблю—вы страдаете, я допускаю это, значитъ—я безсердечная.

И, довольная своей логикою, Лена торжествующе смотрѣла на Липскаго.

Послѣдній наморщилъ лобъ, стараясь сообразить, какъ это вдругъ вышло, что у его собесѣдницы нѣтъ сердца.

— Ну, все равно,—сказалъ онъ мотнувъ головой.— Только не сердитесь.

Лена, хотя еще неохотно, но протянула ему руку.

— Какъ бы я ни мучался,—продолжалъ онъ, садясь на мѣсто—я никогда не скажу, что у васъ нѣтъ сердца... Что-жъ, буду терпѣть, пока хватитъ силъ.—Онъ грустно усмѣхнулся. — Къ Муханову я привыкъ... Но вотъ, когда онъ васъ броситъ совсѣмъ, и вы полюбите другого...

— Насчетъ этого вы можете успокоиться,—перебила его Лена.—Этого никогда не будетъ.

— Какъ знать.

— Этого ни-ко-гда не будетъ, — твердо и медленно повторила она.—Хотите, я дамъ вамъ обѣщаніе? Если Коля меня броситъ, я буду ваша, или... ничья.

— Правда?—радостно вырвалось у него и онъ даже вскочилъ.

— Правда,—тихо повторила она.

— Благодарю, благодарю! Если бы вы знали, какая это для меня радость. Вѣдь я этого страшно боялся... Это было бы такимъ мученіемъ.

— Ваша, или ничья.

Она съ загадочною усмѣшкой смотрѣла на молодого человѣка, потомъ вдругъ засмѣялась, и отъ этого смѣха радость Липскаго сразу упала.

— Зачѣмъ вы такъ смѣетесь? — выговорилъ онъ испуганно. Но она, вмѣсто отвѣта, тряхнула рѣшительно головой, встала и подошла къ піанино.

— Довольно говорить глупости. Садитесь, мнѣ хочется пѣть.

— Только не Веллинса,—сказалъ просительно Липскій, открывая крышку піанино.

— Опять? — И Лена строго на него взглянула.— Какъ разъ его и буду пѣть.

У нея былъ довольно сильный, мягкій контральто, и пѣла она съ выраженіемъ.

„C'est un rève—courte trève
Aux douleurs d'un malheureux...
C'est un rève, qui s'achève
Et s'envole vers les cieux..."

На послѣднихъ словахъ голосъ ея задрожалъ и оборвался. Поставивъ локти на клавиши, она закрыла лицо руками.

Раздалось громкое: „браво!" Въ дверяхъ стоялъ Брянскій и, весело улыбаясь, аплодировалъ.

Лена сорвалась съ мѣста и бросилась къ нему.

— Дяденька!.. Ну что?

Она обѣими руками схватила его руку и впилась въ него глазами.

Съ лица ротмистра мигомъ слетѣло оживленное выраженіе и онъ угрюмо потупился.

— Да ничего,—тихо отвѣтилъ онъ, кинувъ боковой взглядъ на Липскаго.

— Липскій, уходите!—быстро повернулась къ нему Лена.—Мнѣ нужно поговорить съ дяденькой наединѣ.

Липскій съ недовольнымъ видомъ взялся за фуражку. „Тоже претендентъ!“ думалъ онъ злобно.

— Что-жъ, я могъ бы посидѣть пока въ столовой?— сказалъ онъ полувопросительно.

— Ну, идите, идите! — И, схвативъ его за плечи, Лена толкала его къ дверямъ.

— Я вечеромъ зайду... Можно?

— Хорошо, хорошо.

Она затворила дверь и подбѣжала къ Брянскому.

— Ну?

— Ну,—повторилъ ротмистръ нерѣшительно и крякнулъ. „Эхъ, да чего тутъ тянуть, все равно ничего не придумаешь“, подумалъ онъ вдругъ и рѣшительно и громко выговорилъ:

— Говоритъ, что разлюбилъ и—баста!

Лена поблѣднѣла и пошатнулась. Брянскій испуганно поддержалъ ее.

— Значитъ—конецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ—не конецъ! Какъ можно? Я какъ разъ тоже самое и у него спросилъ: „Значитъ—конецъ?“ спрашиваю... А онъ мнѣ: „Нѣтъ“, говоритъ, „зачѣмъ конецъ?“

Брянскій говорилъ быстро, волнуясь. Онъ все-таки не ожидалъ, что слова его произведутъ такое дѣйствіе и теперь ему казалось, что Лена возьметъ да сейчасъ тутъ же предъ нимъ и умретъ.

— Какъ не конецъ, если разлюбилъ?—дрожащимъ голосомъ выговорила Лена.

— А я почемъ знаю, чортъ его дери совсѣмъ!— крикнулъ, неожиданно озлившись, ротмистръ.—А я вотъ закурю,—прибавилъ онъ вдругъ, неизвѣстно почему, и полѣзъ въ карманъ за портсигаромъ.

Лена отошла къ дивану и припала головой къ по-

душкѣ. Она вся вздрагивала отъ сдерживаемыхъ рыданій.

Брянскій, не глядя на нее, сердито зашагалъ по комнатѣ. Потомъ остановился и взглянулъ. Лицо его сморщилось и, бросивъ папиросу, онъ сѣлъ на диванъ.

— Елена Михайловна... Лена... Леночка... голубушка моя... не плачьте, перестаньте, — нѣжно уговаривалъ онъ. Но Лена рыдала все сильнѣе, и храброму ротмистру, начинавшему чувствовать что-то странное въ носу и глазахъ, пришла невольно въ голову неожиданная и дикая для него мысль, что жизнь бываетъ иногда довольно таки скверной штукой.

XVIII.

Въ среду утромъ Мухановъ получилъ отъ Лидіи Петровны записку слѣдующаго содержанія: „Сегодня я исповѣдуюсь. Хотѣлось бы повидаться и попросить у васъ прощенія. Пріѣзжайте въ церковь къ тремъ часамъ“.

Прочитавъ записку, Мухановъ пожалъ плечами и бросилъ ее на столъ. „Конечно, онъ не поѣдетъ“. Но потомъ перечиталъ и задумался.

Третьяго дня, вернувшись отъ Галицкаго, онъ весь вечеръ просидѣлъ дома, обдумывая свое положеніе. Но хладнокровно думать онъ не могъ. Каждый разъ, какъ онъ представлялъ себѣ объясненіе съ Галицкимъ и то глупое положеніе, въ которомъ очутился, его бросало въ краску и въ немъ закипала злоба противъ Лидіи Петровны. „Низкая женщина“! бормоталъ онъ, сжимая кулаки. „И ни капли любви. Видѣла во мнѣ подходящаго мужа — больше ничего. Оболванила дурака въ чистую“. Подъ вліяніемъ такого настроенія,

на слѣдующій день, тотчасъ послѣ ученія онъ зашелъ къ командиру полка и объявилъ, что уходитъ изъ полка, а пока проситъ четырехмѣсячный отпускъ. Генералъ, зная Муханова, сообразилъ сразу, что тутъ замѣшана женщина. Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ, что въ виду такого рѣшительнаго заявленія, онъ въ отпускѣ отказать не можетъ, что же касается до выхода изъ полка, то онъ подождетъ давать этому заявленію ходъ до тѣхъ поръ, пока Мухановъ не повторитъ его черезъ четыре мѣсяца. На слова же Муханова, что его рѣшеніе безповоротно, а потому такая отсрочка не имѣетъ смысла, спокойно возразилъ, что и онъ убѣжденъ въ этомъ, т. е. убѣжденъ, что въ настоящую минуту оно безповоротно, но что будетъ черезъ четыре мѣсяца ни самъ Мухановъ, ни тѣмъ болѣе онъ — знать не могутъ, а потому онъ считаетъ долгомъ принять единственно возможную мѣру противъ столь безсмысленнаго — извините меня, — и необдуманнаго шага. Мухановъ немного обидѣлся, но генералъ былъ упрямъ, и ему пришлось уступить. Теперь, прочитавъ записку еще разъ и подумавъ, онъ злорадно фыркнулъ: „Проситъ прощенія захотѣлось. И есть въ чемъ... Воображаю ея лицо, когда она услышитъ, что я знаю и понялъ все... Конечно, поѣду... поѣду и докажу ей, что я не мальчишка, котораго можно водить за носъ“.

Если бы Мухановъ могъ дать себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствахъ, ему пришлось бы сознаться, что въ основаніи его рѣшенія лежало главнымъ образомъ не злобное желаніе доказать Лидіи Петровнѣ, что онъ „не мальчишка, котораго можно водить за носъ“, а нѣсколько иное чувство. Страннымъ образомъ и какъ ни старался Мухановъ его подвинчивать, чувство злобы къ Лидіи Петровнѣ за ея низкій,

какъ онъ называлъ, обманъ, таяло съ удивительною быстротой, замѣнялось въ его душѣ какой-то тоскливой пустотою, происходившей отъ сознанія, что между ними все кончено. Онъ уже нѣсколько разъ ловилъ себя на мысли, что хорошо было бы къ ней поѣхать и объясниться. Его прямо тянуло къ ней, хотя онъ не сознался бы въ этомъ ни за что. Правда, онъ не прочь, даже считаетъ необходимымъ повидаться съ нею, но исключительно для того, чтобы показать ей и т. д. Такъ онъ думалъ, рѣшивъ принять ея приглашеніе, и такъ продолжалъ думать, поднимаясь въ назначенный часъ по широкой, устланной ковромъ, лѣстницѣ одной изъ самыхъ модныхъ петербургскихъ церквей.

На верхней площадкѣ, предъ входомъ въ церковь, толпилось нѣсколько человѣкъ военной и статской молодежи. Все это были люди свои, знакомые, принадлежавшіе къ одному обществу, и Муханову пришлось пожать нѣсколько рукъ и нѣсколько разъ солгать, отвѣчая на вопросы, говѣлъ ли онъ и почему его до сихъ поръ не было видно. Продѣлавъ это, онъ прошелъ въ церковь и убѣдившись, что Лидіи Петровны еще нѣтъ, всталъ въ углу за колонной.

Съ каждой минутой церковь наполнялась все больше, такъ что скоро на скамейкахъ, уставленныхъ вдоль одной изъ стѣнъ, не стало хватать мѣстъ. Каждый вновь прибывшій прежде всего подходилъ къ небольшому столику, у котораго сидѣлъ псаломщикъ, что-то послѣднему говорилъ и тотъ что-то записывалъ въ лежавшую предъ нимъ книгу. Около книги находилось металлическое блюдо, на которомъ возвышалась, все увеличиваясь, куча серебряныхъ рублей. Въ обширномъ помѣщеніи стоялъ гулъ, слышались восклицанія привѣтствій, раздавались поцѣлуи дамъ. Старались раз-

говаривать вполголоса, но иногда изъ общаго гула внезапно вырывался громкій возгласъ и все стихало. Голоса конфузливо переходили въ шопотъ и на короткое время водворялась сравнительная тишина.

За колонною, у которой стоялъ Мухановъ, раздалось сдержанное хихиканье, и молодой женскій голосъ, продолжая, очевидно, начатый ранѣе разсказъ, тихо произнесъ:

— Здѣсь я буду въ первый разъ... Но въ прошломъ году кончилъ это онъ меня исповѣдывать, смотритъ мнѣ прямо въ глаза и спрашиваетъ: „А вы должно быть большая кокетка?“ А я ему: „Да развѣ это грѣхъ?“ и сама смѣюсь. И онъ смѣется. Потомъ взялъ мою руку. „Съ такими“, говоритъ, „глазами ничего не грѣхъ“, да руку мнѣ...

Голосъ перешелъ въ шопотъ. Мухановъ стоялъ не шевелясь, ожидая, не будетъ ли продолженія. Но прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ шопотъ сталъ громче и можно было разобрать отдѣльныя фразы, долетавшія урывками.

— Такой скандалъ... Она ему отказала... Совсѣмъ пьяный... Ворвался и при всѣхъ сталъ цѣловать.

— Ахъ, Боже мой, вотъ ужасъ! — возразилъ другой женскій голосъ, и опять разговаривавшіе зашептали.

— Онъ говоритъ—это—пустяки,—черезъ нѣсколько времени снова услышалъ Мухановъ. — Я maman уломаю... Инкогнито... Такой милый... Спустили занавѣсъ, никто не видѣлъ... У Елены разрѣзъ вотъ отсюда, совсѣмъ голая, мнѣ даже неловко стало... „Ничего“, говоритъ, „это трико...“ А у Париса—вотъ я тебѣ скажу...

Что было у Париса такого интереснаго Муханову узнать не удалось, такъ какъ голосъ сразу оборвался, и онъ увидѣлъ подходившую къ колоннѣ полную, по-

жилую барыню, навстрѣчу которой, задѣвъ Муханова платьемъ, быстро направились двѣ стройныя дѣвичьи фигуры. Мухановъ мелькомъ замѣтилъ опущенные глаза, поджатыя губы и строгія выраженія лицъ. Полная барыня что-то сказала, и онѣ всѣ вмѣстѣ встали около низенькой двери, ведущей въ исповѣдальную комнату.

Лица какъ барышень, такъ и пожилой барыни показались Муханову знакомыми, и онъ сталъ припоминать, гдѣ онъ видѣлъ ихъ; но въ эту минуту съ мѣста, только что оставленнаго барышнями, раздались опять голоса, на этотъ разъ мужскіе. Разговаривало нѣсколько человѣкъ и сначала Мухановъ не могъ ничего разобрать. Потомъ разговаривавшіе, очевидно, приблизились, и изъ общаго говора выдѣлился высокій, хриповатый теноръ.

— Да нѣтъ, вотъ та, которая повыше,—ясно услышалъ Мухановъ. — Ну и штучка—я вамъ доложу. На самой масленицѣ танцую я съ ней котильонъ у Моравскихъ... А надо вамъ сказать, у ней вотъ тутъ, на плечѣ премиленькая родинка. Вотъ я и говорю: „Напрасно вы, mademoiselle Lina, такъ презрительно относитесь къ нашему брату. Въ насъ, по крайней мѣрѣ, можно найти то, что составляетъ главную прелесть молодости—способность увлекаться. Вотъ я, напримѣръ: за то лишь, чтобы прикоснуться губами къ одной очаровательной родинкѣ, я съ радостью полжизни отдамъ“. Говорю это, а самъ смотрю на родинку. Вотъ-то, думаю, сконфузится... А она хоть бы сморгнула. Посмотрѣла себѣ на плечо, потомъ на меня, да и говоритъ совершенно спокойно: „И напрасно... Подождите, вотъ выйду замужъ — можетъ быть и такъ цѣловать будете“. Признаться, я даже ротъ разинулъ.

— Молодецъ!—произнесъ другой голосъ.—Да, ужъ нынѣшнія барышни... Ну, а твоя свадьба когда?

Отвѣта Мухановъ не разслышалъ. Опять раздался хриповатый теноръ:

— Да ты ее любишь?

Съ комически-веселой интонаціей, немного шепелявый и показавшійся Муханову знакомымъ голосъ отвѣтилъ:

— Люблю ли? Мало, милый другъ, обожаю — voila le mot... Да ты подумай: триста тысячъ сейчасъ et des espérances... Par le temps qui court cela n'est pas à dédaigner... Вотъ только говѣть заставили. Восемь лѣтъ не говѣлъ, честное слово! Ну, ужъ и наговорю же я попу... Чистое идіотство!

Раздался смѣхъ и восклицанія:

— Toujours impayable ce Collmann!

Мухановъ выглянулъ изъ-за колонны. Разговаривали трое: высокій, рыжій лицеистъ, при шпагѣ, и двое статскихъ. Одного изъ нихъ — Кольмана — сына извѣстнаго биржевика — Мухановъ зналъ. Они раскланялись.

— Мухановъ, здравствуйте.

Къ плечу молодого человѣка прикоснулась женская рука въ перчаткѣ. Онъ обернулся. Предъ нимъ стояла высокая, очень полная, лѣтъ за сорокъ, барыня. То была извѣстная всему Петербургу за свой откровенный и злой языкъ графиня Луиза Позенъ. За ней сторожъ съ зеленымъ кантомъ несъ стулъ.

— А я къ вамъ... здѣсь потише. Поставьте сюда— указала она сторожу.—Гдѣ вы пропадаете? Васъ нигдѣ не видно... А Лидія тутъ? Погодите, я сейчасъ.

Она легкими, несмотря на полноту, шагами направилась къ псаломщику, встрѣтившему ее низкимъ по-

клономъ. Она что-то ему сказала, и онъ поспѣшно удалился. Графиня наклонилась и стала перелистывать лежавшую на столѣ книгу. Потомъ, весело играя сохранившими свой блескъ глазами, вернулась къ Муханову.

— Представьте! Эта нахалка, Ларская, показала, что ей всего 32 года... Ей было 30, когда моя Вава начала выѣзжать, а теперь у Вавы уже сынъ пяти лѣтъ.

— А вы, графиня, никогда себѣ не убавляете?— спросилъ улыбаясь Мухановъ.

— Я? Напротивъ — прибавляю. Гораздо пріятнѣе, когда говорятъ, что выглядишь моложе своихъ лѣтъ... Ну, скажите, какъ разводъ, подвигается?

— Какой разводъ?

— Ахъ, Боже мой, какой? Конечно Галицкихъ... Ne faites pas le nigaud, mon cher... C'est un secret de polichinelle ...разводъ Галицкихъ и разводъ Илимовыхъ... Только объ этомъ и говорятъ. Ольга выходитъ за Крупскаго, а вы женитесь на Лидіи.

Муханова передернуло и у него задрожали губы... „Такъ вотъ до чего дошло. Ужъ его и женить успѣли... И, очевидно, слухъ этотъ не можетъ итти ни отъ кого другого, какъ отъ самой Лидіи Петровны".

Еле сдерживаясь и глядя въ сторону, онъ медленно выговорилъ:

— Что Галицкіе—разводятся это я, конечно, зналъ, но никакъ не думалъ, чтобы объ этомъ говорилъ весь Петербургъ... Что же касается до моей женитьбы на Лидіи, то это — вздорная сплетня — и больше ничего. Могу васъ увѣрить, графиня, что не имѣю рѣшительно никакого намѣренія жениться... на комъ бы то ни было.

— Вотъ какъ! — Она недовѣрчиво на него уставилась. — Что-жъ, можетъ быть и врутъ... Впрочемъ, и прекрасно дѣлаете... „Мила жена, какъ къ вѣнцу ве-

дутъ да какъ вонъ несутъ..." А все-таки всѣ вы — порядочныя свиньи: закружите, увлечете — да и на попятный.

— Ну, въ этомъ отношеніи совѣсть моя чиста.

— То-есть, вы хотите сказать, что не вы увлекали, а васъ увлекли... Не станете же вы отрицать, что у васъ съ Лидіей были шуры-муры... Но вѣдь это всегда такъ говорятъ. А знаете пословицу? „И медвѣдь реветъ и корова реветъ, а кто кого деретъ — самъ чортъ не разберетъ".

Пословицы были спеціальностью графини, и чѣмъ грубѣе была пословица, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ она ее говорила. Простонародными пословицами и намѣренною грубостью выраженій, графиня, несмотря на нѣмецкую фамилію, составила себѣ репутацію большой патріотки, и ея гостиная служила центромъ, куда стекалось все выдающееся изъ міра охранительнаго направленія.

Мухановъ невольно усмѣхнулся. Въ устахъ изящной и съ головы до ногъ породистой барыни такой способъ выраженія былъ просто смѣшонъ.

— Чему вы смѣетесь? Пословицѣ? Неправда ли хороша — такъ мужикомъ и воняетъ... Еще есть у меня одна, совсѣмъ новая... тоже замѣчательная... Какъ ее? Погодите... Ѣсть... ѣлъ... нѣтъ—ѣшь... Ахъ, да какъ же это было?.. Ну, да все равно, при подходящемъ случаѣ вспомню. У меня всегда такъ: забуду, а какъ нужно, сейчасъ и вспомню... Да... А Лидію я одобряю... Не думаю, чтобы бѣдняжка была счастлива... Я не вѣрю, конечно, что вашъ братецъ заставлялъ ее мыть полы, но запереть молодую женщину на семь лѣтъ въ деревнѣ, гдѣ, кромѣ мужиковъ, ни одной души... Помните, какой она сюда явилась? Краше въ гробъ кладутъ...

И знаете что: вы были бы для нея самымъ подходящимъ мужемъ.

Мухановъ раздражительно повелъ плечами. „Своего рода патентъ на пустоту", подумалъ онъ.

— Не знаю, графиня, почему это...—началъ онъ, но замолчалъ и сдѣлалъ шагъ въ сторону. Высоко неся маленькую красивую головку, подходила къ нимъ Лидія Петровна.

Графиня сорвалась съ мѣста.

— А вотъ и она. Вы знаете мы о васъ только что говорили... Что это васъ нигдѣ не видно, ma charmante? Идите, идите сюда, къ намъ,—говорила она, цѣлуясь съ молодой женщиной.—Мухановъ, принесите стулъ... Вы еще не записывались? Нѣтъ, нѣтъ, не ходите... Мухановъ, пришлите этого... ну, какъ его тамъ... дьячка... Да вы сегодня прелестны... Это черное къ вамъ такъ идетъ... Вамъ слѣдуетъ носить всегда черное... Будь я мужчиной, я непремѣнно влюбилась бы въ васъ... Мухановъ, неправда ли она сегодня восхитительна?

Но Мухановъ не отвѣчалъ. Онъ покусывая губы глядѣлъ въ сторону, и графиня продолжала болтать:

— Садитесь, садитесь... еще успѣете настояться... Посмотрите, сколько чающихъ облегчить свою душу.—Она иронически улыбнулась.—Пожалуй, намъ тутъ ночевать придется... Воображаю, этотъ бѣдный отецъ Петръ, безъ ногъ валяться будетъ... А все потому, что пускаютъ всѣхъ безъ разбора... Прежде, бывало, пріѣдешь — и всѣхъ знаешь, а теперь — не угодно ли... Шушера какая-то!

Она гадливо повела плечами и замолчала, презрительно оглядываясь кругомъ, но вдругъ снова оживилась.

— А вотъ идетъ моя любимица,—она указала на

дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, выходившую изъ маленькой двери.—Исповѣдывалась... Таня Занягина... Вы ее не знаете? Вотъ прелесть! Тата, Таточка!—громкимъ шопотомъ позвала она.

Но дѣвочка не слышала. Она тихо шла впередъ, медленно передвигая маленькими ножками, глядя прямо предъ собою большими темно-голубыми глазами и никого и ничего не видя. На длинныхъ рѣсницахъ, словно капли росы, блестѣли слезы. Вдругъ одна слезинка оборвалась и тихо покатилась по блѣдному миловидному личику. Дѣвочка остановилась, зардѣлась и, торопливо вынувъ платокъ, стала вытирать глаза.

— Смотрите... плачетъ,—съ умиленіемъ прошептала графиня.—Чудный ребенокъ... Вотъ душа...

Въ эту минуту къ дѣвочкѣ подошла особа неопредѣленныхъ лѣтъ, съ волосами рыже-грязнаго цвѣта и большимъ носомъ на длинномъ лошадиномъ лицѣ. Она взяла дѣвочку за руку и довольно громко выговорила:

— Oh, Tata, waht a shame! Such a big girl aught not to cry for such trifles!

Графиня привскочила.

— А? Какъ вамъ это нравится?—воскликнула она такъ громко, что нѣсколько головъ повернулось въ ихъ сторону.—For trifles! Это называется развивать въ дѣтяхъ религіозное чувство. Погодите, кажется ея мать еще не уѣхала... Вотъ я ей сейчасъ напою.

И она почти бѣгомъ направилась къ противоположному углу церкви.

Лидія Петровна смотрѣла ей вслѣдъ, улыбаясь.

— Болтушка, длинный языкъ... но хорошая, симпатичная,—сказала она. Потомъ, повернувшись къ Муханову, выговорила тихо:—Что-же вы меня прощаете, Николай Николаевичъ?

— Богъ проститъ,—сухо отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Впрочемъ, какіе же у васъ противъ меня грѣхи?—насмѣшливо добавилъ онъ.

Лидія Петровна внимательно на него взглянула.

— А вы все-таки простите...

Вздохнувъ, она опустила голову.

— Скажите, правда, что вы разводитесь? — рѣзко выговорилъ Мухановъ.

Она быстро вскинула на него глазами.

— Кто вамъ сказалъ?

— Не все ли равно кто? Дѣло въ томъ, что объ этомъ говоритъ весь Петербургъ.

— Да, правда.

Она смотрѣла ему прямо въ глаза. Онъ криво усмѣхнулся.

— Вамъ не кажется страннымъ, что я узнаю о такой вещи отъ третьяго лица?

Она вспыхнула.

— Я хотѣла сказать вамъ объ этомъ сегодня... Меня предупредили.

— Неужели?

Онъ смотрѣлъ на нее сердитыми глазами и вдругъ, протянувъ руку, сказалъ:

— Ну-съ, а теперь прощайте.

Въ ея взглядѣ промелькнулъ испугъ.

— Куда вы? Погодите... Мнѣ надо съ вами поговорить.

— Простите, мнѣ некогда, — рѣшительно выговорилъ онъ.

— Вы сердитесь? Не уходите...

И она старалась удержать его руку.

— Мнѣ некогда! — еще разъ повторилъ онъ почти грубо, высвободилъ руку и быстро направился къ лѣстницѣ.

XIX.

Выйдя на улицу, Мухановъ въ длинномъ ряду ожидавшихъ экипажей отыскалъ своего кучера и велѣлъ ему ѣхать домой, а самъ пошелъ по направленію къ Невскому.

„Очень пріятно!“ думалъ онъ. „Нежданно-негаданно въ женихи попалъ. Но съ чего въ самомъ дѣлѣ она взяла, что я могу на ней жениться?“

Онъ дошелъ до угла Симеоновскаго переулка. Съ Литейной, громыхая колесами и дрожа всѣмъ кузовомъ, повертывалъ вагонъ конки. Истерзанный, съ испитымъ лицомъ и подвязанною щекой кучеръ, съ какимъ-то дикимъ остервенѣніемъ дергалъ веревку колокольчика. Въ ожиданіи проѣзда вагона по обѣимъ сторонамъ улицы толпились экипажи. Муханову также пришлось остановиться, и онъ разсѣянно смотрѣлъ на этотъ озабоченный и куда-то спѣшившій людъ, на извозчиковъ, нагруженныхъ, словно ломовые, покупками, на барынь, увѣшанныхъ со всѣхъ сторонъ свертками разнообразныхъ формъ и размѣровъ. И въ обыкновенное время бойкое мѣсто — теперь, предъ праздниками, было еще болѣе шумно и людно. Наконецъ Муханову удалось выбрать удобную минуту и перейти улицу.

„И какъ могла ей притти въ голову такая мысль?“ продолжалъ онъ думать, глядя себѣ подъ ноги и машинально давая дорогу встрѣчнымъ. „Во всякомъ случаѣ, это не дѣлаетъ чести ея уму. Неужели она не понимала, что съ его стороны и настоящей-то любви не было, а было простое ухаживанье за хорошенькой женщиной, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока женщина этого желаетъ и ни къ чему не обязывающее? Добро бы еще онъ выказывалъ стремленіе къ женитьбѣ

вообще. Но совсѣмъ напротивъ—насколько онъ помнитъ, ему случалось говорить не разъ, что онъ не чувствуетъ призванія къ семейной жизни и что если когда-нибудь и женится, то сдѣлаетъ эту глупость, какъ можно позже. Какъ бы тамъ ни было—все къ лучшему. Ему необходимъ былъ толчокъ, чтобы порвать съ этимъ міромъ навсегда, и этотъ толчокъ онъ получилъ... Еще какихъ-нибудь двѣ недѣли — и прощай Петербургъ. Полная свобода. Хорошо".

Онъ рѣшительно тряхнулъ головой; но вдругъ замедлилъ шагъ. „А Лена?" вспомнилъ онъ, и сердце его сжалось. Онъ нервно повелъ плечами, поднялъ голову и сталъ осматриваться. Незамѣтно свернувъ съ Невскаго, онъ дошелъ теперь до Симеоновскаго моста. Тутъ было далеко уже не такъ людно. Только на мосту собралась кучка народа, смотрѣвшая на рѣку и весело гоготавшая. Ледъ еще не трогался, но кое-гдѣ уже образовались широкія полыньи. Катокъ по ту сторону моста былъ снятъ. Лишь натыканныя въ ледъ елки сиротливо стояли на старыхъ мѣстахъ да уродливо торчала изъ подъ льда своимъ вздутымъ бокомъ почернѣвшая мокрая барка.

Почти на срединѣ рѣки, на льдинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ выступившей водой, сидѣла маленькая собаченка и, дрожа всѣмъ тѣломъ, жалобно повизгивала. То съ одной стороны сунется къ водѣ, то съ другой, протянетъ лапку—и отскочитъ. „Что, не любишь?" раздавалось съ моста при каждой такой попыткѣ насмѣшливыя замѣчанія, сопровождаемыя веселымъ хохотомъ толпы. Ему вторилъ густымъ баскомъ толстый лавочникъ, стоявшій на площадкѣ ближняго садка. Наконецъ собаченка рѣшилась, закинула уши, съ размаха шлепнулась въ воду и, быстро перебирая лапками, поплыла

къ садку. На мосту произошло движеніе, раздались восклицанія: „Ишь ты, шустрая какая. А ты ее въ морду сачкомъ, сачкомъ-то въ морду!“ Толстый лавочникъ затопоталъ на мѣстѣ, потомъ, стремглавъ бросившись подъ навѣсъ, вернулся назадъ съ длиннымъ сачкомъ, съ которымъ и всталъ въ угрожающей позѣ у края барки. Но собаченка, замѣтивъ опасность, свернула и, доплывъ до сплошного льда, выкарабкалась, нѣсколько разъ отряхнулась и со всѣхъ ногъ бросилась къ спуску. Лавочникъ затопалъ ей вслѣдъ ногами и выругался. На мосту народъ сталъ расходиться.

„А тоже, вѣроятно, сегодня исповѣдывался, а завтра причащаться будетъ,“ брезгливо подумалъ Мухановъ и ускорилъ шагъ.

„Лена... Что-жъ Лена?“ вернулся онъ къ своимъ мыслямъ. „И по отношенію къ ней отъѣздъ представляется лучшимъ исходомъ. Все равно—съ нею покончено, вернуться къ ней онъ не можетъ... Да, скорѣе вонъ отсюда, въ деревню... Правду говоритъ Галицкій: довольно коптить небо и тратить молодость и силы... Скорѣе за дѣло“.

Онъ остановился у дверей небольшого двухъэтажнаго дома. Хотя на улицѣ было еще свѣтло, черезъ зеркальную дверь подъѣзда красиво горѣла огнями широкая, устланная ковромъ и уставленная растеніями лѣстница.

Высокій, представительный, съ Георгіемъ въ петлицѣ швейцаръ почтительно вытянулся.

— У в-о в-я господинъ полковникъ Крупскій дожидаются.

— Давно? — спросилъ Мухановъ, чувствуя, что— какъ это ни странно — но Крупскій единственный че-

ловѣкъ, котораго онъ хотѣлъ бы теперь видѣть. Перепрыгивая черезъ нѣсколько ступенекъ, онъ поднялся во второй этажъ, раздѣлся и вошелъ въ кабинетъ.

Тамъ, у окна въ креслѣ съ передвижнымъ, приспособленнымъ для чтенія пюпитромъ, сидѣлъ Крупскій. Рядомъ на низкомъ мраморномъ столикѣ стояли бутылка съ виномъ и початая рюмка. Въ одной рукѣ Крупскій держалъ газету, въ другой дымилась сигара. При входѣ Муханова, онъ кивнулъ головой, отложилъ газету и, протягивая руку, сказалъ:

— Откуда? А я тутъ безъ тебя, какъ видишь, сибаритствую... Прекрасное вино, недурная сигара и... прескверная газета. Судебный отчетъ: убійство жены мужемъ. На судѣ выяснилось, что мужа, заядлаго пьяницу—кормила своею работой жена — прачка. Она работала, а онъ пьянствовалъ, она добудетъ—а онъ пропьетъ. Но того, что она зарабатывала ему, видишь ли, не хватало, а потому онъ таскалъ изъ дома, что попадало подъ руку. Понятно, женѣ это не нравилось и она частенько его ругала. Наконецъ, ему это надоѣло... т. е. ругань—онъ такъ на судѣ и выразился — и какъ то разъ вечеромъ, когда жена, вернувшись съ работы,— утомленная, — задремала, онъ взялъ ножъ и сталъ ее рѣзать. И зарѣзалъ... Такъ-съ. А присяжные оправдали, и газета добавляетъ отъ себя—онъ взялъ газету: „Печатая настоящій отчетъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ констатируемъ фактъ гуманнаго отношенія г.г. присяжныхъ къ несчастной жертвѣ общественной среды“. Очень хорошо, хотя и не совсѣмъ грамотно... Ну-съ, а ты откуда?

— Я-то откуда?—Мухановъ усмѣхнулся. — Да какъ будто изъ церкви... Такъ, по крайней мѣрѣ, называютъ то мѣсто, гдѣ я былъ, хотя правильнѣе было бы его

назвать базаромъ, раутомъ, five o clock tea... словомъ, чѣмъ угодно, только не церковью.

Крупскій кивнулъ головой.

— Знаю. А у заутрени тебѣ не случалось тамъ бывать? Это, я тебѣ скажу, почище будетъ. Положительно, свѣтскій раутъ. Большинство въ самую церковь и не попадаетъ, а разгуливаетъ по другимъ комнатамъ—помѣщеніе-то большое. Да и въ самой церкви въ иныя минуты, изъ-за разговоровъ, священника но слышно... Въ прошломъ году священникъ, ужъ на что привычный, а вышелъ изъ себя и велѣлъ затворить двери. А когда подъ конецъ вашъ братъ изъ дворца пріѣзжаетъ да разные тамъ сенаторы да камергеры—что тогда бываетъ—восторгъ! Такъ и ожидаешь, что вотъ-вотъ оркестръ грянетъ мазурку... Гуляютъ, болтаютъ, смѣются, курятъ, а изъ того, что происходитъ въ церкви, интересуются лишь однимъ: скоро ли начнутъ цѣловаться.

— Меня вотъ что удивляетъ, — сказалъ Мухановъ, снимая сюртукъ и надѣвая, принесенную камердинеромъ, австрійскую куртку.—Если человѣкъ не вѣритъ—ему и книги въ руки. Но вѣдь это все люди, въ большинствѣ—вѣрующіе, т. е. считающіе себя, по крайней мѣрѣ, таковыми, — люди, — которымъ, если ты, напримѣръ, придешь и скажешь, что вотъ, молъ, я—атеистъ, испуганно вытаращатъ на тебя глаза и отскочатъ, какъ отъ зачумленнаго... Огромное внутреннее равнодушіе къ сущности религіи, при внѣшнемъ выполненіи ея обрядностей.., уже просто по привычкѣ. По привычкѣ—постятся, по привычкѣ исповѣдуются и причащаются, по привычкѣ ходятъ въ церковь и крестятъ себѣ лобъ. И никогда ни одной мысли о томъ, что постъ есть умерщвленіе плоти, а не стерляжья уха или налимьи молоки, что зачѣмъ же говорить Богу о своихъ грѣхахъ, не

имѣя даже намѣренія воздерживаться отъ нихъ въ будущемъ, и что безсмысленно креститься, думая о томъ, какіе у кузена Никса мягкіе усы и сочныя губы... Это даже не лицемѣріе, а полное отсутствіе мысли.

Крупскій иронически усмѣхнулся.

— А ты захотѣлъ найти у нихъ мысли? Да откуда-же имъ ихъ взять? Ну, да чортъ съ ними! Неинтересны... А ты мнѣ скажи-ка лучше,—и его небольшіе, темные глаза такъ и впились въ Муханова:—говорятъ, тебя поздравить можно?

— Да?—усмѣхнулся Мухановъ.—И до тебя дошло? Стало быть вѣрно сказала мнѣ сегодня графиня Луиза, что объ этомъ говоритъ весь Петербургъ.

— На этотъ разъ неистовая Луиза права — только объ этомъ и говорятъ... А „умнѣйшій“ Груздинъ и скаламбурить уже успѣлъ: „Почему Галицкая скоро помолодѣетъ? Потому что она — старая „Муха“, жаждущая сдѣлаться „новой“.

Мухановъ невольно улыбнулся.

— А ты, что-жъ, не удостоился? Вѣдь и о тебѣ говорятъ.

Вѣрно, — кивнулъ головой Крупскій. — И обо мнѣ говорятъ. И, что странно, на этотъ разъ говорятъ правду: я дѣйствительно женюсь... Да, относительно меня vox populi оказался vox-омъ Dei, а вотъ относительно тебя?

— Вздоръ! — поморщился Мухановъ. — И чего ты спрашиваешь? Долженъ, кажется, знать мои взгляды на женитьбу вообще.

— Ну, это еще не причина. Взгляды... Взгляды въ такихъ случаяхъ и особенно у тебѣ подобныхъ мѣняются сообразно обстоятельствамъ. Дѣло не во взглядахъ, а... О разводѣ узналъ, значитъ, своевременно?

— То есть, какъ это своевременно?—спросилъ Мухановъ, поднимая брови.

Крупскій хихикнулъ и отпилъ изъ рюмки.

— Достаточно своевременно, чтобы... отъѣхать на попятный... Еще бы! Легонькій адюльтерчикъ, хотя бы съ женою родственника и друга, совсѣмъ не то, что „Исаія, ликуй!“ Поневолѣ призадумаешься.

Мухановъ вспыхнулъ.

— Я не стану скрывать,—проговорилъ онъ быстро:— что Лидія мнѣ нравилась и что я за нею ухаживалъ; но... обманывать Бориса я не хотѣлъ. Я пришелъ къ нему и прямо сказалъ...

И онъ запнулся и, растерянно взглянувъ на Крупскаго, отвернулся и застучалъ пальцами по ручкѣ кресла.

— Такъ, какъ,—закивалъ головой Крупскій.—Пришелъ и сказалъ: „Я люблю твою жену“. А онъ въ отвѣтъ и приподнесъ: „Сдѣлай одолженіе, мы разводимся“. Ха-ха-ха! Желалъ бы я видѣть твою физіономію въ эту минуту. Ха-ха-ха!

Мухановъ сорвался съ мѣста и быстро заходилъ по комнатѣ.

— Перестань!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.— Я и самъ понимаю, какую я сыгралъ глупую и жалкую роль... И безъ тебя тошно!

Наступило молчаніе. Мухановъ продолжалъ шагать по комнатѣ. Крупскій больше не смѣялся и слѣдилъ за нимъ глазами. Сбросивъ осторожно пепелъ съ сигары, онъ выговорилъ медленно, покачивая головой:

— Какіе вы всѣ самолюбивые. Какъ можете вы терзаться изъ-за такихъ пустяковъ? Сыгралъ глупую роль... Подумаешь, несчастіе какое. И предъ кѣмъ? Будь это еще публично... Ну, полно тебѣ метаться...

Садись-ка лучше да скажи мнѣ, что ты намѣренъ теперь дѣлать?.. Хорошо было бы на время уѣхать, а?

Мухановъ провелъ рукой по волосамъ, глубоко вздохнулъ и сѣлъ. Всегдашняя способность Крупскаго — дѣйствовать на него успокаивающимъ образомъ — подѣйствовала и теперь. Помолчавъ, онъ сказалъ тихо:

— Я уже объявилъ генералу, что выхожу въ отставку, а пока — беру отпускъ.

— И поѣдешь съ Галицкимъ къ „алчущимъ и жаждущимъ?“

Мухановъ кивнулъ головой.

— Не знаю только, удастся ли намъ поѣхать вмѣстѣ. Пожалуй, отпускъ еще не выйдетъ.

— То-то Борисъ будетъ доволенъ, тѣмъ болѣе, что первоначальный твой отказъ его не на шутку опечалилъ. „Не понимаю“, говоритъ. „Рвется покончить съ тепершнею своею жизнію, а когда я ему предлагаю для начала такое дѣло, лучше котораго и не выдумаешь— упирается“. А вѣдь судьба иной разъ не дурно шутитъ... Ты, вѣроятно, полагалъ, что, спасая отъ тебя свою жену, онъ ее увезетъ, а вдругъ оказывается, что онъ тебя самого похищаетъ. Презабавно. Такъ-съ.—Онъ помолчалъ.—А потомъ, значитъ, въ деревню... просвѣщать мужичковъ?—насмѣшливо закончилъ онъ.

— А тебѣ это кажется очень смѣшнымъ?—сказалъ Мухановъ, пожимая плечами.

— Какъ тебѣ сказать... Въ зависимости отъ человѣка, голубчикъ. У Галицкаго это не смѣшно, у тебя же прямо смѣхотворно... такъ какъ у тебя ничего изъ этого не выйдетъ.

— Знаю, знаю,—усмѣхнулся Мухановъ.—Я—„ни на что неспособный бабникъ“. Что-жъ, увидимъ.

— Конечно... поживемъ—увидимъ. Надо только тебѣ сказать, что до сихъ поръ мое знаніе людей меня никогда не обманывало.

Крупскій допилъ рюмку и потянулся къ бутылкѣ; но она была пуста.

— Хочешь еще?—спросилъ Мухановъ.—Я велю сейчасъ подать.

— Нѣтъ, довольно. Пора.—Онъ вынулъ часы.— Ты гдѣ сегодня обѣдаешь?

— Въ клубъ поѣду. Да теперь еще рано.

Крупскій закурилъ папиросу и всталъ.

— Ну-съ, а съ Еленой Михайловной ты какъ же устроился?

Мухановъ отвѣтилъ не сразу.

— Да никакъ,—сказалъ онъ наконецъ, нехотя.

— То есть, какъ это никакъ? Продолжаешь бывать?

Мухановъ отрицательно мотнулъ головой.

— Нѣтъ... бывать пересталъ.

— Бывать пересталъ, а чистой отставки не далъ? Иными словами, трусишь сценъ и объясненій и желаешь потихонько удрать... Такъ, такъ. Всего ты себя этимъ на ладонь и выложилъ.

— Совсѣмъ не то,—отвѣтилъ хмурясь Мухановъ.

— А что-жъ тогда, желалъ бы я знать?

— А то, а то... что я боюсь.

— Боишься? Чего же ты боишься? —съ насмѣшливымъ удивленіемъ продолжалъ спрашивать Крупскій.

— Боюсь, что она не вынесетъ и лишитъ себя жизни,—какъ-то особенно громко и отчетливо выговорилъ Мухановъ и даже стукнулъ рукой по столу. Онъ въ первый разъ и притомъ совсѣмъ неожиданно для себя высказалъ громко то, о чемъ не позволялъ себѣ даже думать, но что, тѣмъ не менѣе, глубоко засѣвъ

внутри него, уже давно и настойчиво его преслѣдовало. И теперь во взглядѣ, которымъ онъ смотрѣлъ на продолжавшаго улыбаться Крупскаго, виднѣлся ужасъ.

— О-о, какое самомнѣніе! — иронически протянулъ тотъ.

Но для Муханова вопросъ этотъ былъ слишкомъ важенъ. Онъ даже не замѣтилъ ироніи Крупскаго. Онъ понялъ лишь одно, — понялъ, что Крупскій не раздѣляетъ его убѣжденія, относительно возможности рокового исхода, и ему страстно теперь хотѣлось, чтобы Крупскій убѣдилъ въ этомъ и его.

— Значитъ, ты этого не думаешь? — спросилъ онъ быстро.

— Нѣтъ, не думаю.

— Но почему, почему? Объясни.

— А потому, душа моя, что это было бы уже слишкомъ хорошо... Елена Михайловна и безъ того, какъ будто, исключеніе. Во-первыхъ,—и это безспорно— она тебя любитъ и любитъ по настоящему; во-вторыхъ — она и вообще хорошій человѣкъ... конечно, сравнительно. Теперь представь себѣ, что помимо всего этого, она еще лишитъ себя жизни, т. е. сдѣлаетъ самую умную вещь, доступную человѣку. Вѣдь ее тогда, пожалуй, и совсѣмъ уважать придется... Ну, а это, согласись, обидно.

— Ахъ, все шутки, все шутки!—съ раздраженіемъ произнесъ Мухановъ.

— А ты и взаправду думаешь, что она застрѣлится или утопится тамъ, что-ли?

Мухановъ, не отвѣчая, пожалъ плечами.

— Глупо! Если до сихъ поръ не сдѣлала этого, то, само собой, не сдѣлаетъ и въ будущемъ. Не можетъ же она не понимать, что ты ее уже давно бросилъ.

— Брянскій ей говорилъ, что я ее больше не люблю,—тихо сказалъ Мухановъ.

— Вотъ видишь... И она жива. А мой совѣтъ—не тянуть канители, а напиши-ка ей письмо... да потрогательнѣе и приложи къ нему чекъ — да покрупнѣе... Что тамъ ни говори, а въ этихъ случаяхъ мысль о необезпеченности въ будущемъ и о предстоящей необходимости перейти отъ жизни въ свое удовольствіе къ добыванію себѣ boire et manger имѣетъ не малое значеніе.

Положивъ локти на столъ и опустивъ голову на руки, Мухановъ думалъ. Свѣтъ отъ лампы, отражаемый большимъ зеленымъ абажуромъ, ярко освѣщалъ его лицо, и Крупскій видѣлъ, какъ мало-по-малу оно разглаживалось. Очевидно, мысль о письмѣ показалась Муханову привлекательною.

— Однако, прощай, — сказалъ Крупскій, беря фуражку. — День отъѣзда, значитъ, еще не назначенъ? Если до того времени не увидимся — напиши.

— Да ты вотъ что, — сказалъ Мухановъ, вставая:— приходи въ четвергъ. У меня полубалъ... послѣдній,— усмѣхнулся онъ.—Не сболтни только о моемъ отъѣздѣ... Я никому не говорилъ... Пойдутъ толки, разговоры — терпѣть не могу.

— Смотри, братъ, не прогадай, — засмѣялся Крупскій. Пожалуй, безъ полубаловъ и скучновато покажется. Восемь лѣтъ проплясать—не шутка, даромъ не пройдетъ... А въ четвергъ явлюсь непремѣнно. Люблю твои вечера: обширное поле для наблюденій. Какъ подопьютъ всѣ эти франтики, да начнетъ съ нихъ сходитъ лакировка... Хорошо!

— А письмо ты думаешь послать? — спросилъ Мухановъ, пожимая ему руку.

— Всенепремѣнно... А, главное, чекъ приложи... главное — чекъ.

Въ передней, надѣвая пальто, онъ сдѣлалъ гримасу боли и рѣзко сказалъ камердинеру:

— Осторожнѣе, братецъ! Я — не лошадь, а ты не хомутъ надѣваешь.

— Что это у тебя съ рукой?—спросилъ Мухановъ, только теперь замѣтивъ, что большой палецъ его лѣвой руки перевязанъ и забинтованъ.

— Братецъ постарался, мой милѣйшій Артуръ, — отвѣтилъ Крупскій, продолжая морщиться.

— Артуръ Хорватъ? Этотъ красивый мальчикъ? Что же онъ сдѣлалъ?

— Укусилъ... очень просто. Вчера вечеромъ моя Агафья Ивановна, вся въ слезахъ, является и докладываетъ: „Артуръ Артуровичъ кошку сегодня убили. Играть съ ней вздумали, а она ихъ невзначай и оцарапала... такъ чуть чуть, немножко. А они обидѣлись, схватили ее за ноги да какъ хватятъ о косякъ двери, такъ на мѣстѣ и осталась...“ А сама такъ и разливается, любила она свою „Марью Ивановну“ до чрезвычайности. Ну, позвалъ я его, хотѣлъ уши надрать, а онъ меня зубами — за палецъ, до самой кости прокусилъ... Да, скажу я тебѣ, многообѣщающій это типикъ въ будущемъ... Что изъ него выйдетъ, и ума не приложу. Ужъ на что я твердъ характеромъ и мало способенъ на разныя тамъ сантиментальности, а онъ куда почище меня будетъ... Иногда рѣшительно не знаю, что съ нимъ дѣлать... Къ тому-же, щенокъ вѣдь еще, а силенъ, какъ взрослый. Придется, вѣроятно, въ концѣ концовъ, позвать солдатъ да задать такую порку, чтобъ ему небо съ овчинку показалось... Единственное средство, право... Прощай.

И смѣясь своимъ сухимъ, беззвучнымъ смѣхомъ, онъ вышелъ на лѣстницу.

А Мухановъ вернулся къ письменному столу, досталъ почтовую бумагу и взялъ перо. Подумавъ, онъ быстро сталъ писать; но, написавъ нѣсколько строкъ и перечитавъ ихъ, разорвалъ и бросилъ. Просидѣвъ надъ вторымъ листомъ минутъ пять и не написавъ ни строчки, онъ сердито положилъ перо, одѣлся и поѣхалъ въ клубъ.

XX.

Прошла Страстная и наступила Пасха — скверная, ранняя, петербургская Пасха. Погода стояла отвратительная: второй мѣсяцъ не показывалось солнце и почти каждый день сверху падала какая-то дрянь— ни то снѣгъ, ни то дождь.

Барабаня пальцами по стеклу, стоялъ у окна Липскій и сумрачно глядѣлъ на улицу.

— Вотъ гадость-то,—проворчалъ онъ наконецъ сквозь зубы и кинулъ боковой взглядъ на Лену. Они только что поссорились, и ему хотѣлось какъ-нибудь прервать уже довольно долго длившееся молчаніе. Въ свою очередь и Лена желала того же, а потому, не считая еще возможнымъ заговорить, она тѣмъ не менѣе довольно благосклонно кивнула головой.

Съ той самой минуты, какъ Брянскій сказалъ Ленѣ, что Мухановъ ее больше не любитъ и послѣ того, какъ прошелъ первый приступъ отчаянья, такъ напугавшій храбраго ротмистра, внѣшній міръ, казалось, перестал для нея существовать. Настоящее, со всѣми его обыденными интересами, мелочами, повседневными заботами, какъ-то сразу и вдругъ исчезло, куда-то прова-

лилось, и его мѣсто заняло прошлое. Лена ушла въ него вся, какъ улитка въ скорлупу. Она больше не жила—она только вспоминала. Немногихъ, случайныхъ посѣтителей — товарищей и знакомыхъ Муханова — изрѣдка навѣщавшихъ ее, она непріятно поражала происшедшей въ ней перемѣной. Она смотрѣла на человѣка, не видя его, слушала—не слыша, и такимъ холодомъ и отсутствіемъ жизни вѣяло отъ нея, что посѣтителю становилось жутко, неловко и онъ спѣшилъ откланяться. Въ свою очередь и Ленѣ эти, хотя и рѣдкія посѣщенія, были въ тягость. Ей все-таки приходилось говорить, отвѣчать на вопросы и, въ концѣ концовъ, она распорядилась никого не принимать. Даже съ Брянскимъ, котораго очень безпокоило ея состояніе и который вначалѣ навѣдывался каждый день, Ленѣ было неловко. Брянскій во что бы то ни стало старался ее развлечь, разсказывалъ разныя городскія новости, анекдоты; но выходило нѣчто совсѣмъ противоположное: его шумная веселость, отвлекая Лену отъ ея мыслей, возвращая ее къ настоящему, тѣмъ самымъ дѣйствовала на нее раздражающимъ образомъ, и она начинала волноваться и капризничать. Наконецъ Брянскій и самъ замѣтилъ, что его посѣщенія какъ-будто тяготятъ молодую женщину. Не понимая ея настроенія, онъ приписалъ это вліянію Липскаго, котораго встрѣчалъ у нея каждый день и къ которому, какъ онъ видѣлъ, она относилась все болѣе и болѣе дружески. Тогда храбрый ротмистръ обидѣлся и, принявъ равнодушіе и безучастіе Лены за признакъ того, что она дѣйствительно успокоилась и примирилась съ участью покинутой любовницы, пересталъ у нея бывать.

Зато Липскій становился Ленѣ съ каждымъ днемъ все нужнѣе. Въ немъ она имѣла постояннаго и без-

молвнаго слушателя, предъ которымъ, не стѣсняясь, она мыслила и вспоминала вслухъ. А это ей было необходимо. Только уходя совсѣмъ въ прошлое, ей удавалось, хотя на время, избавляться отъ той ноющей, мучительной боли въ сердцѣ, появившейся у нея съ той самой минуты, какъ она узнала, что Мухановъ ее больше не любитъ. Боль эта была нестерпима, и только воспоминанія заглушали ее. Лена уходила въ прошлое—уходила, какъ-будто, и боль; малѣйшій намекъ на настоящее, и боль возвращалась. И вотъ цѣлыми часами, то сидя въ креслѣ, то медленно ходя по комнатѣ, тихимъ, ровнымъ голосомъ разсказывала она Липскому повѣсть своего кратковременнаго счастія. Она дополняла ее все новыми и новыми подробностями, такъ что Липскому, которому, казалось, что онъ все это знаетъ чуть не наизусть, приходилось каждый разъ удивляться, слыша что-нибудь новое. Уставъ иногда говорить, Лена заставляла Липскаго читать, но не слушала и обыкновенно прерывала на полусловѣ, съ полуслова же продолжая говорить вслухъ то, о чемъ въ ту минуту вспоминала.

Бывали, впрочемъ, минуты, когда Лена уходила изъ прошлаго и, перескакивая мыслью и чувствомъ настоящее, переносилась въ будущее, и переходъ этотъ былъ не только безболѣзненъ, но дѣйствовалъ на нее ободряющимъ и оживляющимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что инстинктъ, заставлявшій Муханова такъ опасаться слова: конецъ, подсказывалъ ему вѣрно. Пока слово это не было еще произнесено опредѣленно и рѣшительно, въ сердцѣ Лены оставалось мѣсто для надежды. Положимъ, мѣсто было невелико, а само чувство—смутно. Но все же оно существовало и иногда, принимая опредѣленный образъ, вспыхивало яркой ис-

коркой. Что въ томъ, что образы эти являлись фантастичными и маловѣроятными—цѣли своей они все-таки достигали, такъ какъ давали покой измученному сердцу. Такъ однажды Лена цѣлый день носилась съ мыслью о томъ, что Мухановъ можетъ внезапно заболѣть,—о, неопасно, конечно... о чемъ либо опасномъ она не иначе могла думать, какъ съ содроганіемъ,—какъ разъ настолько, чтобы лежать и не выходить. И вотъ ему нуженъ уходъ, и онъ вспоминаетъ о ней,—онъ вѣдь знаетъ, что лучше нея никто за нимъ ухаживать не можетъ,—и требуетъ ее къ себѣ. Лена такъ увлеклась этою мыслью, что цѣлый день объ этомъ говорила и не обращала даже вниманія на насмѣшки Липскаго, грубая ревность котораго, лишь поневолѣ выносившая разсказы о прошломъ, совсѣмъ выводила его изъ себя, когда Ленѣ случалось заглядывать въ будущее и говорить о возможности новаго сближенія съ Мухановымъ.

Разсказывая Липскому повѣсть своего счастія, Лена раскрывала передъ нимъ всю свою душу, и будь Липскій человѣкомъ болѣе тонко-чувствующимъ, ему, быть можетъ, удалось бы выйти изъ положенія только необходимаго слушателя и приблизиться къ Ленѣ сердцемъ же. Но Липскій, какъ и Брянскій, не понималъ, что для Лены жизнь въ прошломъ—единственно теперь возможная. Этотъ уходъ въ прошлое его злилъ, и только сознаніе, что если онъ не захочетъ ее слушать—она не станетъ его принимать, часто удерживало его отъ словъ ироніи и насмѣшки. Не всегда однако. И тогда натянутые нервы Лены не выдерживали. Она выходила изъ себя и, мѣняясь въ лицѣ, говорила Липскому дерзости. Потомъ, успокоившись, ей дѣлалось совѣстно, и она становилась ласковѣе. Но тогда въ

глазахъ Липскаго появлялось такое выраженіе, что Лена краснѣла и отворачивалась. Она хорошо знала это выраженіе, она помнила его у Муханова. Но между тѣмъ, какъ въ глазахъ любимаго человѣка выраженіе это наполняло ее сладостной истомою, — въ глазахъ Липскаго оно оскорбляло и злило, и Лена опять съеживалась и уходила въ себя.

Сегодня они также поссорились. Липскій, пріѣхавъ, сталъ разсказывать про городскіе толки о разводѣ Галицкихъ и о женитьбѣ Муханова. Лена тотчасъ же и горячо заявила, что это вздоръ, что Мухановъ никогда не женится. Липскій сталъ возражать. Тогда Лена разсердилась, обозвала его сплетникомъ, объявила, что не желаетъ его видѣть и что онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы оклеветать Муханова. Потомъ она надулась и замолчала. Липскій сдѣлалъ то же, и молчаніе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Липскій не прервалъ его замѣчаніемъ о погодѣ. Лена кивнула головой, что значило: можете продолжать. Но Липскій молчалъ. Онъ боялся. У него была еще новость, которую онъ долженъ былъ сообщить Ленѣ; но теперь онъ не зналъ, какъ она отнесется къ ней, боялся,—не разсердилась бы она опять. Наконецъ, молчать долѣе ему стало невтерпежъ. Онъ отвернулся отъ окна и, глядя въ сторону, выговорилъ небрежно:

— А у него сегодня полубалъ,—послѣ чего тотчасъ же отошелъ къ креслу и, взявъ книгу, раскрылъ ее, давая этимъ понять, что онъ рѣшительно тутъ не при чемъ и что, во всякомъ случаѣ и что бы изъ этого не вышло, онъ умываетъ себѣ руки.

Но на Лену извѣстіе это особаго впечатлѣнія не произвело. Повторивъ вполголоса: „Полубалъ“ и прибавивъ затѣмъ: „Вотъ какъ!“ она задумалась.

Какъ хорошо она помнитъ свой первый полубалъ, когда Мухановъ въ первый разъ представилъ ее собравшимся у него товарищамъ и двумъ или тремъ подругамъ сердца послѣднихъ. Какъ вначалѣ ей было жутко и неловко, и какъ всѣ мило къ ней отнеслись, стараясь ее ободрить. Подъ конецъ вечера она уже совсѣмъ освоилась со своимъ новымъ положеніемъ и, какъ настоящая хозяйка, старательно и весело занимала гостей. Она все приставала, чтобы ей объяснили, почему такой вечеръ называется полубаломъ, но такъ разъясненія и не добилась. Во всякомъ случаѣ ей было очень и очень весело. А когда подъ конецъ вечера къ ней подошелъ Мухановъ и, глядя на нее съ восхищеніемъ, поцѣловалъ руку и тихо произнесъ: „Ты сегодня—прелесть!“ она пришла въ такой восторгъ, что казалось, готова была перецѣловать всѣхъ этихъ, окружавшивъ ее, недавно еще совсѣмъ чужихъ, а теперь такихъ милыхъ и близкихъ людей... Помнитъ она и послѣдній полубалъ. Какая разница. Онъ уже перестал къ ней ѣздить, но вечеромъ прислалъ за нею. Какъ ловила она его взглядъ и какъ холоденъ былъ этотъ взглядъ... Почти два года между двумя этими вечерами. И, страннымъ образомъ, въ ея воспоминаніи первый казался ближе по времени, чѣмъ послѣдній. А какъ было хорошо, какъ чудно хорошо... И Лена ушла въ воспоминанія.

— Барышня!—услышала она вдругъ и, поднявъ голову, увидѣла Машу, стоявшую съ письмомъ въ рукѣ. Машинально протянула Лена руку и взяла письмо; но вдругъ вздрогнула и густая краска залила ея лицо. Она узнала почеркъ Муханова. Она вскочила и, не отрывая глазъ отъ письма, растерянно забормотала:

— Когда?.. Отвѣтъ?.. Кто принесъ?..

Потомъ, судорожно стиснувъ письмо, выбѣжала изъ комнаты.

— Кто принесъ?—переспросилъ Липскій.

— Швейцаръ подалъ, — сердито отвѣтила Маша и вдругъ накинулась на него:—А вы зачѣмъ барышню сердите? И безъ васъ тошно! Развѣ благородные офицеры такъ поступаютъ?

И, махнувъ презрительно рукой, она вышла.

„Скажите... И эта туда же“, подумалъ Липскій и взволнованно заходилъ по комнатѣ. „И что можетъ онъ ей писать? Неужели приглашаетъ сегодня вечеромъ... Вѣдь такъ этому и конца не будетъ“. Тихій стонъ прервалъ его размышленія и заставилъ испуганно обернуться.

У дверей стояла Лена, держась рукой за косякъ. Лицо ея было мертвенно-блѣдно, а ввалившіеся глаза казались огромными и горѣли жуткимъ блескомъ. Липскій подавилъ крикъ ужаса. Бросившись къ ней, онъ схватилъ ее за руку.

— Елена Михайловна, что съ вами?..

Лену передернуло. Во взглядѣ, которымъ она окинула Липскаго, выразилось удивленіе.

— Вы еще здѣсь? — проговорила она сдавленнымъ голосомъ.—Зачѣмъ вы здѣсь? Уходите.

И сильнымъ движеніемъ она вырвала руку.

— Господи! Вы больны! Вамъ надо доктора... Успокойтесь... Что онъ вамъ пишетъ?—растерянно бормоталъ Липскій, топчась на мѣстѣ и не зная, что ему дѣлать.

— Что онъ мнѣ пишетъ?—шопотомъ повторила Лена и уставилась на Липскаго горящимъ взоромъ. И вдругъ углы ея рта задергались, она засмѣялась, и отъ этого смѣха по спинѣ Липскаго забѣгали мурашки.—Что онъ мнѣ пишетъ?.. Пишетъ, что очень меня любитъ, что

жить безъ меня не можетъ и что сейчасъ сюда пріѣдетъ.

„Она съ ума сходитъ!“ съ ужасомъ подумалъ Липскій.

Въ эту минуту вбѣжала Маша съ рюмкою. Лена хотѣла ее оттолкнуть, но Маша проговоривъ твердо:— „Выпейте, барышня“, — влила ей въ ротъ темноватую жидкость; потомъ взяла за руку и усадила въ кресло.

Лена не сопротивлялась. Голова ея опустилась, глаза закрылись. Постоявъ надъ нею, Маша отошла и, приложивъ палецъ къ губамъ, другой рукой погрозила Липскому. Въ наступившей тишинѣ раздавалось тяжелое дыханіе молодой женщины, сопровождаемое сухимъ тиканьемъ часовъ.

Вдругъ Лена открыла глаза и поманила Липскаго рукой.

— Вы добрый... хорошій, — медленно выговорила она:—но только теперь уходите.

— Да какъ же...—началъ было онъ.

— Нѣтъ, пожалуйста... уходите.

Маша наклонилась къ Липскому и прошептала ему на ухо:

— Ступайте на кухню. Тамъ обождите. Можетъ, понадобитесь.

Когда Липскій вышелъ, Лена встала, подошла къ круглому столу и начала перебирать лежавшія на немъ книги; но потомъ остановилась. Лицо ея исказилось страданіемъ.

— Не могу... Ахъ, какъ больно! — прошептала она. Она жалобно взглянула на Машу.

— Маша... голубушка, вы знаете какія тутъ книги Николая Николаевича... отберите, пожалуйста... Потомъ еще вещи надо... Я не могу.

— Какъ не знать,—какимъ-то особенно тонкимъ голосомъ выговорила Маша. Она незамѣтнымъ движеніемъ вытерла глаза.—Въ одно мѣсто ихъ, что-ли?

Но Лена не слыхала. Съ безпомощно повисшими руками стояла она посреди комнаты, и потухшій взоръ ея ничего не видѣлъ. „Да, да, надо мамѣ написать", вспомнила она вдругъ и подошла къ письменному столу. „Такъ вотъ оно то ужасное, о чемъ она не хотѣла думать, но что уже давно висѣло надъ ней темною тучей и, наконецъ, опустилось, окутавъ ее непроглянднымъ мракомъ и леденящимъ холодомъ... Какъ въ сердцѣ пусто, темно и холодно... И какъ больно, ужасно больно!"

Крупная слезинка повисла на рѣсницѣ и упала на бумагу. „Охъ, какъ больно!" И, припавъ къ столу, она вся заколыхалась отъ рыданій. Около нея, уже не таясь, Маша громко всхлипывала и вытирала фартукомъ лицо.

— Барышня, миленькая, не плачьте... Не стоитъ такъ убиваться,—говорила она наклоняясь къ Ленѣ.

— Маша, голубушка, хоть бы разикъ, только разикъ его увидѣть!—выговорила наконецъ Лена. Внезапно она подняла голову, какъ-то вопросительно взглянула на Машу и задумалась. Мало-по-малу лицо ея приняло болѣе спокойное выраженіе, даже краска оживленія показалась на немъ.

„Да, но только такъ, чтобы онъ ничего не подозрѣвалъ", закончила она рядъ своихъ мыслей и доставъ листъ почтовой бумаги стала писать. Затѣмъ протянула письмо Машѣ.

— Пошлите сейчасъ къ Николаю Николаевичу... Да чтобы отвѣта подождалъ... Постойте,—остановила она уходившую Машу:—къ вечеру приготовьте мнѣ розовое платье.

— Розовое платье?.. Розовое платье у портнихи, — растерянно выговорила Маша, съ удивленіемъ глядя на Лену.

— У портнихи... Какая досада! — произнесла съ неудовольствіемъ Лена. Она съ минуту подумала—розовое платье было любимымъ платьемъ Муханова.—Ну велите швейцару нанять мнѣ извозчика. Я сама поѣду къ портнихѣ.

И пройдя въ уборную, она торопясь и волнуясь, стала одѣваться.

Когда Маша объявила дожидавшемуся на кухнѣ Липскому, что Лена уѣхала къ портнихѣ за розовымъ платьемъ, Липскій вытаращилъ на нее глаза. Нѣсколько секундъ смотрѣли они молча другъ на друга; наконецъ Маша не выдержала и прыснула. Тогда Липскій разсердился и, обозвавъ ее дурой, бросился въ комнаты, но, не найдя Лены и убѣдившись, что она дѣйствительно уѣхала, остервенился совсѣмъ. Крикнувъ Машѣ, что его ноги здѣсь больше не будетъ, онъ чуть ни кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы и уѣхалъ домой.

XXI.

На five o clock tea у Лидіи Петровны собралось довольно много народа. Изъ дамъ находились: княгиня Пелымская, съ которой Лидія Петровна была очень дружна и Марья Сергѣевна Веретьева, женщина среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ некрасиваго лица.

Пелымская—princesse Metta, какъ ее называли въ обществѣ—была родомъ испанка. Пелымскій женился на ней, когда ей было всего 15 лѣтъ и привезъ въ Петербургъ. Робкая, застѣнчивая—она всѣхъ обворо-

жила своей красотою и той особой лѣнивой граціей, свойственной южнымъ женщинамъ. Но, не прошло трехъ лѣтъ, и, подъ вліяніемъ мужа, отчаяннаго кутилы, старательно ее развивавшаго въ извѣстномъ направленіи и возившаго ее для этого по загороднымъ кабакамъ и другимъ подобнаго рода мѣстамъ—она развернулась во-всю. Теперь объ ея выходкахъ зачастую говорилъ весь Петербургъ, такъ что даже самъ Пелымскій начиналъ призадумываться. И тѣмъ не менѣе ее всѣ продолжали любить за прямоту, добродушіе и полное отсутствіе злорадства и попрежнему относились къ ней, какъ къ милому, балованному ребенку. Что же касается Веретьевой, то она была извѣстна, во-первыхъ тѣмъ, что, откупившись отъ перваго мужа, вышла за другого, причемъ оставалась съ первымъ въ столь близкихъ отношеніяхъ, что многіе не знали, кто же изъ двухъ былъ настоящимъ ея мужемъ,—во-вторыхъ, своимъ большимъ состояніемъ, которое она сама себѣ составила, давая деньги подъ залогъ домовъ, и разными другими аферами.

Около Веретьевой, держась очень прямо, сидѣлъ пожилой генералъ, съ сѣдыми нахмуренными бровями и строгимъ выраженіемъ длиннаго худого лица. Его фамилія была—Архацкій, но въ свѣтѣ онъ былъ извѣстенъ болѣе подъ названіемъ „le terrible général“—за откровенность и рѣзкость отзывовъ и мнѣній. Генералъ самъ про себя говорилъ, что онъ любитъ рѣзать правду-матку. Однако, находились скептики, утверждавшіе, что рѣзалъ онъ свою правду-матку всегда кстати и во время, такъ что, если она кого и оскорбляла, то не иначе, какъ, такъ сказать, съ разрѣшенія и одобренія высшаго начальства. Генералъ оживленно бесѣдовалъ съ Веретьевой. Его большой домъ на Набережной пу-

стовалъ, и онъ надѣялся достать у ней денегъ подъ третью закладную.

Около хозяйки дома, помогая ей разливать чай, суетился молодой статскій, съ такими высокими и тугими воротничками, что ворочаться онъ могъ лишь всѣмъ туловищемъ. Онъ гдѣ-то служилъ, но гдѣ именно— никто не зналъ. Его положеніе въ обществѣ опредѣлялось другою, хотя и неофиціальною службою, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу немногихъ избранныхъ статскихъ, состоящихъ при извѣстныхъ гвардейскихъ полкахъ. Являясь предметомъ зависти для многихъ, они очень гордятся своимъ положеніемъ и говорятъ не иначе, какъ: „мой полкъ, у насъ въ полку" и т. д.

Между Пелымской и Лидіей Петровной, занимая своей объемистой фигурой все кресло, сидѣлъ посланникъ одной второстепенной державы, которому такъ пришлись по вкусу: петербургская кухня, петербургскія танцовщицы и свѣтскія барыни, что онъ приводилъ въ отчаянье свое правительство упорнымъ отказомъ вернуться на родину. Тутъ же, съ чашками въ рукахъ, стояли Крупскій и Даленъ и, наконецъ, на заднемъ фонѣ гостиной толпилось нѣсколько человѣкъ военной и статской молодежи, изъ числа тѣхъ, которые всѣ какъ-то очень другъ на друга похожи, вездѣ бываютъ, но фамиліи которыхъ мало кто помнитъ.

Посланникъ второстепенной державы слылъ за остроумнаго человѣка, и Лидія Петровна, разсѣянно его слушая, по привычкѣ улыбалась. Она была немножко блѣдна и усталый взглядъ ея большихъ глазъ часто обращался на входную дверь. Она не видѣла Муханова со дня исповѣди и на посланныя двѣ записки, съ просьбою пріѣхать, получила сухой отвѣтъ, что ему

некогда. Но сегодня Крупскій ей только что сказалъ, что встрѣтилъ Муханова на Набережной и что онъ намѣревался у ней быть, и теперь она съ волненіемъ думала о томъ, какъ ей устроить, чтобы объясниться съ нимъ сегодня же и наединѣ.

— О, да, она была восхитительна,—совсѣмъ невпопадъ отвѣтила она посланнику, говорившему въ ту минуту, что ей необходимо побывать въ Испаніи, такъ какъ только тамъ существуютъ настоящіе цѣнители женской красоты. Она узнала шаги Муханова и, почувствовавъ, что краснѣетъ, низко опустила голову надъ чайнымъ приборомъ. Но и не глядя на подходившаго, она чувствовала его приближеніе, и когда, наконецъ, наклонившись, онъ протянулъ ей руку, и она, поднявъ голову, взглянула на него съ улыбкой,—эта улыбка и взглядъ показались ему такими жалкими и просящими, что онъ на мгновеніе растерялся и отвѣтилъ ей также улыбкою; но тотчасъ же потомъ, почувствовавъ себя центромъ общаго вниманія, нахмурился и отошелъ.

— Смотри, на тебя глядятъ, какъ на диковиннаго звѣря,—шепнулъ ему на ухо Крупскій и, обернувшись къ Далену, продолжалъ:—Сейчасъ вотъ баронъ меня спрашивалъ, правда ли, что ты женишься.

— Ну, да... всѣ говорятъ, я и спросилъ,—нѣсколько смутясь выговорилъ Даленъ и, понявъ по виду Муханова, что попалъ въ просакъ, тотчасъ же и не стѣсняясь присутствіемъ Крупскаго, сталъ разсказывать про Каширину—что она послѣ того письма о счетѣ больше не упоминала, а была у него уже два раза.

Мухановъ, не дослушавъ, подошелъ къ Пелымской, манившей его рукой.

— Почему васъ нигдѣ не видно? Гдѣ вы пропадаете?—спросила она, пристально на него глядя. Не-

смотря на обычный ей сонный и лѣнивый видъ, княгиня Метта хорошо всегда видѣла то, что ее интересовало. Она тотчасъ же замѣтила, что между ея пріятельницей и Мухановымъ пробѣжала черная кошка, и ей любопытно было узнать, въ чемъ дѣло.

Мухановъ пожалъ плечами.

— Вчера я имѣлъ честь бесѣдовать съ вами въ театрѣ, а раньше была Страстная недѣля, когда всѣ порядочные люди дома сидятъ.

— О-о!—протянулъ состоящій при полку молодой статскій.—Вы не очень то распространяйтесь при княгинѣ о Страстной... У насъ въ полку только и разговоровъ, что о вашей знаменитой пятницѣ,—обратился онъ къ Пелымской.—Полозовъ въ восхищеніи, говоритъ, что ему никогда не бывало такъ весело.

— Какая пятница? Въ чемъ дѣло? Я ничего не знаю... Разскажите, княгиня,—сказала Веретьева, съ нѣкоторой досадой, что она ничего не знаетъ про то о чемъ всѣ говорятъ.

— Ахъ, нѣтъ, избавьте!—махнула рукой Пелымская.—Я такъ часто про это разсказывала, что мнѣ даже противно стало... Вотъ пусть онъ разскажетъ. Полозовъ навѣрное доложилъ все подробно.

— А вы позволите, княгиня?—спросилъ, многозначительно улыбаясь, молодой статскій.

— Сдѣлайте одолженье... Если вамъ не скучно...

Она полускрыла зѣвокъ и, наклонившись къ Лидіи Петровнѣ, взяла ея руку и крѣпко пожала, показывая ѳтимъ, что она ее понимаетъ и ей сочувствуетъ.

Молодой человѣкъ откашлялся, привычнымъ движеніемъ вытянулъ манжеты и принявъ изящную позу, началъ:

— Такъ вотъ-съ, въ пятницу на Страстной нѣ-

сколько очаровательныхъ дамъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ весьма извѣстныхъ кавалеровъ, а именно,— тутъ въ числѣ называемыхъ стали попадаться такія фамиліи, что генералъ Архацкій, казалось еще болѣе вытянулся, а стоявшіе поодаль быстро приблизились и окружили разсказчика,—запасшись цѣлымъ возомъ провизіи и винъ, явились въ очень извѣстный клубъ. Клубъ былъ, само собой, запертъ, но ихъ впустили черезъ задній ходъ. Прислуга отсутствовала, въ столовой мебель была сдвинута, и они расположились въ бильярдной. На бильярдахъ ѣли, пили и даже, кажется, танцовали... Впрочемъ, долженъ оговориться, подробности неизвѣстны... Достовѣрно лишь то, что явившись въ клубъ въ пятницу днемъ, они его покинули въ субботу въ семь часовъ утра... И, говорятъ, было очень, очень весело.

Торжественно улыбаясь, онъ обвелъ глазами присутствующихъ.

Муханова передернуло.

— И это въ Страстную пятницу. Какое безобразіе!— выговорилъ онъ рѣзко.

Генералъ Архацкій крякнулъ и съ испугомъ на него обернулся. У него еще звенѣло въ ушахъ отъ состава кутившей компаніи.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ... Развѣ можно такъ выражаться?—съ сожалѣніемъ покачалъ онъ головой.

— Вы меня извините, княгиня,—продолжалъ Мухановъ, не взглянувъ даже на Архацкаго:—Вы—иностранка, вамъ, конечно, дѣла нѣтъ до нашихъ вѣрованій... Но чтобы русскіе люди могли себѣ это позволить—это... этому и названія не подберешь.

— Ахъ, Боже мой, я и сама знаю, что это нехоро-

шо,—протянула Пелымская.—Но что же вы хотите? Тутъ у васъ такая скука и всѣ вы,—ужъ не взыщите,—такіе неинтересные, что я не знаю, на что пойдешь.

— По крайней мѣрѣ весело было?—спросила Лидія Петровна, съ сочувственной улыбкой взглянувъ на Муханова.

— Ахъ, какая тоска. Всѣ эти господа перепились... А ужъ вашъ Полозовъ—она гадливо поджала губы—хуже всѣхъ... Богъ знаетъ, что выдѣлывалъ... Вообще я не понимаю, что это вы всѣ съ нимъ носитесь, какъ съ какимъ то сокровищемъ? Я его терпѣть не могу... Я такъ ему всегда и говорю, что онъ похожъ на таракана... Ну вотъ, такъ и есть... какъ только о немъ заговорили—онъ тутъ какъ тутъ.

И она смѣясь глядѣла на входившаго въ эту минуту медленной увѣренной походкой плотнаго, средняго роста офицера, сильнаго брюнета, съ глазами на выкатѣ и длинными, приподнятыми вверхъ усами.

— Quand on parle du loup—on en voit la queue... C'est toujours ainsi, princesse,—развязно выговорилъ вошедшій. Поздоровавшись съ дамами, онъ прищуренными глазами оглядѣлъ присутствующихъ и со спокойной улыбкою подсѣлъ къ Пелымской.

— Говорили про меня и конечно бранили,—сказалъ онъ, весело сверкая глазами.—Удивляюсь, княгиня, почему вы такъ меня не любите? Добро бы еще я за вами не ухаживалъ... Но вѣдь я положительно безъ ума отъ васъ... Вспомните прошлое лѣто...

— Такъ, такъ,—перебила насмѣшливо Пелымская.—Вы дерзкій, самоувѣренный нахалъ и—больше ничего.

Полозовъ громко разсмѣялся, показывая здоровые бѣлые зубы.

— Жаль, что у насъ нѣмецкій языкъ не въ модѣ... Одинъ неглупый нѣмецъ сказалъ совсѣмъ умную вещь: Nur die Lumpen sind beſcheiden... Впрочемъ, шутки въ сторону, а намъ, княгиня, слѣдуетъ на время забыть, что мы враги, и общими силами отразить грозящую намъ опасность. Сейчасъ у Дистремъ меня графиня Луиза такъ отчитала за нашу пятницу, что я поскорѣе удралъ. Она говорила, что ищетъ васъ по всему городу, чтобы и вамъ намылить голову и сейчасъ сюда пріѣдетъ... Берегитесь, княгиня.. Ай-ай-ай! Да вотъ и она. Какъ хотите, а я прячусь.

— Графиня Позенъ,—доложилъ лакей. Лидія Петровна встала и пошла навстрѣчу входившей.

— Здравствуйте, здравствуйте, ma charmante,—говорила графиня, подставляя Лидіи Петровнѣ щеку.—Наконецъ то я нашла, кого мнѣ нужно,—повернулась она къ Пелымской.—Подойдите, подойдите-ка сюда, голубушка... Да нечего корчить изъ себя ничего не знающую невинность. Вы что же это, моя прелесть, вздумали дѣлать... Въ Страстную пятницу по кабакамъ ѣздить. Мало вамъ цѣлаго года? Или это бравада? Знай, молъ, нашихъ. Всѣ ходятъ въ церковь, молятся, а мы вотъ въ кабакѣ сидимъ... Ахъ, какъ хорошо! Но только знайте, моя милая, еще что-нибудь въ этомъ родѣ—и я отъ васъ совсѣмъ отрекусь.

— Простите... Никогда больше не буду,—просительно, по-дѣтски, выговорила Пелымская. Внутренно она злилась. Но графиня Луиза занимала такое важное положеніе въ свѣтѣ и значеніе ея въ обществѣ было такъ велико, что нажить изъ нея врага было небезопасно.

— То-то же,—сказала графиня уже смягченнымъ тономъ.—И вотъ что я вамъ еще скажу—она понизила

голосъ:—тамъ все извѣстно и тамъ очень недовольны. Прямо сказано, что если что-либо подобное повторится—безъ всякихъ разговоровъ вышлютъ.

— Не буду, не буду... Обѣщаю вамъ,—повторила опять Пелымская и, приблизившись къ графинѣ, кокетливо подставила свой лобъ подъ ея губы.

— Такая прелесть и такъ себя ведетъ,—сказала графиня, кладя руку на плечо молодой женщины и съ улыбкою любуясь ею.—Ну, давайте мнѣ теперь чаю, смерть пить хочется.

— А я бы,—началъ строго генералъ Архацкій:—всѣхъ этихъ безобразниковъ взялъ да попросту ихъ: чикъ-чикъ!—онъ многозначительно похлопалъ рукой объ руку,—живо успокоились бы.

— Ахъ, генералъ, не пугайте,—расхохоталась Пелымская.—Нѣтъ... Ха-ха-ха! Воображаю Полозова... Вотъ была бы картина... Полозовъ! Да гдѣ же онъ? Убѣжалъ?.. Это онъ васъ, графиня, испугался... Онъ разсказывалъ, какъ вы его отдѣлали.

— Досталось, досталось,—сказала графиня, улыбаясь.

— А все мало будетъ... Ихъ надо бы отчитывать каждый день да часа по два, чтобы помнили,—опять замѣтилъ сердито Архацкій.

— Вотъ ужъ этого не люблю,—отрѣзала графиня.—Знаете пословицу: „Ѣшь меня волкъ, лишь бы овца не жевала". Съѣсть—съѣмъ, ну а жевать не согласна.

Она торопливо допила чай и встала.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора,—говорила она Лидіи Петровнѣ, просившей ее посидѣть.—У меня до обѣда еще засѣданіе.

Послѣ графини стали разъѣзжаться и остальные, и вскорѣ Лидія Петровна и Мухановъ остались одни.

— Убирайте и никого больше не принимать,—рас-

порядилась Лидія Петровна.—Пойдемте,—обратилась она къ Муханову и прошла въ будуаръ. И только что успѣла опуститься портьера, Лидія Петровна обернулась, положила ему на плечи обѣ руки и медленно выговорила:

— Скажите, почему вы на меня сердитесь?

Но Мухановъ со строгимъ выраженіемъ лица и поджатыми губами стоялъ неподвижно, молча глядя въ сторону, и Лидія Петровна, выждавъ мгновеніе, вздохнула и опустила руки. Потомъ отошла и сѣла на диванъ. Помолчавъ, она сказала тихо:

— Садитесь... Я васъ не задержу... Но я не могу разстаться съ вами и разстаться... навсегда—голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ,—не объяснивъ вамъ, не высказавъ... Я знаю, что вы сердитесь на то, что я не предупредила васъ о разводѣ... Но на это сердиться нельзя, и дѣло тутъ, конечно, въ другомъ... Вы думали: „Она хотѣла меня словить, нарочно не говорила ничего о разводѣ, чтобы завлечь меня и потомъ заставить жениться. „Вѣдь вѣрно? Вы думали это да и теперь продолжаете думать?—Она сдѣлала паузу, выжидая; но Мухановъ молчалъ, и она продолжала:

— А хотя бы такъ? Хотя бы я и дѣйствительно желала, чтобы вы были моимъ мужемъ? Что же въ этомъ дурного или для васъ обиднаго? Надо понять, почему я это дѣлала, какое чувство мною руководило... Неужели же вы могли серьезно думать, что я васъ ловила, какъ выгодную... партію? Полноте... Ну, да... у васъ есть имя, положеніе, состояніе... Вы, какъ принято говорить, дѣйствительно выгодный женихъ... но развѣ мнѣ это нужно? Вѣдь Борисъ меня обезпечиваетъ поцарски, и если бы я думала о томъ, чтобы составить себѣ выгодную партію, я могла бы найти и не хуже васъ... Да, если

хотите, я васъ ловила, хотѣла, чтобы вы были моимъ мужемъ... но почему? Да потому, что я васъ люблю, люблю глубоко и сильно... люблю такъ, какъ вы и не подозрѣваете.

Она передохнула и, смотря на Муханова расширенными глазами, продолжала тише:

— И знаете, съ какихъ поръ люблю? Да съ самаго дѣтства... Помните, какъ братъ Алексѣй, бывало, дразнилъ меня тѣмъ, что я васъ обожаю? Вотъ съ того самаго времени... И какъ странно! Я выросла, вы перестали обращать на меня вниманіе, и я ушла въ себя и затаила свое чувство... А потомъ долгіе, долгіе годы полной сердечной пустоты... казалось, и васъ въ сердцѣ больше не было... Но первая встрѣча—и все во мнѣ перевернулось, и я поняла, тотчасъ же поняла, что никогда не переставала васъ любить... а теперь... теперь... жить безъ васъ не могу.

Она отвернулась и закрыла лицо руками. Потомъ заговорила такъ тихо, что Мухановъ, слушавшій съ напряженнымъ вниманіемъ, долженъ былъ наклониться.

— Ну, что же было мнѣ дѣлать? Сдѣлаться вашей любовницей? Для чего? Для того,—вѣдь я васъ знаю—чтобы вы бросили меня черезъ мѣсяцъ, черезъ полгода,—скажемъ черезъ годъ? Но вѣдь я не вынесла бы этого... Я знаю, что не вынесла бы... За одно мгновеніе счастья вѣчныя муки? И вотъ я тогда и придумала—глупо придумала, теперь я вижу это: не буду говорить ему ничего о разводѣ,—если сказать—онъ способенъ тотчасъ же уйти, отвернуться,—а употреблю всѣ старанія, чтобы онъ меня полюбилъ, а тамъ что Богъ дастъ... Конечно, я знала, что и женившись на мнѣ, вы очень скоро начнете мнѣ измѣнять; но я на это шла: все-таки вы будете моимъ... Вѣдь вы любить не можете, вы можете

только увлекаться. Пройдетъ увлеченіе—и вы снова ко мнѣ вернетесь,—вернетесь, потому что я, какъ жена, сумѣла бы сдѣлаться для васъ необходимою... Да и бросить жену труднѣе, чѣмъ любовницу, особенно, если ее нельзя ни въ чемъ упрекнуть... Изъ этого ничего не вышло, я добилась лишь того, что вы „разсердились"—она горько усмѣхнулась;—но и это понятно. Я упустила изъ вида главное... что вы то меня совсѣмъ не любите... Ну, -что-жъ вамъ сказать еще? Вѣроятно, это безуміе когда-нибудь пройдетъ, я успокоюсь и... и... сдѣлаю выгодную партію... Но теперь пока мнѣ невыносимо...

Въ ея голосѣ послышались рыданія. Она быстро отвернулась и припала головой къ подушкѣ.

— Лидія,—весь блѣдный, вставая, произнесъ Мухановъ.—Лидія! Зачѣмъ такъ?.. Вѣдь я васъ люблю.

Онъ шагнулъ къ ней; но она, не оборачиваясь, махнула рукой.

— Полноте!—со стономъ вырвалось у нея.—Не надо! Хоть не лгите, по крайней мѣрѣ...

Онъ нерѣшительно остановился. Ему жаль было ее нестерпимо и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не зналъ, что дѣлать. „Жениться? Но не могу, не могу я жениться!" почти съ отчаяньемъ думалъ онъ.

И вдругъ она сорвалась съ мѣста, кинулась къ нему, обхватила его шею руками и стала быстро, порывисто цѣловать въ губы, щеки, глаза.

— Милый, хорошій, дорогой,—бормотала она рыдая.—Прощай!

И не успѣлъ онъ притти въ себя, какъ она уже вырвалась и выбѣжала изъ комнаты. Безсознательно онъ шагнулъ за нею, но раздался звукъ защелкнутой задвижки, и онъ остановился. Проведя рукой по лицу, онъ почувствовалъ, что оно все мокро отъ слезъ.

XXII.

Когда первыя минуты растерянности прошли, и Мухановъ опомнился, онъ почувствовалъ себя очень скверно. Къ чувству жалости къ Лидіи Петровнѣ присоединилось жгучее чувство недовольства собою. „И что это за несчастіе“, думалъ онъ, медленно шагая по улицѣ. „Вотъ двѣ женщины изъ-за меня страдаютъ, обѣихъ мнѣ жаль всею душою, но помочь имъ я рѣшительно не могу. Положимъ, что касается Лены, я себя не чувствую и не могу чувствовать виноватымъ. Я любилъ ее искренно и хорошо, далъ ей все то счастіе, какое можетъ дать любовь. Теперь я ее разлюбилъ, и она страдаетъ... Но кто же въ этомъ виноватъ? Кто виноватъ въ томъ, что земля вертится? Кто виноватъ въ томъ, что существуетъ чувство, называемое любовью, и чувство это, какъ и всякое другое, имѣетъ свойство ослабѣвать и проходить? Такъ всегда было, есть и будетъ. Тутъ страданіе неизбѣжно, и ничего съ этимъ не подѣлаешь... Ну, а относительно Лиды? И я ее люблю, и она меня любитъ и, тѣмъ не менѣе, она страдаетъ,— страдаетъ потому, что хочетъ, чтобы я на ней женился, а я жениться не могу, т. е. не то что не могу, а, вѣрнѣе, не хочу. Женившись на ней, я прекращу ея страданія, сдѣлаю ее счастливой, но для этого мнѣ придется пожертвовать собою, сдѣлать себя несчастнымъ. Весь вопросъ въ томъ, имѣетъ ли она право требовать отъ меня такой жертвы, и долженъ ли я принести эту жертву? Если бы я—прямо-ли, намекомъ—давалъ ей когда-либо поводъ думать, что могу на ней жениться, тогда дѣло другое: не исполнить обѣщаннаго, обмануть—мерзко, гадко, и я никогда бы на это не пошелъ. Но я не только не давалъ ей никогда такого повода,

но, напротивъ, говорилъ ей не разъ, что никогда не женюсь... Она думаетъ, что это нежеланіе происходитъ отъ того, что я ее не люблю. Неправда. Любовь—одно, а бракъ—совсѣмъ другое. Стало быть, въ своихъ страданіяхъ виновата она сама, а не я... Виновата она, а прекратить ихъ могу только я... Глупо! Но я ее люблю, мнѣ жаль ее до боли—развѣ этого недостаточно, чтобы собою пожертвовать? И что я за выродокъ такой? Ну, буду съ рогами, какъ и всѣ остальные... Экая важность! Зато она будетъ счастлива... А? Куда ни шло, не жениться ли, въ самомъ дѣлѣ?

Мухановъ остановился и, вздрогнувъ, поднялъ голову. Мимо него, задѣвъ его довольно сильно плечомъ, юркнула въ стеклянную дверь магазина какая-то барыня въ шляпѣ съ неимовѣрно широкими полями, таща за собой статскаго франтика въ цилиндрѣ. У франтика былъ глупо-растерянный видъ, и Мухановъ успѣлъ разслышать громкій шопотъ барыни: „Идите скорѣй! Мужъ!“

Онъ невольно обернулся. По панели, шагахъ въ тридцати отъ магазина, шелъ плотный, приличный на видъ господинъ, съ широкимъ самодовольнымъ лицомъ. Онъ небрежно игралъ тросточкой и беззаботно посвистывалъ.

„Фу, чучело!“ брезгливо подумалъ Мухановъ и быстро пошелъ впередъ.

Мухановъ не вѣрилъ въ такъ называемую женскую добродѣтель и былъ убѣжденъ, что всѣ жены, за рѣдкими исключеніями—Боже мой! даже галки попадаются бѣлыя—измѣняютъ своимъ мужьямъ. Но находя это вполнѣ естественнымъ, онъ въ то же время себя лично рѣшительно не могъ представить въ положеніи обманутаго мужа. Пусть другія жены измѣняютъ мужьямъ—

это въ порядкѣ вещей и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; пусть въ другихъ семьяхъ дѣти бываютъ похожи на двоюродныхъ братцевъ, красивыхъ друзей дома, знаменитыхъ теноровъ, французскихъ актеровъ, иной разъ на выѣздныхъ лакеевъ; пусть эти несчастныя дѣти знакомятся неожиданно съ такими подробностями прежней, а иногда и настоящей, жизни ихъ блистательныхъ мамашъ, которыя уже никогда не изгладятся изъ ихъ памяти, а кровавой, мучительной чертой протянутся черезъ всю ихъ будущую жизнь... Пусть! Все это можетъ быть очень скверно и гадко, но всегда было, есть и, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать бракъ... Но онъ то, Мухановъ, въ такомъ положеніи быть не желаетъ. Но что же тогда? Единственный выходъ—не жениться совсѣмъ. И Мухановъ уже давно и твердо рѣшилъ, что онъ никогда не женится. И вдругъ теперь... Вотъ, что значитъ, нервы расходились. До чего додумался. Да ни за что!"

Онъ съ раздраженіемъ нажалъ на ручку двери и машинально, не останавливаясь, взялъ поданное швейцаромъ письмо. Только уже раздѣвшись, онъ взглянулъ на конвертъ, и сердце его упало: онъ узналъ почеркъ Лены. Онъ долго смотрѣлъ на письмо, не рѣшаясь его распечатать. Въ головѣ его вихремъ закружились мысли, одна другой мучительнѣе, одна другой страшнѣе. Наконецъ онъ нервнымъ движеніемъ разорвалъ конвертъ. Но съ первыхъ же прочитанныхъ строкъ лицо его выразило недоумѣніе, а перечитавъ письмо еще разъ, онъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

Лена писала: „Дорогой Коля, я получила твое письмо. Не могу сказать конечно, чтобы оно меня обрадовало. Но что же дѣлать? Чему суждено быть, того не миновать, и ты, конечно, не виноватъ, что разлюбилъ меня.

Но у меня есть до тебя большая просьба: позволь мнѣ пріѣхать къ тебѣ сегодня. Мнѣ очень хочется еще разъ тебя повидать. Я нарочно не прошу о свиданіи наединѣ. Я знаю, что тебѣ было бы тяжело. Увѣряю тебя, что я буду весела, такъ что никто ничего не замѣтитъ, а уѣду я раньше другихъ. Пожалуйста, исполни мою послѣднюю просьбу. Твоя навсегда Лена".

Хотя Мухановъ и усмѣхнулся, прочитавъ письмо, до того его содержаніе не соотвѣтствовало тому, чего онъ ожидалъ, тѣмъ не менѣе внутреннее чувство ему тотчасъ же и очень ясно сказало, что письмо это—ложь и спокойный его тонъ—обманъ. И чтобы заглушить этотъ внутренній голосъ, онъ еще разъ взялъ письмо и сталъ его перечитывать, стараясь проникнуться его буквальнымъ смысломъ. „Слава Богу, что все это такъ хорошо вышло", выговорилъ онъ вслухъ, прислушиваясь къ своему голосу. Но голосъ прозвучалъ фальшиво, и лицо Муханова скривилось жалкой усмѣшкой. „Хоть бы уйти куда-нибудь, убѣжать!" Онъ позвонилъ, велѣлъ закладывать лошадей и, бросившись на диванъ, прижался лицомъ къ подушкѣ. Ему было нехорошо. Смутный страхъ, не покидавшій его со времени разрыва съ Леной и особенно усилившійся послѣ того, какъ онъ послалъ ей письмо съ чековой книжкой, сегодняшняя сцена у Лидіи Петровны натянули его нервы до крайности. Онъ чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ. Онъ лежалъ, стараясь заставить себя думать о чемъ-нибудь постороннемъ. Но какъ это всегда и бываетъ—онъ только и могъ думать о томъ, о чемъ думать не хотѣлъ. „Нѣтъ, ужъ лучше о Лидіи", рѣшилъ онъ, нетерпѣливо повертываясь на бокъ и чувствуя, что хотя относительно Лены онъ считалъ себя правымъ, думать о ней было гораздо мучительнѣе.

„Хорошо... А что если Лидія—исключеніе, какъ разъ „бѣлая галка“ и будетъ вѣрной женой? Что она любитъ меня это безспорно, а потомъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ—она вела себя безупречно... Безупречно? Не трудно оставаться безупречною, когда видишь однихъ мужиковъ... А только что попала сюда—и готова. Что напала на меня—такъ вѣдь это случай. Не будь меня, нашла бы другого... Положимъ, она увѣряетъ, что любитъ меня съ дѣтства. И неправда. А романъ ея съ Холмогорскимъ, послѣ котораго ее отправили за границу—это что-же такое было? Не хочетъ быть любовницей, боясь, что я скоро ее брошу... Жену, видите ли, бросить не та́къ то легко. Вѣрно. Но въ этомъ и ужасъ. Сиди и любуйся своими рогами. Разводъ? А если она не захочетъ? Изволь подстерегать, ловить, нанимать сыщиковъ, чтобы доказать фактъ... Грязь, на которую порядочный человѣкъ не пойдетъ... Есть еще средство: можно разъѣхаться... Деньги въ руки и ступай на всѣ четыре стороны... Да, и трепи по всему свѣту честное имя, какъ на-дняхъ было съ Кильдяковымъ: разошелся съ женой, куда-то она сгинула, а черезъ пять лѣтъ—встрѣча. Въ Парижѣ, въ кабакѣ ноги задираетъ... Пріятно, нечего сказать... Нѣтъ, ужъ Богъ съ ними совсѣмъ... Только отпускъ вышелъ бы скорѣй“.

Онъ повернулся на другой бокъ. Мысли стали туманиться... Но вдругъ туманъ сразу разсѣевается, и Мухановъ видитъ себя женатымъ, и женатымъ какъ разъ на Лидіи Петровнѣ. Они только что изъ церкви—Лидія Петровна въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ—и идутъ подъ руку по какому-то широкому, ярко освѣщенному коридору. По бокамъ шпалерами—зрители—все фраки и мундиры—провожающіе ихъ насмѣшливыми, дерзкими взглядами. Ему, страннымъ образомъ,

эти люди незнакомы, но Лидія Петровна очевидно ихъ всѣхъ знаетъ, такъ какъ все время любезно киваетъ направо и налѣво и съ губъ ея не сходитъ кокетливая, заигрывающая улыбка. Ему стыдно и больно отъ этихъ взглядовъ, и онъ старается ускорить шагъ; но Лидія Петровна тяжело наваливается на его руку, и онъ поневолѣ идетъ тише. Но вотъ, въ одной изъ группъ онъ узнаетъ офицеровъ своего полка. Тутъ и Даленъ, и Зоричъ, и Засѣкинъ, и Липскій. Они ихъ окружаютъ и между ними и Лидіей Петровной начинается какой-то совсѣмъ дикій, невозможный разговоръ, полный вольностей и двусмысленностей. А его они словно не видятъ, не замѣчаютъ, какъ будто онъ не ея мужъ, какъ будто его совсѣмъ нѣтъ. Ему становится нестерпимо и сердце его сжимается отъ боли. Ему хочется уйти, бѣжать; но Лидія Петровна, словно приросла къ землѣ, а смѣхъ ея становится все громче, все циничнѣе. Вдругъ она бросаетъ его руку и, окруженная офицерами, быстро удаляется. Онъ спѣшитъ за ними, старается ихъ догнать; но они идутъ все быстрѣе и онъ отстаетъ. Потомъ они куда то заворачиваютъ и исчезаютъ совсѣмъ. Онъ бѣжитъ къ тому мѣсту, но тамъ—сплошная стѣна. Тогда онъ останавливается и съ отчаяньемъ зоветъ: „Лида! Лида! Лида!“ „Лида!“ раздается откуда то справа передразнивающій окликъ. „Лида! Лида!“ несется со всѣхъ сторонъ въ волнахъ насмѣшливаго, оглушающаго хохота. Онъ чувствуетъ, какъ холодѣетъ, какъ въ душѣ его закипаетъ бѣшеная злоба. Онъ начинаетъ метаться во всѣ стороны и вдругъ, словно изъ-подъ земли, предъ нимъ выростаютъ Лидія Петровна и Даленъ. Они стоятъ обнявшись и нѣжно цѣлуются. Вдругъ Даленъ его замѣчаетъ и, указывая пальцемъ, насмѣшливо хихикаетъ. Изъ груди Муханова вырывается

бѣшеный крикъ, онъ сжимаетъ кулаки, хочетъ на нихъ броситься и... не можетъ: его кто-то крѣпко держитъ сзади. Его душатъ рыданія безсильной злобы, онъ напрягаетъ послѣднія силы и съ крикомъ... просыпается. Предъ нимъ стоитъ Крупскій, трясетъ его за плечи и громко хохочетъ.

Мухановъ вскочилъ и протеръ глаза. Щеки его были мокры отъ слезъ.

— А должно быть Лида сильно тебя обидѣла,— сказалъ Крупскій, продолжая смѣяться.—Ты кричалъ и ругался, какъ сапожникъ.

— Отстань!—сердито выговорилъ Мухановъ. Въ немъ все еше кипѣла злоба, и онъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— Этакая чушь можетъ присниться,—сказалъ онъ наконецъ, успокоившись.—Я видѣлъ, что Лидія Петровна,—моя жена и цѣлуется съ Даленомъ. — Онъ усмѣхнулся и взглянулъ на часы.—Ты обѣдалъ?

— Конечно.

— Ну, а я нѣтъ. Поѣдемъ куда-нибудь. У меня готовы лошади... Прочти.—Онъ далъ ему письмо Лены.— Только что получилъ.

Крупскій сталъ внимательно читать. Мухановъ не сводилъ съ него глазъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

„Плохо!“ подумалъ Крупскій. „Совсѣмъ скверно!“

— Что-жъ, отлично,—выговорилъ онъ вслухъ.—Я же тебѣ говорилъ. А ты все ожидалъ какой-то драмы. Вообще, душа моя, у тебя въ характерѣ слишкомъ много трагичности.

— Мнѣ и Брянскій говорилъ, что она успокоилась,— замѣтилъ, словно про себя, Мухановъ.—Ну, а какъ, по твоему, позволить ей пріѣхать?

Крупскій отвѣтилъ не сразу. Во взглядѣ его мелькнуло колебаніе. „Если что и должно случиться, то не все ли равно, сегодня ли — завтра оно случится“, рѣшилъ онъ наконецъ и сказалъ:

— Конечно нѣтъ. Теперь она успокоилась, съ какой же стати растравлять рану.

— Я и самъ такъ думалъ,—проговорилъ Мухановъ и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что имъ опять овладѣваетъ ужасъ. Онъ передернулъ плечами.

— Однако, поѣдемъ,—сказалъ онъ раздражительно.— Уже девятый часъ, а къ десяти, пожалуй, и съѣзжаться начнутъ.

— Да вѣдь я обѣдалъ...

— Все равно, посидимъ... выпьемъ. Что я сегодня напьюсь, такъ это вѣрно.

XXIII.

Въ двѣнадцать часовъ ночи полубалъ у Муханова былъ въ полномъ разгарѣ. Въ кабинетѣ за однимъ столомъ винтили, за другимъ—играли въ „quinze“. Въ залѣ шли танцы. За роялемъ, въ разстегнутомъ сюртукѣ сидѣлъ Мухановъ. Танцовало нѣсколько паръ. Кромѣ Анни, Титинъ и Мани—теперь уже признанной подруги Зорича и успѣвшей получить прозвище Мани-Бѣсенка—въ танцахъ принимали участіе еще нѣсколько полудамъ высшаго полета. Полубалы Муханова пользовались извѣстностью, и полудамы на нихъ попадавшія дѣлали себѣ карьеру.

Около одной изъ паръ толпились зрители. Въ ней танцовала Титинъ съ Бердѣевымъ, имѣя vis à vis состоявшаго при полку Муханова статскаго—Вовку Плена, по прозванію „Нытика“. Пленъ—худенькій, невысокаго

роста, съ птичьимъ въ веснушкахъ лицомъ—занимался въ Парижѣ спеціальнымъ изученіемъ quadrille incohérent и достигъ блестящихъ успѣховъ. Онъ то растягивался такъ, что можно было ожидать, что онъ разорвется, то билъ себя пятками по спинѣ, то вертѣлся, какъ волчокъ. то ходилъ колесомъ, — словомъ, продѣлывалъ такія штуки, что Бердѣевъ, считавшій себя также мастеромъ въ этомъ дѣлѣ, съ завистью на него поглядывалъ. Достойною партнершею Плена была Титинъ, танцовавшая канканъ, какъ истая парижанка. Поддерживаемые знаками одобренія зрителей, танцоры старались изо всѣхъ силъ и, наконецъ, вызвали громъ рукоплесканій въ шестой фигурѣ, въ которой solo было продѣлано дамами, съ кавалерами на плечахъ. Подъ конецъ grand-rond, извѣстный дирижеръ великосвѣтскихъ баловъ—баронъ Норде—потребовалъ маршъ. Мухановъ, не перестававшій пить съ самаго обѣда, усмѣхнулся и заигралъ похоронный маршъ Шопена. Дамы запротестовали и объявили, что онѣ подъ такую музыку танцовать не будутъ.

— И прекрасно! — провозгласилъ своимъ могучимъ голосомъ Хвостовъ, стоявшій въ толпѣ зрителей.—Довольно наплясались. А теперь мы вотъ что сдѣлаемъ... Играй, играй Мухановъ... Давайте хоронить Нытика. Онъ такъ сегодня хорошо танцовалъ, что ему слѣдуетъ умереть, чтобы оставить безсмертное воспоминаніе... Дайте простыню... Я буду попомъ, ты дьякономъ, вы плакальщиками. — Онъ быстро распредѣлилъ роли, и черезъ нѣсколько минутъ Нытикъ, завернутый въ простыню, былъ поднятъ на руки.

— Со святыми упокой!—затянулъ Хвостовъ, и процессія тронулась.

Когда шествіе проходило мимо полутемной комнаты,

рядомъ съ уборной Муханова,—оттуда раздался хохотъ и выскочила вся растрепанная — высокая полная брюнетка—Фроська Грачъ. За нею показались улыбающіяся физіономіи двухъ братьевъ Семеновыхъ, извѣстныхъ тѣмъ, что они постоянно имѣли одну и ту же любовницу, въ видахъ, какъ они сами говорили, экономіи.

— Ну, теперь Нытикъ воскресъ, а потому его слѣдуетъ окрестить, — заявилъ Хвостовъ, когда процессія вернулась въ залу.

— Нѣтъ, господа... Ради Бога!—взмолился Нытикъ, знавшій по прежнимъ опытамъ, что его ожидаетъ.—Я и такъ много пилъ.

— Пустяки! Давайте-ка бутылку... А вы его держите да крѣпче.

Нытика схватили, загнули ему голову, разжали ротъ, и Хвостовъ сталъ вливать ему шампанское. Сначала Нытикъ дѣлалъ большіе глотки, но скоро его выпученные глаза налились кровью, и онъ сталъ захлебываться.

— Довольно, довольно!—раздались голоса, но Хвостовъ разошелся, и его насилу оттащили. Нытикъ, весь мокрый отъ опрокинутой на него въ послѣднюю минуту бутылки, вскочилъ и, икая, куда-то исчезъ.

Къ Муханову, продолжавшему сидѣть у рояля, подошелъ Крупскій.

— Что сдѣлалъ?—спросилъ Мухановъ.

— Рублей полтораста пріобрѣлъ... Да что,—онъ презрительно усмѣхнулся.—Съ ними играть противно, горячатся, какъ мальчишки. Играешь навѣрняка... А тебѣ пора бы перестать, — прибавилъ онъ, когда Мухановъ, подозвавъ лакея, велѣлъ ему перемѣнить пустую бутылку шампанскаго.—Смотри, свалишься. Ты сегодня, чортъ знаетъ, сколько выпилъ.

Мухановъ пожалъ плечами и перересталъ играть.

— А вотъ, не валюсь!—раздражительно выговорилъ онъ.—Нарочно эту гадость пью... не беретъ... Господи, какая тоска!

Онъ замолчалъ, безсознательно перебирая лѣвой рукой клавиши.—Слыхалъ: сердце не на мѣстѣ? Какъ вѣрно. Вотъ именно... именно не на мѣстѣ.

— У кого сердце не на мѣстѣ?—спросила подходя къ нимъ Маня-Бѣсенокъ. Она успѣла за это время пополнѣть, на лицѣ ея уже не было прежняго застѣнчиваго выраженія, въ ушахъ горѣли два крупныхъ брильянта, а въ черныхъ, красивыхъ глазахъ появилось что-то хищническое. — У васъ, Мухановъ?.. Вы знаете,—она наклонилась къ нему:—если вамъ скучно, заѣзжайте ко мнѣ.

Мухановъ окинулъ ее такимъ взглядомъ, что она покраснѣла и опустила глаза.

— Ты очень мила,—сказалъ онъ съ усмѣшкою.—И несомнѣнно сдѣлаешь карьеру... Но, знаешь, меня то оставь въ покоѣ.

— Не смущайтесь, голубушка,—проговорилъ добродушно Крупскій, беря и поглаживая ея руку. — Бѣда въ томъ, что вы попали не во-время... Онъ теперь никуда не годится. Вотъ мѣсяца черезъ два попытайте снова... ручаюсь за успѣхъ. Воображаю—добавилъ онъ, глядя вслѣдъ уходившей,—сколькимъ идіотамъ вытрясетъ она карманы... Ну, а этому типу, что еще надо?

Съ нахмуреннымъ лицомъ и рѣшительнымъ видомъ подходилъ къ нимъ Липскій.

— Елена Михайловна просила тебѣ напомнить, что она ждетъ отвѣта на свое письмо,—важно выговорилъ онъ.

Мухановъ вздрогнулъ и широко открытыми глазами смотрѣлъ на говорившаго. Въ его отуманенной головѣ

все спуталось, а въ сердцѣ могучею волной поднялась жалость къ покинутой любовницѣ. Онъ открылъ было ротъ, но въ эту минуту Крупскій, внимательно за нимъ слѣдившій, взялъ его за руку и, обернувшись къ Липскому, пропѣлъ высокимъ фальшивымъ голосомъ:—Скажите ей—и потомъ скороговоркой:—что отвѣта не будетъ.

Сдѣлавъ Липскому ручкой, онъ уставился на него насмѣшливыми глазами. Но Липскій продолжалъ выжидательно смотрѣть на Муханова. Послѣдній медленно кивнулъ головой, глубоко вздохнулъ и, взявъ сильный аккордъ, заигралъ аріозо изъ Карменъ.

— Однако, пойдемъ,—сказалъ Крупскій, когда Липскій, какъ-то особенно фыркнувъ, отошелъ.—Довольно тебѣ сидѣть.

Мухановъ послушно всталъ. Крупскій хотѣлъ взять его подъ руку.

— Знаешь, что,—сказалъ Мухановъ отстраняясь.—Пусти... я самъ пойду... Ты умнѣе меня; но иногда ты бываешь такъ глупъ, что мнѣ становится ужасно жаль себя, а тебя я... ненавижу.

— Ну, а ты, кажется, начинаешь заговариваться,—усмѣхнулся Крупскій.—Пойдемъ.

Они прошли въ кабинетъ и подошли къ столу, за которымъ винтили.

— Суди меня Богъ и военная коллегія—а я эту дамочку побью!—говорилъ храбрый ротмистръ, рѣшительнымъ движеніемъ кладя на даму пикъ короля. Напруговъ, сидѣвшій слѣва, съ ехидною улыбкой покрылъ его тузомъ, и партнеръ Брянскаго—штабсъ ротмистръ Ржевскій привскочилъ на стулѣ.

— Знаешь, Брянскій,—выговорилъ онъ съ негодованіемъ: — ты про коллегію ужъ лучше не упоминалъ бы... По твоей игрѣ тебя давно повѣсить слѣдовало.

Въ „quinze“ талію держалъ Зоричъ.

— Да, да, Мухановъ... Постой-ка около меня,—сказалъ онъ.—Чертовски не везетъ сегодня... Ну, вотъ!—онъ раздражительно передернулъ плечами.—Тѣхъ вотъ копеечныхъ бью, а этому даю. Эй, новую колоду!—крикнулъ онъ и сердитымъ движеніемъ, разорвавъ бумагу, сталъ тасовать карты.

Въ полутемной комнатѣ опять была возня и слышалось хихиканье. Крупскій хотѣлъ туда заглянуть, но Мухановъ остановилъ его.

Въ залѣ Титинъ, взвинченная похвалами Нытика, заявившаго, что она танцуетъ не хуже самой Goulue, взобралась на столъ и, подобравъ платье, продѣлывала фигуры канкана. Она превзошла себя, и окружавшая ее тѣсная кучка зрителей захлебывалась отъ восторга. Но Титинъ на нихъ шикала и поминутно оглядывалась на дверь, у которой былъ поставленъ караульный на случай, если бы Напругову вздумалось бросить карты и заглянуть въ залу.

— Да отвѣчай-же,—сказалъ Крупскій, дергая Муханова за рукавъ. Предъ ними стоялъ лакей и второй разъ уже спрашивалъ, можно ли подавать ужинъ.

— Да, да, подавайте,—сказалъ Мухановъ, махнувъ рукой. Онъ съ гадливымъ выраженіемъ отвернулся отъ Титинъ и невидящимъ взглядомъ уставился предъ собою.

— Ахъ, какая тоска!—глухо выговорилъ онъ. Онъ прошелъ въ столовую, подошелъ къ буфету и залпомъ выпилъ большой стаканъ шампанскаго.

Крупскій смотрѣлъ ему вслѣдъ съ презрительной усмѣшкою.

XXIV.

Заставивъ портниху, несмотря на отговорки, при себѣ окончить платье, Лена поѣхала домой и, узнавъ, что посланный прождалъ три часа и, не дождавшись Муханова, вернулся безъ отвѣта,—послала за Липскимъ. Она упросила его поѣхать къ Муханову, напомнить ему въ теченіе вечера,—если ея тамъ, конечно, самой не будетъ—что она ждетъ отвѣта и тотчасъ же пріѣхать къ ней. Потомъ она сѣла за письмо къ матери. Когда она его окончила, былъ десятый часъ, и она пошла одѣваться. Розовое платье къ ней дѣйствительно шло, и когда она, совсѣмъ одѣтая, остановилась предъ большимъ зеркаломъ, она невольно улыбнулась своему отраженію. Но потомъ ей стало жаль себя, жаль этихъ кроткихъ вдумчивыхъ глазъ, этой доброй улыбки, этихъ бѣлыхъ плечъ, всего этого малодого, здороваго тѣла, а, главное, жаль тѣхъ чувствъ нѣжности, самоотверженія и преданности, которыми было переполнено ея сердце. И такъ ей стало жаль себя, что она заплакала. Но вспомнивъ, что у ней могутъ покраснѣть глаза, сейчасъ же перестала. Она сѣла, стараясь не измять платья, и задумалась. Она думала, что вотъ сейчасъ раздастся звонокъ, и ей подадутъ письмо, или еще лучше войдетъ присланный за нею Липскій; какъ они поѣдутъ, какъ она войдетъ, какъ онъ ее встрѣтитъ и что скажетъ; что скажетъ ему она; какъ будетъ себя держать потомъ. И только теперь и неожиданно для нея самой раскрылась тайная причина, заставлявшая ее такъ страшно желать этого свиданія. Она думала: я выберу удобную минутку и скажу: „Коля, милый! Я ничего отъ тебя не требую, я умоляю тебя объ одномъ—не бросай меня совсѣмъ. Дай мнѣ возможность, позволь мнѣ

хоть изрѣдка тебя видѣть. Ты написалъ, что уѣзжаешь— это ничего: ты можешь мнѣ писать... одно, только одно письмо въ мѣсяцъ... это тебя не затруднитъ. Говорятъ, ты влюбленъ въ кого-то... И это ничего... Я снесу, все снесу... Говорятъ еще, что ты женишься... Но вѣдь это неправда, Коля, неправда?". Конечно, можетъ быть, она и не все это скажетъ ему, можетъ быть даже и ничего не скажетъ, а онъ самъ пойметъ... пойметъ и сжалится.

Такъ она думала, давая все большую волю расходившемуся воображенію. А бѣдное, истерзанное сердце, крѣпко уцѣпившись за эту послѣднюю надежду, отдыхало отъ мукъ послѣдняго времени и билось тихо и ровно. Она такъ задумалась, что потеряла сознаніе времени; но, наконецъ, услышавъ звонъ часовъ, взглянула и похолодѣла. „Двѣнадцать!" съ ужасомъ подумала она. „Неужели не позоветъ, откажетъ? А Липскій? Почему же онъ не ѣдетъ?"

Пока не было Липскаго, оставалась еще надежда, и Лена,—но теперь уже нетерпѣливо и взглядывая поминутно на часы,—заходила по комнатѣ. А сердце опять заныло и все больнѣе и мучительнѣе.

— Боже мой!—выговорила она съ отчаяньемъ. Она прошла въ спальню и опустилась на колѣни передъ кіотомъ.

— Господи!—шептали ея губы.—Ты великъ, Тебѣ все возможно... Сдѣлай такъ, чтобы онъ сжалился и позвалъ меня.

Не отрывая глазъ, съ горячею вѣрою и пламенной мольбою во взорѣ смотрѣла она на скорбный ликъ Спасителя, тускло освѣщенный мерцающимъ огнемъ лампады и, по мѣрѣ того какъ она молилась, въ ея душу опять широкою волной вливалась надежда. Возбужденіе ея все росло, и по щекамъ текли обильныя слезы.

Вдругъ ей показалось, что на устахъ Спасителя блуждаетъ кроткая улыбка, и въ то же мгновеніе раздался звонокъ. Съ крикомъ радости вскочила она и бросилась въ переднюю. Тамъ, съ трудомъ снимая пальто и что-то бормоча, стоялъ Липскій.

— Не снимайте, не снимайте! Я сейчасъ, только ротонду надѣну!—задыхающимся голосомъ выговорила Лена.

— Куда это? Не на Фонтанку-ли?—грубо спросилъ Липскій.—Нѣтъ, ужъ это ахъ, оставьте! Въ васъ тамъ совсѣмъ не нуждаются.

Лена тихонько ахнула и опустила голову. Руки ея безпомощно повисли. Она судорожно вздрагивала всѣмъ тѣломъ. А Липскій—красный, пьяный и злой—продолжалъ безжалостно:

— Разодѣлась! На балъ собралась! Поплясать захотѣлось! Эхъ, вы!.. Да и они хороши тоже... Вы думаете, я забылъ, не сказалъ?.. Нѣтъ, не таковскій. Подошелъ... Такъ и такъ, говорю, Елена Михайловна просила напомнить, что она ждетъ отвѣта... А тотъ—другъ то его сердечный—нахалъ... вотъ ужъ кого не люблю такъ не люблю... пищитъ—Липскій запищалъ, передразнивая Крупскаго: „Скажите, что отвѣта не будетъ“. А вашъ милый то, хоть бы словечкомъ удостоилъ... подумаешь, не языкъ, а золото—даже рта не раскрылъ—сидитъ себѣ да киваетъ головой... Идолы, право!

— Отвѣта не будетъ, — безсознательно повторила Лена и судорожно повела плечами. Ей было холодно.

Замолчалъ и Липскій. Теперь онъ смотрѣлъ на голыя плечи молодой женщины, и глаза его загорѣлись, а губы сложились въ сладкую улыбку. Вдругъ онъ шагнулъ къ ней и дотронулся до ея руки.

Казалось, это прикосновеніе привело Лену въ себя. Она подняла голову и отстранилась.

— Хорошо, —выговорила она. — Погодите, я сейчасъ.—И такъ спокойно прозвучалъ ея голосъ, что Липскій съ удивленіемъ опустилъ руку. Лена повернулась и пошла съ спальню.

— Куда же вы? — съ недоумѣніемъ спросилъ онъ, но она, не оборачиваясь, махнула рукой, и Липскій, пожавъ насмѣшливо плечами, прошелъ въ гостиную:

„Она съ ума сошла!“ сердито думалъ онъ, шагая по комнатѣ. „Неужели хочетъ туда ѣхать, несмотря ни на что? Слуга покорный—я не поѣду. Какъ разъ на скандалъ нарвешься... Довезти, пожалуй, довезу, а войти—нѣтъ, ужъ извините“.

Липскій былъ золъ. За ужиномъ къ нему присталъ Крупскій и такъ его извелъ, что, несмотря на всю трусость, онъ чуть не наговорилъ ему дерзостей. И теперь еще, думая объ этомъ, у него вырывались бранныя слова и сжимались кулаки. Въ своемъ негодованіи онъ совсѣмъ забылъ про Лену. Наконецъ, онъ почувствовалъ усталость, опомнился и взглянулъ на часы. Было около трехъ, и онъ сообразилъ, что шагаетъ здѣсь болѣе часа. „Въ караульные я нанялся къ ней, что-ли?“ подумалъ онъ злобно, но вдругъ застылъ на мѣстѣ, и его тусклые глаза оживились. Его пьяную голову внезапно озарила мысль, заставившая всю его кровь хлынуть къ сердцу. Лицо его разгладилось и стало улыбаться, а въ глазахъ появился тотъ масленый блескъ, который такъ возмущалъ Лену.

„Ну, конечно“, продолжалъ онъ соображать... „Вѣдь она сама мнѣ сказала, что будетъ моей или ничьей. Теперь она убѣдилась, что съ Мухановымъ все покончено и вотъ... Она сказала: „Погодите, я сейчасъ“.

Ясно, какъ день. Я тутъ хожу себѣ дуракомъ, а она тамъ ждетъ...

Липскій съ волненіемъ пыхнулъ нѣсколько разъ папироской, бросилъ ее, подошелъ къ зеркалу, взбилъ волосы, пригладилъ усы и, молодцевато выставивъ грудь, рѣшительнымъ шагомъ направился изъ комнаты. Но, войдя въ уборную, ярко освѣщенную догаравшими свѣчами на столѣ и у большого зеркала, остановился. Онъ успѣлъ уже струсить. „А ну какъ прогонитъ... и со скандаломъ". Постоявъ, онъ кашлянулъ, потомъ еще разъ—погромче. Но все было тихо и, отодвинувъ осторожно тяжелую занавѣсь, онъ вошелъ въ спальню. Китайскій фонарь и лампада предъ кіотомъ еле освѣщали большую комнату, и Липскій не сразу увидѣлъ Лену. Она сидѣла въ креслѣ, голова ея откинулась на спинку. Одна рука лежала на колѣняхъ, другая—свисла.

„Ждала, ждала и уснула"... подумалъ радостно Липскій и тихо, крадучись, сталъ подходить. Ему ударилъ въ носъ запахъ горькаго миндаля. „Миндальнымъ молокомъ моется. А еще говоритъ—не кокетка", подумалъ онъ и, подойдя вплотную, наклонился со сложенными для поцѣлуя губами, но вдругъ вздрогнулъ и отшатнулся: онъ увидѣлъ открытые, какъ-будто съ удивленіемъ смотрѣвшіе на него глаза.

— Лена, Леночка! — выговорилъ онъ тихо и осторожно протянулъ руку. Но только что рука его коснулась голаго тѣла, какъ онъ съ крикомъ ужаса отскочилъ. На головѣ его волосы поднялись дыбомъ, и онъ сталъ медленно пятиться, не будучи въ силахъ оторвать взгляда отъ устремленныхъ на него широкооткрытыхъ мертвыхъ глазъ.

XXV.

— Нашли чѣмъ хвастать,—говорилъ съ усмѣшкою Крупскій.—Наука, которая учитъ тому, какъ наиуспѣшнѣйшимъ образомъ уничтожать себѣ подобныхъ, сохраняя въ цѣлости свою собственную шкуру.

— То-есть, какъ это? —спросилъ Рудневъ, съ недоумѣніемъ ворочая осовѣлыми глазами.—А сами то вы зачѣмъ туда, въ такомъ случаѣ, попали?

— Я—особая статья. Да вѣдь я и не хвастаюсь.

— Ну, это вздоръ!—пробасилъ штабсъ-ротмистръ Ржевскій.—Когда подставляешь... когда подставляешь собственную грудь...—Но заплетавшійся языкъ ему не повиновался. Онъ забылъ, что хотѣлъ сказать и, глупо моргая, уставился на Крупскаго.

— Да бросьте вы ихъ,—потянула его за рукавъ высокая, худая, бѣлокурая Тоня, извѣстная подъ названіемъ полковой полудамы, такъ какъ была дочерью полкового трубача. — Ну, куда вамъ съ нимъ спорить. Онъ трезвый, а вы всѣ скоро подъ столомъ будете... Давайте-ка лучше выпьемъ брудершафтъ.

— Брудершафтъ? Какъ же это мы съ тобой, дуся моя, будемъ пить брудершафтъ? Развѣ такъ: я буду пить на „вы", а ты... Не хочу. Если тебѣ цѣловаться приспичило—это и такъ можно... Только не въ губы... губамъ твоимъ я, чортъ меня дери, не довѣряю... А вотъ сюда... въ ямочку.

Онъ загнулъ ей голову; но Тоня вдругъ взвизгнула и привскочила.

— Кто-то за ноги хватаетъ! Ей Богу, меня кто-то сейчасъ за ногу ухватилъ!—закричала она.

— Ай-ай! И меня тоже!—взвизгнула другая.

— И меня! И меня!—раздались кругомъ возгласы, и полудамы стремительно повскакали съ мѣстъ.

Изъ-подъ стола на четверенькахъ, красный какъ ракъ, выползъ Нытикъ.

— Ха-ха-ха!—заливался онъ.—Ну, я вамъ доложу тамъ преинтересно, господа... Впрочемъ: тсс!.. не бойтесь, mesdames, я молчу, молчу... Я нѣмъ, какъ рыба.

Къ Муханову, хмуро сидѣвшему на концѣ стола, не принимавшему никакого участія въ томъ, что кругомъ него происходило и продолжавшему съ какимъ-то холоднымъ упорствомъ пить, подошла Маня-Бѣсенокъ.

— Позвольте мнѣ сѣсть подлѣ васъ,—сказала она жалобнымъ голосомъ.—Зоричъ пьянъ, и я съ нимъ ничего не могу подѣлать... Показалось ему, что я переглядываюсь съ Даленомъ, и онъ меня всю исщипалъ.

Мухановъ встрепенулся, поднялъ голову и лихорадочнымъ взоромъ обвелъ комнату.

Полудамы успокоились. Титинъ котенкомъ свернулась на колѣняхъ Напругова. Напруговъ ее щекоталъ, а она ежилась и повизгивала отъ удовольствія. Братья Семеновы звонко чмокали то съ одной, то съ другой стороны сидѣвшую между ними Фроську Грача. Даленъ дремалъ на плечѣ у Анни. Хвостовъ училъ пижона Щепина, какъ можно выпить бокалъ шампанскаго, не дотрогиваясь до него руками. Нытикъ нашептывалъ что-то нѣжное маленькой курносой француженкѣ изъ Алькazара. Рудневъ, положивъ голову на столъ, спалъ. Крупскій ухаживалъ за красавицей-шведкой, Марой, и ему усердно помогалъ Брянскій. Остальныя полудамы и ихъ кавалеры разбились на болѣе или менѣе живописныя группы.

Долго, съ застывшимъ выраженіемъ тоски на блѣдномъ, осунувшемся лицѣ, смотрѣлъ Мухановъ на сидѣвшихъ предъ нимъ мужчинъ и женщинъ, съ разгоряченными лицами, блуждающими взорами, безсмысленными рѣчами, и вдругъ усмѣхнулся и застучалъ ножомъ по стакану.

Нѣсколько головъ повернулось въ его сторону. Онъ всталъ, но пошатнулся и ухватился за край стола. Но потомъ справился и, поднявъ стаканъ, заговорилъ рѣзкимъ, громкимъ голосомъ:

— Господа! Я пью за здоровье нашихъ дамъ... всѣхъ полудамъ вообще. Я нахожу, что ихъ мало цѣнятъ... Онѣ—спасительницы, онѣ достойны алтарей. Къ чорту сердце! Къ чорту любовь! Развѣ животное смѣетъ любить? Животное—довольное, сытое—подошло къ сердцу, а сердце—трахъ! и разбилось... Прочь животное! Господа, я пью за здоровье полудамъ всего міра—нашихъ единственно достойныхъ подругъ. Ура!— И судорожнымъ движеніемъ онъ опрокинулъ стаканъ въ ротъ.

— Уррр-а-а! завопилъ по привычкѣ Нытикъ, не понявъ ни слова.—Браво, Мухановъ! Качать Муханова!

— Мухановъ, перестаньте, садитесь, не надо,—тихо выговорила Маня-Бѣсенокъ, беря его за руку.

— Оставь!—обернулся онъ къ ней. И столько злобы было въ его взглядѣ, что молодая женщина невольно отшатнулась.

Онъ дрожащей рукой наполнилъ стаканъ и опять заговорилъ. Но теперь его никто не слушалъ. Въ душномъ, тяжеломъ воздухѣ, напитанномъ запахомъ кушаній, парами вина, крѣпкими духами, испареніями человѣческихъ, тѣлъ стоялъ гулъ отъ разговоровъ и пьянаго смѣха и въ этомъ гулѣ голосъ Муханова таялъ

и расплывался. Онъ сердито сдвинулъ брови и, застучавъ кулакомъ по столу, громко крикнулъ:

— Господа!

— Тише!—подхватилъ въ свою очередь Крупскій. Онъ былъ очень доволенъ и удерживалъ Брянскаго, желавшаго итти къ Муханову.

Но только что послѣдній открылъ ротъ, чтобы заговорить, какъ въ наступившей тишинѣ раздались быстрые шаги и въ дверяхъ показался Липскій, въ разстегнутомъ пальто и съѣхавшей на затылокъ фуражкѣ.

Мухановъ ахнулъ и опустилъ стаканъ. Стекло разбилось вдребезги.

— Елена Михайловна отравилась,—выговорилъ глухимъ голосомъ Липскій.

Вздохъ ужаса пронесся по комнатѣ. Кто-то громко произнесъ: „Ахъ, Господи!“

У Муханова подкосились ноги и онъ опустился на стулъ. Изъ блѣднаго его лицо сдѣлалось багрово-краснымъ. Онъ схватился за шею и сильнымъ движеніемъ разорвалъ воротъ рубашки.

— Когда?—прохрипѣлъ онъ.

— Сейчасъ... Я оттуда,—отвѣтилъ Липскій и, неизвѣстно почему, началъ старательно застегивать пальто непослушными, дрожавшими пальцами.

Мухановъ промычалъ что-то невнятное. Кругомъ стояла мертвая тишина. Слышенъ былъ храпъ продолжавшаго спать Руднева. Наконецъ Мухановъ выпрямился. Теперь онъ опять былъ блѣденъ. Онъ всталъ, и голосъ его прозвучалъ отрывисто и громко:

— Крупскій, поѣзжай за докторомъ, за ближайшимъ... узнай у швейцара... Ты, Липскій, за другимъ. А ты...—онъ обвелъ глазами присутствующихъ, выби-

рая болѣе трезваго,—а ты, Хвостовъ, привези Эдуарда.. Поскорѣй только.

Онъ твердыми шагами прошелъ въ переднюю. За нимъ молча и растерянно потянулись остальные. Холодомъ смерти повѣяло на пьяное людское стадо, и оно ужаснулось и отрезвѣло. Только одинъ изъ братьевъ Семеновыхъ, подавая шубу Фроськѣ Грачу, не выдержалъ и ущипнулъ ее ниже таліи.

— Свинья!—выговорила вполголоса молодая женщина и съ такимъ выраженіемъ на него взглянула, что блестящій офицеръ съежился и торопливо шмыгнулъ въ дверь.

XXVI.

Небольшая, съ туманными молочнаго цвѣта краями, точка быстро, быстро вращается въ темной пустотѣ потомъ начинаетъ увеличиваться, превращается въ кольцо, края котораго, расширяясь, занимаютъ всю голову, на мигъ исчезаетъ, словно растаявъ въ костяхъ черепа, но тотчасъ снова появляется и, постепенно суживаясь, превращается опять въ точку. Точка становится меньше и меньше, наконецъ исчезаетъ совсѣмъ, и въ освободившееся сознаніе вторгается какой-то неопредѣленный звукъ, какъ будто журчанье отдаленнаго ручейка или тихій шопотъ лѣса. Звукъ приближается, усиливается, становится яснѣе, превращается въ человѣческій голосъ, что-то медленно и плавно говорящій—и Мухановъ открываетъ глаза. Онъ лежитъ на диванѣ. Около него сидитъ Крупскій что-то разсказываетъ. Усиліе воли—и Мухановъ начинаетъ понимать.

Крупскій, продолжая начатый разсказъ, говоритъ своимъ обычнымъ, насмѣшливымъ тономъ:

— Но лучше всѣхъ былъ этотъ старый рамоликъ Архацкій. Вскочилъ, замахалъ руками и кричитъ: „Это безобразіе! Это ни на что не похоже! Цѣлый полкъ торжественно хоронитъ какую-то, съ позволенья сказать, содержанку... И мы были молоды, и мы имѣли содержанокъ, но чтобы такъ афишировать—никогда. Мы уважали мундиръ...“ И пошелъ, и пошелъ. Наконецъ, я даже не выдержалъ—все равно, думаю, скоро околѣетъ—авось, не успѣетъ напакостить—и говорю: „Напрасно вы это, в-е п-о. Во-первыхъ, хоронилъ не цѣлый полкъ, а всего-на-всего шесть офицеровъ, хорошо знавшихъ и уважавшихъ покойницу, а, во-вторыхъ, покойница была далеко не простая женщина: въ ея жилахъ текла царская кровь“. Онъ и вытаращилъ на меня глаза. „Да, говорю, точно такъ, в-е п-о. Она была побочной дочерью вдовствующей японской императрицы и знаменитаго индѣйскаго вождя Курумиллы“. Изумился, даже ротъ разинулъ. „Вотъ какъ!“ говоритъ. „Неужели?“ Ну кругомъ, конечно, хохотъ... А потомъ и тотъ... тараканъ, какъ его называетъ княгиня Метта, тоже вмѣшался: „Это только у нихъ такія вещи возможны, у насъ никогда не допустили бы ничего подобнаго“. Одно слово—милашки.

— Идіоты!—презрительно выговорилъ Мухановъ и чувствуя, что его поднимаетъ и куда-то несетъ, закрылъ глаза. И вотъ—онъ уже подъ самымъ потолкомъ какой-то огромной, высокой, совсѣмъ пустой комнаты и начинаетъ по ней носиться медленно и плавно. Ему свободно и легко. Но быстрота полета усиливается, онъ становится неровнымъ, и Муханова начинаетъ бросать во всѣ стороны. У него захватываетъ дыханіе, кружится голова; но въ то самое мгновенье, какъ онъ готовъ потерять сознаніе, полетъ становится

медленнѣе, и Мухановъ тихо опускается внизъ. Онъ оглядывается. Какой-то тусклый, неопредѣленный свѣтъ не позволяетъ ничего различать. Со всѣхъ сторонъ—густой туманъ. Но не холодомъ и сыростью вѣетъ отъ него, а сухимъ, палящимъ зноемъ. Наверху какъ-будто свѣтлѣе... видны какіе-то просвѣты. Мухановъ весь горитъ, ему недостаетъ воздуха и хочется опять наверхъ, опять летать. Онъ дѣлаетъ движеніе, подобно птицѣ, собирающейся подняться—вытягиваетъ тѣло и голову—и съ радостью чувствуетъ, что отдѣляется отъ земли. Но теперь онъ двигается съ трудомъ. Вдругъ онъ сразу ослабѣваетъ и стремительно падаетъ внизъ... И опять въ ушахъ какой-то неопредѣленный гулъ, и опять онъ слышитъ голосъ Крупскаго:

— Ты напрасно упрямишься и не хочешь звать доктора. У тебя сильнѣйшій жаръ и ты поминутно забываешься. По моему, ты серьезно боленъ.

Мухановъ раздражительно поводитъ плечами.

— Отстань! Сказалъ—не хочу... Позвони и вели подать мнѣ пить.

Мухановъ простудился на похоронахъ Лены. Ее хоронили третьяго дня. Погода была отвратительная. Мухановъ шелъ до самаго кладбища съ непокрытой головою, и его продуло. Вчера онъ еще ходилъ. Сегодня утромъ, съ трудомъ одѣвшись, легъ на диванъ и пролежалъ цѣлый день. Его всего ломило и трясло, но онъ упрямо отказывался звать доктора. Онъ лежалъ, широко открывъ глаза, и по временамъ вздрагивалъ.

— Какъ старуха-то сказала? Ты помнишь?—проговорилъ онъ вдругъ, съ трудомъ повернувъ голову къ Крупскому.

— Охота тебѣ вспоминать всякій вздоръ,—отвѣтилъ тотъ, недовольно морщась.

Мухановъ саркастически усмѣхнулся.

— Не безпокойся. И самъ хорошо помню.

На похороны пріѣхала изъ Москвы Ленина мать. Она держала себя съ большимъ достоинствомъ и не вмѣшивалась ни въ какія распоряженія. Когда стали расходиться съ кладбища, она подошла къ Муханову и проговорила:

— Прощайте, сударь!—Но видя, что онъ не слышитъ и продолжаетъ стоять, не отрывая взгляда отъ только что засыпанной могилы, прикоснулась къ нему рукой.

Мухановъ вздрогнулъ и уставился на нее испуганными глазами.

— Молиться надо, сударь, — сказала она мягко.— Словъ нѣтъ, великій грѣхъ приняли на свою душу... Но Богъ милостивъ... можетъ и проститъ по молодости и неразумію вашему... А я, молясь о ней, и о васъ молиться буду... А ужъ это вы возьмите—она протянула ему чековую книжку, которую Мухановъ, переведя деньги на ея имя, послалъ ей утромъ,—нехорошія эти деньги и не подобаетъ мнѣ ими пользоваться.

Мухановъ вспыхнувъ, проговорилъ:—Простите, ради Бога,—и, низко склонившись предъ старухой, поспѣшно удалился.

Вотъ эти то слова онъ теперь и вспомнилъ.

— Великій грѣхъ приняли на свою душу, — тихо, словно про себя, выговорилъ онъ.—О, какая это правда. Какъ я чувствую ее и какъ страдаю... Боже мой, Боже мой!

Онъ застоналъ и лицо его свело судорогою муки.

Крупскій сдвинулъ брови и сказалъ серьезно:

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты боленъ не только физически, но и нравственно... Каждый разумный и мыслящій человѣкъ тебѣ скажетъ, что ты ни въ чемъ

не виноватъ и что терзанія твои безсмысленны и глупы, — терзанія ребенка, неспособнаго разсуждать. Ясно, какъ день, что если бы ты исполнилъ ея желаніе и дозволилъ ей пріѣхать, ты отсрочилъ бы этимъ катастрофу на нѣсколько часовъ, на день, быть можетъ на недѣлю даже, но все равно, она произошла бы. Не допустить того, что случилось, ты могъ лишь сойдясь съ нею опять; но это было невозможно, такъ какъ ты пересталъ ее любить. Слѣдовательно, ты виноватъ лишь въ томъ, что любовь твоя прошла; но это уже совсѣмъ глупо. Подумай хоть разъ обо всемъ этомъ, и ты увидишь самъ...

— Молчи, молчи!—перебилъ Мухановъ гнѣвнымъ голосомъ.—Оставь свои подлыя разсужденія. Не виноватъ... Такъ кто-же тогда виноватъ? Какое право имѣлъ я, зная свое пакостное сердце, подходить съ нимъ къ нѣжному, чистому созданію? Бѣжать отъ нея мнѣ слѣдовало... Какъ смѣлъ я ее любить, говорить ей о любви?

Онъ приподнялся и смотрѣлъ на Крупскаго воспаленнымъ сверкающимъ взоромъ. И столько муки и страданія лилось изъ этихъ широко-открытыхъ глазъ, что Крупскому стало не по себѣ. На мгновенье онъ опустилъ голову, но тотчасъ же потомъ возразилъ спокойно.

— Вздоръ! Странно, что приходится напоминать тебѣ избитыя истины. Сердцу, хотя бы—какъ ты говоришь—и пакостному, не запретишь любить; на то, чтобы перестать любить, оно также разрѣшенія не спроситъ. Что у нея было исключительно нѣжное, привязчивое сердце—я не спорю. И, конечно, если бы ты зналъ, прежде чѣмъ полюбить ее, что она не вынесетъ разрыва, ты могъ бы отойти. Но чтобы знать это, надо было быть святымъ духомъ.

— Слова, слова и слова!—воскликнулъ Мухановъ.— И все ложь! Неужели ты воображаешь, что я всего этого себѣ не говорилъ? Я тысячу разъ повторялъ себѣ это, а легче мнѣ, что-ли? Пойми ты, что я страдаю невыносимо, что у меня вотъ тутъ—онъ схватился за грудь—словно звѣрь какой сидитъ и деретъ безъ устали когтями и зубами, а въ головѣ, будто молотомъ, не переставая стучитъ: „Убійца, убійца, убійца!“ Что минуты забытья для меня единственныя минуты покоя и что я желаю, страстно желаю лишь одного—умереть!

Онъ откинулся на подушку. Его опять закружило и понесло. Потомъ отпустило... Онъ сидитъ за письменнымъ столомъ. Ночь. Кругомъ тишина. Уже поздно и пора спать. Но онъ помнитъ, что ему передъ сномъ надо что-то сдѣлать и что-то очень важное; но онъ забылъ, старается вспомнить и не можетъ. Вотъ-вотъ, кажется, сейчасъ вспомнитъ — и нѣтъ: опять какой-то туманъ. Онъ начинаетъ сердиться, и въ головѣ отъ напрасныхъ усилій появляется такая боль, что, кажется, она готова треснуть... Вдругъ дверь безшумно отворяется. Онъ взглядываетъ и холодѣетъ. На порогѣ стоитъ что-то огромное, чудовищное, что-то безформенное, но отвратительное. Онъ хочетъ схватить лежащій на столѣ револьверъ, но рука не поднимается,— хочетъ бѣжать, ноги не слушаются. Онъ застылъ, одеревенѣлъ, и только волосы на головѣ его шевелятся. Еще мигъ неописываемаго ужаса, страшнаго ожиданія, и на него обрушивается что-то холодное, мягкое, склизкое... Онъ чувствуетъ, какъ задыхается, и теряетъ сознаніе.

Крупскаго, разговаривавшаго въ сосѣдней комнатѣ съ камердинеромъ Муханова, всего передернуло отъ отчаяннаго крика, раздавшагося въ кабинетѣ, и онъ

со всѣхъ ногъ туда бросился. Мухановъ бѣшено метался, издавая хриплые стоны. Зубы его громко стучали. Крупскій схватилъ его за плечи и началъ трясти изо всѣхъ силъ. Наконецъ онъ открылъ глаза и съ выраженіемъ дикаго ужаса уставился на Крупскаго.

— Опомнись! Что съ тобой?

Мухановъ вытянулъ шею, какъ будто къ чему то прислушиваясь.

— То была смерть! То была смерть!—выговорилъ онъ прерывающимся шопотомъ.—О, какой ужасъ!

Онъ затрясся, закатилъ глаза и снова потерялъ сознаніе.

У Крупскаго что-то кольнуло въ сердцѣ. Онъ велѣлъ раздѣть Муханова и перенести на кровать. Потомъ, отправивъ телеграмму Галицкому, поѣхалъ въ полкъ за докторомъ.

XXVII.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Былъ конецъ мая. Мухановъ стоялъ у открытаго окна и съ безсознательной улыбкою смотрѣлъ предъ собою. Онъ улыбался пригожему солнечному дню, теплому вѣтерку, пріятно ласкавшему его разгоряченное лицо, а, главное, тому спокойному, радостному настроенію, въ которомъ находился. Онъ перенесъ долгую, опасную болѣзнь, только недавно сталъ выходить и былъ весь еще полонъ радостнымъ чувствомъ возвращенія къ жизни. Прошлое—воспоминаніе о Ленѣ — болѣе его не мучило и не тревожило. Теперь оно являлось ему подъ легкой дымкою грусти. Онъ словно проснулся отъ долгаго сна, проснулся свѣжимъ и бодрымъ, и жизнь пріобрѣла для него прелесть новизны, все окружающее казалось ин-

тереснымъ и новымъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ прямо предъ нимъ, по крышѣ цирка лазали какіе-то люди — рабочіе. Одинъ невѣрный шагъ, неосторожное движеніе — и каждый изъ нихъ могъ слетѣть и разбиться. И его, только что избѣжавшаго смерти, эта дерзкая храбрость ужасала. Ему стало даже жутко туда смотрѣть и онъ перевелъ взглядъ на рѣку. Равняясь съ его окномъ, тяжело шла барка съ дровами. По концамъ ея два дюжихъ парня отпихивались длинными шестами и во все горло переругивались. Мухановъ съ интересомъ вслушивался въ безсмысленный наборъ словъ и даже усмѣхнулся, когда одинъ изъ парней — постарше—выкрикнулъ такое трехъаршинное словечко, что другой, опустивъ шестъ и снявъ шапку, съ недоумѣніемъ почесалъ затылокъ.

Барка прошла. Обгоняя ее, промелькнула синяя лодка, съ двумя гребцами въ однихъ жилетахъ и съ женщиной въ платочкѣ на рулѣ, и Мухановъ сталъ думать о томъ, что послѣзавтра онъ уѣдетъ изъ Петербурга. Его рѣшеніе покончить съ прежнею жизнью, за періодъ выздоровленія, когда ему пришлось много объ этомъ думать, — еще болѣе окрѣпло. Онъ только что завтракалъ у Галицкаго, пріѣхавшаго на-дняхъ для окончательныхъ распоряженій по разводу. Какъ разъ во время завтрака было получено письмо отъ присяжнаго повѣреннаго, который велъ дѣло. Онъ писалъ, что всѣ препятствія устранены и что присутствіе Галицкаго болѣе не нужно. Тутъ же на общемъ совѣтѣ — съ Галицкимъ пріѣхала и Вѣра—отъѣздъ былъ назначенъ на послѣзавтра. Онъ, Мухановъ, ѣдетъ вмѣстѣ съ ними въ Нагорное, поживетъ тамъ пока поживется, посмотритъ, поучится и затѣмъ — къ себѣ въ имѣніе. „Но какая прелесть эта Вѣра. Счастливецъ Галицкій...

А отъ Лидіи — такъ-таки ничего... Ни слуха, ни духа“. И только что онъ это подумалъ, какъ его покойное настроеніе исчезло, и онъ нахмурился.

Хотя Мухановъ сознавалъ очень ясно, что разъ онъ рѣшилъ покончить съ Петербургомъ и петербургскою жизнію навсегда, ему до Лидіи Петровны не должно было быть никакого дѣла, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ выздоравливалъ и чувствовалъ себя сильнѣе, онъ думалъ о ней все чаще и чаще. Онъ зналъ о Лидіи Петровнѣ лишь то, что она живетъ вмѣстѣ съ матерью въ Царскомъ, — живетъ очень скромно, почти никого не принимая. О томъ, что онъ былъ боленъ, чуть не умеръ, она знала отъ Галицкаго, который, вызванный телеграммой Крупскаго, пріѣхалъ немедленно и оставался до тѣхъ поръ, пока не миновала опасность. Но потомъ онъ уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ Лидія Петровна ни разу не прислала даже справиться объ его, Муханова, здоровьѣ. Очевидно, она забыла объ его существованіи. И хотя Мухановъ понималъ, что это наилучшій исходъ,—такое забвеніе со стороны женщины, увѣрявшей, что она его любитъ, жить безъ него не можетъ, было ему очень непріятно. И вмѣстѣ съ тѣмъ его тянуло къ ней, ему страшно хотѣлось ее видѣть. Всѣми силами старался онъ подавить въ себѣ это желаніе, и до сихъ поръ это ему удавалось. Но вчера онъ все-таки смалодушничалъ и вечеромъ поѣхалъ въ Павловскъ, увѣряя себя, что ѣдетъ, какъ и всѣ прочіе, чтобы подышать воздухомъ и послушать музыку. Но Лидіи Петровны тамъ не было, и Мухановъ вернулся въ отвратительнѣйшемъ расположеніи духа. Вообще, на фонѣ его бодраго и жизнерадостнаго настроенія мысль о Лидіи Петровнѣ являлась единственнымъ темнымъ облачкомъ; но облачко это постепенно

росло, быстро превращалось въ тучу и противъ этого Мухановъ чувствовалъ себя безсильнымъ.

Опустивъ голову, онъ заходилъ по комнатѣ. „Люблю, люблю глубоко и сильно. Жить безъ васъ не могу“, вспоминалъ онъ последнее свиданіе. „Вѣрь имъ послѣ этого“. Онъ опять остановился у окна и сталъ смотрѣть на небо. Уже давно надвигавшаяся большая свинцовая туча захватила теперь своимъ краемъ солнце. Еще минута — и все кругомъ потемнѣло. Вдали глухо, чуть слышно зарокоталъ громъ.

„Гроза... Хорошо. Освѣжитъ воздухъ, а то черезчуръ жарко“, подумалъ Мухановъ и обернулся на шумъ отворяемой двери. Обернулся — и остолбенѣлъ. Въ дверяхъ стояла Лидія Петровна, а за ней виднѣлось растерянное лицо лакея, котораго она не допустила до доклада. Кивнувъ лакею, она притворила дверь и, не двигаясь, молча смотрѣла на Муханова.

— Здравствуйте, — сказала она наконецъ тихо. — Вы, кажется, меня не узнаете?

— Вы? Вы! — могъ только выговорить Мухановъ, продолжая на нее смотрѣть широко-открытыми глазами.

Лидія Петровна засмѣялась дѣланнымъ смѣхомъ.

— Ну да, я... что вы на меня смотрите, какъ на выходца съ того свѣта? Неужели вы всѣхъ своихъ гостей такъ нелюбезно встрѣчаете?.. Вотъ что однако, или гоните меня сейчасъ же, или позвольте мнѣ снять шляпу. Я пришла и мнѣ очень жарко.

Она подошла къ зеркалу и медленнымъ движеніемъ стала снимать перчатки.

Мухановъ слѣдилъ за нею растеряннымъ взглядомъ. Сердце его болѣзненно сжималось. „Зачѣмъ она пришла? Что ей надо?“ почти съ отчаяньемъ думалъ онъ. Онъ чувствовалъ, какъ на него надвигается что-то

мрачное, страшное, что ему надо бѣжать, — бѣжать безъ оглядки, иначе онъ погибнетъ. Но онъ не двигался и жадными глазами смотрѣлъ на молодую женщину, которая, снявъ шляпу, наклонилась къ зеркалу, поправляя спутавшіеся на лбу волосы. „Какъ она хороша. Какъ хороша".

Лидія Петровна отошла отъ зеркала и сѣла. Она долгимъ взглядомъ окинула Муханова и потомъ проговорила съ упрекомъ:

— Право же, это нехорошо такъ молчать.

— Да, да, — сказалъ Мухановъ торопливо и опять замолчалъ. „Надо предложить ей чаю", подумалъ онъ; но вмѣсто этого и совсѣмъ неожиданно выговорилъ глухо:

— Зачѣмъ вы пришли?

Лидія Петровна вздрогнула.

— Зачѣмъ я пришла?—повторила она.—А затѣмъ,— и голосъ ея задрожалъ,—что я изстрадалась и больше не могу.

Она поблѣднѣла и тяжелымъ, неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла предъ собою, мимо Муханова.

— Я думала, что вы умрете,—продолжала она, словно про себя.—Но это все равно... Потомъ я узнала, что вы уѣзжаете... и вотъ... пришла. Да... я больше не могу.

Она нервно потянулась, встала и направилась къ окну.

Не глядя на нее, Мухановъ чувствовалъ ея приближеніе, чувствовалъ, что она стоитъ тутъ, около него, и на него смотритъ. Онъ чувствовалъ это по тому, какъ быстро двигалась и закипала его кровь, по болѣзненно-жгучему ощущенію въ сердцѣ. Въ головѣ его все перепуталось. Онъ стоялъ, опустивъ глаза и безсмысленно повторяя про себя: „Боже мой! Боже

мой!“ Наконецъ не выдержалъ и поднялъ голову. Глаза ихъ встрѣтились. Въ расширенныхъ зрачкахъ длинныхъ голубыхъ глазъ прыгали искорки. И въ глазахъ Муханова загорѣлись такія же.

„Вотъ сейчасъ!—Вотъ—вотъ!“ подумала Лидія Петровна. Она отвела глаза, губы ея сложились въ напряженную, болѣзненную усмѣшку, а лицо приняло жалкое, покорное выраженіе. И вдругъ, вытянувъ впередъ руку, она выговорила не своимъ, прозвенѣвшимъ, какъ натянутая струна, голосомъ:

— Смотрите... дождь идетъ...

— Да, идетъ!..—съ глубокимъ вздохомъ повторилъ Мухановъ. Судорога сжала ему горло. Онъ что-то пробормоталъ и чувствуя, какъ летитъ куда-то въ бездну, шагнулъ къ Лидіи Петровнѣ, грубымъ движеніемъ загнулъ ей голову и горячими губами впился въ ея полуоткрытый ротъ.

XXVIII.

Когда Галицкому, за полчаса до отъѣзда на вокзалъ, подали письмо Муханова, онъ, прочитавъ его, развелъ руками и съ недоумѣвающимъ видомъ передалъ его Вѣрѣ.

Вѣра прочла и усмѣхнулась.

— Знаешь, я это предчувствовала,—сказала она.— Мнѣ всегда почему то казалось, что изъ всѣхъ его плановъ и намѣреній ничего не выйдетъ.

— И ничего не поймешь!—выговорилъ Галицкій съ сердцемъ. — Въ какой то омутъ попалъ... Счастливъ — но ты меня пожалѣй... Чортъ знаетъ, что такое!

Онъ прочелъ вслухъ:

„Мнѣ больно и стыдно,—ты не можешь себѣ пред-

ставить, какъ мнѣ больно и стыдно писать тебѣ это... но ѣхать съ вами я не могу. Я опять попалъ въ омутъ, изъ котораго врядъ ли теперь уже выберусь. Я не хотѣлъ тебѣ даже писать — о личномъ свиданіи не могло быть и рѣчи — но потомъ испугался, что ты, увидавъ, что меня нѣтъ на вокзалѣ, Богъ знаетъ, что можешь подумать, будешь безпокоиться и, чего добраго рѣшишь остаться, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Но повторяю, видѣться съ тобою теперь я рѣшительно не въ состояніи, безпокоиться обо мнѣ также нечего, такъ какъ страшнаго со мною ничего не случилось. Напротивъ — я счастливъ... Но ты, все-таки, меня пожалѣй.

— „Я счастливъ, но ты меня пожалѣй",—повторила Вѣра.—Очевидно, опять женщина.

— Ну, въ такомъ случаѣ Крупскій правъ, что изъ него никогда ничего не выйдетъ.

И Галицкій махнулъ рукой.

— А я рада, что такъ случилось, т. е., что онъ къ намъ не попалъ,—сказала Вѣра.

— Почему это?—удивился Галицкій.

— Потому... потому, — она замялась. — Послѣднее время онъ сталъ такъ на меня смотрѣть—мы, женщины, на этотъ счётъ вѣдь очень чутки—что... ну, да ты понимаешь...

— Вотъ какъ? Даже и на тебя,—засмѣялся Галицкій.—Этого, признаться, даже и отъ него я не ожидалъ... Но ты права, ничего хорошаго изъ этого не вышло бы. Я могъ уступить ему Лидію, но тебя...

Онъ привлекъ ее къ себѣ, и глаза его загорѣлись.

— Что ты. Перестань. Сейчасъ придутъ за вещами,— смѣясь говорила Вѣра, стараясь освободиться изъ его сильныхъ рукъ.—Пора ѣхать.

На вокзалѣ,—они были уже въ вагонѣ,—Галицкій увидѣлъ Крупскаго и окликнулъ его.

— Что это у васъ какой радостный видъ, точно у именинника?— спросила Вѣра, пока Крупскій чрезъ окно цѣловалъ ея руку.

— Ужъ не произвели-ли тебя, чего добраго, въ генералы?—усмѣхнулся Галицкій.

— Вѣрно, угадалъ,—отвѣтилъ весело Крупскій.— Завтра выйдетъ приказъ о производствѣ, съ назначеніемъ одновременно губернаторомъ въ Ф...

— Ну, поздравляю,—сказалъ Галицкій, крѣпко пожимая ему руку. Теперь и до министра недолго, а?

— Ну, все-таки. Но въ настоящую минуту я радуюсь главнымъ образомъ другому... Ха-ха-ха! Двоюродный братецъ-то приказалъ кланяться... взлетѣлъ. Ха-ха-ха!

— А ты ужъ знаешь?.. Но въ чемъ дѣло и почему „взлетѣлъ“? Мнѣ онъ написалъ какое-то совсѣмъ дикое письмо, изъ котораго ничего не поймешь.

— На крыльяхъ любви взлетѣлъ,—пояснилъ Крупскій, широко улыбаясь.

— Я говорила,—замѣтила Вѣра.—Но... кто-же?

— Неужели не догадались?

— Лидія...

— Всеконечно. Вчера вечеромъ встрѣтилъ ихъ на островахъ. Ѣдутъ и такъ другъ друга и ѣдятъ глазами... А помнишь? Отставка, общее благо, служеніе человѣчеству... Да и ты хорошъ... „Изъ него можетъ выйти толкъ, онъ тяготится своею теперешнею жизнью...“ Все и оказалось вздоромъ. А суть была въ томъ, что онъ просто-напросто усталъ „любить“, за время же болѣзни—отдохнулъ... Теперь съ новыми силами такъ залюбитъ, что небу жарко станетъ... Однако, прощайте...

Animam levavi, не могъ не похвастаться—но прощальныхъ звонковъ не терплю.—Онъ задержалъ протянутую Вѣрой руку и, перемѣнивъ тонъ, выговорилъ:

— Странно! Богъ знаетъ, когда мы теперь съ вами увидимся, хотѣлось бы на прощанье пожелать вамъ чего-нибудь хорошаго и... рѣшительно не нахожу чего. Впрочемъ... маленькаго гражданина развѣ.

— Даже хотя бы гражданку,—замѣтилъ весело Галицкій.—И отъ нея не откажемся.

— А въ концѣ концовъ мнѣ обидно на васъ смотрѣть... Да,—кивнулъ онъ въ отвѣтъ на вопросительно-недоумѣвающій взглядъ Вѣры:—обидно и досадно... Видѣть людей, которымъ не только нечего пожелать, но которые и сами себѣ ничего пожелать не могутъ—это такой ударъ моему пессимизму, отъ котораго онъ чувствуетъ себя пренеловко, а потому... надо скорѣй удаляться. Прощайте.

— Сильный человѣкъ и свѣтлая голова,—сказалъ Галицкій вдумчиво, глядя ему вслѣдъ.

— Ты такъ это сказалъ, словно ему завидуешь,—замѣтила Вѣра.—А ты у меня развѣ не сильный?—И она нѣжно къ нему прижалась.

Раздался звонокъ. Мимо нихъ прошмыгнулъ кондукторъ. Поѣздъ звякнулъ и плавно двинулся. Они вошли въ отдѣленіе.

— Сильный!—сказалъ Галицкій.—А вотъ чуть не свихнулся, и не будь тебя...

Онъ обнялъ и привлекъ ее къ себѣ.

— И чѣмъ это у тебя волосы пахнутъ? Ихъ запахъ меня каждый разъ одуряетъ...

Она опустила голову ему на плечо.

— Ты точно пьянъ сегодня, Борисъ,—прошептала она, радостно улыбаясь.

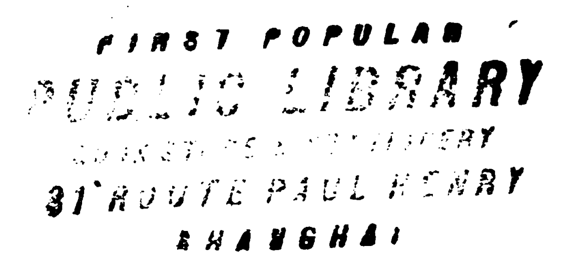
— Да. Пьянъ отъ тебя, пьянъ отъ полноты нашего счастья, пьянъ отъ сознанія, что развязался навсегда съ этимъ городомъ, пьянъ, наконецъ, отъ мысли о будущихъ гражданахъ и гражданкахъ... Вѣдь ихъ будетъ много... да?

И, поднявъ ей голову, онъ съ глубокою нѣжностью заглядывалъ ей въ глаза.

— Да, да... Сколько захочешь,—краснѣя выговорила она.—Но теперь пусти, сейчасъ придутъ за билетами.

Они сѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и долго молчали. И такъ имъ было хорошо, что когда явился кондукторъ и, приложивъ руку къ козырьку, мягко произнесъ: „Позвольте ваши билетики", они встрѣтили его, какъ друга, привѣтливой улыбкой.

Конецъ.

Того же автора:

ВЪ СМУТНЫЕ ДНИ.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб.

СЕМЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ЕГИПТѢ И ПАЛЕСТИНѢ.

ОЧЕРКИ и ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Цѣна 1 р. 50 к.

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
A 000 839 391 0

